

ГАЙ САЛЛЮСТИЙ КРИСП

СОЧИНЕНИЯ

C. SALLVSTI CRISPI

OPERA

ГАЙ САЛЛЮСТИЙ КРИСП

СОЧИНЕНИЯ

ПЕРЕВОД, СТАТЬЯ И КОММЕНТАРИИ

В. О. ГОРЕНШТЕЙНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1984

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ПАМЯТНИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ»

В. И. Буланов (заместитель председателя), *Б. Г. Вебер*, *В. М. Далин*,
А. И. Данилов, *С. С. Дмитриев*, *Е. М. Жуков* (председатель),
А. П. Новосельцев, *М. В. Нечкина*, *Т. И. Ойзерман*, *В. Т. Пашуго*,
Л. Н. Пушкарев, *А. И. Розов*, *В. И. Рутенбург*, *В. В. Соколов*,
Э. В. Удальцова, *Н. Н. Чебоксаров*, *С. О. Шмидт*,
Б. Л. Фонкич (ученый секретарь)

Секретарь серии

Е. К. Бугровская

Ответственный редактор

Е. М. ШТАЕРМАН

Гай Саллюстий Крисп

О ЗАГОВОРЕ КАТИЛИНЫ

1. (1) Всем людям, стремящимся отличиться от остальных, следует всячески стараться не прожить жизнь безвестно, подобно скотине, которую природа создала склоненной к земле и покорной чреву¹. (2) Вся наша сила ведь — в духе и теле: дух большей частью повелитель, тело — раб²; первый у нас — общий с богами, второе — с животными. (3) Поэтому мне кажется более разумным искать славы с помощью ума, а не тела, и, так как сама жизнь, которой мы радуемся, коротка, оставлять по себе как можно более долгую память³. (4) Потому что слава, какую дают богатство и красота, скоротечна и непрочна, доблесть же — достояние блистательное и вечное.

(5) Люди издавна ведут яростный спор о том, чему больше обязано своими успехами военное дело: физической ли силе или доблести духа? (6) Ибо, прежде чем начинать, надо подумать, а подумав — действовать быстро⁴. (7) Так и то и другое, недостаточное само по себе, нуждается во взаимной помощи.

2. (1) И вот вначале цари (а на земле власть сперва обозначали так)⁵, следуя своим противоположным склонностям, развивали одни — природный ум, другие — тело. Тогда люди еще жили, не зная честолюбия, каждый был доволен своей судьбой. (2) Но когда в Азии Кир⁶, в Греции лакедемоняне и афиняне начали захватывать города и покорять народы⁷, когда поводом к войне стала жажда господства, когда величайшую славу усматривали в величайшей власти, только тогда люди на основании собственного опыта и деятельности поняли, что на войне важнее всего ум. (3) И если бы у царей и властителей⁸ доблесть духа была в мирное время столь же сильна, как и в военное, то дела человеческие протекали бы более размеренно и гладко и мы бы не видели, как одно увлекается в одну, другое в другую сторону, как все сменяется и смешивается. (4) Ведь власть легко сохранить теми же средствами, какими она была достигнута. (5) Но когда на смену труду пришла леность, на смену сдержанности и справедливости — необузданность и гордыня, их судьба изменилась одновременно с их нравами. (6) Так власть всегда передается к лучшему человеку от худшего.

(7) То, чего люди достигают, возделывая землю, плавая по морям, возводя строения, зависит от доблести. (8) И вот многие, рабы своего чрева и любители поспать, невежественные,

и неотесанные, провели жизнь подобно путешественникам; для них, конечно, наперекор природе⁹⁻¹⁰, тело служит для наслаждения, а душа — бремя. Их жизнь и их смерть я оцениваю одинаково, так как об обеих хранится молчание. (9) Но действительно живущим и наслаждающимся жизнью я считаю только того, кто ревностно отдаваясь какому-либо делу, ищет доброй молвы о своих достославных деяниях или прекрасных качествах.

3. (1) Но ввиду множества дел природные склонности одному указывают один путь, другому другой. Прекрасно — достойно служить государству, не менее важно достойно говорить о нем. И в мирное и в военное время прославиться можно, и восхваляют многих из тех, кто совершил деяния сам и кто чужие деяния описал. (2) При этом мне самому (хотя писателя и деятеля венчает далеко не одинаковая слава) описание подвигов все же кажется весьма трудным делом: во-первых, потому, что деяния надо описывать подходящими словами, затем, так как большинство людей, если ты что-нибудь осудишь, сочтет, что это сказано по недоброжелательности и из зависти; если же ты упомянешь о великой доблести и славе честных людей, то каждый равнодушно примет то, что, он, по его мнению, и сам может легко совершить; но то, что превыше этого, признаёт вымышленным и ложным.

(3) Меня самого, подобно многим, еще совсем юнцом охватило стремление к государственной деятельности, и у меня здесь было много огорчений. Ибо вместо совестливости, воздержности, доблести процветали наглость, подкупы, алчность. (4) Хотя в душе я и презирал все это, не склонный к дурному поведению, однако в окружении столь тяжких пороков моя неокрепшая молодость, испорченная честолюбием, им не была чужда. (5) И меня, осуждавшего дурные нравы других, тем не менее мучила такая же жажда почестей¹¹, которая заставляла их страдать от злоречия и ненависти.

4. (1) И вот, когда мой дух успокоился после многих несчастий и испытаний¹² и я решил прожить остаток жизни вдали от государственных дел, у меня не было намерения ни тратить свой добрый досуг¹³, предаваясь лени и праздности, ни проводить жизнь, усиленно занимаясь земледелием и охотой — обязанностями рабов¹⁴; (2) нет, вернувшись к тому же начинанию и склонности своей молодости, от которых меня когда-то отвлекло дурное честолюбие, я решил описать по частям деяния римского народа, насколько те или другие из них казались мне достойными упоминания, тем более что духом я был свободен от надежд, страхов и не принадлежал ни к одной из сторон, существовавших в государстве¹⁵. (3) Итак, с правдивостью, с какой только смогу, коротко поведаю о заговоре Катилины; (4) ведь именно это злодеяние сам я считаю наиболее памятным из всех по беспримерности преступления и его опасности для государства¹⁶. (5) Пре-

жде чем начинать повествование, считаю нужным вкратце рассказать о нравах этого человека.

5. (1) Луций Катилина, человек знатного происхождения¹⁷, отличался большой силой духа и тела, но злым и дурным нравом. (2) С юных лет ему были по сердцу междоусобные войны, убийства, грабежи, гражданские смуты, и в них он и провел свою молодость¹⁸. (3) Телом он был невероятно вынослив в отношении голода, холода, бодрствования¹⁹. (4) Духом был дерзок, коварен, переменчив, мастер притворяться и скрывать что угодно, жаден до чужого, расточитель своего, необуздан в страстях; красноречия было достаточно, разумности мало. (5) Его неумный дух всегда стремился к чему-то чрезмерному, невероятному, исключительному. (6) После единовластия Луция Суллы²⁰ его охватило неистовое желание встать во главе государства, но как достичь этого — лишь бы только заполучить царскую власть²¹, — ему было безразлично. (7) С каждым днем все сильнее возбуждался его необузданный дух, подстрекаемый недостатком средств²² и сознанием совершенных преступлений; и то и другое усиливалось из-за его наклонностей, о которых я уже говорил. (8) Побуждали его, кроме того, и испорченные нравы гражданской общины, страдавшие от двух наихудших противоположных зол: роскоши и алчности²³.

(9) Так как случай напомнил мне о нравах гражданской общины, то самый предмет, мне кажется, заставляет вернуться назад и вкратце рассмотреть установления наших предков во времена мира и войны: как они правили государством и сколь великим оставили его нам; как оно, постепенно изменяясь, из прекраснейшего <и наилучшего> стало швернейшим и опозорившимся.

6. (1) Город Рим, насколько мне известно, основали и вначале населяли троянцы, которые, бежав под водительством Энея из своей страны, скитались с места на место, а с ними и аборигены, дикие племена, не знавшие ни законов, ни государственной власти, свободные и никем не управляемые²⁴. (2) Когда они объединились в пределах городских стен²⁵, то они, хотя и были неодинакового происхождения, говорили на разных языках, жили каждый по своим обычаям, все же слились воедино с легкостью, какую трудно себе представить: <так в короткое время разнородная, и притом бродячая, толпа благодаря согласию стала гражданской общиной>.

(3) Но когда их государство, в котором умножилось число граждан, улучшились нравы, появились новые земли, стало казаться достаточно процветающим и достаточно могущественным, то, как очень часто случается, благоденствие породило зависть. (4) И вот соседние цари и народы²⁶ стали войнами испытывать их мощь; из их друзей помощь им оказывали немногие; остальные, охваченные страхом, держались вдали от опасностей.

(5) Но римляне и у себя дома, и на войне были настороже: спешили, готовились, ободряли друг друга, выступали навстречу врагам, оружием защищали свободу, родину и родителей. Впоследствии, доблестью своей отвратив опасности, они приходили на помощь союзникам и друзьям и, не столько получая, сколько оказывая услуги, завязывали дружеские отношения. (6) Власть у них была основана на законах²⁷, образ правления назывался царским. Избранные мужи, с годами ослабевшие телом, но благодаря своей мудрости сильные умом, заботились о благополучии государства. Их ввиду их возраста или сходства обязанностей именовали отцами. (7) Позднее, когда царская власть, сперва служившая охране свободы и расширению государства, превратилась в высокомерный произвол²⁸, то после изменения образа правления был установлен годичный срок власти и избирали двух правителей²⁹; предки наши думали, что благодаря этому человек никак не может возгордиться ввиду своей непомерной власти.

7. (1) С тех пор каждый начал преувеличивать свои достоинства и все более и более кичиться своими способностями. (2) Ибо царям честные люди подозрительнее, чем дурные, и чужая доблесть всегда их страшит. (3) Но трудно поверить, в сколь краткий срок гражданская община усилилась, достигнув свободы, и сколь великая жажда славы овладела людьми. (4) Вначале юношество³⁰, как только становилось способно переносить тяготы войны, обучалось в трудах военному делу в лагерях, и к прекрасному оружию и боевым коням его влекло больше, чем к распутству и пирушкам. (5) Поэтому для таких мужей не существовало ни непривычного труда, ни недоступной и непроходимой местности, ни внушающего страх вооруженного врага; их доблесть превозмогала все. (6) Но между собой они энергично соперничали из-за славы; каждый спешил поразить врага³¹, взойти на городскую стену³², совершить такой подвиг на глазах у других; это считали они богатством, добрым именем и великой знатностью³³. До похвал они были жадны, деньги давали щедро, славы желали великой, богатств — честных. (7) Я мог бы напомнить, в каких местах римский народ малыми силами разбил многочисленные полчища врагов, какие природой укрепленные города взял с боя, если бы это не отвлекло нас слишком далеко от нашего замысла.

8. (1) Но Фортуна³⁴ властвует, конечно, во всяком деле; она не столько по справедливости, сколько по своему произволу все возвышает или оставляет в тени. (2) Подвиги афинян, по моему мнению, были достаточно блистательны и великолепны, но гораздо менее значительны, чем о них говорит молва. (3) Но так как в Афинах появились писатели чрезвычайного дарования³⁵, то деяния афинян и прославляются во всем мире как величайшие. (4) Поэтому доблесть тех, кто совершил деяния, оценивается так высоко, как ее только смогли превознести выдающиеся умы

(5) Но у римского народа никогда не было таких людей³⁶, так как все самые дальновидные были и самыми занятыми; умственный труд всегда сопровождался упражнениями для тела; все лучшие люди предпочитали действовать, а не говорить, — чтобы другие прославляли их подвиги, а не сами они рассказывали о чужих.

9. (1) И так, и во времена мира, и во времена войны добрые нравы почитались, согласие было величайшим, алчность — наименьшей. Право и справедливость зиждились на велении природы в такой же мере, в какой и на законах³⁷. (2) Ссоры, раздоры, неприязнь — это было у врагов; граждане соперничали между собой в доблести. Во время молебствий они любили пышность, в частной жизни были бережливы³⁸, друзьям — верны. (3) Двумя качествами — храбростью на войне и справедливостью после заключения мира — они руководствовались, управляя государством. (4) Вот какими весьма вескими доказательствами этого я располагаю: во время войны тех, кто вопреки приказанию вступил в бой с врагом и, несмотря на приказ об отходе, задержался на поле битвы, карали чаще,³⁹ чем тех, кто осмелился покинуть знамена⁴⁰ и, будучи опрокинут, вынужден был отступить; (5) но во времена мира они правили не столько страхом, сколько милостями⁴¹, и, испытав обиду, предпочитали прощать, а не преследовать за нее.

10. (1) Но когда государство благодаря труду и справедливости увеличилось, когда могущественные цари были побеждены в войнах⁴², дикие племена и многочисленные народы покорены силой, Карфаген, соперник Римской державы, разрушен до основания⁴³ и все моря и страны открылись для победителей, то Фортуна начала свирепствовать и все ниспровергать. (2) Кто ранее легко переносил труды, опасности, сомнительные и даже трудные обстоятельства, для тех досуг и богатства, желанные в иных случаях, становились бременем и несчастьем. (3) И вот, сначала усилилась жажда денег, затем — власти; все это было как бы главной пищей для всяческих зол. (4) Ибо алчность уничтожила верность слову, порядочность и другие добрые качества; вместо них она научила людей быть гордыми, жестокими, продажными во всем и пренебрегать богами. (5) Честолюбие побудило многих быть лживыми, держать одно затаенным в сердце, другое — на языке готовым к услугам⁴⁴, оценивать дружбу и вражду не по их сути, а по их выгоде и быть добрыми не столько в мыслях, сколько притворно⁴⁵. (6) Вначале это усиливалось постепенно, иногда каралось; впоследствии, когда людей поразила зараза, подобная мору, гражданская община изменилась; правление из справедливейшего и наилучшего стало жестоким и нестерпимым.

11. (1) Но вначале честолюбие мучило людей больше, чем алчность, и все-таки оно, хотя это и порок, было ближе к доблести. (2) Ибо славы, почестей, власти жаждут в равной мере и до

блестный, и малодушный человек; но первый добивается их по правильному пути; второй, не имея благих качеств, действует хитростью и ложью. (3) Алчности свойственна любовь к деньгам, которых не пожелал бы ни один мудрый; они, словно пропитанные злыми ядами, изнеживают тело и душу мужа; алчность всегда безгранична, ненасытна и не уменьшается ни при изобилии, ни при скудости⁴⁶.

(4) Когда Луций Сулла, силой оружия захватив власть в государстве, после хорошего начала закончил дурно, все начали хватать, тащить; один желал иметь дом, земли — другой, причем победители не знали ни меры, ни сдержанности, совершали против граждан отвратительные и жестокие преступления⁴⁷⁻⁴⁸.

(5) К тому же Луций Сулла, дабы сохранить верность войска, во главе которого он стоял в Азии⁴⁹, вопреки обычаю предков содержал его в роскоши и чересчур вольно. В приятной местности, доставлявшей наслаждения, суровые воины, жившие в праздности, быстро развратились. (6) Там впервые войско римского народа привыкло предаваться любви, пьянствовать, восторгаться статуями, картинами, чеканными сосудами, похищать их в частных домах и общественных местах, грабить святилища, осквернять все посвященное и не посвященное богам⁵⁰. (7) Таким образом, эти солдаты, одержав победу, ничего не оставили побежденным. (8) Ибо удачи ослабляют дух даже мудрых. Как же люди с испорченными нравами могли сохранить самообладание, будучи победителями?

12. (1) Когда богатства стали приносить почет и сопровождаться славой, властью и могуществом, то слабость начала доблесть, бедность — вызывать презрение к себе, бескорыстие — считаться недоброжелательностью. (2) И вот из-за богатства развращенность и алчность наряду с гордыней охватили юношество, и оно бросилось грабить, тратить, ни во что не ставить свое, желать чужого, пренебрегать совестливостью, стыдливостью, божескими и человеческими законами, ни с чем не считаться и ни в чем не знать меры. (3) Стоит, осмотрев дома и усадьбы, возведенные наподобие городов⁵¹, взглянуть на храмы богов, построенные нашими предками, благочестивейшими из смертных. (4) Ведь они украшали святилища набожностью, дома свои — славой и побежденных лишали одной только свободы совершать противозакония. (5) А наши современники, трусливейшие люди, преступнейшим образом отбирают у союзников все, что храбрейшие мужи как победители им когда-то оставили; как будто совершать противозакония и значит осуществлять власть.

13. (1) Надо ли упоминать о том, чему может поверить только очевидец, — что многие частные лица сравнивали с землей горы, моря мостили?⁵² (2) Для них, мне кажется, забавой были богатства; ведь они могли бы с честью ими владеть, а торопились растратить их позорно. (3) Далее, их охватила не

меньшая страсть к распутству, обжорству и иным удовольствиям: мужчины стали вести себя как женщины, женщины — открыто торговать своим целомудрием. Чтобы разнообразить свой стол, они обшаривали землю и море⁵³; ложились спать до того, как их начинало клонить ко сну; не ожидали ни чувства голода или жажды, ни холода, ни усталости, но в развращенности своей предупреждали их появление. (4) Все это, когда собственных средств уже не хватало, толкало молодежь на преступления. (5) Человеку, преисполненному дурных качеств, нелегко было отказать от своих прихотей; тем безудержнее предавался он стяжанию и всяческому тратам.

14. (1) В столь большой и столь развращенной гражданской общине Катилина (сделать это было совсем легко) окружил себя гнусностями и преступлениями, словно отрядами телохранителей⁵⁴. (2) Ибо любой развратник, прелюбодей, завсегдатай харчевен, который игрой в кости, чревоугодием, распутством растратил отцовское имущество и погряз в долгах, дабы откупиться от позора или от суда, (3) кроме того, все паррициды⁵⁵ любого происхождения, святотатцы⁵⁶, все осужденные по суду или опасющиеся суда за свои деяния, как и те, кого кормили руки и язык лжесвидетельствами или убийствами граждан, наконец, все те, кому позор, нищета, дурная совесть не давали покоя, были близкими Катилине и своими людьми для него⁵⁷. (4) А если человек, еще не виновный ни в чем, оказывался в числе друзей Катилины, то он от ежедневного общения с ними и из-за соблазнов легко становился равен и подобен другим. (5) Но более всего Катилина старался завязывать дружеские связи с молодыми людьми; их, еще податливых и нестойких, легко было опутать коварством. (6) Ибо в соответствии с наклонностями каждого, в зависимости от его возраста Катилина одному предоставлял развратных женщин и юношей, другому покупал собак и лошадей⁵⁸, словом, не жалел денег и не знал меры, только бы сделать их обязанными и преданными ему. (7) Кое-кто, знаю я, даже думал, что юноши, посещавшие дом Катилины, бесчестно торговали своим целомудрием; но молва эта была основана не столько на кем-то собранных сведениях⁵⁹, сколько на чем-то другом.

15. (1) Уже в ранней молодости Катилина совершил много гнусных прелюбодеяний — со знатной девушкой, со жрицей Весты⁶⁰ и другие подобные проступки, нарушив законы божеские и человеческие. (2) Впоследствии его охватила любовь к Аврелии Орестилле⁶¹, в которой, кроме ее красоты, человек порядочный похвалить не мог бы ничего; но так как она, боясь иметь взрослого пасынка, не решалась вступить с ним в брак, Катилина (в этом не сомневается никто), убив сына, освободил дом для преступного брака⁶². (3) Именно это обстоятельство, по моему мнению, и послужило главной причиной, заставившей его то-

рониться со своим злодеянием. (4) Ведь его мерзкая душа, враждебная богам и людям, не могла успокоиться ни бодрствуя, ни отдыхая: до такой степени угрызения совести изнурили его смятенный ум. (5) Вот почему лицо его было без кровинки, блуждал его взор, то быстрой, то медленной была походка⁶³. Словом, в выражении его лица сквозило безумие.

16. (1) Итак, юношей, которых Катилина, как мы уже говорили, к себе привлек, он многими способами обучал преступлениям. (2) Из их числа он поставлял лжесвидетелей и подделывателей завещаний, учил их не ставить ни во что свое честное слово, благополучие, опасности; впоследствии, лишив их доброго имени и чувства чести, он требовал от них иных, более тяжких преступлений. (3) Если в настоящее время возможности совершать преступления не было, он все же подстерегал и убивал людей, ни в чем не виноватых, словно они были виноваты; видимо, для того чтобы от праздности не затекали руки или не слабел дух, Катилина без всякого расчета предпочитал быть злым и жестоким.

(4) Положившись на таких друзей и сообщников, а также и потому, что долги повсеместно были огромны и большинство солдат Суллы⁶⁴, прожив свое имущество и вспоминая грабежи и бывшие победы, жаждали гражданской войны, Катилина и решил захватить власть в государстве. (5) В Италии войска не было; Гней Помпей вел войну на краю света⁶⁵; у самого Катилины, добивавшегося консулата, была твердая надежда на избрание⁶⁶; сенат не подозревал ничего; все было безопасно и спокойно; но именно это и было на руку Катилине.

17. (1) И вот приблизительно в июньские календы, когда консулами были Луций Цезарь и Гай Фигул⁶⁷, он сначала стал призывать сообщников одного за другим, — одних уговаривать, испытывать других, указывать им на свою мощь, на беспомощность государственной власти, на большие выгоды от участия в заговоре. (2) Достаточно выяснив то, что он хотел знать, он собирает к себе тех, у кого были наибольшие требования и кто был наиболее нагл. (3) К нему собрались⁶⁸: из сенаторского сословия⁶⁹ — Публий Лентул Сура⁷⁰, Публий Автроний⁷¹, Луций Кассий Лонгин⁷², Гай Цетег⁷³, Публий и Сервий, сыновья Сервия Суллы⁷⁴, Луций Варгунтей⁷⁵, Квинт Анний⁷⁶, Марк Порций Лека⁷⁷, Луций Бестия⁷⁸, Квинт Курий⁷⁹; (4) кроме того, из всаднического сословия⁸⁰ — Марк Фульвий Нобилиор⁸¹, Луций Статилий⁸², Публий Габиний Капитон⁸³, Гай Корнелий и многие люди из колоний и муниципиев⁸⁴, знавшие у себя на родине.

(5) Кроме того, в заговоре участвовали, хоть и менее явно, многие знатные люди, которых надежды на власть побуждали больше, чем отсутствие средств или какая-нибудь другая нужда. (6) Впрочем, большинство юношей, особенно знатных, сочувствовали замыслам Катилины; те из них, у кого была возможность

жить праздно, или роскошно, или развратно, предпочитали неопределенное определенному, войну миру. (7) В те времена кое-кто был склонен верить, что замысел этот был неизвестен Марку Лицинию Крассу⁸⁵; так как Гней Помпей, которому он завидовал, стоял во главе большого войска, то Красс будто бы и хотел, чтобы могуществу Помпея противостояла какая-то сила, в то же время уверенный в том, что в случае победы заговора он без труда станет его главарем.

18. (1) Впрочем, уже и ранее кучка людей устраивала заговор против государства; среди них был и Катилина; об этом заговоре я расскажу возможно правдивее. (2) В год консулата Луция Тулла и Манья Лепида⁸⁶ избранные консулы⁸⁷ Публий Автроний и Публий Сулла⁸⁸, привлеченные к суду на основании законов о домогательстве⁸⁹, понесли наказание. (3) Вскоре после этого Катилину, обвиненного в лихоимстве, лишили возможности добиваться консулата, так как он не смог заявить об этом в законный срок⁹⁰. (4) В это же время в Риме жил некий Гней Писон, знатный молодой человек необычайной наглости, обнищавший, властолюбивый; бедность и дурные нравы побуждали его вызывать беспорядки в государстве⁹¹. (5) Посвятив его в свой замысел приблизительно в декабрьские ноны⁹², Катилина и Автроний намеревались убить на Капитолии в январские календы⁹³ консулов Луция Котту и Луция Торквата и, захватив фасцы⁹⁴, послать Писона во главе войска, чтобы он занял обе Испании⁹⁵. (6) Когда замысел этот был раскрыт, они перенесли убийство на февральские ноны. (7) На этот раз они задумали умертвить не только консулов, но и большинство сенаторов. (8) И вот, не поторопись Катилина подать перед курией знак своим сообщникам⁹⁶, в тот день произошло бы преступление, тяжелее со времени основания города Рима. Но вооруженные люди еще не собрались в нужном числе, что и расстроило их планы.

19. (1) После этого Писон, бывший квестором, по настоянию Красса, знавшего его как злого недруга Гнея Помпея, был послан в Ближнюю Испанию как пропретор⁹⁷. (2) Сенат, однако, весьма охотно предоставил Писону эту провинцию, так как хотел, чтобы этот мерзкий человек находился вдали от дел государства, а также и потому, что очень многие честные люди видели в нем опору, а могущество Гнея Помпея уже тогда внушало страх. Но Писон этот был в провинции убит в пути испанскими всадниками, бывшими в его войске. (4) Некоторые утверждают, что варвары⁹⁸ не стерпели несправедливости, заносчивости, жестокости его власти; (5) другие же говорят, что эти всадники, давшие и верные клиенты Гнея Помпея⁹⁹, напали на Писона с его согласия, что до сего времени испанцы никогда не совершали такого преступления, а между тем они в прошлом испытали жестокое господство многих наместников. Мы оставим этот вопрос открытым. (6) О первом заговоре сказано достаточно.

20. (1) Увидев, что те, кого я назвал выше¹⁰⁰, собрались, Катилина, хотя он и не раз подолгу беседовал с каждым из них в отдельности, все-таки, находя полезным для себя обратиться к ним ко всем сообща и ободрить их, увел их в отдаленную часть дома и там, избавившись от всех возможных свидетелей, произнес перед ними речь приблизительно такого содержания¹⁰¹:

(2) «Не будь доблесть и верность ваши достаточно известны мне, от благоприятного случая нам было бы мало проку; великие надежды и та власть, что у нас в руках, были бы тщетны, а сам я с трусливыми и ничтожными людьми не стал бы гоняться за неверным вместо верного. (3) Но так как я во многих, и притом трудных, случаях оценил вас как храбрых и преданных людей, то я потому и решился приступить к величайшему и прекраснейшему делу, как и потому, что добро и зло, как я понял, для вас и для меня одни и те же. (4) Ведь именно в том, чтобы хотеть и не хотеть одного и того же, и состоит прочная дружба¹⁰².

(5) О том, что я задумал, все вы, каждый порознь, уже слышали ранее. (6) Впрочем, с каждым днем меня охватывает все большее негодование всякий раз, как подумаю, в каком положении мы окажемся, если сами не защитим своей свободы. (7) Ибо с того времени, как кучка могущественных людей целиком захватила власть в государстве, цари и тетрархи¹⁰³ — их постоянные данники, народы и племена платят им подати¹⁰⁴, мы, все остальные, деятельные, честные, знатные и незнатные, были чернью, лишенной влияния, лишенной авторитета, зависевшей от тех, кому мы, будь государство сильным, внушали бы страх. (8) Поэтому всякое влияние, могущество, магистратуры, богатства находятся у них в руках там, где они хотят; нам оставили они неудачи на выборах, судебные преследования, приговоры, нищету. (9) Доколе же будете вы терпеть это¹⁰⁵, о храбрейшие мужи? Не лучше ли мужественно умереть, чем позорно лишиться жалкой и бесчестной жизни, когда ты был посмешищем для высокомерия других? (10) Но поистине — богов и людей привожу в свидетели! — победа в наших руках. Сильна наша молодость, дух могуч. Напротив, у них с годами и вследствие их богатства все силы ослабели. Надо только начать, остальное придет само собой.

(11) И право, кто, обладая духом мужа, может стерпеть, чтобы у тех людей были в избытке богатства, дабы они проматывали их, строя дома на море и сравнивая с землей горы¹⁰⁶, а у нас не было средств даже на необходимое; чтобы они соединяли по два дома и больше, а у нас нигде не было семейного очага?¹⁰⁷

(12) Покупая картины, статуи, чеканную утварь, разрушая новые здания, возводя другие, словом, всеми способами тратя и на ветер бросая деньги, они, однако, при всех своих прихотях, промотать богатства свои не могут. (13) А вот у нас в доме нужда,

вне стен его — долги, скверное настоящее, гораздо худшее будущее. Словом, что нам остается, кроме жалкой жизни?

(14) Так пробудитесь! Вот она, вот она, столь вожденная свобода! Кроме того, перед вами богатства, почет, слава. Фортуна назначила все это в награду победителям. (15) Положение, время, судебные преследования, нищета, великолепная военная добыча¹⁰⁸ красноречивее, чем мои слова, побуждают вас действовать. (16) Располагайте мною либо как военачальником, либо как простым солдатом; я буду с вами и духом, и телом. (17) Именно так надеюсь я поступать, сделавшись консулом¹⁰⁹, если только меня не обманывает предчувствие и вы предпочитаете быть рабами, а не повелевать».

21. (1) Услышав это, люди, страдавшие от множества всяческих зол, но ничего не имевшие и ни на что хорошее не надевавшиеся, — хотя им и казалась большой платой уже самая возможность нарушить спокойствие — все-таки в большинстве своем пожелали узнать, каким образом будет он вести войну, каких наград добьются они оружием, на какие выгоды и где могут они рассчитывать теперь или в будущем. (2) Тогда Катилина посулил им отмену долгов¹¹⁰, проскрипцию¹¹¹ состоятельных людей, магистратуры, жреческие должности¹¹², возможность грабить и все прочее, что несут с собой война и произвол победителей. (3) Кроме того, по его словам, в Ближней Испании находится Писон¹¹³, в Мавретании — во главе войска Публий Ситтий из Нугерии¹¹⁴ — оба его сообщники; консулата добивается Гай Антоний¹¹⁵, который, как он надеется, станет его коллегой, — его близкий друг и человек, страдающий от всяческих затруднений; вместе с ним он, сделавшись консулом, начнет действовать. (4) Кроме того, он громко упрекал всех честных людей, а каждого из своих восхвалял, называя его по имени; одному напоминал о его нищете, другому — о его вождениях, большинству — о судебных преследованиях или о грозящем им позоре, многим — о победе Суллы, которая принесла им добычу. (5) Увидев, что все возбуждены, Катилина, предложив им поддерживать его кандидатуру, распустил собрание.

22. (1) В те времена говорили, что Катилина, после своей речи заставив сообщников присягнуть в верности его преступным замыслам, обнес их чашами с человеческой кровью, смешанной с вином; (2) затем, когда все после заклания отведали вина, как по обычаю делается при торжественных священнодействиях¹¹⁶, он открыл им свой замысел и повторил, что он так поступил, дабы они больше доверяли друг другу как соучастники в столь тяжком преступлении. (3) Кое-кто полагал, что это и многое другое придумано людьми, рассчитывавшими смягчить возникшую впоследствии ненависть к Цицерону¹¹⁷ указаниями на тяжесть преступления казненных. (4) Нам дело это, несмотря на его важность, кажется недостаточно ясным.

23. (1) Среди этих заговорщиков был Квинт Курий, человек весьма знатного происхождения, запятнанный постыдными и позорными поступками; цензоры исключили его из сената за распутство¹¹⁸. Тщеславие этого человека не уступало его наглости; он не мог ни умолчать о том, что слышал, ни скрыть свои собственные преступления; коротко говоря, ни слов, ни поступков своих не взвешивал. (3) Он уже давно состоял в любовной связи с Фульвией, знатной женщиной¹¹⁹. Он не всегда был ей по сердцу, так как, лишенный средств, не мог делать ей подарки; но, неожиданно расхваставшись, начал сулить ей золотые горы, а иногда угрожал ей кинжалом, если она не будет покорна; под конец он стал вести себя наглее обычного. (4) Фульвия, однако, узнав причину заносчивости Курия, не стала скрывать опасность, угрожавшую государству; умолчав об источнике, она рассказала многим о заговоре Катилины: что она узнала и каким образом. (5) Это обстоятельство более всего и внушило людям желание верить консулат Марку Туллию Цицерону. (6) Ибо ранее большая часть знати горела ненавистью, и считалось как бы осквернением консульской должности, если бы ее достиг новый человек¹²⁰, каким бы выдающимся он ни был. Но перед опасностью ненависть и гордость отступили.

24. (1) И вот после комиций консулами объявили Марка Туллия и Гая Антония¹²¹; это вначале потрясло заговорщиков. (2) Но все же бешенство Катилины не ослабевало; наоборот, с каждым днем замыслы его ширились; он собирал оружие в удобных для этого местностях Италии; деньги, взятые в долг им самим или по поручительству друзей, отправлял в Фезулы к некоему Манлию¹²², который впоследствии был зачинщиком войны. (3) В это время он, говорят, завербовал множество разных людей, а также и нескольких женщин, которые вначале могли давать огромные средства, торгуя собой; впоследствии, когда с годами уменьшились только их доходы, но не их роскошь, они наделали больших долгов. (4) С их помощью Катилина считал возможным поднять городских рабов, поджечь Город, а мужей их либо привлечь на свою сторону, либо убить.

25. (1) Среди них была и Семпрония, с мужской решительностью совершившая уже не одно преступление. (2) Ввиду своего происхождения и внешности, как и благодаря своему мужу и детям, эта женщина была достаточно вознесена судьбой¹²³; знала греческую и латинскую литературу, играла на кифаре и плясала изящнее, чем подобает приличной женщине¹²⁴; она знала еще многое из того, что связано с распущенностью. (3) Ей всегда было дорого все, что угодно, но только не пристойность и стыдливость; что берегла она меньше — деньги ли или свое доброе имя, было трудно решить. Ее сжигала такая похоть, что она искала встречи с мужчинами чаще, чем они с ней. (4) Она и в прошлом не раз нарушала слово, клятвенно отрицала долг,

была сообщницей в убийстве; роскошь и отсутствие средств ускорили ее падение. (5) Однако умом она отличалась тонким: умела сочинять стихи, шутить, говорить то скромно, то нежно, то лукаво; словом, в ней было много остроумия и много привлекательности.

26. (1) Закончив эти приготовления, Катилина тем не менее добивался консулата на следующий год¹²⁵, надеясь, что ему, если он будет избран, легко будет полностью подчинить себе Антония. И даже в это время¹²⁶ он не был спокоен, но строил всяческие козни против Цицерона¹²⁷. (2) А у того не было недостатка ни в хитрости, ни в изворотливости, и он принимал меры предосторожности. (3) Ведь еще в начале своего консулата он многими обещаниями добился через Фульвию, чтобы Квинт Курий, о котором я уже говорил, выдавал ему замыслы Катилины. (4) Кроме того, соглашением о провинциях¹²⁸ он помешал своему коллеге Антонию вносить предложения во вред государству; сам он был окружен тайной охраной из друзей и клиентов. (5) Когда настал день выборов и Катилина потерпел неудачу и в соискании должности¹²⁹, и в покушении на консулов, подготовленном им на Марсовом поле¹³⁰, он решил начать войну и прибегнуть к крайним мерам, так как его тайные попытки окончились позорным провалом.

27. (1) И вот он послал Гая Манлия в Фезулы и в ближайшую к ним часть Этрурии, некоего камеринца Септимия — в Пизценскую область, Гая Юлия — в Апулию¹³¹; кроме того, других — в разные местности, где каждый из них, как он ожидал, мог бы быть ему полезен. (2) В то же время он усиленно действовал в самом Риме — замышлял покушения на консулов, готовил поджоги, занимал с вооруженными людьми удобные места, сам ходил с мечом и то же другим приказывал, велел им быть всегда настороже и наготове, днем и ночью торопился, бодрствовал, но ни от недосыпания, ни от трудов не уставал. (3) Наконец, так как его многочисленные усилия ни к чему не приводили, он через Марка Порция Леку поздней ночью снова созывает главарей заговора (4) и там¹³² после долгих сетований на их бездействие сообщает им, что послал Манлия к множеству людей, которых он собрал, дабы они взялись за оружие; что он отправил одних людей в одни, а других в другие подходящие местности, где было бы удобно начать войну, и сам хочет выехать к войску, но сперва должен устранить Цицерона, поскольку он всячески мешает осуществлению его планов.

28. (1) И вот, когда все остальные были напуганы и растеряны, римский всадник Гней Корнелий, обещавший Катилине свое содействие, а вместе с ним сенатор Луций Варгунтей решили той же ночью, но позднее с вооруженными людьми войти в дом Цицерона будто бы для утреннего приветствия¹³³, застиг-

нуть его врасплох и заколоть в его же доме. (2) Как только Курий понял, какая опасность угрожает консулу, он поспешил через Фульвию известить Цицерона о готовящемся покушении. (3) Поэтому их не пустили на порог, и попытка совершить столь тяжкое злодеяние¹³⁴ не удалась.

(4) Тем временем Манлий возмущал в Этрурии народ, который ввиду нищеты и несправедливостей жаждал переворота, так как он при господстве Суллы лишился земель и всего своего достояния¹³⁵, а кроме того, всех разбойников (в этой области их было великое множество) и кое-кого из жителей сулланских колоний — тех, кто из-за распутства и роскоши из огромной добычи не сохранил ничего.

29. (1) Когда Цицерону сообщили об этом, он, сильно встревоженный двойной опасностью, так как он и не мог больше в силу своих личных полномочий¹³⁶ охранять Город от покушений и не собрал достаточных сведений ни о численности, ни о намерениях войска Манлия, доложил сенату о положении, уже ставшем предметом всеобщих толков. (2) И вот, как большей частью и бывает в угрожающих обстоятельствах, сенат постановил: «Да позаботятся консулы, чтобы государство не понесло ущерба»¹³⁷. (3) Это наибольшая власть, какую сенат, по римскому обычаю, предоставляет магистрату — право набирать войско, вести войну, применять к союзникам и гражданам всяческие меры принуждения в Городе и за его пределами и в походах обладать не только высшим империем, но и высшей судебной властью; в иных обстоятельствах, без повеления народа¹³⁸, консул не вправе осуществлять ни одного из этих полномочий.

30. (1) Спустя несколько дней сенатор Луций Сений огласил в сенате письмо, по его словам присланное ему из Фезул; в нем сообщалось, что Гай Манлий, имея крупные силы, поднял мятеж за пять дней до ноябрьских календ¹³⁹. (2) Одновременно, как бывает в подобных случаях, одни сообщали о знамениях и чудесах¹⁴⁰, другие — об устраиваемых сборищах, о доставке оружия, о начинающихся в Капуе и Апулии восстаниях рабов¹⁴¹. (3) Тогда по постановлению сената Квинт Марций Рекс¹⁴² был послан в Фезулы, Квинт Метелл Критский¹⁴³ — в Апулию и соседние области. (4) Они оба как императоры находились под Городом, лишённые возможности справить триумф¹⁴⁴ из-за происков кучки людей, привыкших продавать все честное и бесчестное¹⁴⁵. (5) Претор Квинт Помпей Руф¹⁴⁶ был послан в Капую, претор Квинт Метелл Целер¹⁴⁷ — в Пиценскую область, и им было поручено набирать войска в зависимости от обстоятельств и степени опасности; (6) кроме того, было решено, что если кто-нибудь донесет о заговоре, устроенном против государства, то наградой будет: рабу — отпуск на волю и сто тысяч сестерциев, свободному — безнаказанность и двести тысяч сестерциев; (7) равным образом постановили, чтобы отряды гладиаторов были раз-

мещены в Капуе и других муниципиях сообразно со средствами каждого из них, чтобы в Риме охрану всего города несла ночная стража под начальством младших магистратов¹⁴⁸.

31. (1) События эти потрясли гражданскую общину и даже изменили внешний вид Города. После необычайного веселья и распущенности, порожденных долгим спокойствием¹⁴⁹, всех неожиданно охватила печаль: (2) люди торопились, суетились, не доверяли достаточно ни месту, ни человеку, не вели войны и не знали мира; каждый измерял опасности степенью своей боязни. (3) В довершение всего женщины, охваченные страхом перед войной, — от чего они отвыкли ввиду могущества государства — убивались, с мольбой воздымали руки к небу, сокрушались о своих маленьких детях, всех спрашивали и, забыв свою заносчивость и отказавшись от развлечений, не рассчитывали ни на себя, ни на отечество.

(4) Но Катилина жестокосердно продолжал свое, хотя меры для защиты принимались, а самого его Луций Павел¹⁵⁰ привлек к суду на основании Плавциева закона¹⁵¹. (5) Наконец, — для того ли, чтобы скрыть истинные намерения или чтобы оправдаться, если с ним где-либо затеют ссору, — он явился в сенат. (6) Тогда консул Марк Туллий, либо опасаясь его присутствия, либо охваченный гневом, произнес блестящую и полезную для государства речь, которую затем записал и издал¹⁵². (7) Но как только он сел на место, Катилина, по обыкновению готовый на любое притворство, начал, опустив глаза, жалобным голосом просить отцов-сенаторов не верить опрометчиво ничему из того, что говорят о нем: он-де вышел из такой ветви рода, смолоду избрал для себя такой путь в жизни, что от него можно ожидать только добра; пусть они не думают, что ему, патрицию, подобно своим предкам оказавшему много услуг римскому плебсу, нужно губить государство, когда его спасает какой-то Марк Туллий, гражданин, не имеющий собственного дома в Риме¹⁵³. (8) Когда он стал прибавлять к этому и другие оскорбления, все присутствовавшие зашумели и закричали, что он враг и паррицида. (9) Тогда он, взбешенный, бросил: «Так как недруги, окружив, преследуют меня и хотят столкнуть в пропасть, то пожар, грозящий мне, я потушу под развалинами»¹⁵⁴.

32. (1) Затем он из курии¹⁵⁵ помчался домой. Обдумав там многое, — так как и покушения на консула срывались, и Город, как он понимал, ночными дозорами огражден от поджога — он, считая более полезным усилить свое войско и, прежде чем будут набраны легионы, своевременно запастись многим, необходимым для войны, поздней ночью в сопровождении нескольких человек выехал в лагерь Манлия¹⁵⁶. (2) Цетегу, Лентулу и другим, в чьей неизменной отваге он убедился, он поручает любимыми средствами укреплять главные силы заговора, поторопиться с покушением на консула, готовиться к резне, поджогам и другим

преступлениям, связанным с войной; сам же он в ближайшие дни с многочисленным войском подступит к Городу.

(3) Пока все это происходило в Риме, Гай Манлий посылает своих сообщников к Марцию Рексу с письмом приблизительно такого содержания:

33. (1) «Богов и людей призываем мы в свидетели, император, — мы взяли за оружие не против отечества и не затем, чтобы подвергнуть опасности других людей, но дабы оградить себя от противозакония; из-за произвола и жестокости ростовщиков большинство из нас, несчастных, обнищавших, лишено отечества, все — доброго имени и имущества, и ни одному из нас не дозволили ни прибегнуть, по обычаю предков, к законной защите, ни, утратив имущество, сохранить личную свободу: так велика была жестокость ростовщиков и претора¹⁵⁷ (2) Предки наши, сжалившись над римским плебсом, постановлениями своими часто оказывали ему помощь в его беспомощности, а совсем недавно на нашей памяти ввиду огромных долгов с согласия всех честных людей была разрешена уплата долгов вместо серебра медью¹⁵⁸. (3) Часто сам плебс, либо из стремления к власти, либо возмущенный высокомерием магистратов, с оружием в руках уходил от патрициев¹⁵⁹. (4) Но мы не стремимся ни к власти, ни к богатствам, из-за которых между людьми возникают войны и всяческое соперничество, но к свободе, расстаться с которой честный человек может только вместе с последним вздохом. (5) Заклинаем тебя и сенат — позаботься о несчастных гражданах, возвратите нам защиту закона¹⁶⁰, которой нас лишила несправедливость претора¹⁶¹, и не заставляйте нас искать способ возможно дороже продать свою жизнь».

34. (1) На это Квинт Марций ответил, что они, если хотя бы о чем-либо просить сенат, должны сложить оружие и явиться в Рим с мольбой о прощении; сенат римского народа всегда был столь мягок и снисходителен, что никто никогда не просил его о помощи понапрасну. (2) Катилина же с дороги написал большинству консуляров¹⁶² и всем знатым людям, что он, хотя на него и возвели ложные обвинения, склоняется перед Фортуной, не будучи в силах дать отпор своре недругов, и удаляется в изгнание в Массилию¹⁶³ — не потому, что признаётся в столь тяжком преступлении, но дабы в государстве наступило успокоение и его борьба не привела к мятежу. (3) Однако Квинт Катул¹⁶⁴ огласил в сенате письмо совершенно противоположного содержания, сказав, что оно доставлено ему от Катилины. Список с него следует ниже¹⁶⁵.

35. (1) «Луций Катилина Квинту Катулу. Твоя редкостная верность слову, которую я узнал на деле и оценил, находясь в большой опасности¹⁶⁶, придает мне уверенность, когда я обращаюсь к тебе. (2) Поэтому я решил не оправдывать перед тобой своего нового замысла¹⁶⁷, но, сознавая свою невиновность, нашел

нужным представить тебе разъяснение, которое ты — да поможет мне в этом бог верности!¹⁶⁸ — сможешь признать искренним. (3) Гонимый обидами и оскорблениями, так как я, лишенный плодов своего труда и настойчивости, не достигал заслуженного мной высокого положения¹⁶⁹, я по своему обыкновению официально взял на себя защиту несчастных людей — не потому, чтобы не смог, продав имущество, уплатить личные долги (Орестилла по своей щедрости из средств собственных и дочери уплатила бы даже и чужие долги), но так как видел, что почета были удостоены люди, недостойные его¹⁷⁰, и чувствовал себя отвергнутым из-за ложного подозрения. (4) Ввиду этого, сообразно со своим достоинством я честно надеялся, что смогу сохранить остатки своего высокого положения. (5) Хотел я продолжать письмо, но мне сообщили, что на меня готовится покушение¹⁷¹. (6) Итак, поручаю тебе и отдаю под твое покровительство Орестиллу; защищай ее от обид, прошу тебя именем твоих детей. Прощай».

36. (1) Сам Катилина, пробыв несколько дней у Гая Фламиния¹⁷² в Арретинской области, где снабжал оружием всю округу, уже ранее поднятую им на ноги, с фасцами и другими знаками власти¹⁷³ направился в лагерь Манлия. (2) Как только в Риме узнали об этом, сенат объявил Катилину и Манлия врагами¹⁷⁴; всем прочим заговорщикам он назначил срок, до которого им, за исключением осужденных за уголовные деяния, дозволялось безнаказанно¹⁷⁵ сложить оружие. (3) Кроме того, сенат поручил консулам произвести набор, Антонию с войском спешно выступить против Катилины, а Цицерону защищать Город¹⁷⁶.

(4) В это время держава римского народа, как мне кажется, была в чрезвычайно жалком состоянии. Хотя с востока до запада все повиновалось ей, покоренное оружием, внутри страны царило спокойствие, и в нее текли богатства, которые ценятся превыше всего, все же находились граждане, упорно стремившиеся погубить себя и государство. (5) Ведь, несмотря на два постановления сената¹⁷⁷, ни один из множества сообщников не выдал заговора, соблазнившись наградой, и ни один не покинул лагеря Катилины: столь сильна была болезнь, словно зараза, проникшая в души большинства граждан.

37. (1) Безумие охватило не одних только заговорщиков; вообще весь простой народ в своем стремлении к переменам¹⁷⁸ одобрял намерения Катилины. (2) Именно они, мне кажется, и соответствовали его нравам. (3) Ведь в государстве те, у кого ничего нет, всегда завидуют состоятельным людям, превозносят дурных, ненавидят старый порядок, жаждут нового, недовольные своим положением, добиваются общей перемены, без забот кормятся волнениями и мятежами, так как нищета легко переносится, когда терять нечего. (4) Но у римского плебса было

много оснований поступать столь отчаянно. (5) Прежде всего, те, кто всюду намного превосходил других постыдной жизнью и нисоубзданностью, а также и другие, позорно растратившие отцовское имущество, — вообще все те, кого их гнусности и преступления выгнали из дома, стекались в Рим, словно в сточную яму¹⁷⁹. (6) Далее, многие вспоминали победу Суллы, видя, как одни рядовые солдаты стали сенаторами¹⁸⁰, другие — столь богатыми, что вели царский образ жизни; каждый надеялся, что он, взявшись за оружие, извлечет из победы такую же выгоду. (7) Кроме того, юношество, скудно жившее в деревне трудом своих рук и привлеченное в Рим подачками от частных лиц и государства¹⁸¹, уже давно неблагоприятному труду своему предпочло праздность в Городе. Вот таких людей и всех прочих и кормило несчастье, постигшее государство. (8) Тем менее следует удивляться тому, что неимущие люди с дурными нравами, но величайшими притязаниями заботились об интересах государства так же мало, как и о своих собственных. (9) Кроме того, те, у кого вследствие победы Суллы подверглись проскрипциям родители, было разграблено имущество, ограничены гражданские права¹⁸², ожидали исхода борьбы точно с такими же чаяниями. (10) Более того, все противники сената были готовы к потрясениям в государстве, лишь бы не умалялось их личное влияние. (11) Вот какое зло по прошествии многих лет снова поразило гражданскую общину.

38. (1) Ибо, когда при консулах Гнее Помпее и Марке Крассе была восстановлена власть трибунов¹⁸³, молодые люди¹⁸⁴, дерзкие ввиду своего возраста и по складу ума, начали, достигнув высшей власти¹⁸⁵, своими обвинениями против сената волновать плебс, затем еще больше разжигать его подачками и посулами; таким образом они приобрели известность и силу. (2) С ними ожесточенно боролась большая часть знати — под видом защиты сената, на деле ради собственного возвышения. (3) Ибо — скажу коротко правду — из всех тех, кто с этого времени правил государством, под благовидным предлогом одни, будто бы отстаивая права народа, другие — наибольшую власть сената, каждый, притворяясь защитником общественного блага, боролся за собственное влияние. (4) И в своем соперничестве они не знали ни умеренности, ни меры: и те и другие были жестоки, став победителями.

39. (1) Но после того как Гнея Помпея послали сражаться на море и с Митридатом¹⁸⁶, силы плебса уменьшились, могущество кучки людей возросло. (2) В их руках были магистратуры, провинции и все прочее; сами они, не терпя ущерба, процветая, жили без страха и запугивали противников судебными карами¹⁸⁷, за то, что те, будучи магистратами, обращались с плебсом чересчур мягко. (3) Но как только при запутанном положении дел появилась надежда на переворот, плебеев охватило давнишнее стремление бороться. (4) И если бы Катилина в пер-

вом бою взял верх или хотя бы сохранил равенство сил, то для государства это, конечно, было бы тяжким поражением, вернее, бедствием, и тем, кто достиг бы победы, нельзя было бы долее пользоваться ее плодами и более сильный¹⁸⁸ отнял бы у них, усталых и изнемогших, власть и даже свободу. (5) Все-таки было много людей, к заговору непричастных, которые вначале выехали к Катилине. Среди них был Фульвий, сын сенатора; отец велел задержать его в пути и казнить¹⁸⁹. (6) В это же время в Риме Лентул, как Катилина ему приказал, сам или при помощи других людей, вербовал всех тех, кого он, судя по их нравам и имущественному положению, считал подходящими для переворота, и притом не только граждан, но и всех, кого только можно было использовать для войны.

40. (1) И вот он поручает некоему Публию Умброну¹⁹⁰ разыскать послов аллоброгов и, если сможет, привлечь их к военному союзу. Лентул думал, что их легко будет склонить к такому решению, так как они обременены долгами, общими и частными¹⁹¹, а также потому, что это галльское племя по природе своей воинственно. (2) Умбрен, поскольку он давно вел дела в Галлии¹⁹², был знаком большинству вождей и сам знал их. Поэтому он сразу же, как только встретил послов на Форуме, кратко осведомившись о делах в их общине и как бы сочувствуя им, стал выяснять, как они рассчитывают выйти из тяжелого положения. (3) Услышав, что они жалуются на алчность должностных лиц, обвиняют сенат, не оказывающий им помощи, и в смерти видят спасение от своих бед, он заявил: «А я, если только вы хотите быть мужчинами, укажу вам, как избавиться от ваших столь тяжких несчастьев». (4) Едва он сказал это, аллоброги, преисполнившись надежд, стали умолять его пожалеть их: нет ничего такого, чего бы они, как это ни трудно, не сделали с величайшей готовностью, только бы их общине избавиться от долгов. (5) Умбрен привел аллоброгов в дом Децима Брута¹⁹³, который находился недалеко от Форума и где хорошо были осведомлены о заговоре благодаря Семпронии; самого же Брута тогда в Риме не было. (6) Затем он пригласил Габиния¹⁹⁴, дабы придать больший вес переговорам; в его присутствии он поведал им о заговоре, назвал его участников и, кроме того, чтобы поднять дух послов, — многих людей разного звания, не причастных ни к чему. И когда послы обещали ему свою помощь¹⁹⁵, он отпустил их домой.

41. (1) Но аллоброги долго не знали, на что решиться. (2) С одной стороны, были долги, их воинственность, большая награда в случае победы; с другой — превосходство в силах, отсутствие риска, вместо неверной надежды верное вознаграждение¹⁹⁶. (3) При этих раздумьях все-таки победила Фортуна государства¹⁹⁷. (4) И вот они открывают все, что им стало известно, Квинту Фабию Санге, неизменному патрону¹⁹⁸ их общины. Ци-

церон, узнав о замысле Катилины от Санги, научил послов, как им притворяться преданными заговору, как связаться с другими заговорщиками, дать им обещания и постараться как можно больше их разоблачить.

42. (1) Приблизительно в это же время в Ближней и Дальней Галлиях¹⁹⁹, как и в Пиценской области, Бруттии и Апулии, происходили волнения. Ибо те, кого Катилина ранее туда послал, неосторожно, словно безумные, все делали одновременно; однако ночными сборищами, доставкой оборонительного и наступательного оружия, спешкой, всеобщим беспорядком они не столько создавали опасность, сколько сеяли страх. (3) Многих из них претор Квинт Метелл Целер, произведя следствие на основании постановления сената²⁰⁰, бросил в тюрьму; в Дальней Галлии так же поступил Гай Мурена²⁰¹, управлявший этой провинцией как легат.

43. (1) Тем временем в Риме Лентул вместе с другими главарями заговора, подготовив, как им казалось, большие силы, решили: как только Катилина с войском прибудет в [Фезульскую] область²⁰², плебейский трибун Луций Бестия²⁰³, созвав сходку, осудит действия Цицерона и обратит против лучшего консула²⁰⁴ все недовольство тяжелейшей войной; по его знаку в следующую ночь²⁰⁵ остальные заговорщики выполнят каждый свое задание. (2) И они, по слухам, были распределены так: Статилий и Габиний с большим отрядом одновременно подожгут Город в двенадцати удобных местах, дабы вызванной этим суматохой облегчить доступ к консулу и другим людям, на которых готовились покушения; Цетег осадит двери в доме Цицерона и нападет на него с оружием в руках; каждый убьет указанного ему человека; сыновья, живущие в семье²⁰⁶, главным образом из знати, убьют своих отцов; затем, когда резня и пожары приведут всех в смятение, они прорвутся к Катилине²⁰⁷. (3) Пока шли эти приготовления и принимались решения, Цетег постоянно сетовал на бездействие сообщников: из-за колебаний и каждодневных проволочек они упускают весьма благоприятные возможности; перед лицом такой опасности нужны действия, а не обсуждения, и сам он, пока другие медлят, с небольшим числом сторонников готов напасть на курию²⁰⁸. (4) От природы храбрый, решительный, готовый к действиям, он видел залог успеха прежде всего в быстроте.

44. (1) Между тем аллоброги, следуя наставлениям Цицерона, через посредство Габиния встречаются с другими заговорщиками. Они требуют от Лентула, Цетегга, Статилия, а также от Кассия запечатанных писем с клятвенными обязательствами²⁰⁹, чтобы доставить их соплеменникам: иначе им нелегко будет склонить их к столь важному делу. (2) Все соглашаются, ничего не подозревая; один только Кассий обещает сам прибыть к аллоброгам и покидает Город незадолго до отъезда посланцев.

(3) Лентул посылает вместе с ними некоего Тита Вольтурция из Кротоны, дабы аллоброги, прежде чем отправиться домой, обменявшись с Катилиной клятвами в верности, подтвердили заключенный ими союз. (4) Сам он дает Вольтурцию письмо к Катилине, список с которого приводится ниже²¹⁰.

(5) «Кто я, узнаешь от того, кого к тебе посылаю. Подумай, какая опасность нависла над тобой, и помни, что ты мужчина. Сообрази, чего требуют твои интересы; ищи помощи у всех, даже у людей самых ничтожных»²¹¹.

(6) К этому добавляет на словах: раз сенат объявил Катилину врагом, то какие у него основания отвергать помощь рабов? В Городе все подготовлено, как он приказал; пусть не медлит с походом на Рим.

45. (1) Когда все было сделано и назначена ночь отъезда²¹², Цицерон, узнав обо всем от послов, приказывает преторам Луцию Валерию Флакку и Гаю Помптину²¹³ устроить засаду на Мульвиевом мосту²¹⁴ и захватить весь поезд аллоброгов. Он объясняет им их задачу, а в остальном разрешает действовать по обстоятельствам. (2) Преторы, люди военные, без шума расставив посты, как им было приказано, незаметно занимают подходы к мосту. (3) Когда послы вместе с Вольтурцием подошли к этому месту и по обеим сторонам моста одновременно раздались крики, то галлы, сразу же поняв, что происходит, немедленно сдались преторам. (4) Вольтурций, вначале ободрявший остальных, отбивался мечом от множества нападавших, затем, покинутый послами, сперва долго умолял Помптина о пощаде, так как тот знал его; наконец, испугавшись и потеряв надежду на спасение, сдался преторам, словно это были враги.

46. (1) Когда все было кончено, преторы через гонцов быстро сообщили консулу. (2) А того охватили и беспокойство, и радость. Радовался он, понимая, что раскрытие заговора избавило государство от опасности: тревожило его, однако, то, что он не знал, как поступить со столь видными гражданами, схваченными на месте величайшего преступления; наказание их, полагал он, ляжет бременем на него, а безнаказанность их погубит государство. (3) Наконец, собравшись с духом, он приказывает позвать к себе Лентула, Цетегга, Статилия, а также Цепария из Террацины, который собирался ехать в Апулию возмущать рабов. (4) Все они тут же приходят, кроме Цепария, который, незадолго до этого выйдя из дома, бежал из Города, узнав о доносе. (5) Лентула, так как он был претором, консул держит за руку, приводит в сенат²¹⁵, остальных приказывает отправить под стражей в храм Согласия²¹⁶. (6) Туда он созывает сенат и в многочисленное собрание этого сословия велит ввести Вольтурция вместе с послами. Претору Флакку он приказывает сюда же принести ящичек с письмами, которые тот получил от послов.

47. (1) Когда Вольтурция стали допрашивать о его поездке, письмах, наконец, о том, каковы были его намерения и чем они были вызваны, тот вначале отговаривался и скрывал, что ему известно о заговоре; затем, когда ему велели говорить, от имени государства заверив его в неприкосновенности²¹⁷, он открыл, как все произошло, и показал, что несколькими днями ранее его завербовали Габиний и Цепарий, что он знает одних только послов и ничего более и только слышал не раз от Габиния, что в этом заговоре участвуют Публий Автроний, Сервий Сулла, Луций Варгунтей и многие другие. (2) Галлы признаются в том же, а Лентула, несмотря на его запирательство, они, помимо его письма, обвиняют в высказываниях, какие он нередко себе позволял, будто по книгам Сивиллы²¹⁸ царская власть в Риме была предсказана трем Корнелиям; Цинна и Сулла ею уже обладали²¹⁹, он — третий, кому суждено властвовать в Городе; кроме того, год этот двадцатый после пожара Капитолия²²⁰ и он, как гаруспики²²¹ уже не раз утверждали на основании знамений, будет кровавым из-за гражданской войны. (3) После чтения писем, когда все заговорщики признали своими печати, сенат постановил, чтобы Лентул, после того как он сложит свои полномочия²²², как и остальные, был отдан на поруки²²³. (4) Поэтому Лентула передала Публию Лентулу Спинтеру²²⁴, который тогда был эдилом, Цетега — Квинту Корнифицию²²⁵, Статилия — Гаю Цезарю, Габиния — Марку Крассу²²⁶, бежавшего же Цепария, только что задержанного и доставленного в Рим, — сенатору Гнею Теренцию.

48. (1) Между тем после раскрытия заговора у простого народа, который вначале жаждал переворота и не в меру сочувствовал войне, настроение переменялось и он стал замысли Катилины проклинать, а Цицерона превозносить до небес; народ, словно его вырвали из цепей рабства, радовался и ликовал. (2) Ибо, по его мнению, другие бедствия войны принесли бы ему не столько убытки, сколько добычу, но пожар был бы жестоким, неумолимым и чрезвычайно губительным для него, так как все его имущество — предметы повседневного пользования и одежда.

(3) На следующий день²²⁷ в сенат привели некоего Луция Тарквиния, который, как утверждали, направлялся к Катилине и был задержан в пути. (4) Он заявил, что даст показания, если ему от имени государства будет обеспечена безопасность; получив от консула приказание сообщить все, что знает, он сказал сенату почти то же самое, что и Вольтурций, — о подготовленных поджогах, об избииении лучших граждан, о передвижении врагов; далее — что его послал Марк Красс сообщить Катилине: пусть арест Лентула, Цетега и других заговорщиков не страшит его и пусть он тем более поторопится с наступлением на Город, дабы поднять дух остальных заговорщиков и избавить задержанных от опасности. (5) Но как только Тарквиний назвал имя

Красса, человека знатного, необычайно богатого и весьма могущественного, то одни сенаторы сочли это невероятным, другие же хоть и поверили, но все-таки полагали, что в такое время столь всесильного человека следует скорее умиротворить, чем восстанавливать против себя, к тому же большинство из них были обязаны Крассу как частные лица, стали кричать, что показания эти ложны, и потребовали, чтобы об этом было доложено сенату²²⁸. (6) И вот по запросу Цицерона сенат в полном составе объявляет, что показания Тарквиния, очевидно, ложны²²⁹ и что его самого надлежит держать в оковах и не позволять ему давать показания, если он не сообщит, по чьему наущению он так солгал в столь важном деле. (7) Тогда кое-кто полагал, что все это придумал Публий Автроний, чтобы, назвав Красса, легче было ввиду опасности для всех могуществом его прикрыть остальных заговорщиков. (8) По мнению других, Тарквиния подослал Цицерон, чтобы помешать Крассу, как он обычно делал, защищая дурных граждан, вызывать смуту в государстве. (9) Сам Красс, как я потом слышал, утверждал, что столь оскорбительное обвинение на него возвел Цицерон.

49. (1) Но в то же время Квинт Катул и Гай Писон²³⁰ ни просьбами, ни авторитетом, ни платой не смогли склонить Цицерона к тому, чтобы через аллоброгов или другого доносчика выдвинуть ложное обвинение против Гая Цезаря. (2) Ибо они оба чувствовали сильную неприязнь к нему: Писона Цезарь в суде по делу о вымогательстве подверг нападкам за то, что он незаконно казнил какого-то транспаданца; Катул воспылил ненавистью к Цезарю еще тогда, когда они добивались понтификата, так как он в преклонном возрасте, удостоенный почестей, потерпел поражение от молоденького Цезаря²³¹. (3) Обстоятельства, однако, казались благоприятными, так как Цезарь и в частной жизни из-за своей исключительной щедрости, и как должностное лицо в связи с великолепными играми погряз в больших долгах²³². (4) Но когда им не удалось склонить консула к столь дурному поступку, они, обходя граждан одного за другим и измышляя то, что они будто бы слышали от Вольтурция или от аллоброгов, возбудили сильнейшую ненависть к Цезарю вплоть до того, что некоторые из римских всадников, которые несли вооруженную охрану вокруг храма Согласия, то ли ввиду грозной опасности, то ли по своей горячности — чтобы лучше показать свою преданность государству, — мечами стали угрожать Цезарю, выходявшему из сената²³³.

50. (1) Пока это обсуждалось в сенате и послам аллоброгов и Титу Вольтурцию, после того как их показания были признаны правильными, назначались награды²³⁴, вольноотпущенники и кое-кто из клиентов Лентула, обходя город по разным улицам, подбивали ремесленников и рабов в кварталах вырвать его из-под стражи²³⁵; некоторые разыскивали главарей шаек, привыкших

за плату учинять смуту в государстве. (2) Цетег же через гонцов просил свою челядь и вольноотпущенников, людей отборных и испытанных, проявить отвагу и всем скопом пробиваться к нему с оружием в руках. (3) Как только консул узнал об этих приготовлениях, он, расставив стражу²³⁶, как того требовали обстоятельства и время, созвал сенат и спросил его, как следует поступить с теми, кто был отдан на поруки²³⁷. Ведь сенат, незадолго до этого собравшись в полном составе, признал, что они действовали во вред государству²³⁸.

(4) Тогда Децим Юний Силан, которому предложили высказаться первым, так как в это время он был избранным консулом²³⁹, потребовал смертной казни для тех, кто содержался под стражей, и, кроме того, для Луция Кассия, Публия Фурия, Публия Умбрена и Квинта Анния²⁴⁰, если их схватят; впоследствии он под влиянием речи Гая Цезаря заявил, что присоединится к предложению²⁴¹ Тиберия Нерона, чтобы об этом деле, усилив охрану, доложили сенату. (5) Цезарь же, когда до него дошла очередь²⁴² и консул спросил о его предложении, высказался приблизительно так:

51. (1) «Всем людям, отцы-сенаторы, обсуждающим дело сомнительное, следует быть свободными от чувства ненависти, дружбы, гнева, а также жалости²⁴³. (2) Ум человека не легко видит правду, когда ему препятствуют эти чувства, и никто не руководствовался одновременно и сильным желанием, и пользой. (3) Куда ты отправишь свой ум, там он всемогущ; если желание владеет тобой, то именно оно и господствует, дух бессильен. (4) Я мог бы напомнить вам, отцы-сенаторы, о множестве дурных решений, принятых царями и народами²⁴⁴ под влиянием гнева или жалости, но лучше привести случаи, когда предки наши вопреки своему сильному желанию поступали разумно и правильно.

(5) Во время македонской войны, которую мы вели против царя Персея²⁴⁵, большое и богатое родосское государство, ставшее могущественным благодаря помощи римского народа, было нам не только неверно, но даже враждебно. Но когда по окончании войны в сенате было принято решение о родосцах, предки наши, дабы никто не мог сказать, что они начали войну не столько из-за совершенной родосцами несправедливости, сколько ради обогащения, отпустили родосцев, не покарвав их²⁴⁶. (6) Опять-таки на протяжении всех Пунических войн, хотя карфагеняне и во времена мира, и во время перемирия часто совершали нечестивые поступки, предки наши никогда не делали того же, несмотря на представлявшиеся им случаи: они думали больше о том, что достойно их, чем о том, как они могут по справедливости покарать карфагенян²⁴⁷. (7) Также и вам, отцы-сенаторы, следует иметь в виду одно: преступление Публия Лентула и других не должно в ваших глазах значить больше, чем

забота о вашем высоком авторитете, и вы не должны руководствоваться чувством гнева больше, чем заботой о своем добром имени. (8) Итак, если можно найти кару, соответствующую их преступлениям, то я готов одобрить это беспримерное предложение²⁴⁸; но если тяжесть преступления превосходит все, что только можно себе вообразить, я предлагаю подвергнуть их наказанию, предусмотренному законами.

(9) Большинство сенаторов, вносивших предложения до меня в своих искусно построенных и прекрасных речах сокрушалось о бедствиях нашего государства. Они перечисляли ужасы войны, выпадающие на долю побежденных: как похищают девушек и мальчиков, как вырывают детей из объятий родителей, как замужние женщины страдают от произвола победителей, как грабят храмы и частные дома, устраивают резню, поджоги — словом, всюду оружие, трупы, кровь и слезы²⁴⁹. (10) Но — во имя бессмертных богов! — к чему клонились их речи? К тому ли, чтобы настроить вас против заговора? Разумеется, кого не взволновало столь тяжкое и жестокое преступление, того воспламенит речь! (11) Это не так, и ни одному человеку противозаконные действия по отношению к нему не кажутся малыми; напротив, многие даже преувеличивают их. (12) Но одним дозволено одно, другим — другое, отцы-сенаторы! Если кто-нибудь из людей низкого происхождения, живущих в безвестности, по вспыльчивости совершил проступок, то о нем знают немногие; молва о них так же незначительна, как и их положение. Если же люди, наделенные большой властью, занимают высшее положение, то их действия известны всем. (13) Так с наиболее высокой судьбой сопряжена наименьшая свобода: таким людям нельзя ни выказывать свое расположение, ни ненавидеть, а более всего — предаваться гневу. (14) Что у других людей называют вспыльчивостью, то у облеченных властью именуют высокомерием и жестокостью. (15) Сам я думаю так, отцы-сенаторы: никакая казнь не искупит преступления. Но большинство людей помнит только развязку и по отношению к нечестивцам, забыв об их злодеянии, подробно рассуждает только о постигшей их каре, если она была суровой обычной.

(16) Я уверен: то, что сказал Децим Силан, муж храбрый и решительный, он сказал, руководствуясь своей преданностью государству и в столь важном деле им не движет ни расположение, ни неприязнь: его правила и умеренность мне хорошо известны. (17) Но его предложение мне кажется не столько жестоким (в самом деле, что можно считать жестокостью по отношению к таким людям?), сколько чуждым нашему государственному строю. (18) Это, конечно, либо страх, либо их противозаконные действия побудили тебя, Силан, избранного консула, подать голос за неслыханную кару. (19) О страхе говорить излишне — тем более что благодаря бдительности прославленного мужа, кон-

сула, налицо многочисленная вооруженная стража²⁵⁰. (20) О наказании я, право, могу сказать то, что вытекает из сути дела: в горе и несчастиях смерть — отдохновение от бедствий, а не мука; она избавляет человека от всяческих зол: по ту сторону ни для печали, ни для радости места нет²⁵¹.

(21) Но — во имя бессмертных богов! — почему не прибавил ты к своему предложению, чтобы их сперва наказали розгами?

(22) Не потому ли, что это воспрещено Порциевым законом?²⁵²

Но ведь другие законы позволяют даже осужденным гражданам отправляться в изгнание, вместо того чтобы их лишали жизни²⁵³.

(23) Не потому ли, что быть наказанным розгами более тяжело, чем быть казненным? Но что может быть суровым, вернее, чересчур тяжким по отношению к людям, избличенным в столь великом злодеянии? (24) А если потому, что кара эта чересчур мягка, то правильно ли в менее важном деле бояться закона, когда в более важном им пренебрегли?

(25) Но, скажут мне, кто станет порицать решение о паррицидах государства?²⁵⁴ Обстоятельства, время, Фортуна, чей производ правит народами. Что бы ни выпало на долю заговорщиков, будет ими заслужено.

(26) Но вы, отцы-сенаторы, должны подумать о последствиях своего решения для других. (27) Все дурные дела порождались благими намерениями. Но когда власть оказывается в руках у неискушенных или не особенно честных, то исключительная мера, о которой идет речь, переносится с людей, ее заслуживших и ей подлежащих, на не заслуживших ее и ей не подлежащих.

(28) Разгромив афинян, лакедемоняне назначили тридцать мужей для управления их государством²⁵⁵.

(29) Те вначале стали без суда казнить самых преступных и всем ненавистных людей. Народ радовался и говорил, что это справедливо.

(30) Впоследствии, когда их своеволие постепенно усилилось, они стали по своему произволу казнить и честных и дурных, а остальных запугивать.

(31) Так порабощенный народ тяжело поплатился за свою глупую радость. (32) Когда на нашей памяти победитель Сулла приказал удавить Дамасиппа²⁵⁶ и других ему подобных людей, возвысившихся на несчастьях государства, кто не восхвалял его поступка?

Все говорили, что преступные и властолюбивые люди, которые мятежами своими потрясли государство, казнены заслуженно.

(33) Но именно это и было началом большого бедствия: стоило кому-нибудь пожелать чей-то дом, или усадьбу, или просто утварь либо одежду, как он уже старался, чтобы владелец оказался в проскрипционном списке.

(34) И вот тех, кого обрадовала смерть Дамасиппа, вскоре сами начали хватать, и казни прекратились только после того, как Сулла щедро наградил всех своих сторонников²⁵⁷.

(35) Впрочем, этого я не опасаясь ни со стороны Марка Туллия, ни вообще в наше время; но ведь в обширном государстве умов много и они разные.

(36) В другое время, при другом консуле, опирающемся

на войско²⁵⁸, лжи могут поверить как истине. Если — ввиду этого — консул на основании постановления сената обнажит меч, то кто укажет ему предел, вернее, кто ограничит его действия?

(37) Предки наши, отцы-сенаторы, никогда не испытывали недостатка ни в рассудительности, ни в отваге, и гордость не мешала им перенимать чужие установления²⁵⁹, если они были полезны. (38) Большинство видов воинского оружия, оборонительного и наступательного, они заимствовали у самнитов²⁶⁰, знаки отличия для магистратов — у этрусков²⁶¹; словом, все то, чем обладали их союзники или даже враги и что им казалось подходящим, они усерднейшим образом применяли у себя; хорошему они предпочитали подражать, а не завидовать. (39) И в то же самое время они, подражая обычаю Греции, подвергали граждан порке, а к осужденным применяли высшую кару²⁶². (40) Когда государство увеличилось и с ростом числа граждан окрепли противоборствующие группировки, начали преследовать невинных и совершать другие подобные действия. Тогда и были приняты Порциев и другие законы, допускавшие лишь изгнание осужденных. (41) Такова, по-моему, отцы-сенаторы, главная причина, не позволяющая нам принять беспримерное решение. (42) У тех, кто малыми силами создал такую великую державу, доблести и мудрости, конечно, было больше, чем у нас, с трудом сохраняющих эти добытые ими блага.

(43) Так не отпустить ли их на волю, чтобы они примкнули к войску Катилины? Отнюдь нет! Итак, предлагаю: забрать в казну их имущество, их самих держать в окопах в муниципиях, наиболее обеспеченных охраной, и чтобы впоследствии никто не докладывал о них сенату и не выступал перед народом; всякого же, кто поступит иначе, сенат признаёт врагом государства и всеобщего благополучия»²⁶³.

52. (1) Когда Цезарь закончил речь, прочие сенаторы вкратце выразили свое согласие — кто с одним предложением, кто с другим²⁶⁴. Когда же спросили Марка Порция Катона²⁶⁵ о его предложении, он произнес речь приблизительно такого содержания:

(2) «Мне приходят совершенно разные мысли, отцы-сенаторы, когда я оцениваю наше опасное положение и когда размышляю над предложениями, внесенными кое-кем из сенаторов²⁶⁶. (3) Они, мне кажется, рассуждали о наказании тех, кто готовил войну против родины, родителей, своих алтарей и очагов; положение дел, однако, заставляет нас не столько обсуждать постановление насчет них, сколько себя от них оградить. (4) Ведь за другие деяния можно преследовать тогда, когда они уже совершены; не предотвратив этого, когда оно случится, напрасно станем взывать к правосудию: когда город захвачен, побежденным не остается ничего²⁶⁷. (5) Но — во имя бессмертных богов! — призываю вас, которые всегда дома свои, усадьбы, ста-

ту и картины ставили выше интересов государства²⁶⁸; если вы хотите сохранить все, чем дорожите, каково бы оно ни было, если вы хотите наслаждаться на досуге, то пробудитесь, наконец, и принимайтесь за дела государства. (6) Дело идет уже не о податях и не о несправедливостях по отношению к союзникам²⁶⁹; свобода и само существование наше — под угрозой.

(7) Много раз, отцы-сенаторы, я подолгу говорил в этом собрании; часто сетовал я на развращенность и алчность наших граждан, и у меня поэтому много противников. (8) Поскольку я никогда не прощал себе ни одного проступка, даже в помыслах, мне нелегко было проявлять снисходительность к чужим злодеяниям и порокам²⁷⁰. (9) Вы, правда, не придавали моим словам большого значения, но положение в государстве тогда было прочным: его могущество допускало вашу беспечность. (10). Но теперь речь идет не о том, хороши или плохи наши нравы, и не о величии или великолепии державы римского народа, а о том, будут ли все эти блага, какими бы они нам ни казались, нашими или же они вместе с нами достанутся врагам. (11) И здесь мне еще говорят о мягкости и жалости!²⁷¹ Мы действительно уже давно не называем вещи своими именами: раздавать чужое имущество именуется щедростью²⁷², отвага в дурных делах — храбростью; поэтому государство и стоит на краю гибели. (12) Что ж, раз уж таковы нравы — пусть будут щедры за счет союзников, пусть будут милостивы к казнокрадам, но крови нашей пусть не расточают и, щадя кучку негодяев, не губят всех честных людей.

(13) Прекрасно и искусно построил свою речь²⁷³, Гай Цезарь незадолго до меня рассуждал в этом собрании о жизни и смерти, надо думать, считая вымыслом то, что рассказывают о подземном царстве, — будто дурные люди пребывают там далеко от честных, в местах мрачных, диких, ужасных и вызывающих страх²⁷⁴. (14) И он предложил забрать в казну имущество заговорщиков, а их самих содержать под стражей в муниципиях, очевидно опасаясь, что, если они будут в Риме, их силой освободят участники заговора или подкупленная толпа; (15) как будто дурные и преступные люди находятся только в Городе, а не во всей Италии, как будто наглость не сильнее там, где защита слабее²⁷⁵. (16) Следовательно, его соображения бесполезны, если он опасается их; если же при таком всеобщем страхе он один не боится, то тем больше у меня оснований бояться и за себя, и за вас²⁷⁶. (17) Поэтому, когда будете принимать решение насчет Публия Лентула и остальных, твердо помните, что вы одновременно выносите приговор войску Катилины и всем заговорщикам. (18) Чем непреклоннее будете вы действовать, тем больше будут они падать духом; если они усмотрят малейшую вашу слабость, то все, кто преисполнен наглости, немедленно окажутся здесь.

(19) Не думайте, что предки наши с помощью оружия сделали государство из малого великим²⁷⁷. (20) Будь это так, оно было бы у нас гораздо прекраснее, так как союзников и граждан, а кроме того, оружия и лошадей у нас больше, чем было у них. (21) Но они обладали другими качествами, возвеличившими их и отсутствующими у нас: на родине трудолюбие, за рубежом справедливая власть, в советах свобода духа, не отягощенная ни совершёнными проступками, ни пристрастием. (22) А у нас вместо этого — развращенность и алчность, в государстве — бедность, в частном быту роскошь²⁷⁸, мы восхваляем богатства и склонны к праздности; между добрыми и дурными людьми различия нет; все награды за доблесть присваивает честолюбие. (23) И ничего удивительного: так как каждый из вас в отдельности думает только о себе, так как в частной жизни вы рабы наслаждений, а здесь²⁷⁹ — денег и влияния, [могущественных людей], то именно поэтому государство, оставшееся без защиты, и подвергается нападению.

Но я об этом говорить не буду. (24) Заговор устроили знатнейшие граждане, чтобы предать отечество огню; галльского племени, яростно ненавидящее все, что именуется римским²⁸⁰, склоняют к войне; вражеский полководец с войском у нас на плечах. (25) А вы? Медлите даже теперь и не знаете, как поступить с врагами, схваченными внутри городских стен? (26) Я предлагаю: пощадите их: преступление ведь совершили юнцы²⁸¹ из честолюбия. Отпустите их, даже с оружием. (27) Но берегитесь, как бы ваши мягкость и сострадание, если люди эти возьмутся за оружие, не обернулись несчастьем! (28) Положение само по себе, разумеется, трудное, но, быть может, вы не боитесь его. Дает же, оно необычайно страшит вас, но вы, по лености и вялости своей — каждый ожидая, что начнет другой, — медлите, очевидно полагаясь на бессмертных богов, не раз спасавших наше государство во времена величайших опасностей. (29) Не обеты и не бабьи молитвы обеспечивают нам помощь богов, бдительность, деятельность, разумные решения — вот что приносит успех во всем; пребывая в беспечности и праздности, умолять богов бесполезно: они разгневаны и враждебны.

(30) Некогда Авл Манлий Торкват во время галльской войны повел казнить своего сына за то, что тот, нарушив приказ, вступил в бой с врагом²⁸². (31) И этот замечательный юноша за свою неумеренную отвагу поплатился жизнью. (32) А вы медлите с приговором жесточайшим паррицидам? (33) Очевидно, вся их прежняя жизнь не позволяет обвинить их в этом преступлении. Что ж, снизойдите к высокому положению Лентула, если сам он когда-нибудь оберегал свою стыдливость, свое доброе имя, щадил кого-либо из богов или людей; простите Цетега по молодости лет, хотя он уже во второй раз пошел войной против отечества²⁸³. (34) Стоит ли мне говорить о Габинии.

Статилии, Цепарии? Если бы для них когда-нибудь хоть что-нибудь имело значение, они не вынашивали бы таких замыслов в отношении государства.

(35) Наконец, отцы-сенаторы, будь у нас еще время, чтобы допустить промах, я, клянусь Геркулесом, охотно примирился бы с тем, чтобы вас поправили сами обстоятельства, раз вы не обращаете внимания на слова. Но мы окружены со всех сторон; Катилина с войском хватает нас за горло; внутри наших стен, и притом в самом сердце Города, находятся и другие враги, и тайно мы ничего не можем ни подготовить, ни обсудить; тем более нам надо торопиться.

(36) Поэтому предлагаю: «Так как вследствие нечестивого замысла преступных граждан государство оказалось в крайней опасности и так как они, избобленные наказаниями Тита Вольтурция и послов аллоброгов, сознались в том, что подготовили против своих сограждан и отечества резню, поджоги и другие гнусные и жестокие злодеяния, то сознавшихся, как схваченных с поличным на месте преступления, надлежит казнить по обычаю предков»²⁸⁴.

53. (1) Когда Катон сел, все консуляры и большинство сенаторов одобрили его предложение и стали превозносить до небес его мужество²⁸⁵. Бранясь между собой, они обзывали друг друга трусами²⁸⁶. Катона же назвали достославным и великим человеком; сенат принял постановление в соответствии с его предложением.

(2) Я много читал, много слышал о славных подвигах римского народа, совершенных им во времена мира и на войне, на море и на суше, и мне захотелось выяснить, что более всего способствовало этому. (3) Я знал, что малочисленные римские отряды нередко бились с большими легионами врагов²⁸⁷; я установил, что римляне малыми силами вели войны с могущественными царями; что они при этом часто переносили жестокие удары Фортуны; что красноречием римляне уступали грекам²⁸⁸, а военной славой — галлам²⁸⁹. (4) И мне после долгих размышлений стало ясно, что все это было достигнуто выдающейся доблестью немногих граждан и именно благодаря ей бедность побеждала богатство, малочисленность — множество. (5) Но когда роскошь и праздность развратили гражданскую общину, государство благодаря своему могуществу все-таки держалось, несмотря на пороки военачальников и магистратов, и, словно обесиленный родами, Рим долгие годы не порождал человека великой доблести²⁹⁰. (6) Но на моей памяти выдающейся доблестью, правда, при несходстве характеров, отличались два мужа — Марк Катон и Гай Цезарь. Так как в своем повествовании я столкнулся с ними, то я решил не умалчивать о них, но, насколько позволяют мои способности, описать натуру и нравы каждого из них.

54 (1) Итак, их происхождение, возраст, красноречие были по-

чти равны²⁹¹; величие духа у них, как и слава, были одинаковы, но у каждого — по-своему. (2) Цезаря за его благодеяния и щедрость считали великим, за безупречную жизнь — Катона. Первый прославился мягкосердечием и милосердием²⁹², второму придавала достоинства его строгость. (3) Цезарь достиг славы, одаривая, помогая²⁹³, прощая, Катон — не наделяя ничем. Один был прибежищем для несчастных, другой — погибелью для дурных. Первого восхваляли за его снисходительность, второго — за его твердость. (4) Наконец, Цезарь поставил себе за правило трудиться, быть бдительным; заботясь о делах друзей, он пренебрегал собственными, не отказывал ни в чем, что только стоило им подарить; для себя самого желал высшего командования, войска, новой войны²⁹⁴, в которой его доблесть могла бы заблестать. (5) Катона же отличали умеренность, чувство долга, но больше всего суровость. (6) Он соперничал не в богатстве с богатым и не во власти с властолюбцем, но со стойким в мужестве, со скромным в совестливости, с бескорыстным в воздержности. Быть честным, а не казаться им предпочитал он²⁹⁵. Таким образом, чем меньше искал он славы, тем больше следовала она за ним²⁹⁶.

55. (1) Когда сенат, как я уже говорил, одобрил²⁹⁷ предложение Катона, консул, сочтя за лучшее не дожидаться ночи, поскольку за это время могло произойти что-нибудь неожиданное, приказывает тресвирам²⁹⁸ приготовить все необходимое для казни; (2) сам он, расставив стражу, отводит Лентула в тюрьму; преторы поступают так же с другими заговорщиками. (3) В тюрьме, если немного подняться влево, есть подземелье, называемое Туллиевым²⁹⁹ и приблизительно на двенадцать футов уходящее в землю. (4) Оно имеет сплошные стены и каменный сводчатый потолок; его запущенность, потемки, зловоние производят отвратительное и ужасное впечатление. (5) Как только Лентула спустили туда, палачи, исполняя приказание, удавили его петлей. Так этот патриций из прославленного Корнелиева рода, когда-то облеченный в Риме консульской властью, нашел конец, достойный его нравов и поступков. Цетег, Статилий, Габиний и Цепарий были казнены таким же образом³⁰⁰.

56. (1) Пока это происходило в Риме, Катилина составил из тех, кого он сам привел в лагерь и кто был у Манлия, два легиона³⁰¹; когорты он образовал в соответствии с численностью воинов. (2) Затем, по мере того как в лагерь прибывали добровольцы или сообщники, он равномерно распределял их и вскоре пополнил легионы нужным числом людей, тогда как вначале у него было не более двух тысяч солдат. (3) Но из всего войска настоящим воинским оружием была снабжена приблизительно лишь четвертая часть; остальные — как кого вооружил случай — носили дротики или копья; иные — заостренные колья. (4) Но когда Антоний стал приближаться со своим войском, Катилина

двинулся по горам — то в сторону Города, то в сторону Галлии, не давая врагам сражения; он надеялся, что у него вскоре будут крупные силы, если в Риме его сообщники осуществят свои намерения. (5) Между тем рабов, которые вначале толпами сбегались к нему, он отсылал прочь, полагаясь на силы заговорщиков и одновременно считая невыгодным для себя впечатление, будто он связал дело граждан с делом беглых рабов³⁰².

57. (1) Но когда в лагере узнали, что в Риме заговор раскрыт, что Лентул, Цетег и другие, названные мною выше, казнены, большинство солдат Катилины, которых на путь войны увлекла надежда на грабежи, а вернее, желание переворота, стали разбегаться; остальных он большими переходами через малодоступные горы отвел в область Пистории, намереваясь незаметно уйти по тропам в Трансальпийскую Галлию³⁰³. (2) Но Квинт Метелл Целер оборонял тремя легионами Пиценскую область, полагая, что ввиду трудности положения Катилина попытается сделать то, о чем говорилось выше. (3) И вот, узнав от перебежчиков о передвижении Катилины, он быстро выступил в поход и укрепился у самого подножья гор, куда тот должен был спуститься для быстрого перехода в Галлию³⁰⁴. (4) Впрочем, и Антоний был недалеко, идя с большим войском по пятам Катилины и легко двигаясь по более ровной местности. (5) Увидев, что он отрезан горами и вражескими войсками, что в Городе его постигла неудача и что ни на бегство, ни на поддержку никакой надежды нет, Катилина, придя к выводу, что в таком положении лучше всего попытаться счастья в бою, решил возможно скорее сразиться с Антонием³⁰⁵. (6) И вот, созвав воинов на сходку, он произнес речь приблизительно такого содержания:

58. (1) «Мне хорошо известно, солдаты, что слова не прибавляют доблести и что от одной речи полководца войско не становится из слабого стойким, храбрым из трусливого³⁰⁶. (2) Какая отвага свойственна каждому из нас от природы или в силу воспитания, такой она проявляется и на войне. Кого не воодушевляют ни слава, ни опасности, того уговаривать бесполезно: страх закладывает ему уши. (3) Но я созвал вас, чтобы дать несколько наставлений и вместе с тем объяснить причину своего решения.

(4) Вы, конечно, знаете, солдаты, какое огромное бедствие принесли нам и самому Лентулу его беспечность и трусость и почему я, ожидая подкреплений из Города, не смог направиться в Галлию. (5) Но теперь все вы так же хорошо, как и я, понимаете, в каком мы положении. (6) Два вражеских войска³⁰⁷, одно со стороны Города, другое со стороны Галлии, преграждают нам путь. Находиться в этой местности, даже если бы мы очень захотели, нам больше не позволяет недостаток зерна и других припасов. (7) Куда бы мы ни решили направиться, нам надо пролагать себе путь мечом. (8) Поэтому призываю вас быть храбрыми

и решительными и, вступив в бой, помнить, что богатства, почести, слава, а также свобода и отечество — в ваших руках. (9) Если мы победим, нам достанется все; продовольствия будет в изобилии, муниципии и колонии откроют перед нами ворота. (10) Если же мы в страхе отступим, это обернется против нас, и ни местность, ни друг не защитят того³⁰⁸, кого оружие не защитит. (11) Более того, солдаты, наши противники не находятся в таком же угрожаемом положении, в каком мы: мы боремся за отечество, за свободу, за жизнь³⁰⁹, для них же нет никакой надобности сражаться за власть немногих людей. (12) Тем отважней нападайте, помня о своей прежней доблести. (13) Вы были вольны с величайшим позором для себя влачить жизнь в изгнании³¹⁰; кое-кто из вас, лишившись своего достоинства в Риме, мог рассчитывать на постороннюю помощь. (14) Поскольку такое положение вам казалось мерзким и нестерпимым для мужчины, вы решили разделить со мной эти опасности. (15) Если хотите избавиться от них, вам нужна отвага: один лишь победитель достигает мира ценой войны. (16) Ведь искать спасения в бегстве, отвернув от врага оружие, защищающее наше тело, — подлинное безумие³¹¹. (17) В сражении наибольшая опасность всегда грозит тому, кто больше всего боится. Отвага заменяет собой крепостную стену.

(18) Когда я смотрю на вас, солдаты, и думаю о ваших подвигах, меня охватывает великая надежда на победу. (19) Ваше присутствие духа, молодость, доблесть воодушевляют меня, как и [сознание] неизбежности, которая даже трусов делает храбрыми. (20) Ведь враг, несмотря на свое численное превосходство, окружить нас не может: ему мешает недостаток места. (21) Но если Фортуна не пощадит вашей доблести, не позволяйте врагам с легкостью перебить вас и, чтобы вас, взятых в плен, не перерезали, как скотину, сражайтесь, как подобает мужчинам, если же враги одержат над вами победу, пусть она будет кровавой и горестной».

59. (1) Сказав это, Катилина, чуть помедлив, велит проиграть сигнал и выводит на равнину войско, построенное рядами; затем, спешив всех³¹², дабы придать солдатам мужества, уравнив всех перед опасностью, расставляет войско сообразно с местностью и его составом: (2) так как равнина лежала между горной цепью слева и крутыми скалами справа, то Катилина выставил вперед восемь когорт, а остальные разместил в резерве более тесным строем. (3) Из них он перевел в первый ряд центурионов, всех отборных и вторично призванных солдат, а из рядовых — всех наилучших, имевших оружие. Правым крылом он приказал командовать Гаю Манлию, левым — некоему фезуланцу; сам же вместе с вольноотпущенниками и колонами³¹³ встал рядом с орлом³¹⁴, по преданию находившимся в войске Гая Мариа во время войны с кимврами.

(4) В рядах прогивника Гай Антоний, страдавший болезнью ног³¹⁵, вверил войско своему легату Марку Петрею³¹⁶, так как сам не мог участвовать в сражении. (5) Тот выставил вперед когорты ветеранов, которых он призвал ввиду угрожающего положения³¹⁷, позади них — остальное войско в резерве. Сам он, верхом объезжая ряды, обращался к каждому солдату по имени, ободрял их, напоминал, что они с безоружными разбойниками сражаются за отечество, за своих детей, за алтари и очаги. (6) Старый военный, более тридцати лет прослуживший в войсках как трибун, префект, легат, претор³¹⁸, он знал в лицо большинство солдат и их подвиги; упоминая о них, он зажигал в солдатах мужество.

60. (1) Произведя смотр всем своим силам, Петрей подает сигнал трубой и приказывает когортам медленно наступать; то же делает и неприятель. (2) Сблизившись настолько, чтобы легковооруженные смогли завязать сражение³¹⁹, противники с оглушительными криками сошлись со знаменами наперевес; солдаты отбрасывают копья, пускают в ход мечи. (3) Ветераны, вспомнив былую доблесть, ожесточенно теснят врагов в рукопашной схватке; те храбро дают им отпор, сражаются с величайшим пылом. (4) В это время Катилина с легковооруженными находился в первых рядах, поддерживал колебавшихся, заменял раненых свежими бойцами, заботился обо всем, нередко бился сам, часто поражал врага; был одновременно и стойким солдатом, и доблестным полководцем. (5) Петрей, увидев, что Катилина вопреки ожиданиям яростно сопротивляется, бросил преторскую когорту³²⁰ против центра вражеского строя и перебил солдат, беспорядочно и в разных местах дававших отпор в одиночку; затем он напал на остальных солдат на обоих флангах. (6) Манлий и фезуланец пали, сражаясь в первых рядах. (7) Заметив, что его войско рассеяно и он остался с кучкой солдат, Катилина, помня о своем происхождении, бросается в самую гущу врагов, и там в схватке его закалывают.

61. (1) Только тогда, когда битва завершилась, и можно было увидеть, как велики были отвага и мужество в войске Катилины. (2) Ибо чуть ли не каждый, испустив дух, лежал на том же месте, какое он занял в начале сражения. (3) Несколько человек в центре, которых рассеяла преторская когорта, лежали чуть в стороне, но все, однако, раненные в грудь. (4) Самого Катилину нашли далеко от его солдат, среди вражеских тел. Он еще дышал, и его лицо сохраняло печать той же неукротимости духа, какой он отличался при жизни. (5) Словом, из всего войска Катилины ни в сражении, ни во время бегства ни один полноправный гражданин не был взят в плен, (6) так мало все они щадили жизнь — как свою, так и неприятеля. (7) Однако победа, одержанная войском римского народа, не была ни радостной, ни бескровной ибо все самые стойкие бойцы либо пали, либо покинули

поле боя тяжело ранеными. (8) Но многие солдаты, вышедшие из лагеря осмотреть поле битвы и пограбить³²¹, находили, переворачивая тела врагов, один — друга, другой — гостеприимца или родича; некоторые узнавали и своих недругов, с которыми бились. (9) Так все войско испытывало разные чувства: ликование и скорбь, горе и радость.

arguere. omnia praevidere. multum ipse pugnae prope hostes ferire; strenuissimi. & boni ut peritoris officia simul exercebant. Saevius ubi uidebat caelina. contra actus erat magna cedere. cohortem praetoriam in medio hostium inducit. eosque percutit. atque ab osalibirententor. inter fuit. Deinde ut inque & lateribus ceteros aggreditur manus & ferulonis imprimis pugnae cadunt postquam furas copias sequitur paucis relictis uidebat memor generis atque prius uirgaedignitas. inconfertissimos hostes incurrat. Ibiq; pugnant confoditur Sed confecto praedio. tum uero cornos quanta audacia. quantaq; animus fuit in gero. uicaciter. Nam frequenter quisq; uiuus pungendo loci caepere cum manus sua anima ut potest egobat paula autem quos medio cohortis praetoriam disicerat paulo a uersis. sed omnia tamen aduersi sui uulneribus conciderant. Caelina uero longae uis in hostium cadavera reperit. paululum etiam spirant. ferociaq; antiquam habuerat uiuus in uultu dinens; postremo ex omni copia. neq; in praetoriam; in fuga. quisquam uis ingenuus captus est; ita cum de sua hostiumq; ut praetoriam; neq; tam gero. P. R. L. etiam in ueniam tam uicaciter adoperis erat. Nam strenuissimi quisq; aut occiderat in praedio aut graue uulneratus discesserat Multa uero quae caeteris uisendi. aut spoliandigratia processerant. uolentes hostia cadavera. amici alii. pars hos praetoriam. aut cognati reperiebant. Fuit etiam. qui inimicos suos cognoscerent ita ut praetoriam gero. L. etiam meror. lucas atq; ga uia agnabant. ut

C SALVUS TII CRISPI BELLVM CATILINAE

EXPLICIT INCIPIT BELLVM IUGURTHINVM

FALSO QUERITUR DE NATURA SUA GENUS humanum. quod in beallatq; auibit. fortioris quam in praetoriam. Nam conetate gerendo neq; mansueto. neq; praetoriam uis inueniat. magisq; natura industria hominum. quam in aut tempus deesse. Sed dux atq; in praetoriam. ut praetoriam animus est. quibus etiam

Гай Саллюстий Крисп. О заговоре Катилины (окончание); Югуртинская война (начало). Codex Parisinus 16024 (IX в.).

ЮГУРТИНСКАЯ ВОЙНА

1. (1) Несправедливо сетует на природу свою род людской — будто ею, слабой и недолговечной¹, правит скорее случай, чем доблесть. (2) Ведь, наоборот, по зрелом размышлении не найти ничего, ни более великого, ни более выдающегося, и [надо признать, что] природе нашей недостает скорее настойчивости, чем сил или времени. (3) Далее, жизнью людей руководит и правит дух². Когда он к славе стремится, идя по пути доблести, он всемогущ, всемогущ и блистателен и не нуждается в помощи Фортуны; ибо честности, настойчивости и других хороших качеств не придать никому и ни у кого не отнять. (4) Но если человек, охваченный дурными страстями, погряз в праздности и плотских наслаждениях, после того как некоторое время предавался губительному сладострастию, то он, как только у него ввиду нестойкости его духа не станет сил, времени и способностей, винит в этом немощь своей природы; погрешившие взводят вину, каждый свою, на обстоятельства³. (5) Ведь если бы у людей была такая же большая забота об истинной доблести, как велико их рвение, с каким они добиваются чуждого им, не сулящего им никакой пользы и во многом даже опасного «и губительного», то не столько ими управляли бы события, сколько сами они ими управляли бы и достигали при этом такого величия, что их слава приносила бы им бессмертие.

2. (1) Ибо, как человек состоит из тела и из души, так все наши действия и склонности следуют одни — природе тела, другие — природе души. (2) Ведь прекрасная внешность, большое богатство, как и сила тела и все прочее в этом роде, быстро разрушаются, но выдающиеся деяния ума, как и душа, бессмертны. (3) Словом, для благ, относящихся к телу и имуществу, существуют как начало, так и конец, и все возникшее уничтожается, а растущее стареет; дух же, нетленный, вечный правитель человеческого рода, движет всем и правит всем, а им не правит ничто. (4) Тем более следует удивляться порочности тех, кто, предавшись плотским удовольствиям, проводит свой век в роскоши и бездельи, но уму своему, лучше и выше которого в человеческой природе нет ничего, позволяет коснеть в небрежении и вялости, особенно когда столь многочисленны и столь разнообразны занятия для духа, приносящие людям величайшую славу

3. (1) Из них магистратуры и командование⁴, словом, всякая забота о делах государственных, в наше время⁵ совсем не ка-

жуются мне желанными, так как, с одной стороны, не доблести подается почет, с другой стороны, те, кому он достался путем обмана, не обретают ни безопасности, ни большего почета⁶. (2) Ибо посредством насилия править родиной или родными⁷ ты, правда, можешь и при этом пресечешь злоупотребления, но это небезопасно — тем более что все перевороты предвещают резню, изгнание и другие враждебные действия. (3) Но стараться понапрасну и, затратив много сил, пожинать одну только ненависть — полное безумие; (4) разве только кем-нибудь случайно овладеет позорное и пагубное желание пожертвовать ради могущества кучки людей своей честью и свободой.

4. (1) Однако среди других умственных занятий наибольшую пользу приносит повествование о прошлом. (2) Так как о ценности этого повествования высказывались многие, то я нахожу нужным о ней умолчать — также и для того, чтобы никто не подумал, что я по заносчивости сам расхваливаю свое усердие. (3) Но, пожалуй, найдутся люди, которые — раз я решил жить вдали от дел государства — назовут такой большой и такой полезный труд плодом праздности, люди, которым, несомненно, кажется величайшей деятельностью приветствовать народ и угощениями добиваться его благосклонности⁸. (4) Если они задумаются над тем, в какие времена достиг магистратур я⁹, какие мужи добиться этого же не смогли¹⁰ и какие люди вошли в сенат впоследствии¹¹, то они, конечно, признают, что я скорее с полным основанием, а не из лениости переменил свое решение и что государство получит от моего досуга¹² выгоду большую, чем от деятельности других. (5) Ведь я не раз слышал, что Квинт Максим, Публий Сципион¹³ и другие прославленные мужи нашей гражданской общины говаривали, что они, глядя на изображения своих предков¹⁴, загораются сильнейшим стремлением к доблести. (6) Разумеется, не этот воск и не этот облик оказывает на них столь большое воздействие; нет, от воспоминаний о подвигах усиливается это пламя в груди выдающихся мужей и успокаивается не ранее, чем их доблесть сравнивается с добрым именем и славой их предков. (7) А найдется ли при нынешних нравах человек, который поспорил бы со своими предками честностью и настойчивостью, а не богатством и расточительностью? Даже новые люди, когда-то доблестью своей обыкновенно превосходившие знать, добиваются власти и почестей не столько честным путем, сколько происками и разбоем; (8) как будто претора и консулат и все другие должности того же рода славны и великолепны сами по себе, а не считаются такими в зависимости от доблести тех, кто их занимает¹⁵. (9) Я, однако, увлекся и зашел чересчур далеко, так как нравы сограждан вызывают во мне тоску и досаду; возвращаюсь теперь к своему повествованию.

5. (1) О войне писать я буду — той, что народу римскому пришлось вести с нумидийским царем Югуртой, — во-первых,

потому что она была трудна и жестока и шла с переменным успехом; во-вторых, потому, что тогда впервые был дан отпор гордости знати¹⁶. (2) Борьба эта перемешала все божеское и человеческое и дошла до такого безумия, что гражданским распрям¹⁷ положили конец только война и опустошение Италии. (3) Но прежде чем описывать эти события, возвращусь несколько назад, дабы все было более понятным и более очевидным.

(4) Во время второй Пунической войны, когда карфагенский полководец Ганнибал нанес Италии ущерб, беспремерный с тех пор, как Рим достиг могущества, нумидийский царь Масинисса¹⁸, удостоенный нашей дружбы Публием Сципионом, который впоследствии за свою доблесть получил прозвище «Африканский»¹⁹, совершил много, и притом замечательных, воинских подвигов. Ввиду этого после победы над карфагенянами и пленения Сифакса²⁰, стоявшего во главе обширной и могущественной державы в Африке, римский народ все города и земли, захваченные в войне, принес в дар царю. (5) Поэтому Масинисса оставался нашим добрым и верным другом. Но его смерть была и концом его державы.

(6) Затем сын его, Миципса, получил единоличную царскую власть, так как его братья Мастанабал и Гулусса умерли от болезни²¹. (7) У Миципсы были сыновья Адгербал и Гиempсал, а сына Мастанабала Югурту, которого Масинисса, как прижитого от наложницы, оставил частным лицом²², он держал у себя в доме, воспитывая его наравне с собственными сыновьями.

6. (1) Когда Югурта вырос, он в расцвете сил, красивый лицом и еще более выдающийся умом, не опустился до развращающих роскоши и праздности, но, по обычаю своего народа, скакал верхом, метал копье, состязался со сверстниками в беге, и, хотя он всех превосходил славой, все его любили. Кроме того, он проводил много времени на охоте, первым или одним из первых поражал льва или иного дикого зверя; больше всех делал, меньше всех говорил о себе. (2) Миципса вначале этому радовался, полагая, что доблесть Югурты прославит его царствование; однако поняв, что при его преклонных летах и при молодости его сыновей юноша приобретает все большее влияние, он, весьма озабоченный этим, над многим стал задумываться. (3) Его страшила человеческая натура, жадная до власти и неудержимая в исполнении своих желаний; кроме того, возраст его и его сыновей, позволяющий даже скромному человеку в надежде на добычу встать на превратный путь; наконец, разгоревшаяся в нумидийцах преданность Югурте, которая, устрани он предательски такого мужа, могла бы, как он опасался, привести к мятежу или войне.

7. (1) Столкнувшись с этими затруднениями и понимая, что человека, столь угодного народу, ему не устранить ни силой, ни

хитростью, поскольку Югурта был храбрым воином и стремился к воинской славе, Миципса решил подвергнуть его опасностям и так испытать судьбу. (2) И вот во время Нумантинской войны²³, посылая римскому народу вспомогательные войска — конницу и пехоту, Миципса, рассчитывая на то, что Югурта, либо кичась своей доблестью, либо из-за свирепости врагов, скорее всего, погибнет, назначил его начальником нумидийцев, которых он посылал в Испанию. (3) Но все обернулось совсем не так, как он думал. (4) Ибо, как только Югурта, обладавший быстрым и острым умом, узнал характер Публия Сципиона, тогда командовавшего римлянами, и повадки врагов, он ценой многих трудов и многими стараниями, а кроме того, беспрекословно повинувшись Сципиону и часто подвергаясь опасностям, быстро стал настолько известен, что наши горячо полюбили его, нумантинцам же он внушал величайший ужас. (5) И в самом деле, — это необычайно трудно — он был в бою храбр и разумен в совете; второе обыкновенно делает предусмотрительного боязливым, первое — отважного опрометчивым²⁴. (6) И вот командующий стал поручать Югурте чуть ли не все трудные дела, считать его одним из своих друзей, с каждым днем ценить его все больше и больше, так как и советы, и действия его всегда приносили удачу. (7) К этому присоединялись щедрость души и изощренность ума, и этим Югурта приобрел близкую дружбу многих римлян.

8. (1) В те времена в наших войсках было весьма много новых и знатных людей, предпочитавших богатство добру и чести, имевших поддержку в Риме, могущественных среди союзников и не столько почитаемых, сколько известных. Посулами своими они всячески разжигали честолюбие Югурты: умри царь Миципса, ему одному достанется Нумидийская держава — ведь он наделен необычайной доблестью, в Риме же все продажно.

(2) Но когда после разрушения Нуманции Публий Сципион решил отпустить вспомогательные войска, а сам возвратиться на родину, он, наградив Югурту и высказав ему величайшую хвалу на солдатской сходке, увел его в свой шатер²⁵ и там доверительно посоветовал ему поддерживать дружбу с римским народом официально, а не частным путем и не быть щедрым к кому угодно: опасно-де покупать у нескольких человек то, что принадлежит многим; если он захочет оставаться верен своим правилам, то к нему сами собой придут и слава, и царская власть; если же он проявит чрезмерную торопливость, то его же деньги увлекут его в пропасть.

9. (1) Сказав это, Сципион отпустил Югурту, вручив ему письмо к Миципсе; оно было такого содержания: (2) «В Нумантинской войне твой Югурта проявил величайшую доблесть, что тебя, я уверен, обрадует. За его заслуги я полюбил его; к тому, чтобы сенат и римский народ отнеслись к нему так же, я приложу всяческие старания. Тебя же, помня о нашей дружбе,

поздравляю. Этот муж достоин тебя и деда своего Масиниссы».

(3) И вот царь, которому письмо полководца подтвердило то, что он знал по слухам, встревоженный и доблестью, и влиянием Югурты, изменил свое отношение к нему и начал подкупать его милостями; он тотчас же усыновил его²⁶ и в завещании назначил своим наследником наравне с сыновьями. (4) Сам он через несколько лет, удрученный болезнями и старостью, понимая, что конец его близок, в присутствии друзей и родичей, а также сыновей своих Адгербала и Гиемпсала, как говорят, сказал Югурте приблизительно следующее:

10. (1) «Малым ребенком, потерявшим отца, лишенным средств и надежд на будущее, взял я тебя, Югурта, в царский дом, полагая, что за благодеяния свои стану тебе не менее дорог, чем был бы, породив тебя. И в этом я не ошибся. (2) Ибо, даже если не говорить о твоих других ценных и выдающихся качествах, ты, совсем недавно²⁷ возвратившись из-под Нуманции, прославил меня и мое царствование и доблестью своей сделал римлян, наших друзей, нашими величайшими друзьями. В Испании славе нашего рода придан новый блеск²⁸. Словом, — и это самое трудное для людей — ты славой своей одолел зависть²⁹

(3) Ныне, так как природа полагает предел моей жизни, то этой вот правой рукой³⁰, честным словом царя прошу и заклинаю тебя: люби моих сыновей, по рождению твоих близких, а ввиду моей милости к тебе — братьев, и не приближай к себе сторонних людей, вместо того чтобы держать при себе кровно с тобой связанных. (4) Не войско и не сокровища — оплот царствования, но друзья, которых невозможно ни оружием заставить, ни золотом добыть: их приобретают исполнением долга и верностью. (5) Кто лучший друг, чем брат брату? Иными словами, кто из сторонних людей окажется верен тебе, если близким своим ты врагом будешь? (6) Я, со своей стороны, передаю вам царство крепким, если будете честными людьми; если же будете дурными, то — слабым. Ибо согласием малые государства укрепляются, от разногласия величайшие распадаются. (7) Но тебе, Югурта, старшему годами и мудростью, больше, чем им, подобает заботиться о том, чтобы все было благополучно. Ведь во всякой борьбе более могущественный, даже если он терпит обиду, все же, так как он сильнее, кажется обидчиком. (8) Вы же, Адгербал и Гиемпсал, чтите, уважайте этого достойного мужа, подражайте ему в доблести и старайтесь не создавать впечатление, будто я взял на руки³¹ сына лучшего, чем те, которых я породил».

11. (1) Югурта, хотя и понимал, что царь говорил неискренне и тайл в душе совсем другое, все-таки, сообразуясь с обстоятельствами, ответил на это благожелательно. (2) Через несколько дней Миципса умер. Молодые цари, с царским великодушием отдав ему последний долг, собрались обсудить сообща

все дела. (3) И вот Гиемпсал, самый младший из них, жестокий от природы, уже и прежде презиравший Югурту за его незнатность, так как он не был равен им ввиду происхождения своей матери, сел справа от Адгербала, чтобы Югурта не оказался в середине, что считается у нумидийцев почетным. (4) Однако затем, уступив настояниям брата воздать должное летам, он с трудом согласился пересечь по другую сторону. (5) Когда они подробно обсуждали дела правления, Югурта среди прочего заметил, что следовало бы отменить все постановления и решения последнего пятилетия, ибо в течение этого срока Миципса, удрученный годами, был слаб рассудком. (6) На это Гиемпсал ответил, что и он такого мнения, ибо сам Югурта в течение последних трех лет приобщился к царствованию через усыновление³². (7) Эти слова запали Югурте в сердце глубже, чем можно было подумать. (8) И с этого времени он, охваченный гневом и опасениями, замышлял, готовил и таил в душе лишь одно — как бы ему хитростью захватить Гиемпсала. (9) Когда исполнение этого замысла затянулось, а его неукротимая злоба не смягчалась, он решил добиться своего любым способом.

12. (1) Во время первой встречи царей, о которой я говорил выше, из-за разногласий было решено разделить сокровища³³ и для каждого установить границы владений. (2) И вот назначается время для всех этих действий, но прежде всего для раздела имущества. В ожидании этого цари разъехались, каждый в свою сторону, близко от места, где хранились сокровища. (3) Гиемпсал в городе Фирмиде случайно попал в дом человека, который, как ближайший ликтор³⁴ Югурты, всегда пользовался его расположением и доверием. Югурта не скупится на обещания этому неожиданно повернувшемуся ему пособнику и поручает ему отправиться к себе в дом якобы для его осмотра и подобрать вторые ключи к входным дверям; ибо первые ключи [каждый вечер] вручались Гиемпсалу; впрочем, сам он в нужное время прибывает с большим отрядом. (4) Нумидиец быстро исполняет поручение и, как его научили, ночью приводит солдат Югурты. Они, ворвавшись в дом, в разных местах стали искать царя, убивать одних людей сонных, других — попадавших им навстречу, обыскивать потаенные места, взламывать запоры, все заполнять шумом и вызывать смятение; тем временем находят Гиемпсала, спрятавшегося в каморке рабыни, где он, испугавшись и не зная дома, вначале нашел убежище. (6) Нумидийцы, как им приказали, доставляют Югурте его голову.

13. (1) Весть о таком ужасном злодеянии быстро разносится по всей Африке³⁵. Адгербала и всех бывших подданных Миципсы охватывает страх. Нумидийцы разделяются на две части: большинство становится на сторону Адгербала, на сторону другого³⁶ — более искушенные в войне. (2) Югурта снаряжает многочисленные войска, одни города присоединяет силой, другие —

с их согласия; он готовится править всей Нумидией. (3) Адгербал, хотя и отправил в Рим посланцев сообщить сенату об убийстве брата и о собственном печальном положении, все же, надеясь на свое многочисленное войско, готовился бороться с оружием в руках. (4) Но когда дело дошло до сражения, то он, будучи побежден, бежал с поля боя в Провинцию, а затем поспешил в Рим. (5) Югурта же, осуществив свои замыслы и захватив всю Нумидию, на досуге обдумывая содеянное, стал бояться римского народа и надеялся противопоставить его гневу только алчность знати и собственные деньги. (6) Поэтому он через несколько дней отправил в Рим послов с большим запасом золота и серебра и велел им прежде всего одарить его старых друзей³⁷, затем приобрести новых — словом, не мешкая, щедростью своей подготовить все, что только будет возможно. (7) Как только послы прибыли в Рим и, следуя наказу царя, передали богатые подарки его гостеприимцам и другим людям, имевшим тогда сильное влияние в сенате, произошла столь разительная перемена, что величайшая ненависть знати к Югурте сменилась ее расположением и благоволением к нему. (8) Одни в надежде [на награду], другие, будучи подкуплены, обходя сенаторов одного за другим, уговаривали их не выносить чересчур сурового решения насчет Югурты. (9) Когда послы уверились в успехе, сенат в назначенный день принял обе стороны. Тогда, как нам известно, Адгербал сказал следующее:

14. (1) «Отцы-сенаторы, отец мой Миципса, умирая, велел мне помнить, что только управление Нумидийским царством поручено мне. законная же верховная власть над ним — в ваших руках; в то же время [я должен] стараться и в мирное время, и во время войны быть возможно более полезным римскому народу и видеть в вас своих родных, своих близких: если я буду так поступать, то ваша дружба будет для меня войском, богатствами, опорой царствования. (2) Пока я следовал наставлениям своего родителя, Югурта, величайший из всех преступников, каких земля выносит³⁸, презрев вашу державу, меня, внука Масиниссы и прирожденного союзника и друга римского народа³⁹, лишил царской власти и всего имущества.

(3) Однако сам я, так как мне, отцы-сенаторы, пришлось испытать столь тяжкие злоключения, хотел бы просить вас о помощи не столько за услуги своих предков, сколько за мои личные, а более всего я желал бы, чтобы римский народ оказывал мне милости, в каких я бы не испытывал нужды, а уж если бы они понадобились, то, чтобы римляне оказывали их мне как мои должники. (4) Но так как честность сама по себе нуждается в защите и не от меня зависело, каков будет Югурта, то у вас ищу я прибежища, отцы-сенаторы, для которых — и это величайшее несчастье для меня — я вынужден быть бременем, прежде чем начать приносить вам пользу. (5) Другие цари либо, по-

бежденные в войне, были вами удостоены дружбы, либо, оказавшись в трудном положении, становились вашими союзниками: наш дом установил дружеские отношения с римским народом во времена Карфагенской войны, когда мог рассчитывать скорее на его верность своему слову, чем на его счастливую судьбу⁴⁰

(6) Не допускайте, отцы-сенаторы, чтобы я, потомок нумидийских царей, внук Масиниссы, тщетно просил вас о помощи!

(7) Не будь у меня никаких других оснований для получения помощи от вас, кроме моей жалкой судьбы, — того, что я, еще недавно царь, могущественный своим происхождением, добрым именем, богатствами, теперь, угнетенный бедствиями и беспомощный, ожидаю помощи со стороны — все же величию римского народа⁴¹ подобало бы пресечь противозаконие и не допускать, чтобы чье бы то ни было царство расширялось посредством преступления. (8) Но я сам был изгнан из тех пределов, какие римский народ предоставил моим предкам, — из тех, откуда мой отец и дед вытеснили Сифакса и карфагенян⁴². Ваших милостей лишили меня, отцы-сенаторы, вас презрели, совершив беззаконие по отношению ко мне!

(9) Увы, горе мне! Вот к чему, отец Миципса, привели твои милости: тот, кого ты сделал равным твоим сыновьям и участником в управлении царством, стал губителем твоего рода! Никогда, значит, семья наша не будет знать покоя? Всегда будет она страдать от кровопролития, от меча, от изгнания? (10) Пока карфагеняне были в силе, мы неизбежно терпели всяческие жестокости: враги были под боком, вы, друзья наши, — вдалеке; вся надежда наша была на оружие. После того как Африка была избавлена от этой чумы, мы с радостью наслаждались миром; ибо врагов у нас не было, разве только тот, на которого так смотреть нам приказали бы вы⁴³. (11) И вот Югурта, кичась своей нестерпимой наглостью, преступностью и гордостью, неожиданно убив моего брата и притом своего родственника, сперва завладел его царством, как добычей, затем, не в силах столь же коварно захватить меня, под защитой вашей державы менее всего ожидавшего насилия и войны, он добился того, что я, как видите, лишенный отчего дома, средств и подавленный несчастьями, в любом месте чувствую себя в большей безопасности, чем в собственном царстве.

(12) Сам я, отцы-сенаторы, разделяя мнение, которое при мне высказывал мой отец: те, кто строго соблюдает дружбу с вами, выполняют нелегкие обязанности, но зато находятся в большей безопасности, чем кто-либо другой. (13) Насколько это зависело от нашей семьи, она старалась поддерживать вас во всех войнах; наша безопасность во времена мира — в вашей власти, отцы-сенаторы! (14) Отец оставил нас, двух братьев; третьего, Югурту, думал он, милости его соединят с нами. Один из братьев убит; я с трудом спасся от нечестивых рук другого

брата. (15) Что делать мне? Вернее, куда мне, несчастному, обратиться? Всякая защита со стороны моего рода исчезла: отец, как это было неизбежно, склонился перед законом природы; брата преступно лишил жизни родственник, которому это подобало менее всего; близкие, друзья, другие родные погибли — одни от одного несчастья, другие от другого: схваченные Югуртой, одни были распяты на кресте, другие брошены диким зверям; немногие, которым сохранили жизнь, во мраке темниц влечат в горе и слезах существование более тяжкое, чем смерть.

(16) Если бы все то, что я утратил, или те отношения, которые из близких стали враждебными, оставались неизменными, все-таки, случись со мною какое-нибудь непредвиденное несчастье, вас стал бы я умолять, отцы-сенаторы, в чем ведении сообразно с величием вашей державы и законность, и всяческие противозакония. (17) Но теперь, изгнанный из отчего дома, одинокий и лишенный всех почестей, куда могу я обратиться, к кому воззвать? ⁴⁴ К народам ли или к царям, которые все, из-за нашей дружбы к вам, враждебны нашей семье? Да найдется ли такое место, где бы не оказалось многочисленных напоминаний о враждебных действиях моих предков? Или, вернее, может ли ко мне почувствовать сострадание человек, когда-то бывший вашим врагом? (18) Наконец, Масинисса внушил нам, отцы-сенаторы, что мы должны почитать один только римский народ и не заключать ни новых союзов, ни новых договоров, что крепчайшим оплотом для нас будет дружба с вами; если счастье изменит вашей державе, то погибать нам вместе. Доблестью своей и благоволением богов вы велики и могущественны; все удастся и повинуется вам; тем легче вам карать за обиды по отношению к вашим союзникам.

(20) Одного боюсь я — как бы личная дружба с Югуртой не увлекла кого-нибудь из тех, кто мало его знает, на ложный путь. Как я слышал, люди эти усиленно стараются, обходят вас одного за другим, докучают каждому из вас просьбами не решать ничего заочно, не расследовав дела; по их словам, я прибегаю к вымыслу и притворяюсь изгнанным, тогда как мог оставаться в своем царстве. (21) О, если бы тот, чьи нечестивые действия ввергли меня в эти несчастья, притворялся точно так же и когда-нибудь вы или бессмертные боги, наконец, позаботились о делах человеческих! Тогда тот, кто ныне преступлениями своими не только горд, но даже прославлен, понесет, отягощенный всяческими видами зол, тяжкую кару за свою неблагодарность нашему отцу, за убийство моего брата и за мои бедствия.

(22) Вот теперь, мой горячо любимый брат, хотя ты и лишился жизни безвременно и от руки того, кому это менее всего подобало, все же твоей участи, думаю я, следует скорее радоваться, чем скорбеть о ней. (23) Ведь ты не царскую власть утратил, но одновременно со смертью избавился от необходимо-

сти бежать, от изгнания, нищеты и от всех бедствий, обрушившихся на меня. Я же, несчастный, с отцовского престола ввергнутый в столь тяжкие беды, являю собой зрелище превратностей человеческой судьбы, не зная, что мне делать — мстить ли за злодейство по отношению к тебе, когда сам нуждаюсь в помощи, или заботиться о своем царстве, когда моя жизнь и смерть зависят от помощи сторонних людей⁴⁵. (24) О, если бы смерть достойно увенчала мою злую судьбу и меня по справедливости не стали презирать, если бы я под тяжестью бед склонился перед противозаконием!⁴⁶ Но теперь мне и не хочется жить, и нельзя умереть без позора. (25) Отцы-сенаторы, ради вас самих, ради ваших детей и родителей, во имя величия римского народа помогите мне в моем несчастье, пресеките беззаконие, не допускайте, чтобы Нумидийское царство, принадлежащее вам, погибало из-за преступлений и кровопролития в нашей семье!»

15. (1) Когда царь закончил речь, послы Югурты, полагаясь больше на подкуп, чем на правоту своего дела, коротко ответили: Гиempсал убит нумидийцами за его жестокость, Адгербал, по собственному почину ведущий войну, жалуетя, побежденный, на то, что сам не смог совершить преступление; Югурта просит сенат считать его тем же, каким он проявил себя под Нуманцией, и не придавать словам недруга большего значения, чем его собственным поступкам. (2) Затем обе стороны покидают курию. Сенат тотчас же обсуждает дело. Покровители Югурты и большинство сенаторов, поддавшееся их влиянию, стали презрительно отзываться о речи Адгербала, восхвалять доблесть Югурты; своим личным влиянием, речами, короче говоря, всяческими способами брали они под защиту чужое злодеяние, точно это касалось их собственной славы. (3) Напротив, немногие, кому честность и справедливость были дороже богатства, предлагали помочь Адгербалу, а за смерть Гиempсала сурово покарать; (4) из них — более всего Эмилий Скавр, человек знатный, деятельный, властолюбивый, жаждущий могущества, магистратур, богатств, но умевший хитро скрывать свои пороки⁴⁷. (5) Убедившись в том, что царь прибегает к позорному и беззастенчивому подкупу, он, побоявшись, как бы мерзкое своеволие, как это бывает в подобных случаях, не разожгло ненависти, обуздал свою обычную алчность.

16. (1) Однако в сенате победила та сторона, которая истине предпочитала деньги, вернее, влияние. (2) Выносятся постановления, чтобы десять легатов разделили некогда принадлежавшее Миципсе царство между Югуртой и Адгербалом. Главой этого посольства был Луций Опимий⁴⁸, человек известный и в ту пору могущественный в сенате, так как он, будучи консулом, после убийства Гая Гракха и Марка Фульвия Флакка с величайшей жестокостью использовал победу знати над плебсом.

(3) Хотя Югурта и относил Опимия к числу своих недругов в Риме, он все же крайне радушно принял его и подарками и многочисленными обещаниями достиг того, что тот начал ставить выгоду царя выше своего доброго имени, честного слова, наконец, всех своих интересов. (4) Подойдя к другим послам таким же образом, Югурта пленяет⁴⁹ большинство из них; лишь немногим их честное слово оказалось дороже денег. (5) При разделе часть Нумидии, граничащую с Мавретанией, более богатую и более населенную, передают Югурте; другая, более привлекательная внешне, более богатая гаванями и строениями, стала владением Адгербала⁵⁰.

17. (1) Ход моего повествования, думается мне, требует, чтобы я дал краткое описание Африки и рассказал о племенах, с которыми мы вели войну или были в дружбе. (2) Что касается местностей и народов, которых ввиду тамошней жары, трудных условий жизни и наличия пустынь посещают меньше, то я едва ли смог бы сообщить о них достоверные сведения. Прочее же рассмотрим возможно короче.

(3) Разделяя земной круг, большинство ученых признало Африку его третьей частью; некоторые указывали, что существуют только Азия и Европа, и относили Африку к Европе⁵¹.

(4) Она ограничена с запада проливом между нашим морем и Океаном⁵², с востока покатою равниной; население называет это место Катабатмом⁵³. (5) Море бурное, без гаваней. Земля для хлебных злаков плодородна, пригодна для скотоводства, для деревьев неблагоприятна. Небо и земля бедны водой. (6) Люди отличаются здоровьем, быстры, выносливы. Большинство из них умирает от старости, кроме тех, кто погибает на войне или от диких зверей, ибо болезнь редко уносит человека. Прибавлю, что там водится много ядовитых животных.

(7) Но о том, какие люди жили в Африке вначале, какие переселились туда впоследствии и как они смешались между собой, я (хотя сведения эти и не совпадают с общепринятым мнением) все-таки расскажу в немногих словах — как это перевели для меня из пунийских книг, называвшихся книгами царя Гиенпсала⁵⁴, и как это представляют себе сами жители этой страны. Впрочем, за достоверность пусть отвечают сообщившие это.

18. (1) Африку вначале населяли гетулы и ливийцы⁵⁵, суровые и дикие люди; они питались мясом зверей и растениями, подобно скоту. (2) Они не подчинялись ни обычаям, ни закону, ни какой-либо власти. Ведя бродячую жизнь, они, скитаясь, устраивали привал там, где их заставляла ночь. (3) Но когда Геркулес умер в Испании⁵⁶ (так, во всяком случае, думают африканцы), его войско, составленное из разных племен, потеряв предводителя, вскоре распалось, потому что многие добивались власти каждый для себя. (4) Из его состава мидяне, персы и армяне, переплыв на судах в Африку, заняли местности, ближайšie к нашему морю;

(5) но персы держались ближе к берегу Океана; они пользовались килевыми днищами перевернутых кораблей как шалашами, потому что в стране не было ни древесины, ни возможности купить ее или выменять у испанцев; (6) бескрайнее море и незнание языка препятствовали торговле. (7) Мало-помалу они путем браков смешались с гетулами; так как они, знакомясь со страной, часто направлялись в одни, затем в другие места, то они сами назвали себя моадами⁵⁷. (8) Впрочем, до сего времени постройки нумидийских крестьян, которые они называют мапалиями⁵⁸, продолговатые дома с изогнутыми боками, напоминают собою килевые днища кораблей. (9) К мидянам и армянам присоединились ливийцы (ведь они жили ближе к Африканскому морю⁵⁹, гетулы — более к югу, недалеко от жаркой области) и вскоре у них появились укрепленные города; ибо, отделенные от Испании только проливом, они завязали с ней меновую торговлю. (10) Ливийцы постепенно исказили наименование «мидяне» и называли их на своем варварском языке маврами. (11) Могущество персов на короткое время возросло, и впоследствии они под именем нумидийцев, ввиду своей многочисленности покинув родное племя, завладели ближайшими к Карфагену областями, которые именуются Нумидией. (12) Затем и те и другие при взаимной поддержке оружием или страхом подчинили себе соседние племена, возвеличили свое имя и умножили славу, особенно те, которые распространились до берегов нашего моря, так как ливийцы были менее воинственны, чем гетулы. В конце концов нижней частью Африки почти целиком завладели нумидийцы; побежденные слились с победителями и приняли их имя.

19. (1) Впоследствии финикияне⁶⁰, один — чтобы уменьшить численность населения на родине, другие — стремясь к господству, побудив простой народ и других людей, жадных до переворотов, основали на морском побережье Гиппон⁶¹, Гадрумет⁶² Лепту⁶³ и другие города, и те, вскоре значительно усилившись, стали для своих городов-основателей одни оплотом, другие украшением. (2) Впрочем, о Карфагене я предпочитаю умолчать, чем говорить мало, так как пора скорей перейти к другому. (3) Итак, в сторону Катабатма, отделяющего Египет от Африки⁶⁴, вдоль моря первая — Кирена, колония фереев⁶⁵, далее — две Сирты, между ними Лепта; далее — Алтари Филенов⁶⁶; эти места рассматривались карфагенянами как границы их державы с Египтом; затем следуют другие пунийские города. (4) Остальные области вплоть до Мавретании населены нумидийцами; ближайшие к Испании — мавры. (5) Южнее от Нумидии, как я узнал, обитают гетулы, одни оседло, другие, как кочевники, ведут более дикий образ жизни; (6) за ними обитают эфиопы; далее лежат области, выжженные солнцем.

(7) Так вот, во время Югуртинской войны большей частью пунийских городов и областей, которыми карфагеняне владели в по-

следнее время, правил римский народ через своих наместников; значительная часть области гетулов и Нумидии, до самой реки Мулукки⁶⁷, была подвластна Югурте; всеми маврами повелевал царь Бокх, знавший только имя римского народа и ранее неизвестный нам ни в мирное, ни в военное время. (8) Об Африке и ее жителях сказано достаточно.

20. (1) Когда послы, разделив царство, покинули Африку и Югурта увидел, что, несмотря на испытанный им страх, он получил награду за свое преступление, он, убедившись в правильности того, что друзья говорили ему под Нуманцией, — что в Риме все продажно⁶⁸, и одновременно загоревшись от посулов тех, кого он недавно осыпал подарками, устремил свои помыслы к царству Адгербала; (2) сам он деятельный, воинственный человек, а тот, на кого он идет, — мирный, невоенный, мягкий от природы, уступающий противозаконию, скорее склонный к боязни, чем внушающий ее. (3) И вот Югурта внезапно вторгается⁶⁹ с большим отрядом в его владения, захватывает много пленных, скот и другую добычу, предает огню дома, как враг занимает своей конницей большую часть страны. (4) Затем вместе со всем войском он возвращается к себе, полагая, что Адгербал вне себя от обиды будет с оружием в руках мстить ему за причиненные ему обиды и что это явится поводом к войне. (5) Но тот, не считая себя равным ему в военном отношении и полагаясь на дружбу римского народа больше, чем на нумидийцев, направил к Югурте послов с жалобами на обиды. Хотя они принесли оскорбительный ответ, он все-таки решил стерпеть все, но не начинать войны, так как предыдущая его попытка оказалась неудачной. (6) Но это не уменьшало жадности Югурты, она возросла еще больше — в мыслях он уже захватил все царство Адгербала. (7) Поэтому он и начал войну — но уже во главе не отряда грабителей, как раньше, а хорошо снаряженного войска и открыто стал добиваться власти над всей Нумидией. (8) И всюду, где бы он ни проходил, он разорял города и деревни, собирал разную добычу, укреплял в своих солдатах мужество, во врагах усиливал страх.

21. (1) Как только Адгербал понял, что должен либо покинуть свое царство, либо защищать его оружием, он волей-неволей снаряжает войска и выступает навстречу Югурте. (2) И вот оба войска укрепились невдалеке от моря, у города Цирты⁷⁰, и так как день был на исходе, то сражения не начинали. Но к концу ночи, еще в полумраке, солдаты Югурты по поданному им знаку врываются во вражеский лагерь и обращают в бегство солдат Адгербала, одних полусонных, других хватавшихся за оружие. Адгербал с несколькими всадниками бежит в Цирту, и не будь там множества людей, носивших тогу⁷¹, которые отбросили преследователей от городских стен, то война между двумя царями началась бы и завершилась в один и тот же день. (3) Затем Югурта окружил город⁷² и приступил к его осаде с помощью крытых щитов, башен и

разных машин⁷³, торопясь все закончить еще до возвращения послов, которых, как он слышал, Адгербал отправил в Рим еще до сражения.

(4) Сенат, узнав о войне между ними, направляет в Африку троих молодых людей⁷⁴, дабы они сообщили обоим царям, что сенат и римский народ велят и постановляют, чтобы цари прекратили военные действия и [решали свои споры на основе права, а не путем войны]: это подобает сенату и римскому народу, как и царям.

22. (1) Послы поспешно приезжают в Африку, тем более что в Риме, пока они готовились к отъезду, пошли разговоры о происшедшем сражении и об осаде Цирты; но слухи эти были неопределенными. (2) Выслушав послов, Югурта ответил, что для него дороже и важнее всего повиноваться воле сената; он-де с молодых лет всячески старался заслужить одобрение всех честнейших людей; доблестью, а не дурными качествами приобрел он расположение Публия Сципиона, выдающегося мужа; за эти же качества, а не из-за отсутствия сыновей Мициппа усыновил его как члена царской семьи. (3) Однако чем больше честности и рвения проявил он в делах, тем меньше склонен он терпеть несправедливость. (4) Адгербал коварно покушался на его жизнь; узнав об этом, он тотчас же пресек это преступление; римский народ будет несправедлив и неправ, если помешает ему воспользоваться правом народов⁷⁵; наконец, он в ближайшее время направит в Рим послов с подробным сообщением. (5) На этом обе стороны расстались. Обратиться к Адгербалу у послов возможности не было⁷⁶.

23. (1) Югурта, убедившись в отъезде послов из Африки и не будучи в состоянии взять Цирту приступом, окружил ее стены валом и ровом⁷⁷, построил башни и разместил в них бойцов⁷⁸. Днем и ночью он действовал силой и хитростью; то соблазнял защитников стен наградами, то запугивал их; своих солдат он уговаривал проявить мужество — словом, готовился изо всех сил. (2) Как только Адгербал понял, что он в отчаянном положении, что враг неумолим, на помощь надежды нет, что из-за недостатка всего необходимого затягивать войну невозможно, он выбрал из людей, бежавших вместе с ним в Цирту, двух храбрейших, всяческими обещаниями и просьбами отнестись с состраданием к его положению убедил их пройти ночью через вражеские укрепления к ближайшему берегу моря и отправиться в Рим.

24. (1) Нумидийцы в течение нескольких дней исполнили его приказание. В сенате было прочитано письмо Адгербала такого содержания:

(2) «Не по своей вине, отцы-сенаторы, столь часто обращаюсь я к вам с мольбами; меня вынуждает насилие со стороны Югурты, которым овладело столь сильное желание уничтожить меня, что он уже не чтит ни вас, ни бессмертных богов и более всего хочет пролить мою кровь. (3) Вот уже пятый месяц меня, союзника и

друга римского народа⁷⁹, держат в осаде; мне не помогают ни милости, оказанные Югурте отцом моим Миципсой, ни ваши постановления; от чего страдаю я сильнее — от меча или от голода, не знаю. (4) Продолжать писать о Югурте мне не велит моя участь; я уже давно убедился, что несчастным людям мало верят. (5) Впрочем, он, как я понимаю, имеет в виду завладеть чем-то большим, чем я сам, и не надеется одновременно сохранить вашу дружбу и мое царство; чему придает он большее значение, не тайна ни для кого. (6) Ведь сначала он убил брата моего Гнемпсала, затем из царства моего отца изгнал меня. Это были, конечно, бесчинства, касавшиеся нас одних и не относившиеся к вам. (7) Но теперь ваше царство захватил он оружием; меня, которого вы поставили властителем над нумидийцами, он держит в осаде; какое значение придал он словам послов, показывает мое опасное положение. (8) Что еще могло бы подействовать на него, если не сила вашего оружия? (9) Я сам хотел бы, чтобы и то, что я пишу, и мои прежние жалобы в сенате⁸⁰ оказались пустыми, а не чтобы мое жалкое положение подтверждало мои слова. (10) Но так как я родился, чтобы служить доказательством злодеяний Югурты, то молю вас избавить меня уже не от смерти и несчастий, а лишь от власти моего недруга и от пыток. Нумидийским царством, принадлежащим вам, располагайте, как найдете нужным, меня же вырвите из нечестивых рук. Заклинаю вас величием вашей державы, вашей верностью дружбе, если только сохранилось у вас хоть какое-то воспоминание о деде моем Масиниссе».

25. (1) После чтения этого письма кое-кто из сенаторов предложил отправить войско в Африку и как можно быстрее оказать помощь Адгербалу; что же касается Югурты, то тем временем обсудить дело, раз он не повиновался послам. (2) Но все те же доброжелатели царя всеми силами воспротивились такому постановлению. (3) Так общественные интересы, как это бывает в большинстве случаев, были полностью принесены в жертву частным. (4) Но все-таки в Африку посылают пожилых знатных людей, в прошлом занимавших высшие должности⁸¹. Среди них был Марк Скавр, о котором мы уже говорили, консуляр и тогда старейшина сената⁸². (5) Они, так как дело это вызывало всеобщее негодование и так как нумидийцы в то же время настоятельно просили их, на третий день взосли на корабль. Быстро прибыв в Утику⁸³, они шлют письмо Югурте: ему надлежит как можно скорее явиться в Провинцию, они присланы к нему сенатом.

(6) Югурта, узнав, что люди известные и, как он слышал, влиятельные в Риме прибыли, чтобы помешать его планам, сперва изволновался, раздираемый страхом и жадностью: (7) он боялся гнева сената, если не подчинится послам; однако ослеплявшее его честолюбие увлекло его к начатому преступлению. (8) В конце концов в его алчной душе взял верх дурной замысел. (9) Окружив Цирту, он старается ворваться в нее возможно большими силами,

главным образом надеясь на то, что, заставив врагов разделиться, либо силой, либо коварством найдет путь к победе. (10) Когда это не удалось и Югурта не смог осуществить свое намерение, то есть захватить Адгербала до своей встречи с послами, он, не желая дальнейшими проволочками раздражать Скавра, которого боялся больше других, прибыл в Провинцию с несколькими всадниками. (11) И вот, хотя послы от имени сената угрожали Югурте тяжелой карой за отказ снять осаду, они, затратив много слов, все же отбыли ни с чем.

26. (1) Когда слух об этом дошел до Цирты, италийцы, доблестно защищавшие городские стены, уверенные в том, что если они сдадутся, то величие римского народа⁸⁴ обеспечит им неприкосновенность, стали советовать Адгербалу сдать самому и сдать Югурте город, выговорив у него лишь собственную неприкосновенность; об остальном, по их словам, позаботится сенат. (2) Хотя Адгербал мог поверить чему угодно, но только не честному слову Югурты, он все же, так как в случае его несогласия италийцы смогли бы принудить его, по их совету сдался. (3) Югурта прежде всего казнил его, подвергнув пыткам, затем перебил всех взрослых нумидийцев и римских купцов, кто только ни попадался с оружием в руках.

27. (1) Когда в Риме узнали о случившемся и событие это стали обсуждать в сенате, то те же приспешники царя, затягивая обсуждение, часто пуская в ход личное влияние, а порой прибегая к перебранке, пытались смягчить впечатление от жестокости совершенного. (2) И если бы избранный плебейский трибун Гай Мемий⁸⁵, человек деятельный и враждебный знати, не разъянил римскому народу, что речь идет о том, чтобы благодаря несколько властолюбивым людям добиться снисхождения сената к злодеянию Югурты, то все негодование, конечно, утихло бы из-за проволочек при обсуждении — столь всесильны были влияние и деньги царя. (3) Но так как сенат, сознавая свою вину, боялся народа, то на основании Семпрониева закона⁸⁶ провинциями для будущих консулов назначил Нумидию и Италию; (4) консулами были избраны Публий Сципион Насика⁸⁷ и Луций Бестия Кальпурний⁸⁸; Кальпурнию досталась Нумидия, Сципиону — Италия. (5) Затем набирают войско, чтобы перевести его в Африку, выносят постановление о жалованье и прочем, что может понадобиться для войны.

28. (1) Югурта, получив неожиданное известие об этом (ведь он был убежден в том, что в Риме все продается), отправляет к сенату сына и двух своих друзей и велит им — подобно тому, как велел тем, кого посылал после убийства Гиемпсала, — всем предлагать деньги. (2) Когда они уже подъезжали к Риму, Бестия запросил сенат⁸⁹, согласен ли он принять послов Югурты внутри городских стен; сенаторы постановили: если послы не намерены заявить о сдаче царства и самого царя, то им надлежит покинуть

Италию в десятидневный срок. (3) На основании решения сената, консул велит объявить это нумидийцам. Так они, ничего не добившись, уезжают на родину.

(4) Тем временем Кальпурний, когда войско было набрано, делает своими легатами влиятельных знатных людей, надеясь, что они авторитетом своим загладят проступки, какие он сможет допустить⁹⁰. Одним из них был Скавр, о чьей натуре и повадках мы говорили выше⁹¹. (5) Дело в том, что наш консул отличался многими замечательными свойствами души и тела: был вынослив в трудах, обладал острым умом, был достаточно предусмотрителен, хорошо знал военное дело, очень твердо противостоял опасностям и козням, однако над всеми этими достоинствами брала верх алчность. (6) И вот легионы прошли по Италии в Регий⁹², оттуда переправились в Сицилию, затем из Сицилии в Африку. (7) Обеспечив себя припасами, Кальпурний стремительно вторгся в Нумидию и в ходе боев захватил много пленных и несколько городов.

29. (1) Но как только Югурта через послов стал соблазнять его деньгами и указывать ему на все трудности войны, которую он ведет, то намерения его, болезненно-алчного, быстро переменялись. (2) Сообщником и исполнителем всех своих замыслов он избирает Скавру; тот вначале, хотя большинство его единомышленников уже было подкуплено, ожесточенно вел войну с царем, но огромная сумма денег все-таки совлекла его с пути добра и чести. (3) Югурта сперва пытался купить себе лишь перемирие, рассчитывая, что он тем временем благодаря подкупу и влиянию друзей чего-нибудь добьется в Риме; но впоследствии, узнав о причастности Скавры к делу, он, преисполнившись величайшей надеждой на восстановление мира, решил сам вести с ними переговоры⁹³ обо всех условиях. (4) Тем временем консул в знак доверия посылает своего квестора Секстия в Вагу⁹⁴, город Югурты, под предлогом получения зерна, насчет которого консул в присутствии всех отдал приказания послам Югурты, поскольку в ожидании сдачи соблюдалось перемирие. (5) И вот царь, как он надумал, прибывает в лагерь и, кратко высказавшись перед военным советом о негодовании, которое вызвали его действия⁹⁵, и об условиях сдачи, об остальном ведет тайные переговоры с Бестией и Скавром; затем, на следующий день, после того как были рассмотрены все предложения, его капитуляцию принимают. (6) По требованию военного совета квестору передают тридцать слонов, много скота и лошадей вместе с небольшой суммой денег. (7) Кальпурний выезжает в Рим на выборы магистратов⁹⁶. В Нумидии и в нашем войске воцаряется мир.

30. (1) Когда распространилась молва о событиях в Африке и о том, как все произошло, в Риме повсюду и во всех собраниях стали обсуждать действия консула. Простой народ возмущался, отцы-сенаторы были встревожены. Одобрить ли им столь позор-

ный поступок или же постановление консула отменить, они не знали. (2) Более всего мешало им оставаться верными долгу и чести могущество Скавра, так как именно его называли советчиком и сообщником Бестии. (3) Но Гай Меммий, о чьем независимом уме и ненависти к могущественной знати мы говорили выше⁹⁷, в то время как сенат колебался и медлил, убеждал на сходках народ покарать виновных, призывая его не изменять ни государству, ни делу своей свободы, указывал ему на многие высокомерные и жестокие поступки знати — словом, всячески разжигал гнев простого люда.

(4) Так как в те времена Меммий славился в Риме своим красноречием, то я и счел уместным записать одну из его многочисленных речей и приведу именно то, что он по возвращении Бестии сказал на сходке; содержание его речи таково:

31. (1) «По многим причинам я бы не выступал перед вами, квириды⁹⁸, не будь моя преданность государству превыше всего⁹⁹: могущество знати, ваше долготерпение, полное отсутствие правосудия, а особенно то, что бескорыстие скорее навлекает опасность, чем приносит почет. (2) Мне не хочется говорить о том, каким посмешимся для гордыни кучки людей были вы последние пятнадцать лет¹⁰⁰, сколь бесславно погибли ваши защитники¹⁰¹, оставшиеся неотмщенными, как от праздности и беспечности развратились вы сами, (3) которые даже теперь, когда недруги в ваших руках¹⁰², не воспрянете духом и все еще боитесь тех, кому вам подобает внушать страх. (4) Но хотя это и так, я все-таки готов вступить в борьбу с могуществом знати. (5) Сам я, во всяком случае, свободой, завещанной мне моим отцом, воспользуюсь. Будет ли это тщетно или принесет пользу, зависит от вас, квириды!

(6) Впрочем, не склоняю вас к тому, к чему вас часто склоняли ваши предки, — к вооруженному выступлению против беззаконий. Ни в применении силы, ни в сессессии¹⁰³ нужды нет. Их собственный образ жизни погубит их. (7) После убийства Тиберия Гракха, стремившегося, по их словам, к царской власти¹⁰⁴, против римского народа были начаты судебные преследования; после убийства Гая Гракха и Марка Фульвия¹⁰⁵ многие люди из вашего сословия тоже были казнены в тюрьме, и всем этим бедствиям положил конец не закон, а их произвол¹⁰⁶. (8) Но допустим, что возвращение народу его прав означало стремление к царской власти и все то, за что невозможно покарать без кровопролития, было совершенно законно. (9) В прежние годы вы молча негодовали, глядя, как государственная казна опустошается, как цари и свободные народы платят дань несколькоим знатым людям¹⁰⁷, как одним и тем же людям достались и высшая слава, и огромные богатства. Но им мало было безнаказанно совершать такие преступления. И в конце концов законы, величие ваше, все божеские и человеческие установления были отданы на

милость врагов. (10) И те, кто совершил это, не чувствуют ни стыда, ни раскаяния; нет, они у вас на глазах шествуют во всем своем блеске¹⁰⁸, хвалясь своими жречествами и консулатами, кое-кто и своими триумфами, словно все это свидетельство оказанного им почета, а не их добыча¹⁰⁹. (11) Рабы, купленные за деньги, не переносят несправедливой власти своих господ¹¹⁰. А вы, квириты, рожденные повелевать? Станете ли вы равнодушно терпеть рабство?

(12) Но кто такие они — те, кто захватил власть в государстве? Злодеи, чьи руки в крови¹¹¹, люди невероятной алчности, зловреднейшие и в то же время надменнейшие, которым данное ими слово, приличие, сознание долга, вообще честное и бесчестное — все служит для стяжания. (13) Одни из них видят для себя защиту в том, что убили плебейских трибунов, другие — в том, что возбудили противозаконные судебные дела, большинство — в том, что учинили резню среди вас. (14) Поэтому чем хуже поступил тот или иной человек, тем в большей он безопасности. Страх, какой они должны были бы испытывать за свои преступления, они внушили вам благодаря вашей трусости; всех их он и объединил, заставив одного и того же желать, одно и то же ненавидеть, одного и того же страшиться. (15) Но между честными людьми это дружба, между дурными — преступное сообщество. (16) И заботься вы о свободе в той же мере, в какой они загорелись стремлением к господству, государство, конечно, не подвергалось бы разорению, как это происходит теперь, и ваши милости¹¹² распространялись бы на наилучших, а не на наглейших людей. (17) Предки ваши ради получения прав и утверждения своего величия путем сецессии с оружием в руках дважды занимали Авентин¹¹³. А вы? Неужели вы, чтобы защитить полученную от них свободу, не приложите всех сил — и тем решительнее, что утратить достигнутое — позор больший, чем вообще ничего не достигнуть?

(18) Мне скажут: «Что же ты предлагаешь? Карать тех, кто предал государство врагу?»¹¹⁴ — Но не оружием и не насилием, ибо вас, поступивших так, это было бы еще менее достойно, чем их, которые бы этому подверглись, а судебными преследованиями и на основании показаний самого Югурты. (19) Если он действительно готов сдаться, то, конечно, подчинится вашим приказам; если же он ими пренебрежет, то вы, очевидно, узнаете цену этому миру, вернее, сдаче, благодаря которой совершивший преступления Югурта останется безнаказанным, несколько могущественных людей получат величайшие богатства, государство же понесет ущерб и будет опозорено. (20) Разве только вы все еще не сыты их господством и вам больше по душе прежние времена, когда царства, провинции, законы, право, суд, война и мир — словом, все дела божеские и человеческие находились в руках немногих, а вы, римский народ, непобедимый для врагов, повели-

тель всех племен, были довольны и тем, что оставались живы; что же касается рабского состояния, то кто из вас осмеливался ему противиться?¹¹⁵

(21) И хотя сам я признаю величайшим позором для мужчины покорно сносить противозакония, не карая за него, все-таки, если бы вы простили преступнейших людей, поскольку они граждане, я примирился бы с этим, если бы мягкосердечие это не грозило вам гибелью. (22) Ибо им при всей их беззастенчивости мало будет своего безнаказанного злодеяния, если в будущем их не лишат свободы действий, и у вас навек сохранится беспокойство, когда вы поймете, что вам придется либо быть рабами, либо отстаивать свободу оружием. (23) И право, какая может быть надежда на их честное слово или на согласие с ними? Они хотят властвовать, вы — быть свободными; они — совершать противозаконные действия, вы — их пресекать; наконец, с союзниками нашими они обращаются как с врагами, с врагами — как с союзниками¹¹⁶. (24) Возможны ли при столь противоположных намерениях мир и дружба?

(25) Поэтому настоятельно советую вам не оставлять столь тяжкого преступления безнаказанным. Речь идет не о хищениях из государственной казны и не о насильственном изъятии денег у союзников; хотя это и тяжкие преступления, однако, поскольку к ним привыкли, им уже не придают значения; закланному врагу выдан авторитет сената, выдана ваша держава¹¹⁷; в Риме и на войне торгуют интересами государства. (26) Если это не будет расследовано, если виновные не понесут кары, то что останется нам, как не жить, покоряясь тем, кто все это совершил? Ведь безнаказанно делать все, что угодно, — это и значит быть царем¹¹⁸.

(27) И я не убеждаю вас, квириды, видеть в своих согражданах скорее преступников, чем честных людей; но, прощая дурных, не губите честных¹¹⁹. (28) К тому же в делах государства забыть о благодеянии гораздо лучше, чем о злодеянии; честный человек, если его благодеяниями пренебрегут, становится лишь менее склонен к ним, дурной же делается подлее. (29) Вообще, если бы не нарушалась справедливость, мы бы редко нуждались в помощи трибуна».

32. (1) Часто ведя подобные речи, Меммий убедил народ отправить к Югурте Луция Кассия¹²⁰, бывшего тогда претором, чтобы он, от имени государства поручившись царю за его неприкосновенность, привез его в Рим, дабы легче на основании его показаний было раскрыть преступления Скавра и его соучастников, которых Меммий обвинял во взяточничестве. (2) Пока это происходило в Риме, военачальники, которых Бестия оставил в Нумидии, совершили по примеру своего командующего множество преступлений, притом позорнейших: (3) одни, соблазненные золотом, отдали Югурте слонов, другие продали ему перебежчи-

ков, третьи собирали добычу среди усмиренного населения; (4) так сильна была алчность, охватившая их подобно недугу.

(5) И вот, когда Гай Меммий добился принятия своего предложения¹²¹, чем привел в ужас всю знать, претор Кассий выезжает к Югурте и убеждает его, испытывавшего страх и неуверенность в себе, поскольку он сознавал свою вину, что раз он уже сдался римскому народу, то лучше испытать на себе его сострадание, нежели силу. Кроме того, как частное лицо Кассий от себя лично обещает неприкосновенность, чему царь придает не меньшее значение, чем ручательству от имени государства. Таково было в те времена доброе имя Кассия.

33. (1) И вот Югурта совсем не по-царски, в самой жалкой одежде¹²², прибыл с Кассием в Рим (2) и, обладая большой душевной силой, поддержанный теми, чье могущество, а вернее, злодейство помогло ему ранее совершить все описанное нами выше, за немалые деньги склонил на свою сторону плебейского трибуна Гая Бебия, чтобы тот, бессовестный по натуре, ограждал его от правого и неправого суда. (3) Все же Гай Меммий, созвав сходку (хотя народ враждебно относился к царю и одни требовали, чтобы его отвели в тюрьму, другие — чтобы его, если он не назовет своих соучастников в преступлении, по обычаю предков казнили как врага)¹²³ и больше заботясь о своем авторитете, чем давая волю гневу, успокаивал страсти, смягчал раздражение и, наконец, подтвердил, что, насколько это зависит от него, слово, данное от имени государства, будет нерушимо. (4) Затем, когда наступила тишина, он, представив Югурту собравшимся¹²⁴, произносит речь, напоминает о его преступлениях в Риме и Нумидии, говорит о его злодеяниях по отношению к отцу и братьям: римский народ, хотя и знает, с чьей помощью и при чем пособничестве он их совершил, все-таки хочет получить явные доказательства именно от него; если Югурта откроет правду, он может вполне рассчитывать на честное слово и милосердие римского народа, если же будет молчать, то сообщников своих не спасет, но погубит себя и его надежды рухнут.

34. (1) Когда Меммий закончил речь и предложил Югурте отвечать, плебейский трибун Гай Бебий, который, как мы уже говорили, был подкуплен, велел царю молчать¹²⁵, и, хотя присутствовавшая на сходке толпа, крайне раздраженная, угрожала ему криками, взглядами, напором и иными проявлениями гнева, все-таки победило бесстыдство. (2) Так народ и ушел со сходки осмеянным; Югурта, Бестия и другие, которых беспокоило это судебное расследование, приободрились.

35. (1) В Риме жил тогда нумидиец по имени Массива, сын Гулуссы, внук Масиниссы; как противник Югурты еще во времена раздоров между царями¹²⁶, он после падения Цирты и убийства Адгербала бежал из отечества. (2) Спурий Альбин, вместе с Квинтом Минуцием Руфом бывший консулом на сле-

дующий год после Бестии¹²⁷, посоветовал ему — так как он потомок Масиниссы, а Югурту за его преступления ненавидит и опасается — требовать, чтобы сенат предоставил ему царскую власть над Нумидией. (3) Консул, жаждавший войны, предпочитал все привести в движение, а не оставлять в покое. Ему в качестве провинции досталась Нумидия, Минуцию — Македония¹²⁸.

(4) Когда Массива начал действовать, то Югурта, у которого не было достаточной защиты в лице друзей, так как одних останавливали угрызения совести, других — дурная молва и страх, приказал Бомилькару, самому близкому и наиболее преданному человеку, за деньги (как он поступал не раз) нанять убийцу и устроить Массиве засаду, причем сделать это в величайшей тайне, а если же это не удастся — убить нумидийца любым способом. (5) Бомилькар быстро выполняет поручение царя и при помощи людей, мастеров такого дела, выясняет, какими путями ходит Массива, покидая дом, в каких местах бывает и в какое время. Затем в удобном месте он устраивает засаду. (6) И вот один из тех, кто был нанят для покушения, нападает на Массиву, но делает это несколько неосмотрительно; он, правда, убивает его, но, будучи схвачен, по настоянию многих, и прежде всего консула Альбина, дает показания. (7) К суду привлекают — не столько на основании права народов¹²⁹, сколько из чувства справедливости и чести — Бомилькара, спутника человека, приехавшего в Рим и получившего от государства ручательство в неприкосновенности. (8) Но Югурта, даже избалованный в столь тяжком злодеянии, перестал отрицать явное преступление только тогда, когда понял, что негодование, вызванное его поступком, сильнее его влияния и денег. (9) И вот, хотя при первом слушании дела он и представил пятьдесят поручителей из числа своих друзей¹³⁰, он, заботясь о собственной царской власти больше, чем о поручителях, тайно отсылает Бомилькара в Нумидию, испугавшись, что остальные его подданные побоятся повиноваться ему, если Бомилькар будет казнен. Сам Югурта через несколько дней отправился туда же, получив от сената повеление покинуть Италию¹³¹. (10) Выехав из Рима, он, как говорят, несколько раз молча оглянувшись, наконец, произнес: «Продажный город, обреченный на скорую гибель, — если только найдет себе покупателя!».

36. (1) Тем временем Альбин, поскольку война возобновилась, срочно перевозит в Африку припасы, жалование и прочее, что могло понадобиться солдатам, и тотчас же выезжает туда сам, чтобы еще до комиций, время которых приближалось¹³², закончить войну с помощью оружия, или благодаря сдаче противника, или иным образом. (2) Югурта, со своей стороны, тянул время и выдвигал то одни, то другие причины для задержки; то обещал сдаться, то притворялся напуганным, то отходил при

нашем наступлении, а вскоре, дабы его сторонники не изверились в нем, наступал — словом, медля и с военными действиями, и с заключением мира, он издевался над консулом. (3) Кое-кто тогда даже думал, что Альбин посвящен в планы царя, и предполагал, что после такой спешки подобная медлительность в ведении войны объясняется не столько нерадивостью, сколько злым умыслом. (4) Но спустя некоторое время, когда сроки созыва комиций приблизились, Альбин, оставив в лагере претором своего брата Авла¹³³, направился в Рим.

37. (1) В ту пору государство сотрясилось от распрей, вызванных трибунами. (2) Плебейские трибуны Публий Лукулл и Луций Анний, несмотря на противодействие коллег, старались продлить срок своих полномочий, и раздоры эти весь год препятствовали созыву комиций¹³⁴. (3) Благодаря этой задержке Авл, который, как мы уже говорили выше, оставался в лагере в качестве пропретора, возмев надежду либо выиграть войну, либо получить от царя деньги, угрожая ему войском, в январе месяце¹³⁵ снял солдат с зимних квартир и большими переходами, несмотря на суровую зиму, дошел до города Сутула¹³⁶, где хранились сокровища царя. (4) Хотя из-за непогоды и неудобной местности не было возможности ни взять, ни осадить город (ибо глинистая равнина вокруг его стен во время зимних дождей превратилась в болото), Авл все-таки либо для вида, дабы внушить царю еще больший страх, либо ослепленный желанием взять город из-за его сокровищ, начал придвигать навесы, возводить насыпь и поспешно вести другие работы, которые могли бы оказаться полезными для его замысла.

38. (1) Югурта же, убедившись в тщеславии и неопытности легата, коварно подстрекал его безрассудство, каждый раз направляя к нему гонцов с просьбами о пощаде, а сам, будто избегая его, водил свое войско по лесистым местностям и тропам. (2) Наконец, подав Авлу надежду на соглашение, Югурта склонил его, сняв осаду Сутула, последовать за ним в отдаленные местности, сделав вид, словно отступает. (3) Тем временем Югурта с помощью лазутчиков денно и нощно пытался разложить римское войско, подкупая центурионов и начальников турм¹³⁷: одних — чтобы они перешли на его сторону, других, чтобы по данному им знаку они покинули свои посты. (4) Сделав все, что задумал, он поздней ночью внезапно окружил лагерь Авла крупными силами нумидийцев. (5) Римские солдаты, потревоженные неожиданным нападением, одни хватались за оружие, другие прятались, третьи ободряли перепугавшихся; смятение царило повсюду. Врагов было множество, ночное небо заволочло тучами, опасность грозила с двух сторон¹³⁸; что было безопаснее — бежать или оставаться на месте — не знал никто. (6) Из тех, кого мы называли подкупленными¹³⁹, одна когорта лигурийцев¹⁴⁰ с двумя турмами фракийцев и несколькими простыми

солдатами перешла на сторону царя, а центурион-примипил¹⁴¹ третьего легиона позволил врагам пройти через укрепления, которые должен был оборонять, и туда ворвалось множество нумидийцев. (7) Наши, ударившись в позорное бегство (большинство, бросив оружие), заняли ближайший холм. (8) Ночь и грабеж в лагере задержали врагов и помешали им воспользоваться победой. (9) На другой день Югурта объявляет Авлу во время переговоров: хотя он, отрезав Авла и его войско, угрожает им голодом и оружием, все же, памятуя о превратности судьбы, он, если Авл заключит с ним договор, никому не причинит вреда и лишь проведет всех под ярмом¹⁴²; кроме того, Авл должен покинуть Нумидию в течение десяти дней. (10) Хотя эти условия были тяжелыми и унижительными, все же, раз уж приходилось выбирать между ними и смертью, мир был заключен, как того желал царь.

39. (1) Когда об этом узнали в Риме, граждан охватили страх и скорбь; одни печалились о славе Римской державы, другие, незнакомые с военным делом, боялись за свою свободу; Авлом возмущались все, а больше всего те, кто уже не раз прославился на войне, за то, что он, будучи при оружии, искал спасения в позоре, а не в бою. (2) Поэтому консул Альбин¹⁴³, опасаясь, что преступление брата навлечет на него ненависть, а затем и судебное преследование, доложил сенату о заключенном договоре, а тем временем все-таки набирал пополнение для войска, требовал вспомогательных отрядов от союзников и латинян¹⁴⁴, словом, всячески торопился. (3) Сенат, как ему и надлежало, постановляет, что без повеления его и народа никакой договор не мог быть заключен¹⁴⁵. (4) Консул, которому плебейские трибуны не позволяли вывести с собой набранные им войска, через несколько дней отправляется в Африку, ибо все войско, на основании соглашения выведенное из Нумидии, зимовало в Провинции¹⁴⁶. (5) Прибыв туда, Альбин горел желанием преследовать Югурту и успокоить негодование, вызванное действиями брата, но, обнаружив, в каком состоянии войско, которое вследствие падения дисциплины (о разгроме я уже и не говорю) разложилось из-за разврата и разгула, ввиду сложившихся обстоятельств не считал возможным что-либо предпринять.

40. (1) Тем временем в Риме плебейский трибун Гай Мамий Лиметан¹⁴⁷ предложил народу начать судебное преследование тех, по чьему совету Югурта пренебрег постановлениями сената, и тех, кто, будучи легатами или военачальниками, взял у него деньги, кто ему отдал слонов и перебежчиков, а также и против тех, кто заключил соглашение с врагами насчет мира или войны. (2) Предложено этому чинили препятствия (но делали это гайно, через друзей, особенно через латинян и италийских союзников): одни — сознавая свою вину, другие — опасаясь суда из-за взаимной ненависти борющихся сторон, так как открыто ни-

ступать против предложения Лиметана они не могли — это означало бы, что они одобряют подобные действия. (3) Но трудно даже представить себе, насколько решителен был народ и с каким единодушием утвердил он предложение¹⁴⁸ — не столько из своей преданности государству, сколько из ненависти к знати, против которой этот удар и был направлен: так сильно было ожесточение обеих сторон. (4) И вот, когда все прочие были охвачены страхом, Марк Скавр, который, как мы уже говорили¹⁴⁹, был легатом Бестии, к радости народа и при растерянности среди своих единомышленников, когда гражданская община все еще оставалась в тревоге, добился, чтобы — поскольку по предложению Мамилия назначались три расследователя¹⁵⁰ — его самого избрали одним из них. (5) Следствие велось строго и придирчиво, в угоду городским толкам и пристрастию народа. Как это часто бывало со знатью, так теперь народ, добившись победы, проникся высокомерием.

41. (1) Впрочем, дурная склонность к раздорам между народом и знатью, а впоследствии ко всяческим порокам возникла в Риме несколькими годами ранее¹⁵¹, во времена мира и изобилия всего того, чему люди придают наибольшую ценность¹⁵². (2) Ибо до разрушения Карфагена римский народ и сенат делили между собой государственные дела мирно, проявляя сдержанность, и граждане не оспаривали друг у друга ни славы, ни господства¹⁵³: страх перед врагами заставлял гражданскую общину быть верной своим добрым правилам. (3) Но когда люди избавились от этого страха, разумеется, появилось то, чему благоприятствуют счастливые обстоятельства, — распушенность и гордость. (4) И спокойствие, к которому стремились во времена несчастий, теперь, когда его достигли, оказалось более тягостным и более суровым, чем сами эти несчастия. (5) Ибо знать начала произвольно пользоваться своим высоким положением, народ — своей свободой, каждый стал тянуть к себе, грабить, хватать. Так обе стороны растащили все; государство, находившееся между ними, оказалось растерзано. (6) Впрочем, знать была более могущественна своей сплоченностью, народ же, разъединенный и рассеянный ввиду его многочисленности, был слабее. (7) Во времена войны и мира дела вершились кучкой людей; в ее же руках были казна, провинции, магистратуры, пути к славе и триумфы¹⁵⁴; народ страдал от военной службы и от бедности; военную добычу расхищали полководцы и их приближенные. (8) В то же время родителей и маленьких детей солдат, если их соседом являлся более могущественный человек, выгоняли из их жилищ. (9) Так вместе с могуществом распространялась безмерная и ненасытная алчность; она не знала ничего святого и оскверняла и опустошала все, пока сама себя не погубила. (10) Ибо, как только среди знатных нашлись люди, способные предпочесть истинную славу несправедливому могуществу¹⁵⁵, гражданская община ста-

ла волноваться, и среди граждан возникать раздоры, подобные землетрясению.

42. (1) И вот, когда Тиберий и Гай Гракхи, чьи предки во время Пунической и других войн возвеличили государство¹⁵⁶, начали требовать свободы для простого народа и раскрывать преступления кучки людей, то зная, чувствуя себя виновной и потому обеспокоенная, при посредстве союзников и латинян, а иногда римских всадников, которых надежда на союз с нею оторвала от народа, воспротивилась действиям Гракхов и убила сначала Тиберия, а затем через несколько лет и Гая¹⁵⁷, избравшего тот же путь (первый был трибуном, второй — триумвиром по выводу колоний), вместе с Марком Фульвием Флакком. (2) В своей жажде победы Гракхи, конечно, проявили недостаточную сдержанность. (3) Но для честного человека лучше быть побежденным, чем дурным путем одолеть несправедливость. (4) Используя эту победу по своему произволу, знать истребила или изгнала многих людей, что в дальнейшем усилило не столько ее могущество, сколько ее неуверенность. В большинстве случаев это и приводит к падению великих государств, поскольку одни хотят любым способом побеждать других и беспощадно карать побежденных. (5) Но если бы я стал подробно и в соответствии с важностью предмета рассуждать о стремлениях сторон или о нравах всей гражданской общины, то мне скорее не хватило бы времени, чем материала. Поэтому возвращаюсь к начатому.

43. (1) После заключения договора Авлом и позорного поражения нашего войска избранные консулы Метелл и Силан¹⁵⁸ разделили между собой провинции, причем Нумидия досталась Метеллу, деятельному мужу и хоть и противнику популяров, но человеку, известному своей безукоризненной справедливостью. (2) Едва вступив в должность, он направил все свои помыслы на войну, которую ему предстояло вести, решив, что все остальные дела он будет вести сообща со своим коллегой. (3) И вот, не доверяя старому войску, он набирал солдат, отовсюду привлекал вспомогательные силы, запасал оборонительное и наступательное оружие и прочие средства, необходимые для похода, вдоволь припасов — словом, все то, что обычно нужно во время войны в разных условиях и при недостатке многого. (4) Впрочем, о предоставлении ему этого на основании решения сената¹⁵⁹ усерднейшим образом заботились союзники и латиняне, цари, по собственному почину присылавшие вспомогательные войска, и, наконец, вся гражданская община. (5) Когда все было подготовлено и собрано согласно его плану, Метелл отбывает в Нумидию, внушив согражданам большую надежду как своими высокими достоинствами, так более всего тем, что не склонялся перед богатством¹⁶⁰; между тем до этого времени именно из-за алчности магистратов наши военные силы в Нумидии оказались разбиты, а вражеские окрепли.

44. (1) Но когда он прибыл в Африку, проконсул Спурий Альбин¹⁶¹ передал ему войско бездействующее, утратившее воинский дух и выносливость в опасностях и лишениях, на словах более храброе, чем на деле, склонное грабить союзников и само страдавшее от грабежей, чинимых врагами, не знавшее ни дисциплины, ни порядка. (2) Поэтому у нового полководца было больше тревог из-за дурных нравов солдат, чем надежд, связанных с их многочисленностью. (3) Метелл все-таки решил (хотя отсрочка выборов¹⁶² и сократила время летних походов и сам он полагал, что граждане с нетерпением ожидали исхода событий) приступить к военным действиям лишь после того, как восстановит в войске прежнюю дисциплину. (4) Ибо Альбин, павший духом после поражения брата и войска, решив не выходить за пределы Провинции, в течение всего времени летних походов, пока был обременен империем¹⁶³, держал солдат преимущественно в постоянных лагерях¹⁶⁴; разве только смрад или недостаток корма для лошадей заставлял его переходить на другое место. (5) Но лагерей не укрепляли¹⁶⁵ и ночных часовых не выставляли¹⁶⁶, как того требовал воинский устав. Всякий покидал знамена по своему усмотрению; бродячие торговцы днем и ночью слонялись среди солдат и, бродя, опустошали поля, врываются в усадьбы, захватывали, споря между собой, добычу — скотину и рабов и выменивали на них у купцов привозное вино и другие товары; кроме того, солдаты продавали зерно, отпускаящееся им казной¹⁶⁷, и покупали себе хлеб на каждый день. Словом, это войско страдало всяческими пороками лени и разврата, какие только можно назвать или себе представить, а также и многими другими.

45. (1) В этом трудном положении Метелл, по моим сведениям, был не менее великим и мудрым мужем, чем в боевых действиях, с такой воздержностью находил он разумную середину между заискиванием и суровостью. (2) Своим приказом он устранил все, что способствовало праздности, запретив кому бы то ни было продавать в лагере хлеб и всякую вареную пищу, бродячим торговцам — следовать за войском, гастатам¹⁶⁸ и простым солдатам — иметь в лагере или в походе раба или вьючный скот; для всего прочего он установил разумную меру. Кроме того, он каждый день менял место лагеря, двигаясь в разных направлениях, ограждал лагерь валом и рвом, словно враг был близко, выставлял ночных часовых, одного близко от другого, и сам проверял их вместе с легатами; в походе находился то в передних, то в задних рядах, часто в середине, следя за тем, чтобы никто не выходил из строя, чтобы солдаты шли сомкнутыми рядами за знаменами и чтобы каждый нес пищу и оружие¹⁶⁹. (9) Так, не столько наказывая солдат, сколько удерживая их от проступков, он быстро укрепил в них воинский дух.

46. (1) Тем временем Югурта, как только узнал от лазутчиков о действиях Метелла и одновременно получил известия из

Рима о его неподкупности, усомнился в своем успехе и только тогда действительно попытался капитулировать. (2) Он отправляет к консулу послов с изъявлением покорности¹⁷⁰, чтобы они просили лишь сохранить жизнь ему и его сыновьям, а все остальное пусть будет во власти римского народа. (3) Но Метеллу из опыта его предшественников давно были известны вероломство нумидийцев, их непостоянство, склонность к мятежу. (4) Поэтому он ведет переговоры с каждым из послов отдельно и, после того как в ходе осторожных расспросов приходит к заключению, что они готовы служить ему, щедрыми обещаниями склоняет их доставить ему Югурту, лучше всего живым, а если не удастся — мертвым. Официально же он велит послам передать царю благоприятный для него ответ. (5) После этого он через несколько дней во главе боеспособного войска вступает в Нумидию, где в отличие от обычного положения во время войны в домах было множество людей, а скот и земледельцы находились в поле. Из городов и мапалий¹⁷¹ навстречу войску выходили царские префекты¹⁷², готовые снабжать его зерном, перевозить припасы — словом, делать все, что им прикажут. (6) Тем не менее Метелл, не ослабляя из-за этого своей бдительности, но ведя себя так, как если бы враг находился поблизости, двигался вперед в боевом строю, далеко разведывая все вокруг; он полагал, что упомянутые проявления покорности лишь видимость и что его заманивают в западню. (7) Поэтому он сам шел впереди с когортами легковооруженных и с отборным отрядом пращников и лучников; легат Гай Марий¹⁷³, возглавлявший всадников, командовал задними рядами; на обоих флангах он придал трибунам легионов¹⁷⁴ и префектам когорт¹⁷⁵ всадников вспомогательных войск, чтобы находящиеся среди них легковооруженные воины отбивали нападения вражеской конницы всюду, где бы она ни появилась. (8) Ибо Югурта был столь коварен и так хорошо знал местность и военное дело, что трудно было сказать, когда он более опасен — отсутствуя или присутствуя, в мирное или в военное время.

47. (1) Невдалеке от пути следования Метелла находился нумидийский город Вага, наиболее посещаемое в царстве торговое место, где обычно селились и вели дела многие люди из Италии. (2) Здесь консул разместил гарнизон — и чтобы испытать, как они отнесутся к этому, и ввиду выгод местоположения; кроме того, он приказал доставить ему зерно и прочее, что могло бы понадобиться для войны, решив (и в этом его убеждало общее положение дел), что присутствие многочисленных дельцов поможет снабжению войска и охране того, что уже собрано. (3) Между тем Югурта еще настойчивей направлял послов с просьбой о мире, обещая передать Метеллу все, за исключением жизни своей и своих сыновей. (4) Этих послов, как и первых¹⁷⁶, консул, склонив к предательству, отпускал домой; царю он и не отказы-

вал в мире, которого тот просил, и не обещал его, выигрывая время и ожидая, когда послы исполнят свои обещания.

48. (1) Сопоставив слова Метелла с его действиями и увидев, что против него самого используют его же приемы (ведь ему говорили о мире, а в действительности вели против него жесточайшую войну, заняли его важнейший город, причем враги разведывали местность и пытались расположить население в свою пользу), Югурта волей-неволей решил взяться за оружие.

(2) Выведав, куда следует неприятель, он, рассчитывая одержать победу благодаря преимуществам местности, собирает как можно больше воинов всех родов оружия и, двигаясь тайными тропами, опережает войско Метелла.

(3) В той части Нумидии, которая при разделе досталась Адгербалу, протекает река под названием Мутул, начинающаяся на юге. Приблизительно в двадцати милях от нее в таком же направлении тянется горная цепь, пустынная и безлюдная. От ее середины отходит тянувшийся, сколько хватит глаз, холм, покрытый дикой оливой, миртом и другими видами деревьев, растущими на сухой и песчаной почве. (4) Равнина между рекой и горной цепью была пустынна из-за нехватки воды, за исключением мест близ реки, поросших кустарником; здесь часто пасся скот и бывали земледельцы.

49. (1) Растянув свой строй, Югурта занял холм, который, как мы сказали, расположен поперечно. Командовать слонами и частью пехоты он приказал Бомилькару и объяснил, что ему делать; сам он расположил свои войска вместе со всей конницей и отборной пехотой ближе к горе. (2) Затем, обходя турмы и манипулы¹⁷⁷, он убеждал, вернее, заклинал солдат, помня о своей прежней доблести и победе, защищать его и его царство от алчности римлян: они будут сражаться с теми, кого они, победив, провели под ярмом; у врагов переменялся начальник, но не дух; все то, что полководец должен был предусмотреть, он предусмотрел: прежде всего, более возвышенное место, и то, что они, будучи знакомы с местностью, будут сражаться с теми, кто ее не знает, и то, что они будут иметь численное превосходство, и то, что они не новички, а искушенные в ратном деле воины.

(3) Итак, пусть они будут готовы по данному им знаку напасть на римлян — этот день либо увенчает все их труды и победы, либо станет началом величайших несчастий. (4) Кроме того, обращаясь к каждому в отдельности — ко всем, кого он за их воинские заслуги ранее награждал деньгами и отмечал почестями, он напоминал им о своих милостях и ставил их в пример другим; словом, в соответствии с характером каждого он своими обещаниями, угрозами, просьбами поднимал дух — тем или иным способом. И тут Метелл, не знавший о присутствии врагов, заметил их, когда с войском спускался с горы. (5) Сперва он не понял, что означает это необычное зрелище, ибо лошади и нумидийцы

находились в кустарнике и не были целиком скрыты низкими зарослями, но при этом нельзя было понять, что же это такое, так как сами они и их знамена не были видны из-за особенностей местности и примененной ими хитрости. Быстро распознав западню, он остановил свое войско. (6) Изменив боевой порядок, он на правом фланге, ближайшем к врагу, установил в три линии воинов, включая резерв, между манипулами расставил пращников и лучников, всю конницу разместил на флангах и, не тратя времени, сказав лишь несколько слов, чтобы ободрить солдат, в том же порядке, какой он им придал, повернув влево передние ряды, повел их на равнину¹⁷⁸.

50. (1) Но, увидев, что нумидийцы сохраняют спокойствие и не спускаются с холма, Метелл, опасаясь, что его войско, из-за жаркого времени и недостатка воды, может пострадать от жажды, послал вперед к реке легата Рутилия¹⁷⁹ с когортой легковооруженных и частью конницы, чтобы заранее занять место для лагеря; он полагал, что враги частыми нападениями и ударами во фланг постараются замедлить его продвижение и, не веря в успех своего оружия, будут рассчитывать на усталость его солдат и на мучающую их жажду. (2) Затем, сообразуясь с условиями местности, он в том же боевом строю, в каком спустился с горы, стал постепенно продвигаться вперед; Мария он поставил позади первых рядов¹⁸⁰, сам находился вместе со всадниками левого фланга, оказавшимися во время перехода в первых рядах.

(3) Югурта, увидев, что последние ряды войска Метелла прошли мимо его первых рядов, отрядом пехоты численностью около двух тысяч занял гору, с которой ранее спустился Метелл, дабы она случайно не послужила отходящему противнику местом для отступления, а затем для постройки укрепления; потом он, подав знак, внезапно напал на врагов. (4) Одни нумидийцы разили наши последние ряды¹⁸¹, другие нападали на левый и правый фланги¹⁸², действовали ожесточенно и наседали, всюду нарушая боевой порядок римлян. Даже те из наших, кто более стойко давал отпор врагам, все же были беспомощны в этой беспорядочной битве, получая удары лишь издали и не имея возможности нанести ответный удар или сразиться врукопашную. (5) Заранее наученные Югуртой всадники всякий раз, когда на них нападала римская турма, отступали не сомкнутым строем и не в одно место, но по возможности в разные стороны. (6) Так они, превосходя противника численно, если и не могли отбить у врагов охоту преследовать их, нападали с тыла или с флангов на рассеявшихся солдат; но так как холм был для отступления удобнее равнины, то лошади нумидийцев, привычные к местности, именно по нему легко уходили через кустарник; наших же задерживала труднопроходимая и непривычная для них местность.

51. (1) Впрочем, общая картина сражения была пестрой, неопределенной, ужасной и даже жалкой. Одни, отделившись от своих, отступали, другие нападали на врагов; солдаты не следовали за знаменами и не соблюдали строя; где кто попадал в опасное положение, там он и отбивался; оружие оборонительное и наступательное, лошади и люди, враги и наши граждане — все смешалось; по плану и по приказу не делалось ничего, все зависело от случая. (2) День уже клонился к концу, а исход сражения все еще не был ясен. (3) Наконец, когда все уже изнемогали от лишений и зноя, Метелл, увидев, что натиск нумидийцев слабеет, постепенно собрал солдат воедино, восстановил боевой строй и поставил четыре когорты легионеров¹⁸³ против вражеской пехоты. Ее значительная часть, утомившись, занимала возвышенность. (4) Одновременно Метелл настоятельно убеждал солдат не падать духом и не допускать, чтобы уже готовый бежать враг победил; ведь у них нет ни лагеря, ни какого бы то ни было укрепления, куда бы они смогли отойти при отступлении; вся их надежда — на оружие. (5) Но не бездействовал и Югурта: обходил своих солдат, ободрял их, возобновлял сражение и сам во главе отборных сил нападал на всех участках, поддерживал своих, наседавал на колебавшихся врагов, а тех, в чьей стойкости он убедился, старался остановить, поражая издали.

52. (1) Так сражались два выдающихся полководца, равные друг другу духом, но неравные силами. (2) Ибо на стороне Метелла была доблесть его солдат, против него — особенности местности; Югурте благоприятствовало все, кроме качества его солдат. (3) Наконец, римляне, поняв, что укрытия у них нет и что враг не принимает сражения (а день уже клонился к вечеру), отошли, как им было приказано, на находившийся против них холм. (4) Не удержав своей позиции, нумидийцы были отброшены и обращены в бегство; некоторые погибли, большинство спаслось благодаря своему проворству и тому, что противник не знал местности.

(5) Тем временем Бомилькар (его, как мы говорили выше¹⁸⁴, Югурта поставил во главе слонов и части пехоты), после того как Рутилий его опередил, постепенно стянул свои силы вниз на равнину и, пока легат быстро двигался к реке, куда его послали, без помех, как того требовали обстоятельства, установил боевой порядок, но не переставал следить за тем, что делает неприятель и где он. (6) Когда Бомилькар получил сведения, что Рутилий уже укрепился и ничего не предпринимает, и когда в то же время крики оттуда, где сражался Югурта, усиливались, он, опасаясь, что легат, узнав о происходящем, может оказать поддержку римлянам, находящимся в трудном положении, ряды свои, которые он сомкнул, не надеясь на храбрость солдат, теперь растянул шире, дабы помешать продвижению врагов, и в таком строю двинулся на лагерь Рутилия.

53. (1) Римляне вдруг заметили большое облако пыли; ибо кустарник, который рос на этих местах, закрывал обзор. Сперва они подумали, что это ветер гонит сухой песок, но затем, увидев, что пыль клубится равномерно и все более приближается по мере движения войска, они, поняв суть дела, поспешно взялись за оружие и, исполняя приказ, встали перед лагерем. (2) Когда нумидийцы приблизились, обе стороны бросились друг на друга с громкими криками. (3) Нумидийцы держались, пока надеялись на помощь слонов, но, увидев, что римляне обходят слонов, наткнувшись на ветви деревьев и потому рассеявшихся, обратились в бегство, и большинство из них, бросив оружие, ушло невредимыми под прикрытием холма и под покровом уже наступавшей ночи. (4) Четыре слона были захвачены, все остальные, числом сорок, убиты. (5) Римляне, хотя и были утомлены переходом, постройкой лагеря и сражением, радовались своей победе; все же, так как Метелл медлил больше, чем они ожидали, они строем и осторожно выступили навстречу ему, (6) ибо коварство нумидийцев не допускало ни медлительности, ни беспечности. (7) Вначале ввиду ночной темноты, когда одни уже были недалеко от других, вследствие шума, указывавшего на приближение врага, они вызывали взаимный страх и тревогу, и эта неизвестность могла бы привести к печальным последствиям, если бы всадники, посланные вперед обеими сторонами, не выяснили положения вещей. (8) И вот страх неожиданно сменяется радостью; солдаты весело окликают друг друга по имени, рассказывают о происшедшем и слушают рассказы, причем каждый превозносит до небес собственные подвиги. Таковы ведь дела человеческие: при победе даже трусам дозволено хвастать, несчастье же принимает даже храбрых.

54. (1) Метелл, проведя в этом лагере четыре дня, раненым оказал помощь, отличившихся в боях по воинскому обычаю наградил, всех вместе на сходке похвалил и поблагодарил. Он призывал их проявлять такое же мужество и впредь, в менее трудных делах; по его словам, ради победы они сражались достаточно, предстоящие труды будут уже ради добычи. (2) Тем временем он все же послал перебежчиков и других подходящих людей разузнать, где Югурта и что он делает, малый ли у него отряд или целое войско и как он, побежденный, себя ведет. (3) Но царь удалился в лесистые местности, служившие естественной защитой, и там набирал войско многочисленнее, чем прежде, но слабое и нестойкое, которому земледелие и скотоводство были больше по душе, чем война. (4) Это происходило потому, что за бежавшим царем не последовал никто из нумидийцев, кроме царских всадников¹⁸⁶; каждый ушел туда, куда считал нужным, и это не считается позором для воинов — таковы их нравы.

(5) Метелл, видя, что царь и теперь все еще непреклонен, что война возобновляется, причем такая, какая угодна только Югурте, борьба неравная, когда победа его войскам обойдется дороже, чем

врагам поражение, решил продолжать войну не в сражениях и не в боевом строю, а иным способом. (6) Поэтому он вторгается в самые богатые области Нумидии, опустошает поля, захватывает и предаёт огню множество крепостей и городов, слабо укрепленных или не имеющих гарнизона; взрослых людей истребляет, все остальное велит отдавать солдатам на разграбление. Страх перед такими действиями привел к тому, что римлянам выдали многочисленных заложников, вдоволь предоставили зерно и прочее, что им могло бы понадобиться; везде, где требовалось, были поставлены гарнизоны.

(7) Эти действия пугали царя гораздо больше, чем проигранное сражение; (8) ибо его, возлагавшего все надежды на отступление, заставляли преследовать врага, его, который не смог защитить удобные для него позиции, вынуждали сражаться на неудобных. (9) Все же, исходя из общего положения дел, он принимает решение, казавшееся ему наилучшим: большей части войска приказывает оставаться в тех местах; а сам с отборными всадниками следует за Метеллом; двигаясь по ночам, крупными дорогами, он, оставшись незамеченным, нападает врасплох на рассеявшихся римлян. (10) Большинство из них, безоружные, погибают, многие попадают в плен, ни один не ускользает невредимым; затем нумидийцы, прежде чем из лагеря¹⁸⁶ могла бы прийти помощь, уходят к ближайшим холмам, как им было приказано.

55. (1) Между тем в Риме царил огромная радость, когда там узнали о действиях Метелла, о том, как он соблюдает сам и поддерживает в своем войске старинную дисциплину, как он даже в невыгодной позиции все же оказался победителем благодаря своей доблести и завладел вражеской землей, а Югурту, возгордившегося из-за трусости Альбина, заставил искать спасения в пустынях или в бегстве. (2) Поэтому в благодарность за счастливый исход событий сенат назначил молебствия бессмертным богам¹⁸⁷; гражданская община, еще недавно встревоженная и обеспокоенная исходом войны, ликовала, Метелла же всячески прославляли. (3) И потому тем больше усилий прилагал он для победы, всячески старался ускорить ее, но все-таки принимал меры предосторожности, чтобы нигде не оказаться уязвимым для врага; он помнил, что вслед за славою идет зависть. (4) И чем сильнее его прославляли, тем он был более осторожен, и после коварного налета Югурты римское войско уже не охотилось за добычей, рассыпавшись по местности; когда возникала нужда в зерне или в корме для лошадей, когорты пехотинцев при поддержке всей конницы выставляли прикрытие. Часть войска Метелл вел сам, остальную — Марий. (5) Впрочем, страна опустошалась не столько грабежами, сколько огнем. (6) Лагерь разбивали в двух местах, расположенных неподалеку одно от другого: когда надо было применить силу, все были налицо; (7) в иных случаях, чтобы на широком пространстве обращать врага в бегство и внушать ему страх,

они действовали порознь. (8) Тем временем Югурта следовал за римлянами по холмам, выбирал время и место для битвы там, куда, по его сведениям, должен был прийти противник; он отравлял корм для скота и воду в источниках, которых и так было недостаточно, появлялся то перед Метеллом, то перед Марием, нападал на замыкающие ряды колонны и тотчас же отступал к холмам, снова угрожал то одним, то другим, не вступал в сражение, но и не давал покоя, лишь препятствуя осуществлению планов противника.

56. (1) Римский командующий, увидев, что хитрости врага изматывают его силы и что царь избегает сражения, решил осадить большой город под названием Замы¹⁸⁸, оплот этой части царства, полагая, что Югурта вынужден будет прийти на помощь находящимся в беде подданным и тогда там произойдет бой. (2) Но царь, проведя об этом замысле от перебежчиков, совершив большие переходы, опередил Метелла. Он убеждает жителей оборонять городские стены, дав им в помощь перебежчиков, наиболее надежных людей в его армии, так как изменить ему они не могли; кроме того, он обещает, что в нужный момент сам подойдет с войском. (3) Отдав эти распоряжения, он удаляется в наиболее скрытую местность, но вскоре узнает, что Марий с несколькими когортами прямо с дороги послан за зерном в Сикку¹⁸⁹ — первый город, который отпал от царя после его поражения¹⁹⁰. (4) Он отправляется туда ночью с отборной конницей и, когда римляне уже выходили из города, завязывает сражение у городских ворот; одновременно он громким криком призывает жителей Сикки напасть на когорты с тыла; по его словам, Фортуна дает им возможность совершить достославное деяние; если они свершат его, то впоследствии он будет царствовать, а они — жить свободно и безбоязненно. (5) И не постеснясь Марий выйти из города и ударить по врагу, все или, во всяком случае, большинство жителей Сикки, конечно, перешли бы на сторону царя — так велико непостоянство нумидийцев! Но солдаты Югурты, поддержанные царем, некоторое время сопротивлялись, но все-таки, когда натиск усилился, понеся незначительные потери, разбежались.

57. (1) Марий подошел к Заме. Город этот, расположенный на равнине, был защищен не столько природой, сколько человеческим искусством, ни в чем не испытывал нужды и был богат оружием и людьми. (2) И вот Метелл, проведя подготовку в соответствии с требованиями места и времени, окружает городские стены войсками, указывает каждому из легатов его участок. (3) Затем по данному знаку солдаты со всех сторон поднимают громкий крик, но это не пугает нумидийцев; враждебно и решительно настроенные, они сохраняют спокойствие. Начинается битва. (4) Римляне сражаются каждый на свой манер: одни — на расстоянии, пулями из пращей¹⁹¹ и камнями, другие подступают к городской стене — часть подкапывает ее, часть взбирается на нее по лестницам,

чтобы вступить в рукопашную схватку. (5) Со своей стороны, горожане скатывают на ближайших врагов камни, швыряют столбы, колья, кроме того, льют на них горящий деготь, смешанный с серой и кусками смолистого дерева¹⁹². (6) Но даже и тем нашим солдатам, которые были далеко от городской стены, страх не давал надежной защиты: многих из них поражали дротики, пущенные из метательных орудий¹⁹³ или брошенные рукой, и как храбрые, так и трусы, хотя их слава неодинакова, подвергались одинаковой опасности.

58. (1) Пока шло сражение у Замы, Югурта с сильным отрядом внезапно напал на вражеский лагерь. Так как часовые были беспечны и ожидали всего, чего угодно, только не сражения, он ворвался в городские ворота. (2) Наши, пораженные страхом, стали действовать по-своему, думая лишь о себе: одни обратились в бегство, другие схватились за оружие; много было раненых и убитых. (3) Однако из всей массы солдат не более сорока человек, помнивших, что они римляне, сомкнув ряды, заняли более возвышенное место, и выбить их оттуда не удавалось никакими усилиями. Дротики, пущенные в них издалека, они даже метали обратно и, сражаясь горсткой против многочисленных врагов, не давали промаха. Если же нумидийцы подступали ближе, то они выказывали подлинное мужество и с величайшим ожесточением истребляли врагов, отбрасывали их и обращали в бегство. (4) Между тем Метелл в пылу битвы услышал крики врагов у себя в тылу, затем, повернув коня, увидел, что солдаты бегут в его сторону, и понял, что это свои. (5) Он тут же посылает к лагерю всю конницу, а затем, не медля, Гая Мария с когортами союзников и со слезами на глазах закликает его их дружбой и благополучием государства не допустить, чтобы пятно позора легло на победоносное войско и чтобы враги ушли безнаказанно. (6) Марий быстро выполнил приказ. Югурта же, натолкнувшись на препятствие, которым стали укрепления нашего лагеря, когда одни его солдаты переваливались через вал, другие теснились в узких местах, в спешке мешая друг другу, отступил на укрепленные позиции, понеся большие потери. (7) Метелл, не завершив начатого дела¹⁹⁴, с наступлением ночи возвратился с войском в лагерь.

59 (1) На другой день, прежде чем вновь приступить к осаде, Метелл приказывает всей своей коннице расположиться перед лагерем с той стороны, где мог появиться царь; ворота¹⁹⁵ и ближайшие к ним участки он распределяет между трибунами, сам же направляется к городу и, как и накануне, штурмует городскую стену. (2) Тем временем Югурта из укрытия неожиданно нападает на наших. Передние, напуганные, на какое-то время приходят в смятение, но другие быстро приходят им на помощь. (3) Нумидийцы не смогли бы сопротивляться долго, если бы их пехота, действуя вперемешку с конницей¹⁹⁶, не причиняла нам большого ущерба. Всадники, поддержанные пехотой, не нападали, чтобы

затем отступить, как принято в конном бою, но, атакуя на лошадях, вносили беспорядок в наши ряды; таким образом, когда вступала в действие легковооруженная пехота, противник был почти разгромлен.

60. (1) В это же самое время под Замой кипела битва. Отважнее всего сражались там, где командовали легаты и трибуны, причем каждый рассчитывал не столько на других, сколько на самого себя; так же действовали и горожане: всюду нападали или отбивали нападения; обе стороны наносили одна другой удары с большим пылом, чем от них защищались. (2) Боевой клич вперемешку с ободрительными возгласами, радостными криками и стонами, как и звон оружия, поднимались к небесам; дротики летели с обеих сторон. (3) Защитники стен всякий раз, когда враги давали им хотя бы малую передышку, издали напряженно наблюдали за битвой конницы. (4) В зависимости от того, как шли дела у Югурты, на их лицах можно было заметить то радость, то испуг. И, словно их соотечественники могли их услышать или увидеть, одни из них давали советы, другие ободряли, или делали знаки рукой, или наклонялись вперед, или делали движения в разные стороны, как бы уклоняясь от дротиков или метая их. (5) Заметив это, Марий (а именно он командовал на этом участке) нарочно ослабил натиск и притворился, будто не уверен в успехе; он позволил нумидийцам без помех наблюдать за битвой, данной царем. (6) А когда они прониклись участием к своим, Марий неожиданно большими силами штурмует городскую стену, и наши солдаты, поднявшись по лестницам, уже почти захватывают ее гребень, когда сбегаются горожане и обрушивают на них камни, горящую смолу и другие предметы. (7) Наши сперва оказывали сопротивление, но затем, когда лестницы одна за другой подломились, те, кто стоял на них, свалились на землю, остальные отступили, кто как смог — большинство раненые и лишь немногие невредимые. (8) Наконец, ночь заставила соперников прекратить битву.

61. (1) Метелл, убедившись в тщетности своих усилий — и что города ему не взять, и что Югурта сражается только из засады или на выгодной для него позиции, а лето между тем уже прошло, — отступил от Замы и разместил гарнизоны в тех городах, которые перешли на его сторону и были достаточно защищены природой или укреплениями. (2) Остальное войско он отправил на зимние квартиры в ту часть Провинции, что граничила с Нумидией. (3) Но это время¹⁹⁷ он в отличие от других не отдал ни отдыху, ни удовольствиям; но, так как оружие не приносило ему успеха в войне, он решил раскিনуть сети царю при помощи его друзей и использовать их вероломство как оружие. (4) И вот Метелл обращается к Бомилькару, который когда-то вместе с Югуртой был в Риме и оттуда, хотя у него и были поручители, бежал от суда за убийство Массивы¹⁹⁸, и дает ему множество обещаний, так как у того при его величайшей дружбе с царем была и величайшая

возможность его предать. (5) Прежде всего Метелл добивается того, что Бомилькар тайно посещает его для переговоров; затем, заверив его честным словом в том, что если он ему передаст Югурту живым или мертвым, то сенат обеспечит ему безнаказанность и передаст все имущество царя, Метелл легко получает согласие нумидийца, вероломного от природы и боявшегося, что его самого в случае заключения мира с римлянами по условиям договора могут выдать на расправу.

62. (1) При первой же возможности Бомилькар приходит к Югурте, исполненному тревогой и сокрушающемуся о своей судьбе. Он советует царю и слезно закликает его, наконец, подумать о себе, о своих сыновьях и нумидийском народе, верно служившем ему: во всех сражениях они разгромлены, страна разорена, много людей взято в плен, убито, могущество царства сломлено, доблесть солдат и Фортуна уже достаточно часто подвергались испытаниям — пусть он остережется, как бы нумидийцы, пока он будет медлить, не позаботились о себе сами¹⁹⁹. (2) Этими и прочими подобными доводами он убеждает царя сдаться. (3) К римскому военачальнику отправляют послов сообщить ему, что Югурта выполнит его требования, безоговорочно сдастся сам²⁰⁰ и передаст ему свое царство под его честное слово. (4) Метелл немедленно приказывает вызвать с зимних квартир всех, кто принадлежит к сенаторскому сословию, и собирает совет, в котором участвуют они и другие люди, которых он считал подходящими. (5) По обычаю предков и на основании постановления сената он через послов требует от Югурты двести тысяч фунтов серебра²⁰¹, всех слонов, а также определенное количество лошадей и оружия. (6) Когда это требование было без промедления выполнено, он призывает привести всех перебежчиков в окопах. (7) Большую часть их, как было приказано, к нему привели²⁰²; немногие, как только началась сдача, бежали в Мавретанию к царю Бокху. (8) Югурта же, едва у него отняли оружие, людей и деньги, а самого вызвали в Тисидий, где он должен был получить дальнейшие распоряжения, снова начал колебаться и, понимая свою вину, опасаться заслуженного возмездия. (9) Он пребывал в нерешительности много дней, с горечью вспоминая постигшие его несчастья, то отдавал предпочтение войне, то порой думал, каким тяжелым падением было бы для него, царя, рабство, и наконец, хоть он и потерял понапрасну много важных укрепленных мест, возобновил военные действия. (10) В Риме сенат, обсудивший положение в провинциях, назначил Нумидию Метеллу²⁰³.

63. (1) В это же время²⁰⁴ Гаю Марию, по какому-то поводу приносившему в Утике умиловительную жертву богам, гарусник предсказал великое и чудесное будущее: поэтому пусть он совершает то, что задумал, полагаясь на богов, пусть возможно чаще испытывает судьбу, и все окончится благополучно. (2) Между тем Марция уже давно мучила мечта стать консулом, для чего у него,

за исключением древности происхождения, были в избытке все другие качества: настойчивость, честность, глубокое знание военного дела, величайшая храбрость на войне, скромность в мирное время, презрение к наслаждениям и богатствам, жадность к одной лишь славе.

(3) Родившись и проведя все детство в Арпине²⁰⁵, он, едва возраст позволил ему носить оружие, проявил себя на военной службе²⁰⁶, а не в занятиях греческим красноречием²⁰⁷ и не в удовольствиях городской жизни. Так его ум, благодаря честным занятиям нетронутый, созрел в короткое время. (4) И вот, когда он впервые добивался от народа должности военного трибуна²⁰⁸, то, хотя почти никто не знал его в лицо, все трибы за его подвиги отдали ему голоса. (5) Затем одну за другой он достиг и других магистратур²⁰⁹ и, облеченный властью, всегда действовал так, что его признавали достойным более высокой должности, чем та, какую он исполнял. (6) Однако до той поры он, столь выдающийся муж, — это впоследствии его погубило честолюбие — (консулата) добиваться не осмеливался: хотя тогда простому народу были уже доступны другие магистратуры, консульскую должность знать пока сохраняла за собой, еще передавая ее из рук в руки. (7) Всякого нового человека, как бы он ни прославился, какие бы подвиги ни совершил, считали недостойным этой чести и как бы оскверняющим ее.

64. (1) Марий, увидя, что слова гаруспика совпадают с тем, к чему его влекут его тайные желания, просит у Метелла отпуск, чтобы выступить соискателем на выборах. Хотя Метелл и был щедро наделен доблестью, жадной славы и другими качествами, желанными для честных людей, он все же отличался презрительным высокомерием, общим пороком знати. (2) Озадаченный необычной просьбой, он сперва удивился намерению Мария и как бы по дружбе стал предостерегать его от столь неразумной затеи и от стремления, не соответствующего его положению: не все-де должны желать всего, и Марию надо быть довольным тем, чего он достиг, — словом, пусть он и не думает добиваться от римского народа того, в чем ему по справедливости можно отказать²¹⁰. (3) Высказав Марию это и другое в таком же роде и не переубедив его, Метелл обещал удовлетворить его просьбу, как только позволят обстоятельства. (4) И впоследствии, когда Марий неоднократно обращался к нему с этой же просьбой, Метелл, говорят, советовал ему не спешить с отъездом: для него, дескать, будет не поздно добиваться консулата вместе с его сыном²¹¹. А тот в это время под началом отца там же проходил военную службу, и было ему лет двадцать. Этот ответ разжег в Марии и решимость добиться магистратуры, к какой он стремился, и раздражение против Метелла. (5) И он стал слушаться двух наихудших советчиков — честолюбия и гнева и не останавливался ни перед поступком, ни перед словом, лишь бы они способствовали его избранию:

от солдат, которыми он командовал на зимних квартирах, он уже не требовал прежней строгой дисциплины; в присутствии торговцев, весьма многочисленных в Утике, он вел несдержанные и одновременно хвастливые речи о войне — дескать, если бы ему доверили половину войска, то Югурта уже через несколько дней оказался в его руках, закованный в цепи; командующий, по его словам, нарочно затягивает войну, так как он, человек тщеславный и по-царски высокомерный, чересчур упоен своей властью. (6) Все это казалось людям тем более убедительным, что продолжительная война их разоряла, а для человека, охваченного каким-либо желанием, все делается недостаточно быстро.

65. (1) В нашем войске к тому же находился один нумидиец по имени Гауда, сын Мاستанабаба, внук Масиниссы²¹², в своем завещании Миципса назначил его вторым наследником²¹³, ибо он страдал от болезни и поэтому несколько повредился в уме. (2) Когда Гауда просил разрешения, по обычаю царей, поставить свое кресло рядом с креслом консула²¹⁴, а впоследствии дать ему для охраны турму римских всадников, Метелл отказал ему и в том и в другом — в почетном месте, так как оно подобает только тем, кого римский народ раньше провозгласил царем, и в охране, так как для римских всадников было бы оскорбительно, если бы их сделали телохранителями нумидийца. (3) Обращаясь к нему, еще опечаленному отказом, Марий советует ему наказать военачальника за оскорбление с его, Мария, помощью. На слабоумного человека его льстивая речь подействовала: ведь Гауда — царь, великий муж, внук Масиниссы; будь Югурта взят в плен или убит, он немедленно получил бы власть над Нумидией; это может произойти совсем скоро, если его, Мария, пошлют в качестве консула вести эту войну. (4) И вот Гауду, а также римских всадников, солдат и торговцев, одних — уговорами, других — надеждой на мир, в письмах, отправляемых друзьям в Рим, он побуждает осуждать Метелла и требовать назначения Мария военачальником. (5) Так многие люди своими лестными отзывами пролагали ему дорогу к консулату. Кроме того, в те времена народ, так как знать была ославлена Мамилиевым законом²¹⁵, возвышал новых людей. Так все благоприятствовало Марию.

66. (1) Между тем Югурта, отказавшись сдаться и возобновив военные действия, стал тщательно все готовить, торопиться, набирать войско, угрозами или обещанием наград привлекать на свою сторону отпавшие от него города, укреплять позиции, исправлять, покупать оборонительное и наступательное оружие и другие предметы, которые он отдал, надеясь на мир, приманивать римских рабов и даже подкупать людей из наших гарнизонов — в общем ничего не оставлял он без внимания и все приводил в движение. (2) И вот в Ваге, где Метелл вначале, когда Югурта вел переговоры о мире, разместил свой гарнизон, видные граждане, откликнувшиеся на просьбы царя да и раньше отвернувшиеся от

него не по своей воле, устроили заговор, ибо, как бывает в большинстве случаев, чернь, особенно нумидийская, отличалась непостоянством, склонностью к мятежам и раздорам, жаждала переворотов, спокойствию и миру была враждебна. Затем, условившись обо всем, они выбирают третий день, поскольку этот день, праздничный и чтимый во всей Африке, сулил им игры и веселье и не вызывал опасений. (3) Итак, в назначенное время заговорщики приглашают каждый к себе в отдельности центурионов, военных трибунов и даже городского префекта Тита Турпилия Силана и всех их, кроме Турпилия, убивают во время трапезы. Затем они нападают на солдат, безоружных и беспорядочно ходивших по городу, что было естественно в такой день. (4) Так же поступает и простой народ — одни, подученные знатью, другие из любви к подобным делам, так как им, хотя они и не знали, что именно происходит и во имя чего, сами по себе беспорядки и перевороты были вполне по душе.

67. (1) Римские солдаты, захваченные врасплох, совершенно не знавшие, что им делать, растерялись. В городскую крепость, где хранились знамена и щиты, их не пускала вражеская стража, через ворота, заблаговременно запертые, бежать они не могли. Кроме того, женщины и дети беспрестанно сбрасывали на них с крыш домов камни и все, что попадало им под руку. (2) Так римляне не смогли уберечься от двойной опасности²¹⁶, и храбрейшие не смогли дать отпор слабейшим; погибали неотмщенными и хорошие, и дурные солдаты, смелые и трусы. (3) При таких ужасных обстоятельствах, когда нумидийцы свирепствовали, а город был заперт со всех сторон, префект Турпилий единственный из всех италийцев бежал невредимым. Как это произошло — благодаря ли милосердию его гостеприимца или по уговору, или, что вернее, случайно, мы так и не узнали; во всяком случае, раз он в столь тяжелой беде предпочел позорную жизнь доброй молве, его следует признать человеком подлым и опозоренным²¹⁷.

68. (1) Узнав о событиях в Ваге, Метелл, опечаленный, на короткое время уединился. Затем, когда к его огорчению присоединился гнев, он, приложив все усилия, поспешил выступить в поход, чтобы покарать за преступление. (2) На закате он выводит налегке легион, с которым стоял на зимних квартирах, а вместе с ним как можно больше нумидийских всадников²¹⁸ и на другой день в третьем часу²¹⁹ достигает равнины, окруженной небольшими холмами. (3) Здесь он объясняет солдатам, утомленным долгим переходом и уже ни на что не способным, что до города Ваги остается не больше мили и что их долг — стойко преодолеть последние трудности, чтобы отомстить за сограждан, храбрейших и в то же время несчастнейших людей; кроме того, он великодушно сулит им добычу. (4) Ободрив их таким образом, он приказывает всадникам,двигающимся в первом ряду, рассыпаться, а пехоте — идти возможно более сомкнутым строем и спрятать знамена.

69. (1) Жители Ваги, заметив, что на них движется войско и решив вначале, что это Метелл (как и было в действительности), заперли ворота; но затем, видя, что полей не опустошают и что впереди идут нумидийские всадники, они, наоборот, решили, что это Югурта, и с великой радостью вышли навстречу. (2) Внезапно по данному сигналу всадники и пехотинцы обрушиваются на людей, высыпавших из города, другие спешат к вратам, третьи захватывают башни; гнев и надежда на добычу оказались сильнее усталости. (3) Так жители Ваги только два дня наслаждались плодами своего вероломства; большой и богатый город весь целиком стал жертвой мести и грабежа. (4) Турпилия, который, как мы уже говорили, хотя и был префектом, единственный из всех бежал, Метелл предал суду; он не смог оправдаться, был осужден, высечен и казнен — ведь он был только гражданином из Лация²²⁰.

70. (1) В это же время Бомилькар, который посоветовал Югурте сдаться (от этого он затем трусливо отказался), заподозренный царем и сам подозревавший его, стал замышлять переворот, строить козни против Югурты; днем и ночью он думал только об этом. (2) Перебрав все средства, он, наконец, находит союзника в лице Набдалсы, человека знатного, очень богатого, известного и любимого населением; по поручению царя он не раз командовал войском и обыкновенно ведал всеми делами, которые были не с руки Югурте, утомленному или отвлеченному чем-то более важным; отсюда — его слава и богатство. (3) И вот, договорившись, они назначают день для осуществления своего заговора, а остальное будет выполнено потом, в зависимости от обстоятельств. (4) Набдалса отправился к войску, которое ему приказали держать среди зимних квартир римлян, дабы враг не мог безнаказанно разорять страну. (5) Когда он, в ужасе перед тяжестью задуманного преступления, не явился в назначенное время и страх грозил сорвать его замысел, Бомилькар, стараясь довести до конца начатое в то же время обеспокоенный робостью своего сообщника — как бы тот не отказался от прежнего замысла ради нового, — с верными людьми послал ему письмо, в котором упрекал его в нерешительности и трусости, приводил в свидетели богов, которыми тот поклялся, и советовал ему не допускать, чтобы посулы Метелла их погубили — ведь Югурта вот-вот падет, вопрос только в том, чья доблесть его погубит — их или Метелла, поэтому пусть Набдалса хорошо подумает, что ему выгоднее — награда или пытка.

71. (1) Случилось так, что, когда доставили это письмо, Набдалса, утомившись от упражнений, отдыхал на ложе. (2) Сначала доводы Бомилькара озаботили его, а потом, как бывает, когда человек взволнован, он заснул. (3) При нем состоял некий нумидец, управлявший его делами, верный ему и снискавший его расположение, посвященный во все его замыслы, кроме последнего. (4) Узнав, что получено письмо и по обыкновению подумав, что требуется его помощь или совет, он входит в шатер, берет письмо,

которое Набдалса, засыпая, неосмотрительно положил на подушку у изголовья, и прочитывает его; узнав о заговоре, он тут же спешит к царю. (5) Проснувшийся вскоре Набдалса, не найдя письма и узнав, как все произошло, вначале пытался перехватить доносчика, а когда это ему не удалось, он является к Югурте, чтобы умоли- стивить его. Он говорит, что вероломный клиент опередил его на- мерения, со слезами на глазах закликает царя своей дружбой и прежней верностью не подозревать его в таком преступлении.

72. (1) Царь ответил мягко, хотя на уме у него было другое. Казнив Бомилькара и многих других, замешанных, как он уста- новил, в заговоре, он подавил в себе гнев, чтобы из-за этого собы- тия не вспыхнул мятеж. (2) Но теперь уже Югурта ни днем, ни ночью не знал покоя. Все вызывало его подозрение — и место, и люди, и время суток, сограждан и врагов он боялся одинаково, каждый раз проводил ночь в другом месте, часто совсем не подо- бавшем для царя; иногда, внезапно проснувшись, он хватался за оружие и поднимал тревогу; так он и жил в страхе, близком к бе- зумию.

73. (1) Метелл же, узнав от перебежчиков об участии Бомилькара и о раскрытии заговора, снова все спешно готовит, словно для новой войны. (2) Мария, постоянно просившего отпустить его, он отсы- лает в Рим²²¹, сочтя, что ему мало подходит человек, находящийся при нем против своей воли и в то же время раздраженный против него. (3) В Риме народ с удовольствием принял известия о Ме- телле и Марии²²², о которых сообщалось в письмах. (4) Для вое- начальника знатность, ранее служившая ему украшением, стала причиной ненависти; напротив, низкое происхождение Мария уси- ливало расположение к нему. Впрочем, отношение к каждому из них определялось больше пристрастием враждующих сторон, чем их достоинствами и недостатками. (5) Кроме того, мятежные маги- страты²²³ возбуждали чернь, на всех сходках обвиняли Метелла в уголовном преступлении, превозносили доблесть Мариа. (6) В конце концов они так распалили народ, что все ремесленники и сельские жители, чье состояние создается трудом их рук, бросив работу, толпами сопровождали Мариа и ставили его избрание выше своих собственных интересов. (7) Так после поражения знати, спустя много лет консулат вверяют новому человеку. После этого плебейский трибун Тит Манлий Манцин²²⁴ спросил, кому народ хочет поручить войну с Югуртой, и большинство повелело — Марию. Сенат незадолго до этого назначил Нумидию Метеллу, и его постановление оказалось теперь недействительным²²⁵.

74. (1) Между тем Югурта, лишившись друзей²²⁶ — большин- ство из них он сам казнил, а остальные в ужасе бежали (одни к римлянам, другие к царю Бокху²²⁷), — не в состоянии вести войну без помощников и опасаясь испытывать верность новых слуг после такого вероломства старых, пребывал в замешательстве. Его не удовлетворяло ни общее положение, ни чей-либо совет, ни

люди: каждый день он менял свой путь и начальников²²⁸, то устремлялся на врага, то в пустыню, часто возлагал все надежды на отступление, а спустя немного — на оружие, не знал, чему следует меньше верить — храбрости или верности подданных, — словом, куда бы он мысленно ни обращался, все было против него. (2) Так шло время и вдруг с войском появился Метелл. Югурта, соображаясь с обстоятельствами, снаряжает и выставляет против него нумидийцев, и начинается битва. (3) Там, где находился царь, его солдаты какое-то время сражались, остальные же при первом столкновении были отброшены и обращены в бегство. Римляне захватили несколько знамен и оружие, но мало пленных, ибо нумидийцев во всех битвах выручало не столько оружие, сколько ноги.

75. (1) Потерпев поражение, Югурта, еще сильнее изверившись в успехе своего дела, вместе с перебежчиками и частью конницы направился в пустыню, затем в Талу, крупный и богатый город, где находилась большая часть его сокровищ и богатый двор его юных сыновей. (2) Когда Метеллу сообщили об этом, он, хотя и знал, что между Талой и ближайшей рекой — пятьдесят миль²²⁹ бесплодных пустынь, все-таки, надеясь завершить войну захватом этого города, решил преодолеть все трудности и победить саму природу. (3) Он приказал снять со всех вьючных животных поклажу, кроме десятидневного запаса зерна, и взять с собой только кожаные мехи и другие сосуды, пригодные для воды. (4) Кроме того, он велел согнать с полей как можно больше домашнего скота и навьючить на него разные сосуды, большей частью деревянные, взятые из нумидийских хижин. (5) Он также приказал всем окрестным жителям, сдавшимся ему после поражения царя, доставить ему возможно больше воды, назначив день и место, где они должны были ждать его. (6) Сам он нагрузил вьючный скот сосудами с водой из реки, которая, как мы уже говорили, была для города ближайшим источником воды. Снарядившись таким образом, он выступил в поход на Талу. (7) Затем, когда войско прибыло к месту, назначенному нумидийцам, и был разбит лагерь, с неба, как говорят, неожиданно хлынуло столько воды, что ее одной с избытком хватило бы целому войску. (8) Кроме того, снабжение припасами превзошло все ожидания, потому что нумидийцы, как большей частью бывает после недавней сдачи, с лихвой выполнили свои обязанности. (9) Но солдаты из религиозных побуждений больше пользовались дождевой водой, и это придало им мужества, ибо они решили, что о них пекутся бессмертные боги. На другой день они вопреки ожиданиям Югурты достигли Талы. (10) Горжане, когда-то верившие в то, что их защищает труднопроходимая местность, хотя и были ошеломлены столь беспримерным фактом²³⁰, все же стали усиленно готовиться к военным действиям; так же поступили и наши.

76. (1) Но царь, убедившись, что для Метелла уже нет ничего невозможного (ведь настойчивостью своей он уже победил все —

силу оружия, оборонительного и наступательного, время и место, наконец, саму природу, подчиняющую людей), вместе с сыновьями и большей частью имущества ночью бежал из города. С той поры, не задерживаясь нигде дольше одного дня, вернее, одной ночи, он делал вид, будто спешит по своим делам, но в действительности боялся предательства, избежать которого он, по его мнению, мог только благодаря скорости передвижения, ибо подобные замыслы рождаются на досуге, в благоприятных условиях. (2) Метелл, со своей стороны, увидев, что горожане намерены сражаться и что город защищен и укреплениями, и естественным положением, окружил его стены валом и рвом. (3) Затем в двух самых удобных местах он начал строить навесы, возводить насыпь и с помощью башен, установленных на насыпи, защитил свои работы и работников²³¹. (4) Горожане тоже торопливо готовились, так что ни одна из сторон ничего не упустила из вида. (5) Наконец, римляне, давно уже утомленные осадными работами и сражениями, через сорок дней после своего прибытия овладели городом — и только им одним, ибо всю добычу уничтожили перебежчики. (6) Увидев, что городскую стену разбивают таранами²³², и поняв, что спасения нет, они перенесли в царский дворец золото, серебро и другие самые ценные предметы. Там, напившись допьяна и наевшись до отвала, они предали огню и эти предметы, и дворец, сгорели сами и добровольно обрекли себя на казнь, какой они в случае поражения опасались со стороны врагов.

77. (1) Одновременно с падением Талы к Метеллу прибыли послы из города Лепты с просьбой прислать туда гарнизон и префекта. Некий Гамилькар, знатный и властолюбивый человек, говорили они, замышляет переворот, и против него бессильны и власть магистратов²³³, и законы; если Метелл не поторопится, то жизни их, союзников Рима, грозит величайшая опасность. (2) Дело в том, что жители Лепты уже в самом начале Югуртинской войны отправляли послов к консулу Бестии, а затем и в Рим — просить о дружбе и союзе. (3) Добившись этого, они после этого всегда оставались честными и верными союзниками и ревностно исполняли все требования Бестии, Альбина и Метелла. (4) Поэтому они легко добились от военачальника того, о чем просили. Туда были посланы четыре когорты лигурийцев и Гай Анний в качестве префекта²³⁴.

78. (1) Город Лепта был основан сидонянами²³⁵, которые, как нам известно, бежали из-за гражданских смут и прибыли в эти края на кораблях; он расположен между двумя Сиртами, названными так в связи с особенностями местности. (2) Ибо почти на самом краю Африки²³⁶ есть два залива неодинаковой величины, с одинаковыми природными условиями; их прибрежные воды очень глубоки, другие — в зависимости от обстоятельств: при одной погоде глубоки, при другой богаты отмелями. (3) Всякий раз, когда море вздувается и начинает бушевать под действием ветров,

волны приносят глину, песок и огромные камни; так вместе с ветрами меняется и внешний вид этих мест; название «Сирты» они получили от слова «тащить»²³⁷. (4) Один лишь язык жителей этого города подвергся изменениям в результате браков с нумидийцами, законы же и обычаи здесь большей частью сидонские, и сохранить их было им тем легче, что жили лептинцы далеко от царской столицы²³⁸. (5) Между их городом и населенной частью Нумидии лежала бесплодная пустыня.

79. (1) Раз уж события в Лепте привели нас в эти края, мне кажется уместным рассказать об из ряда вон выходящем, изумительном поступке двух карфагенян. Об этом мне напомнили сами места. (2) В те времена, когда Карфаген владычествовал почти во всей Африке, Кирена тоже была могущественна и богата. (3) Между обоими городами лежала однообразная песчаная равнина; не было ни реки, ни горы, которые могли бы служить границей между ними. Это обстоятельство привело к тяжелой и долгой войне. (4) После того как не раз соперники разбивали вражеский флот и наносили огромный ущерб друг другу, они, опасаясь, как бы на усталых победителей и побежденных не напал кто-либо третий, заключив перемирие, договариваются о том, чтобы в назначенный день из обоих городов вышли послы, и там, где они встретятся, установится граница между обоими народами. (5) И вот отправленные из Карфагена два брата по имени Филены поспешили в дорогу; киреняне передвигались медленнее. (6) Произошло ли это по их лености или случайно, не знаю, но в этих местах непогода задерживает человека почти так же, как и на море, ибо всякий раз, как ветер на этой голой равнине поднимает с земли песок, тот, стремительно двигаясь, набивается в рот и глаза, застилая взор и задерживая путника. (7) Киреняне, увидев, насколько их опередили, и испугавшись наказания, ожидавшего их дома, обвинили карфагенян в том, что они вышли в путь раньше установленного срока; они спорили и готовы были на что угодно, только бы не уходить побежденными. (8) Но когда пунийцы предложили поставить другие условия, лишь бы они были справедливыми, греки предоставили карфагенянам на выбор: либо чтобы они в том месте, где желают провести границу своей страны, позволили зарыть себя в землю живыми, либо чтобы сами греки на тех же условиях отправились до того места, которое выберут. (9) Филены согласились и принесли себя и свою жизнь в жертву отечеству — они были заживо зарыты. (10) В этом месте карфагеняне посвятили алтари братьям Филенам²³⁹, а на родине учредили для них и другие почести. Возвращаюсь теперь к своему повествованию.

80. (1) Потеряв Талу и поняв, что у него уже нет достаточно прочной опоры в борьбе против Метелла²⁴⁰, Югурта, совершив с небольшим отрядом переход через обширные пустыни, достиг области гетулов²⁴¹, племени дикого и первобытного и в те времена

не знавшего даже имени римлян. (2) Он собирает множество этих людей воедино и постепенно приучает их соблюдать строй, следовать за знаменами, слушаться приказаний — словом, исполнять все воинские обязанности. (3) Кроме того, щедрыми подарками и еще более щедрыми обещаниями он привлекает на свою сторону приближенных царя Бокха; обратившись с их помощью к царю, он склоняет его к войне против римлян. (4) Это было тем более легким и тем более осуществимым делом, что в начале этой войны с Югуртой Бокх отправлял послов в Рим с просьбой о союзе и дружбе; (5) этому делу, сулившему нам огромные преимущества в начатой войне, помешали несколько человек, ослепленных алчностью, для которых привычно было продавать все подряд — и честное и бесчестное. (6) Кроме того, Югурта еще раньше женился на дочери Бокха. Правда, у нумидийцев и мавров этим узам не придают большого значения, ибо каждый, насколько ему позволяют средства, старается иметь как можно больше жен: один — десять, другие — побольше, а цари — еще больше. (7) Таким образом, душевная привязанность ослабевает, ни одна из жен не становится близкой подругой, и ко всем относятся с одинаковым пренебрежением.

81. (1) Итак, войска сходятся в месте, выбранном обоими царями. Оба обмениваются клятвами, после чего Югурта произносит речь, которой ободряет Бокха. Он говорит, что римляне несправедливы, ненасытно алчны, они неизменные враги всех людей; для войны с Бокхом у них те же основания, что и для войны с ним самим и с другими народами, а именно страсть к господству, поэтому против них восстают все царства: сейчас он, несколько раньше карфагеняне и царь Персей, а впрямь их врагом окажется каждый, кого они сочтут особенно богатым. (2) После таких и подобных речей они решают двинуться к Цирте, потому что Квинт Метелл собрал там свою добычу, пленных и обозы²⁴². (3) Югурта рассчитывал либо захватить город и таким образом приобрести награду за труды, либо вступить в сражение, если римский полководец придет на помощь своим. (4) Будучи хитрым человеком, Югурта стремился лишь к одному — поскорей лишить Бокха надежды на мир, чтобы тот из-за промедления не отказался от войны.

82. (1) Узнав о союзе между царями, полководец²⁴³ предусмотрительно не дает им возможности сразиться с ним, причем там, где придется, как он уже не раз поступал после частых побед над Югуртой. Вместо этого он поджидает царей в укрепленном лагере недалеко от Цирты, решив, что для него будет лучше сначала познакомиться с маврами, новым для него врагом, и вступить с ними в битву в благоприятных для него условиях. (2) В это время из Рима приходит письмо, извещающее, что провинция Нумидия отдана Марию (о том, что Марий избран в консулы, он знал уже раньше). Потрясенный этим сильнее, чем допускали ра-

зум и достоинство, он не удержался от слез и наговорил лишнего; муж этот, выдающийся во многих отношениях, не справился со своим огорчением. (3) Одни приписывали это его гордости, другие — тому, что его чувство справедливости было оскорблено, многие — тому, что у него вырвали из рук уже достигнутую победу. Мне же совершенно ясно, что он мучился не столько из-за личной обиды, сколько из-за чести, оказанной Марию, и не огорчался бы так сильно, если бы отнятую у него провинцию отдали кому-нибудь еще, только не Марию.

83. (1) И вот, не в силах преодолеть эту душевную боль и не видя смысла радеть о чужом деле с риском для себя, Метелл шлет к Бокху послов с предложением не становиться без всяких оснований врагом римского народа — ведь царь теперь имеет прекрасную возможность заключить с ним союз и дружбу, которые предпочтительнее войны, и как бы царь ни был уверен в своих силах, ему не следует определенное менять на неопределенное: всякую войну развязать легко, но очень трудно прекратить, ее начало и завершение — не во власти одного и того же человека; начать ее способен любой, даже трус, но кончится она — когда на это будет воля победителей. Поэтому пусть он подумает о себе и собственном царстве и не связывает своего превосходного положения с безнадежным положением Югурты. (2) Царь отвечает на это вполне миролюбиво, сам он желает мира, но сочувствует Югурте, и если тому была бы предоставлена такая же возможность, обо всем можно было бы договориться. (3) Полководец снова шлет гонцов с возражениями — с одними тот соглашается, другие отклоняет. Таким образом, пока они обменивались гонцами, время уходило и, как и хотел Метелл, война тянулась, а боевые действия не начинались.

84. (1) Между тем Марий, как мы уже говорили²⁴⁴, избранный в консулы при величайшем расположении народа, после того как получил в управление Нумидию, уже и ранее враждебный знати, теперь нападал на нее часто и ожесточенно: он хулил знатных людей то порознь, то всех сообща, твердил, что консулат достался ему как военная добыча после его победы над ними, позволял себе и другие высказывания, возвеличивавшие его самого и для них оскорбительные. (2) Однако особое значение он придавал подготовке к войне: он требовал пополнения для легионов, привлекал вспомогательные отряды, набранные у народов, царей и союзников; кроме того, он созывал из Лация всех храбрейших солдат, большинство которых он знал по походам, а некоторых — по их доброй славе; встречаясь с теми, кто отслужил свой срок²⁴⁵, он уговаривал их выехать вместе с ним. (3) И сенат, хотя и был настроен против Мария, не решался отказать ему ни в чем, а пополнение предоставил даже с радостью, так как все считали, что народ не расположен к военной службе и что Марий лишится либо средств для ведения войны, либо располо-

жения народа²⁴⁶. Но это были напрасные надежды, настолько сильным было желание большинства людей выступить вместе с ним. (4) Каждый надеялся разбогатеть благодаря добыче и вернуться домой победителем: были и другие соображения, которыми руководствовались люди; к тому же и Марий воодушевил их своей речью. (5) Когда после удовлетворения всех его требований Марий решил набирать солдат, то, чтобы убедить народ, а заодно, по обыкновению, обрушиться с нападками на знать, он созвал сходку. А затем произнес речь такого содержания:

85. (1) «Я прекрасно знаю, квириды, что многие, добываясь от вас империя, выказывают одни качества, а достигнув и осуществляя его, — другие: сперва они усердны, искательны, умеренны, а потом становятся праздными и заносчивыми. Я же считаю иначе: (2) насколько государственные дела в целом важнее, чем консулат или претура, настолько о первых следует заботиться больше, чем добиваться вторых. (3) И мне совершенно ясно, какую ответственность я беру на себя, принимая оказанную вами величайшую милость. Готовиться к войне и в то же время не истощать государственной казны, привлекать к военной службе людей, у которых не хочешь вызвать недовольства, иметь попечение обо всем внутри страны и за его рубежами и все это делать, когда тебя окружают зависть, помехи, козни, гораздо труднее, квириды, чем можно себе представить. (4) Кроме того, если оплошность допускали другие, то защитой им служили древнее происхождение, подвиги предков, влияние родичей и свойственников, многочисленные клиентелы. Все мои надежды — только на самого себя, и я должен оправдать их своей доблестью и неподкупностью, ибо прочие мои качества бессильны. (5) И еще одно понимаю я, квириды: взоры всех людей обращены на меня, справедливые и честные люди ко мне благоволят, так как мои услуги приносят пользу государству, знать же ищет случая напасть на меня. (6) Тем ревностнее должен я стараться, чтобы, с одной стороны, вы не были сбиты с толку, с другой — чтобы они потерпели неудачу. (7) С детства и до сего времени все труды и опасности я считал привычными для себя. (8) Получив награду, отказываться от того, что я прежде, до милости, оказанной мне вами²⁴⁷, совершал безвозмездно, я не намерен, квириды! (9) Быть сдержанным, когда ты облечен властью, трудно тому, кто, добываясь ее, притворялся добропорядочным; у меня же, доблестно прожившего весь свой век, привычка поступать честно стала второй натурой.

(10) Вы поручили мне вести войну с Югуртой и знать этим была крайне раздражена. Подумайте, пожалуйста, сами, не лучше ли вам будет переменить решение: не возложить ли выполнение этой или другой подобной задачи на кого-нибудь из круга знати, на человека древнего происхождения, имеющего множество изображений предков и никогда не воевавшего, — чтобы человек, не

сведущий в столь важном деле, забеспокоился, заторопился и привлек какого-нибудь советчика из народа? (11) Так чаще всего и бывает: тот, кому вы повелеваете быть полководцем, ищет для себя в качестве полководца ²⁴⁸ другого человека. (12) Я и сам знаю, квириды, таких, которые, став консулами, начинали читать постановления наших предков и воинские уставы греков. Странные люди — ведь если обязанности консула исполняют лишь после избрания, то обдумать свою задачу следует раньше, чем за нее браться. (13) С этими гордецами, квириды, сравните теперь меня, нового человека. То, о чем они обычно слышат или читают, я либо видел, либо совершил сам; чему они научились из книг, тому я — ведя войны. (14) Теперь сами решайте, что более ценно — действия или слова. Они презирают меня как нового человека, я их — как трусов; мне бросают в лицо мое происхождение, им — их подлости. (15) Впрочем, я полагаю, что все люди — одинакового происхождения, но все храбрейшие — они и самые благородные. (16) И если бы теперь можно было спросить у отцов Альбина или Бестии ²⁴⁹, меня или их предпочли бы они породить, то что, по-вашему, ответили бы они, как не то, что хотели бы иметь как можно больше храбрых сыновей? (17) Если знатные люди презирают меня по праву, то пусть они поступают так же и по отношению к своим предкам, у которых, как и у меня, знатность порождена доблестью. (18) Они завидуют моему почету, так пусть завидуют моим трудам, бескорыстию и испытанным мной опасностям, ведь я достиг ее именно через все это. (19). Однако люди, обуреваемые гордостью, живут так, словно пренебрегают почестями, оказываемыми вами; они добиваются их так, будто всегда жили достойно. (20) Право, они заблуждаются, если одновременно ожидают вещей столь различных — наслаждения от праздности и награды за доблесть. (21) Более того. когда они выступают перед вами или в сенате, они и в речах превозносят своих предков, думая, что упоминание об их подвигах возвеличивает их самих. (22) Совсем наоборот — чем славнее жизнь предков, тем позорнее нерадивость потомков. (23) Дело обстоит, конечно, так: слава предков как бы светоч для потомков; она не оставляет во тьме ни их достоинств, ни их пороков ²⁵⁰. (24) Именно ее мне недостает, признаюсь вам, квириды! Однако — и это намного более славно — я могу говорить о собственных деяниях. (25) Теперь смотрите, как они несправедливы: того, на что они притязают, пользуясь чужой доблестью ²⁵¹, они не дают мне на основании моей, очевидно, потому, что у меня нет изображения предков и знатность у меня новая, приобрести которую, во всяком случае, было лучше, чем опозорить полученную от других.

(26) Я отлично понимаю, что, если они захотят ответить мне, их речь будет красна и складна. Но так как они после вашей величайшей милости, оказанной мне, по любому поводу терзают меня и нас своим злоречием, то я решил не молчать, дабы никто не

расценил мою сдержанность как признание своей вины. (27) Мнесто, по моему глубокому убеждению, никакая речь повредить не может, ибо правдивая меня непременно превознесет, лживую моя жизнь и нравы опровергают. (28) Но раз осуждают решения, принятые вами, оказавшими мне высшую честь и поручившими мне важнейшее дело, то подумайте хорошенько, надо ли вам раскаиваться в этом. (29) Я не могу, ради вящего доверия к себе, похвастать изображениями предков, их триумфами или консулатами, но, если потребуется, покажу копья, флажок, фалеры²⁵² и другие воинские награды²⁵³, и кроме того, шрамы на груди. (30) Вот мои изображения, вот моя знатность, не по наследству мне доставшаяся, как им, но приобретенная бесчисленными трудами и опасностями.

(31) Слова мои не надуманы: не придаю я значения этому. Доблесть достаточно говорит сама о себе; это им нужны искусные приемы, чтобы красноречием прикрывать позорные поступки. (32) Не знаю я греческой литературы, да и не нравилось мне изучать ее, ибо наставникам в ней она не помогла достичь доблести²⁵⁴. (33) Но тому, что гораздо важнее для государства, я обучен, а именно: поражать врага, нести сторожевую службу, ничего не бояться, кроме дурной славы, одинаково переносить холод и зной, спать на голой земле, переносить одновременно и голод, и тяготы. (34) Так же я буду наставлять и своих солдат, но не обреку их на нужду, сам живя в довольстве, и не сделаю славу своим, а труды — их уделом. (35) Вот это — полезное, вот это — достойное гражданина командование. Ибо самому купаться в роскоши, а войско подвергать мучениям и значит быть властелином, а не полководцем.

(36) Такими и подобными действиями предки ваши прославились сами и прославили государство. (37) Кичась своими предками, знать, отличающаяся совсем иными нравами, нас, соперников своих, презирает, а от вас требует всех магистратур не по своим заслугам, а будто это ваш долг. (38) Но в своем высокомерии эти люди глубоко заблуждаются. Их предки оставили им все то, что только можно: богатства, изображения, славную память о себе, но доблести они им не оставляли да и не могли оставить — лишь ее одну нельзя ни принести в дар, ни принять. (39) По их словам, я неопрытен и груб, так как не умею изысканно устроить пирушку и у меня нет актера²⁵⁵, да и повар обошелся мне не дороже, чем управитель усадьбой. Охотно признаю это, квириты! (40) Ведь от отца и других бескорыстных мужей я усвоил, что изящество подobaет женщинам, мужчинам — труд, что всем честным людям надлежит стремиться к славе больше, чем к богатству, что человека украшает оружие, не утварь²⁵⁶. (41) Так пусть они всегда делают то, что им приятно, что им по сердцу: пусть предаются любви, пьянству²⁵⁷, где провели молодость, там пусть проводят и старость — в пирушках, служа чре-

воугодию и постыднейшей похоти; пот, пыль и прочее пусть оставят нам, которым это приятнее пиршеств. (42) Но нет, эти негодяи, опозорив себя гнусностями, стараются лишить честных людей заслуженных ими наград. (43) И по великой несправедливости разврат и леность, эти наихудшие пороки, ничуть не вредят тем, кто им предавался, а государство, ни в чем не повинное, губят.

(44) Теперь, ответив им, насколько того требовали мои правила, а не их гнусные нравы, скажу коротко о делах государства. (45) Прежде всего, не тревожьтесь насчет Нумидии, квириты! То, что до сего времени спасало Югурту, вы полностью устранили: алчность, неопытность, высокомерие²⁵⁸. Далее, там находится войско, знакомое с местностью, но, клянусь Геркулесом, скорее стойкое, чем удачливое; (46) ибо из-за алчности и опрометчивости полководцев оно понесло большой урон. (47) Поэтому поддержите меня те, кто по возрасту годен к военной службе, и беритесь за дела государства²⁵⁹, и пусть ни несчастье, постигшее других, ни гордыня полководцев²⁶⁰ не вызывают страха ни у кого. Сам я в походе и в сражении буду вам и советчиком, и товарищем в опасности и при всех обстоятельствах буду рядом с вами. (48) И с помощью богов успех — победа, добыча, слава — поистине уже близок. Но будь он даже сомнителен или еще далек, все равно долг всех честных людей — прийти на помощь отечеству. (49) Право, трусость еще никого не сделала бессмертным, и ни один отец не желал, чтобы его сыновья жили вечно, но чтобы они прожили свой век честно и достойно. (50) Я продолжил бы свою речь, квириты, но робким слова не придадут мужества²⁶¹, а для смелых, думается мне, сказанного достаточно».

86. (1) После этой речи Марий, увидев, что народ воспрял духом, поспешно грузит на корабли припасы, деньги для уплаты жалованья, оружие и все необходимое и приказывает легату Авлу Манлию отправиться в путь. (2) Сам он тем временем набирает солдат, но не по обычаю предков и не по разрядам, а всякого, кто пожелает, большей частью лично внесенных в списки. (3) Одни объясняли это недостатком порядочных граждан²⁶², другие — честолюбием консула, ибо именно эти люди его прославили и возвысили, а для человека, стремящегося к господству, наиболее подходящие люди — самые нуждающиеся, которые не дорожат имуществом, поскольку у них ничего нет, и все, что им приносит доход, кажется им честным. (4) Итак, Марий, отправившись в Африку с подкреплением, намного более многочисленным, чем было определено, через несколько дней прибывает в Утику. (5) Войско ему передает легат Публий Рутилий²⁶³, так как Метелл избегал встречи с Марием, чтобы не видеть того, о чем не мог даже слышать.

87. (1) И вот консул, пополнив легионы и вспомогательные когорты, вступает в плодородную и богатую добычей страну; все,

захваченное там, он отдает солдатам, затем подступает к укреплениям и городам, слабо защищенным природой, имеющим небольшие гарнизоны, завязывает в разных местах частые, но легкие сражения. (2) Новобранцы без страха участвовали в этих битвах: они видели, что беглецов либо берут в плен, либо убивают, что самым храбрым угрожает наименьшая опасность, что оружие защищает свободу, родину, родителей и все прочее и приносит им славу и богатство. (3) Так в короткий срок новые солдаты объединились со старыми и все сравнились в доблести. (4) Цари же, узнав о прибытии Мария, отступили, каждый порознь, в труднодоступные местности. Так счел нужным сделать Югурта, надеявшийся, что вскоре можно будет нападать на рассредоточившихся врагов, что римляне, как и большинство других, избавившись от страха, будут вести себя более беспечно и распущенно.

88. (1) Тем временем Метелл, приехав в Рим, встречает там неожиданно для себя самый радостный прием²⁶⁴, ибо ненависть улеглась и народ оценил его так же, как отцы-сенаторы.

(2) Марий, однако, с неустанным и пристальным вниманием наблюдал за всем, что происходило у римлян и у их врагов, изучал их сильные и слабые стороны, следил за передвижениями царей, предупреждал их замыслы и козни, не допускал, чтобы у него ослабевала дисциплина и чтобы враги чувствовали себя в безопасности. (3) Так он, часто нападая в пути на гетулов и на Югурту, когда те свозили добычу, захваченную у наших союзников²⁶⁵, обращал их в бегство, а самого царя недалеко от Цирты заставил бросить оружие²⁶⁶. (4) Однако поняв, что это лишь приносит славу, но не ведет к окончанию войны, он решил захватить один за другим города, которые благодаря своим гарнизоном или местоположению могли быть использованы врагами и представляли для него опасность; тогда Югурта, по его мнению, либо лишится поддержки, если допустит это, либо даст сражение. (5) Бокх же не раз присылал к Марию гонцов, уверяя, что ищет дружбы римского народа и что Марию не надо бояться враждебных действий с его стороны. (6) Было ли это притворством, чтобы внезапный удар оказался для нас особенно тяжелым, или же царь, по природе своей непостоянный, готов был то искать мира, то возобновлять войну, трудно сказать.

89. (1) Следуя своему плану, консул подступал к городам и укрепленным селениям и отнимал их у врагов — либо силой, либо угрозами или обещаниями награды. (2) Вначале он ограничивался небольшими действиями, полагая, что Югурта, защищая своих подданных, вступит с ним в бой. (3) Но узнав, что царь далеко и занят другими делами, он счел своевременным приступить к более важным и трудным делам.

(4) Среди бескрайних пустынь находился большой и могущественный город Капса²⁶⁷, будто бы основанный Геркулесом

Ливийским. Его жителей Югурта освободил от податей, управлял ими мягко, и они поэтому считались верными подданными царя; от врагов защищали их не только городские стены, оружие и гарнизон, но прежде всего непроходимая местность. (5) Ибо, если не считать ближайших городов, вся остальная страна была пустынна, безводна и особенно опасна из-за обилия змей, которые, как все дикие звери, становились особенно свирепыми от недостатка пищи. Кроме того, змея, по природе своей ядовитая, возбуждается от жажды²⁶⁸ больше, чем от всего остального. (6) Марий испытывал жгучее желание захватить этот город — как из военных соображений, так и потому, что это казалось очень нелегким делом; ведь Метелл стяжал себе славу, взяв Талу, расположенную и укрепленную точно так же, разве что под Талой было несколько родников недалеке от городских стен, а в распоряжении жителей Капсы лишь один неиссякающий источник воды, да и тот — в самом городе, остальная вода, которой они пользовались, была дождевой. (7) Это обстоятельство и здесь, и в других местах Африки, удаленных от моря и невозделанных, жители переносили тем легче, что нумидийцы питались преимущественно молоком и дичью и не нуждались ни в соли, ни в других средствах, возбуждающих аппетит. (8) Пища служила им для утоления голода и жажды, а не для наслаждения и не как роскошь²⁶⁹.

90. (1) Итак, консул, все разведав и, думается мне, положившись на богов (ибо при таких трудностях предусмотреть все даже его мудрость не могла; а ему грозила еще и нехватка зерна, так как нумидийцы занимаются скотоводством больше, чем земледелием, и весь свой урожай по приказу царя перевезли в укрепленные города, земля же была в это время суха и лишена растительности, поскольку был конец лета²⁷⁰), все-таки, насколько возможно, готовится весьма предусмотрительно. (2) Весь скот, захваченный им в последние дни, он велит гнать вперед всадникам вспомогательных войск; легату Авлу Манлию приказывает идти во главе когорта легковооруженных к городу Лары²⁷¹, где он оставил деньги для уплаты жалованья и продовольствие, и обещает ему, что сам через несколько дней прибудет туда же собирать добычу. (3) Скрыв таким образом свои намерения, он направляется к реке Танаис²⁷².

91. (1) Впрочем, в пути Марий ежедневно распределял скот поровну по центуриям и турмам и велел делать из шкур мехи; в то же время он восполнял нехватку зерна и тайно от всех запасался всем, что вскоре должно было понадобиться. Наконец, на шестой день, когда дошли до реки, было готово много мехов. (2) Здесь, разбив лагерь и слегка укрепив его, он приказывает солдатам поесть и быть готовыми к выступлению на закате солнца, снять с себя всю поклажу и взять с собой и нагрузить на вьючных животных одну лишь воду. (3) Когда, по его мне-

нию, настало время, Марий выступает из лагеря и, совершив переход в течение всей ночи, устраивает привал; так же делает он и в следующую ночь; на третью ночь задолго до рассвета он приходит в холмистую местность, находящуюся от Капсы на расстоянии не более двух миль, и там, никак себя не обнаруживая, выжидает. (4) С наступлением дня, когда множество нумидийцев, ничего не подозревая, вышло из города, он внезапно приказывает всей своей коннице, а с ней и самым быстрым пехотинцам бегом броситься к Капсе и захватить городские ворота. Сам он, преисполненный решимости, поспешил следом и не позволил солдатам заниматься грабежом. (5) Когда горожане узнали об этом, то смутнение, ужас, неожиданность беды и вдобавок то обстоятельство, что часть их сограждан оказалась за пределами городских стен и во власти врага, — все это заставило их сдаться. (6) Тем не менее город предали огню, взрослых нумидийцев перебили, всех остальных продали в рабство, а добычу поделили между солдатами. (7) Это нарушение законов войны было допущено не из-за алчности или жестокости консула, но потому, что местность эта была удобна для Югурты и труднодоступна для нас, население ненадежно, вероломно, и его не удавалось прежде удержать ни милостью, ни страхом²⁷³.

92. (1) Завершив столь трудное дело, и притом без малейших потерь, Марий, уже и раньше великий и прославленный, приобрел еще большее величие и славу. (2) Все поступки его, даже не очень осмрительные, приписывались его доблести. Солдаты, к которым он относился не слишком строго и которые разбогатели, превозносили его до небес, нумидийцы боялись его больше, чем боятся простого смертного, наконец, все, и союзники, и враги, верили, что либо он наделен божественным умом, либо все его действия выражают волю богов²⁷⁴. (3) Добившись успеха, консул выступил против других городов. Некоторые из них, сломив сопротивление нумидийцев, он захватил, большинство же, покинутых населением вследствие несчастья, обрушившегося на жителей Капсы, предал огню; повсюду стоял плач и шла резня. (4) Наконец, овладев многими городами, причем в большинстве случаев без потерь, Марий приступает к другому предприятию, не связанному с такими препятствиями, как при взятии Капсы, но не менее трудному²⁷⁵.

(5) Дело в том, что неподалеку от реки Мулукки, разделявшей царства Югурты и Бокха, посреди равнины была необычайно высокая скалистая гора, достаточно обширная для постройки небольшой крепости, к которой вел лишь один очень узкий проход; вся гора была настолько крутой, словно ее сделала не природа, а искусство и руки человека. (6) Там хранились сокровища царя, и Марий решил захватить это место любой ценой. Но помог ему не столько расчет, сколько случай; (7) ибо в крепости было достаточно людей и оружия, большой запас зерна и источ-

ник воды; для устройства насыпей, башен и других осадных сооружений местность была неудобна; тропа, которой пользовались защитники крепости, была очень узка, а склоны с обеих сторон отвесны. (8) Подводить по ней навесы было крайне опасно да и бесполезно: стоило их чуть выдвинуть вперед, как осажденные уничтожали их огнем или камнями. (9) Труднодоступное место не позволяло солдатам ни занять позицию перед осадными сооружениями, ни безопасно действовать под щитами; все самые храбрые были убиты или ранены, среди других усиливался страх.

93. (1) Марий, затратив много дней и труда, в тревоге размышлял, не отказаться ли ему от своего замысла, поскольку он оказался невыполнимым, или ждать счастливого случая, не раз уже выручавшего его. (2) И вот, пока он, взволнованный, много дней и ночей предавался раздумью, какой-то лигуриец, простой солдат из вспомогательных когорт, случайно выйдя из лагеря по воду, недалеко от крепости, со стороны, противоположной тому месту, где сражались, заметил улиток, ползавших между скал. Подобрал одну, другую, затем многих, он, увлекшись, постепенно поднялся почти на вершину горы. (3) Там, увидев, что вокруг никого нет, он, как это свойственно человеческому уму, склонному преодолевать трудности, стал думать о другом [еще более трудном]. (4) В этом месте между скал случайно вырос большой каменный дуб, сперва чуть наклонившийся книзу, затем изогнувшийся и потянувшийся вверх, что естественно для деревьев. Опираясь то на его ветви, то на выступавшие из земли камни, лигуриец достиг площадки, на которой стояла крепость, поскольку внимание всех нумидийцев было обращено на битву. (5) Разведав все, что, по его мнению, вскоре могло бы пригодиться, он спускается вниз тем путем, но уже не наудачу, как поднимался, а все обследуя и высматривая вокруг. (6) Потом он спешит к Марию, сообщает ему о своем приключении, советует ему напасть на крепость с той стороны, откуда он поднимался, и предлагает себя в проводники на этом опасном пути. (7) Чтобы проверить его сообщение, Марий послал вместе с лигурийцем нескольких человек из тех, кто присутствовал тогда; в соответствии со своим нравом одни сочли это дело трудным, другие — легким. Консул, однако, прибодрился. (8) И вот из трубачей и горнистов он отбирает пятерых самых проворных, дает им для защиты четырех центурионов, приказывает, чтобы все они повиновались лигурийцу, и назначает выступление на следующий день ²⁷⁶.

94. (1) В назначенное время лигуриец, приготовив и собрав все необходимое, отправляется в путь. Те, кто должен был подняться по обрыву, заранее обученные проводником, переменили оружие и одежду: они были с непокрытой головой и босы, чтобы лучше осматривать местность и лазать по скалам; за спиной они несли мечи и щиты, притом нумидийские, из кож, более легкие и пронзающие меньше шума при ударе. (2) Идя впереди, лигу-

риец привязывал веревки к выступам скалы и к торчащим из земли старым корням, чтобы солдатам легче было подниматься на кручу; иногда он подавал руку тем, кого пугала непривычная дорога; там, где восхождение было особенно трудным, он пропускал людей одного за другим безоружных, а потом следовал за ними с их оружием. В местах, казавшихся опасными, он шел первым и по несколько раз поднимался и спускался туда и обратно, а затем, быстро отходя в сторону, вселял уверенность в других. (3) После долгого и утомительного подъема они, наконец, добираются до крепости, безлюдной с этой стороны, потому что все жители, как и в остальные дни, отбивали нападения противника. Марий весь день своими атаками держал нумидийцев в напряжении, но теперь, узнав от гонцов об успешных действиях лигурийца, ободрив солдат и выйдя из-под навеса, сам подступил к стене, приведя в движение «черепаху»²⁷⁷, не переставая издали устрашать врагов стрельбой из метательных машин, действиями лучников и пращников. (4) Нумидийцы, однако, и раньше не раз уничтожавшие и поджигавшие осадные щиты римлян, не прятались за стенами крепости, но днем и ночью находились перед укреплениями, поносили римлян, Мария называли безрассудным, нашим солдатам грозили рабством у Югурты, в своей удаче были дерзки. (5) А пока и римляне и их соперники были поглощены борьбой, когда обе стороны яростно боролись — одни за славу и господство, другие за свою жизнь, в тылу у нумидийцев прозвучал вдруг сигнал. Сперва ударились в бегство женщины и дети, вышедшие поглядеть на битву, затем те, кто ближе остальных находился у городской стены, и, наконец, все подряд, вооруженные и безоружные. (6) Когда это случилось, римляне стали еще решительнее насаждать и наносить удары; большинство врагов они только ранили, затем по телам убитых, охваченные жадной славой, наперебой старались взобраться на стену, причем ни один не задержался ради грабежа. (7) Так исправленная благодаря случаю опрометчивость Мария принесла ему славу, несмотря на его промах²⁷⁸.

95. (1) Тем временем квестор Луций Сулла прибыл в лагерь с многочисленной конницей, набранной в Лации и среди союзников, для чего он и был оставлен в Риме²⁷⁹. (2) А так как обстоятельства напомнили нам о таком человеке, то я считаю уместным коротко рассказать о его натуре и образе жизни, ибо в другом месте о деяниях Суллы я говорить не намерен, а Луций Сисенна, изучивший их лучше и тщательнее всех, кто описывал события того времени, по-моему, не был достаточно беспристрастен в своих суждениях²⁸⁰.

(3) Итак, Сулла принадлежал к знатному патрицианскому роду²⁸¹, к его ветви, уже почти угасшей ввиду бездеятельности предков. В знании греческой и латинской литературы он не уступал ученым людям, отличался огромной выдержкой, был жаден

до наслаждений, но еще более до славы. На досуге он любил предаваться роскоши, но плотские радости все же никогда не отвлекали его от дел; правда, в семейной жизни он мог бы вести себя более достойно²⁸². Он был красноречив, хитер, легко вступал в дружеские связи, в делах умел необычайно тонко притворяться; был щедр на многое, а более всего на деньги. (4) И хотя до победы в гражданской войне он был счастливейшим из всех, все-таки его удача никогда не была большей, чем его настойчивость, и многие спрашивали себя, более ли он храбр или более счастлив²⁸³. Что касается его дальнейших действий, то я сам не знаю, стыдно или же тягостно будет мне о них говорить²⁸⁴.

96. (1) И вот Сулла, как уже было сказано, прибыв с конницей в Африку, то есть в лагерь Мария, поначалу неопытный и несведущий в военном деле, в короткий срок стал очень искусен в нем. (2) Кроме того, он приветливо заговаривал с солдатами, многим по их просьбе, а иногда и по собственному почину оказывал услуги, сам же неохотно принимал их и воздавал за них быстрее, чем отдают долг; он ничего не требовал ни от кого и старался, чтобы больше людей было у него в долгу. То шутивно, то серьезно говорил он с людьми самого низкого звания; (3) в трудах²⁸⁵, походе и караулах неизменно участвовал и при этом не задевал доброго имени консула или иного уважаемого человека, как бывает при дурном честолюбии²⁸⁶; он только не терпел, чтобы кто-нибудь превзошел его в советах или в делах, сам же очень многих оставлял позади. (4) Этими своими качествами и поведением он быстро приобрел величайшее расположение Мария и солдат.

97. (1) Югурта, однако, потеряв Капсу и другие укрепленные и важные для него места, а к тому же и немало имущества, послал к Бокху гонцов с предложением поскорей привести свои войска в Нумидию, ибо настало время дать бой. (2) Узнав, что тот медлит и, колеблясь, взвешивает доводы в пользу войны и в пользу мира, Югурта снова по обыкновению подкупил подарками его приближенных, а самому мавру обещал третью часть Нумидии, если римляне будут выдворены из Африки или если война будет закончена без ущерба для его царства. (3) Соблазнившись такой наградой, Бокх с многочисленным войском присоединяется к Югурте.

Объединив войска, они, когда оставалась едва десятая часть дня²⁸⁷, нападают на Мария, уже направлявшегося на зимние квартиры²⁸⁸: они решили, что в случае поражения наступавшая ночь послужит им защитой, если же они победят, то не будет помехой, так как они знают местность; напротив, римлянам в обоих случаях темнота создаст большие затруднения. (4) Не успел консул²⁸⁹ узнать от многих людей о приближении врагов, как они уже появились, и прежде чем войско успело построиться или хотя бы сложить поклажу в одно место, словом, прежде чем оно смогло услышать сигнал или слова приказа, всадники-гетулы и

мавры — не строем и не в каком-либо боевом порядке, а группами, будто собравшимися по воле случая, налетают на наших. (5) А те, испытав страх от неожиданности, но все же помня о своей доблести, либо брались за оружие, либо защищали других солдат, бравшихся за оружие; некоторые вскакивали на лошадей, мчались навстречу врагам; битва стала больше напоминать схватку с разбойниками, чем сражение: без знамен, не соблюдая строя, всадники вперемешку с пехотинцами, одни отступали, другие погибали; на многих, бившихся отчаянно, нападали сзади; ни доблесть, ни оружие не защищали надежно наших солдат, так как неприятель имел численный перевес. Наконец, римляне, как ветераны [и потому опытные воины], так и новобранцы, если местность или случай им позволяли соединиться, стали смыкаться в кольцо и таким образом, будучи прикрыты со всех сторон и сохраняя построение, выдерживали натиск врага.

98. (1) Но и в этом столь сложном положении Марий не испугался, не пал духом, но во главе своей турмы²⁹⁰, составленной не столько из самых ему близких людей, сколько из наиболее храбрых, появлялся всюду и то приходил на помощь дрогнувшим, то нападал на врагов там, где они отбивались сплоченной массой, помогал солдатам лично, потому что при таком беспорядке отдавать приказы он не мог. (2) Вот и окончился день²⁹¹, но варвары ничуть не ослабляли своего натиска и, как им велели их цари, сочтя ночь благоприятной для себя, нападали еще более яростно. (3) Тогда Марий, исходя из обстоятельств, принимает решение и, дабы его войско имело возможность отступить, занимает два расположенных рядом холма — один, недостаточно большой для устройства лагеря, но с источником, богатым водой, другой более удобный, так как высокий и в значительной части обрывистый, не требовал значительных укреплений. (4) Марий приказывает Сулле со всадниками провести ночь у источника, а сам, поскольку враги пребывали в таком же беспорядке, постепенно собирает солдат, рассеявшихся по полю, и ускоренным шагом уводит их вверх на холм. (5) Трудность позиции вынуждает царей отказаться от сражения, но все же они не разрешают своим солдатам отходить; окружив оба холма крупными силами, они располагаются в большом беспорядке. (6) Разведя много костров, варвары большую часть ночи, по своему обыкновению, ликовали, орала, и их воинственные полководцы считали себя победителями, раз они не обратились в бегство. (7) Все это в потемках, с высоты было хорошо видно римлянам и весьма ободряло их.

99. (1) Неопытность врагов придала Марию уверенность, и он приказал соблюдать полное молчание и даже, по обыкновению, не трубить смену ночной стражи²⁹². На рассвете, когда уставшие враги заснули, он распорядился, чтобы часовые, как и трубачи когорт, турм и легионов²⁹³, разом затрубили, а солдаты подняли крик и выскочили из ворот лагеря. (2) Мавры и ге-

тулы, внезапно разбуженные незнакомыми им и страшными звуками, не смогли ни бежать, ни вообще что-либо сделать. (3) Шум, крики, отсутствие какой-либо помощи во время нашего нападения, суматоха и смятение привели их в ужас, почти лишив рассудка. В конце концов все они были рассеяны и обращены в бегство; было захвачено много оружия и воинских знамен, и погибло в этом сражении больше людей, чем во всех предыдущих, ибо сон и небывалый страх помешали бегству.

100. (1) Затем Марий продолжил переход на зимние кварталы: чтобы обеспечить лучшее снабжение войск, он решил провести зиму в приморских городах. Однако победа не сделала его ни беспечным, ни заносчивым, и двигался он в боевом порядке²⁹⁴ — точно так же, как если бы находился на виду у врага. (2) Сулла с конницей шел справа, слева — Авл Манлий с прашниками и лучниками, а также когортами лигурийцев. Возглавляли и замыкали войско манипулы легкой пехоты под командой трибунов. (3) Перебежчики, которыми Марий дорожил меньше всего и которые лучше всех знали местность, следили за передвижением противника. В то же время консул, как будто у него не было помощников, сам наблюдал за всем, появлялся всюду, хвалил или укорял каждого, кто этого заслуживал. (4) Будучи при оружии и предельно внимательный сам, он того же требовал от солдат. С той же осмотрительностью, с какой он двигался, он укреплял лагерь, ставил когорты легионеров на страже у ворот, располагал вспомогательную конницу перед лагерем, кроме того, расставлял солдат в укреплениях на валу, сам обходил посты — не столько из недоверия к тому, как будут выполняться его приказания, сколько для того, чтобы солдаты охотнее переносили тяготы, которые с ними разделяет их полководец. (5) И действительно, Марий тогда, как и вообще в течение всей Югуртинской войны, поддерживал дисциплину в войске, не столько прибегая к наказаниям, сколько обращаясь к совести солдат. Многие объясняли это его стремлением к популярности, другие — тем, что суровая жизнь, к которой он привык с детства, и все то, что иные считают несчастьем, для него было удовольствием. Во всяком случае, дела государства он вершил честно и достойно — так же, как при самой строгой власти.

101. (1) На четвертый день недалеко от города Цирты, одновременно отовсюду явились разведчики, и стало ясно, что враг близок. (2) Но так как они, возвратившись с разных сторон, сообщали все одно и то же, то консул, не зная, какой боевой порядок ему принять, остановился и выжидал, не изменив строя²⁹⁵ и готовый отразить любое нападение. (3) Так что Югурта, разделивший свои силы на четыре части и рассчитывавший, что из всех его солдат хотя бы некоторые ударят по вражескому тылу, просчитался. (4) Тем временем Сулла, который первым вступил в соприкосновение с противником, ободрив своих всадников, по-

строенных по турмам как можно теснее, сам вместе с другими напал на мавров; остальные не двигались с места, прикрывались от пущенных издалека дротиков и разили всех, кто вступал с ними в рукопашный бой. (5) Пока сражались конные, Бокх с пехотой, которую к нему привел сын его Волукс (задержавшись в пути, она не участвовала в первом сражении²⁹⁶), ударил в хвост римского войска. (6) Марий тогда находился в головных рядах, поскольку там были Югурта и его главные силы. Узнав о прибытии Бокха, нумидиец с небольшим отрядом незаметно поворачивает в сторону наших пехотинцев. Там он на латинском языке — ибо под Нумандией он научился говорить на нем — закричал, что наши солдаты сражаются напрасно, ибо он только что собственной рукой убил Мария; одновременно показывал им окровавленный меч, которым он яростно разил наших пехотинцев. (7) Услышав и увидев это, наши солдаты испугались, не столько поверив этому известию, сколько в ужасе от самой этой возможности, а варвары воспряли духом и стали еще яростнее нападать на потрясенных римлян. (8) Последние уже были готовы обратиться в бегство, когда Сулла, разгромив тех, на кого он напал, возвратившись, ударил маврам во фланг. (9) Бокх тотчас же повернул войско. Югурта же, старавшийся поддержать своих и не упустить уже почти достигнутую победу, был окружен всадниками и, после того как справа и слева были убиты окружавшие его солдаты, в одиночку прорвался под градом вражеских копий и дротиков. (10) Тем временем Марий, рассеяв вражескую конницу, поспешил на помощь своим, которых, как он узнал, уже теснили. (11) Наконец, враг был разгромлен повсюду. Равнина, открытая взору, представляла собой ужасное зрелище: преследование, бегство, убийство, плен, поверженные лошади и люди; множество раненых, которые не в силах ни бежать, ни оставаться в покое — они только приподнимаются на миг и тотчас же падают; в общем, насколько мог охватить глаз, земля была усеяна стрелами, оружием, мертвыми телами, а между ними — повсюду кровь.

102. (1) После этого консул, теперь уже безусловный победитель, прибыл в Цирту, куда он вначале и направлялся. (2) Туда через пять дней после второго поражения варваров явились послы от Бокха и от его имени предложили Марию направить к царю двух надежных людей, с которыми он хочет обсудить нечто важное для него самого и для римского народа. Марий тотчас же приказал ехать Луцию Сулле и Авлу Манлию. (3) Хотя их и пригласил царь, они все же решили говорить перед ним первыми, чтобы склонить его к миру, если он его противник, и еще более побудить к нему, если он его желает. (4) И вот Сулла, которому Манлий, хотя и был старше, уступал в красноречии, кратко высказался так:

(5) «Царь Бокх! Для нас большая радость, что тебе, столь достойному мужу, боги внушили желание предпочесть, наконец,

мир войне и не мараить себя, наилучшего из людей, союзом с наилучшим из всех — Югуртой, и в то же время избавить нас от тяжкой необходимости в равной мере карать тебя за твои заблуждения и его за его гнусные преступления. (6) Кроме того, римский народ, поначалу слабый, предпочел искать себе друзей, а не рабов и решил, что безопаснее править людьми, подчиняющимися добровольно, а не по принуждению. (7) Тебе же наша дружба выгоднее любой другой, во-первых, потому, что мы находимся далеко и потому обиды с нашей стороны невозможны, а услуги могут быть такими же, как если бы мы были близко; во-вторых, потому, что поданных у нас множество, друзей же ни у нас, ни у кого другого никогда не было достаточно. (8) О, если бы твои решения были такими же с самого начала! Ты, конечно, получил бы от римского народа благ намного больше, чем испытал зла. (9) Но поскольку большинством дел человеческих правит Фортуна, которой, очевидно, было угодно, чтобы ты на себе испытал и силу, и милость нашу, то теперь, когда она позволяет это, поторопись и продолжай начатое. (10) У тебя много подходящих возможностей с легкостью загладить свои заблуждения исполнением своего долга. (11) Словом, запомни хорошенько: еще никто никогда не превосходил римского народа своими благодеяниями. Его военную мощь ты знаешь сам».

(12) Бокх отвечает на это миролюбиво и дружелюбно, пытаясь оправдать свои действия: он взялся за оружие не из вражды, а для защиты своего царства; (13) ибо та часть Нумидии, откуда он вытеснил Югурту, стала ему принадлежать по праву войны²⁹⁷, и он не мог допустить, чтобы Марий опустошал ее; кроме того, когда он раньше отправлял послов в Рим, ему было отказано в дружбе. (14) Но он не вспоминает о прошлом и теперь, если Марий позволит, готов направить послов к сенату. (15) Получив такую возможность, варвар, однако, снова изменил свои планы — по настоянию друзей, которых подкупил Югурта, узнав о поездке Суллы и Манлия и боясь того, что они готовили.

103. (1) Тем временем Марий, разместив войска на зимних квартирах, во главе вооруженных когорт и части конницы двинулся в пустыню, чтобы осадить царскую крепость, куда Югурта собрал всех перебежчиков, составив из них гарнизон. (2) Тогда Бокх снова передумал, то ли хорошенько поразмыслив над тем, что случилось с ним в двух сражениях, то ли послушавшись друзей, которых Югурте не удалось подкупить; из множества приближенных он выбрал пятерых — людей выдающегося ума и испытанной верности. (3) Он велит им ехать к Марию, а затем, если тот согласится, — в Рим, чтобы вести переговоры и на любых условиях заключить мир. (4) Они тотчас же выезжают на римские ямные квартиры, но по пути их захватывают и грабят разбойники-гетулы. Испуганные, лишенные знаков своего достоин-

ства²⁹⁸, они предстают перед Суллой, которого консул, отправляясь в поход, оставил в качестве пропретора²⁹⁹. (5) Сулла не обошелся с ними как с вероломными врагами, чего они заслуживали, но принял их с почетом и благожелательно, так что варвары пришли к выводу, что слухи об алчности римлян неверны и что Сулла, столь добрый к ним, их друг. (6) Ибо даже тогда подкуп многим не был известен, и щедрым считался только тот, кто в то же время был и благожелателен, всякий дар приписывали доброте. (7) Итак, они сообщают квестору о поручении Бокха, просят его быть их покровителем и советником и в то же время превозносят могущество, честность, величие своего царя и многое другое, что, по их мнению, либо полезно римлянам, либо может снискать их благоволение. После того как Сулла все обещал им и научил, как им говорить перед Марием и как перед сенатом, они около сорока дней провели в ожидании в римском лагере.

104. (1) Осуществив свой замысел и возвратившись в Цирту, Марий, узнав о прибытии послов, приказывает им приехать вместе с Суллой; он вызывает также претора Луция Беллиена³⁰⁰ из Утики, а также всех находящихся в Африке представителей сенаторского сословия и обсуждает с ними предложения Бокха³⁰¹. (2) Послам разрешают съездить в Рим. С их просьбой установить на это время перемирие Сулла и большинство присутствовавших согласились; кое-кто, правда, высказался более сурово, разумеется, в неведении дел человеческих, столь неверных, непостоянных и всегда превратных. (3) Итак, мавры добились своего, и трое из них выехали в Рим в сопровождении Гнея Октавия Русона³⁰², который, будучи квестором, доставил в Африку жалованье; двое же возвратились к царю. Бокх с радостью узнал от них обо всем, а особенно о доброте и расположении Суллы. (4) А в Риме послам царя, умолявшим сенат простить Бокха, впавшего, по их словам, в заблуждение и оказавшегося жертвой преступления Югурты, на их просьбу о дружбе и союзе был дан такой ответ:

(5) «Сенат и римский народ склонны помнить и оказанную им услугу, и нанесенное оскорбление. Но Бокха, раз он раскаивается в своем проступке, они прощают. Союза и дружбы он будет удостоен, когда заслужит их»³⁰³.

105. (1) Узнав об этом, Бокх письмом попросил Мария прислать к нему Суллу, чтобы в соответствии с его полномочиями обсудить общие дела. (2) Сулла выехал под охраной всадников, пехотинцев и балеарских пращников; кроме того, с ним отправились лучники и пелигнская когорта с легким вооружением³⁰⁴, допуская более быстрое передвижение и все-таки защищавшим от легкого наступательного оружия врагов не хуже, чем всякое другое. (3) На пятый день пути на открытой равнине неожиданно появляется Волукс, сын Бокха, с тысячью всадников, и

более, которые скачут как попало, не соблюдая порядка, и у Суллы и всех его спутников создается впечатление, что их гораздо больше, и намерения их враждебны. (4) И вот каждый готовится к бою, проверяет оборонительное и наступательное оружие, собирается с духом; надежда пересиливала страх, так как победители столкнулись с теми, кого уже не раз побеждали. (5) Тем временем всадники, посланные на разведку, доносят, что все спокойно, как и было на самом деле.

106. (1) Волукс, приблизившись, приветствует квестора и говорит, что послан отцом, то есть Бокхом, навстречу римлянам и для их охраны. Затем в течение этого и следующего дня они вместе совершают переход, без всяких опасений. (2) Потом, когда они разбили лагерь и уже вечерело, мавр вдруг прибежал к Сулле, встревоженный, изменившийся в лице, и сказал, что, по сведениям разведчиков, Югурта близко; тут же настоятельно советовав Сулле ночью тайно бежать вместе с ним. (3) Тот гордо отвечает, что не страшится нумидийца, столько раз терпевшего поражение от римлян; он полностью уверен в мужестве своих солдат, и даже если гибель неизбежна, он останется на месте, но не станет предавать тех, кем командует, и позорным бегством спасать свою ненадежную жизнь, которой он, быть может, вскоре лишится из-за болезни³⁰⁵. (4) Но совет Волукса выступить ночью он одобряет и тотчас же приказывает солдатам закончить обед, развести в лагере побольше костров, затем в первую ночную стражу выступить, сохраняя полное молчание. (5) Несмотря на всеобщую усталость после ночного перехода, Сулла с восходом солнца уже размечал место для лагеря, но тут всадники-мавры сообщили, что Югурта расположился впереди, на расстоянии около двух миль. (6) Когда наши узнали об этом, их охватил ужас — они подумали, что Волукс их предал и заманил в засаду. Кое-кто даже предлагал расправиться с ним и не оставлять безнаказанным столь тяжкое преступление.

107. (1) Но Сулла, хотя и сам держался того же мнения, все же ограждает мавра от насилия. Он убеждает своих сохранять мужество — ведь в прошлом горсть храбрецов не раз доблестно сражалась против полчищ врагов; чем меньше станут они щадить себя в битве, тем в большей безопасности будут, и никому из тех, кто взял оружие в руки, не подобает искать помощи у безоружных ног и, даже испытывая величайший страх, подставлять врагам незащищенное и незрячее тело³⁰⁶. (2) Затем, призвав Юпитера Величайшего в свидетели преступления и вероломства Бокха, Сулла приказал Волуксу, поступившему как враг, покинуть лагерь. (3) Тот со слезами на глазах умолял его не верить подозрениям: никакого злого умысла нет, скорее это чирность Югурты, которому, очевидно, с помощью разведки стало известно передвижение Суллы; (4) впрочем, так как у Югурты нет крупных военных сил и в своих планах и средствах он зави-

сит от его отца, то Волукс думает, что Югурта не решится напасть открыто, тем более что здесь есть свидетель — сам сын Бокха. (5) Поэтому он считает, что лучше на виду у всех пройти через лагерь Югурты, сам же он, либо послав мавров вперед, либо оставив их на месте, один пойдет вместе с Суллой³⁰⁷. (6) При столь трудных обстоятельствах совет этот был принят. Выступив немедленно, они появились столь неожиданно, что, пока Югурта испытывал сомнения и колебания, прошли невредимыми через его лагерь. (7) Через несколько дней они были у цели.

108. (1) При Бокхе в качестве ближайшего друга находился один нумидиец по имени Аспар, которого Югурта, узнав о приглашении, посланном Сулле, направил своим представителем³⁰⁸ и для того, чтобы он незаметно разузнавал намерения Бокха; кроме того, там был Дамар, сын Массуграды, из рода Масиниссы, но по женской линии низкого происхождения (его отец родился от наложницы); мавр любил и высоко ценил его ум. (2) Не раз уже убедившись в его преданности римлянам, Бокх тотчас посылает его сообщить Сулле о своей готовности выполнить волю римского народа; что же касается переговоров, то пусть Сулла назначает день, место и время и не опасается посла Югурты³⁰⁹; в своих отношениях с Югуртой он, Бокх, нарочно все оставляет без перемен, чтобы легче было обсудить общие дела, иначе ему не уберечься от козней царя. (3) Сам-то я отлично знаю, что действия Бокха, надеждой на мир державшего одновременно в напряжении и римлянина, и нумидийца и все время раздумывавшего, кого кому предать: Югурту ли римлянам или ему Сулле, определялись пунийской верностью³¹⁰, а не тем, в чем он заверял; пристрастие настроивало его против нас, опасения — в нашу пользу.

109. (1) Поэтому Сулла отвечает, что в присутствии Аспара он будет краток, а остальные переговоры будет вести тайно, один на один или в присутствии очень немногих. Тут же он объясняет, какой ответ хочет получить. (2) Когда все собрались, как он хотел, Сулла говорит, что прибыл от имени консула спросить Бокха, чего от него ждать — мира или войны. (3) Тогда царь, как ему было указано, просит Суллу снова приехать через десять дней, — по его словам, он еще ничего не решил, а тогда даст ответ. Затем оба они удалились, каждый в свой лагерь. (4) Но когда прошла большая часть ночи, Бокх тайно вызывает Суллу; каждого из них сопровождают лишь верные переводчики, да еще в качестве посредника — Дабар, человек безупречный и признанный ими обоими. Царь тотчас же начинает:

110. (1) «Никогда не думал, что мне, величайшему царю в этой стране и среди всех царей, каких я только знал, придется быть благодарным частному лицу³¹¹. (2) И, клянусь Геркулесом³¹², до своей встречи с тобой, Сулла, я помогал многим — одним по их просьбе, другим по собственному почину, сам же не нуждался ни в чьей помощи. (3) Теперь, когда такой возможности

нет (многих это обычно огорчает), я радуюсь. Пусть то, что я некогда нуждался в помощи³¹³, будет платой за твою дружбу, дорожке которой для меня нет ничего. (4) Искренность мою легко проверить: мое оружие, людей, имущество — словом, все, что угодно, бери, пользуйся и, сколько бы ты ни прожил, никогда не думай, что я тебя до конца отблагодарил: чувство благодарности пребудет во мне всегда, и любое твое желание, которое станет мне известным, я выполню. (5) Ибо, как я полагаю, уступить в бою — для царя меньший позор, чем уступить в щедрости.

(6) Что же касается вашего государства, представителем которого ты прислан сюда, то послушай, что я тебе вкратце скажу. Сам я никогда не вел войны с римским народом и никогда не желал ее; я только поднял оружие для защиты своих границ³¹⁴. (7) Отказываюсь от этого, раз таково ваше желание. Войдите с Югуртой, как хотите. (8) Сам я не перейду через реку Мулукку, которая была границей между мной и Миципсой, и не позволю Югурте переправиться через нее. Если ты попросишь меня еще о чем-нибудь, достойном меня и вас, ты не встретишь отказа».

111. (1) Насчет себя Сулла ответил кратко и сдержанно, о мире же и общих делах говорил подробно. Он объяснил царю, что сенат и римский народ, коль скоро они победили силой оружия, не сочтут, что его обещания заслуживают благодарности; он должен сделать что-нибудь такое, что явно будет на пользу им, а не ему. Именно это как раз и возможно — ведь Югурта в его руках. Если Бокх выдаст его римлянам, то они будут в величайшем долгу перед ним: они тогда даруют ему свою дружбу, союз и ту часть Нумидии, которой он теперь добивается. (2) Царь сначала отказывался, ссылаясь на то, что ему мешают узы родства, свойства да и союзный договор; а кроме того, он опасается, что нарушение им честного слова оттолкнет от него его подданных, расположенных к Югурте и ненавидящих римлян. (3) Наконец, он уступает настояниям и обещает исполнить все, чего хочет Сулла. (4) Затем они сговариваются, как притвориться, будто они готовы заключить мир, в котором истощенный войной нумидиец крайне нуждается. Условившись таким образом, они расстаются.

112. (1) На следующий день царь вызывает к себе Аспара, посла Югурты, и говорит ему, что он через Дабара узнал от Суллы, что на определенных условиях³¹⁵ можно положить конец войне; поэтому пусть Аспар выяснит, каковы намерения царя. (2) Аспар с радостью выезжает в лагерь Югурты; затем, все выяснив у него, через восемь дней он спешит обратно к Бокху и сообщает ему, что Югурта готов исполнить все, что от него требуется, но не доверяет Марию, ибо раньше мир, который заключали римские полководцы, часто нарушался. (3) Но если Бокх думает об их общих интересах и установлении прочного мира, то

пусть постарается, чтобы все собрались вместе будто бы для переговоров о мире, и там выдаст ему Суллу; когда в его власти окажется такой муж, вот тогда по постановлению сената или народа и будет заключен договор — ведь не оставят они в руках врага знатного человека, который стал жертвой не трусости, а своей преданности государству.

113. (1) После долгого размышления мавр в конце концов обещал сделать именно так, но колебался ли он для вида или искренно, мы так и не узнали — в большинстве случаев в своих желаниях цари столь же непостоянны, сколь и беспощадны, и часто противоречат сами себе. (2) Когда определили время и место встречи, Бокх вызывал к себе для переговоров о мире то Суллу, то посла Югурты, был приветлив с ними, обоим обещал одно и то же; они в равной мере радовались и были исполнены добрых надежд. (3) Но накануне дня, назначенного для переговоров, мавр собрал ночью друзей, но тут же отослал их, изменив первоначальное решение, и, говорят, долго размышлял в одиночестве, причем выражение его лица и глаз менялось вместе с настроением, что, разумеется, несмотря на его молчание, выдавало его тайные мысли. (4) Наконец, он все-таки велит позвать Суллу и, следуя своему плану, готовит засаду нумидийцу. (5) Когда наступил день и Бокху донесли, что Югурта неподалеку, он в сопровождении нескольких друзей и нашего квестора как бы в знак уважения выходит навстречу Югурте и поднимается на холм, превосходно видный всем, кто скрывался в засаде. (6) Нумидиец с большой свитой приближенных, как договорились, безоружных, поднимается туда же, и по данному знаку на него тотчас бросаются со всех сторон. (7) Спутников его перебили, Югурту в оковах выдали Сулле, и тот доставил его Марию³¹⁶.

114. (1) В это же время наши полководцы Квинт Цепион и Марк Манлий потерпели поражение от галлов³¹⁷. (2) Вся Италия трепетала от страха. И тогда, и в наши дни римляне считали, что весь мир склоняется перед их доблестью, с галлами же они сражаются за свое существование, а не ради славы. Но вот приходит известие, что война в Нумидии закончена и что Югурту в оковах везут в Рим. Мария заочно избирают в консулы³¹⁸ и назначают ему провинцией Галлию; в январские календы он как консул с великой славой справил триумф. (4) И с этой поры все надежды на благополучие государства связывали с ним³¹⁹.

ИСТОРИЯ

РЕЧИ И ПИСЬМА

1. РЕЧЬ КОНСУЛА ЛЕПИДА К РИМСКОМУ НАРОДУ

(1) Милосердие и честность ваши, квириды, которые делают вас столь великими и славными среди других народов, внушают мне величайший страх перед тиранией Луция Суллы¹: как бы вы, не веря, что другие способны на то, что сами вы считаете преступным, не стали жертвой обмана, особенно потому, что у него вся надежда на злодейство и вероломство, и он чувствует себя в безопасности лишь тогда, когда подлостью и бесчестностью превзойдет худшие ваши опасения, чтобы вы, охваченные ими, в своем бедственном положении отказались от стремления отстаивать свободу, а вернее, чтобы вы, если будете настороже, скорее старались уберечься от опасностей, чем мстить. (2) Что касается его приспешников, людей с громкими именами, чьи предки оставили вам прекрасные примеры, то не могу в достаточной степени выразить свое изумление тем, что они за свое владычество над вами должны быть в рабстве и необоснованно предпочитают и то и другое свободному существованию при полноправии. (3) Достославные потомки Брутов, Эмилиев, Лутациев², рожденные, чтобы уничтожить все, что их предки создали своей доблестью! (4) Ибо что защитили мы от Пирра, Ганнибала, Филиппа и Антиоха³, как не свободу и не свои домашние очаги, как не право подчиняться одним лишь законам? (5) И все захватил этот горе-Ромул⁴, словно отнял это у чужеземных племен, не насытившийся гибелью стольких солдат, консула и других граждан, павших из-за изменчивого боевого счастья. Но он еще более жесток, ибо большинство людей, добившись успеха, сменяет гнев на милость. (6) Более того, он, на человеческой памяти единственный, придумал казни для будущих поколений, которым бесправие было определено раньше, чем жизнь⁵, и — о величайший позор! — из-за тяжести своих злодеяний он до сих пор чувствовал себя в безопасности, если вы в страхе перед еще более тяжким рабством даже не стремитесь вернуть себе свободу.

(7) Действовать надо, то есть выступить против этого, квириды, дабы снятые с вас доспехи⁶ не оставались в руках этих людей; нельзя мешкать и давать обеты, призывая богов на помощь, разве что вы надеетесь на то, что Сулла уже испытывает отвращение к своей тирании или стыдится ее и преступным образом

приобретенную власть намерен сложить с себя с большим риском, чем тогда, когда ее приобрел. (8) Но он пал так низко, что считает достославным только то, что безопасно, а все, что обеспечивает ему господство, — честным. (9) Поэтому пресловутого спокойствия и досуга при свободе⁷ — того, что многие честные люди предпочитали трудам, связанным с почестями, больше не существует; (10) ныне, квинтиты, надо быть рабом или повелевать, испытывать страх или внушать его!

(11) Чего еще нам ждать? Какие человеческие законы уцелели⁸, какие божеские не оскорблены? Римский народ, еще недавний повелитель народов, теперь, лишенный верховной власти, славы, прав, возможности существовать и презираемый, больше не получает даже пищи, положенной рабам. (12) Большинство союзников и латинян, которым за многие выдающиеся заслуги были вами дарованы гражданские права, лишились их по воле одного человека, и домашние очаги ни в чем не виновного народа несколько его приспешников захватили в качестве платы за свои преступления. (13) Во власти одного человека законы, правосудие⁹, государственная казна, провинции, цари — словом, право жизни и смерти над гражданами. (14) В это же время вы видели людей, принесенных в жертву, и могилы, оскверненные кровью сограждан¹⁰. (15) Что еще остается мужам, как не покончить с противозаконием или с честью умереть, потому что природа определила один конец всем смертным, даже тем, кто защищается с оружием в руках, и никто, кроме тех, у кого бабья натура, не ждет безропотно своего последнего часа.

(16) Но если послушать Суллу, то я мятежник, раз осуждаю награду тем, кто учинил смуту, и сторонник войны, поскольку требую восстановить права мирного времени. (17) Если верить ему, то вам обеспечены неприкосновенность и безопасность при осуществлении своей верховной власти только в том случае, если пиценец Веттий¹¹ или письмоводитель Корнелий¹² будут тратить захваченное ими чужое имущество, если вы одобрите все проскрипции, обрушившиеся на невинных людей, пострадавших из-за своего богатства, жестокие казни знаменитых мужей, безлюдье в Городе после бегства и резни, распродажу и раздаривание имущества несчастных граждан, словно это добыча, захваченная у кимвров¹³.

(18) Сулла обвиняет меня в том, что я завладел имуществом жертв проскрипций. Право, наибольшее из его преступлений — в том, что ни я, ни кто-либо другой не чувствовали себя бы достаточно безопасно, если бы поступали честно¹⁴. Но то, что я тогда приобрел в страхе, оплатив его, я, полноправный собственник, все же возвращаю, и намерение мое — не допускать, чтобы имущество граждан было чьей-либо добычей. (19) Довольно и того, что мы претерпели и навлекли на себя своим безумием, — что римские войска были втянуты в междоусобицы и что оружие было направлено против нас самих, а не против чужеземцев. Да будет предел

всем преступлениям и оскорблениям! Ведь Сулла настолько далек от раскаяния в них, что считает их делом славы и с вашего дозволения готов их совершать с еще большей дерзостью.

(20) И я теперь боюсь не вашего мнения о Сулле, но вашей нерешительности, как бы вы, каждый ожидая, что начнет другой, заранее не оказались не столько в его власти, нестойкой и подорванной, но в плену собственной нерадивости, которая и позволяет ему грабить и, в меру его наглости, казаться счастливым. (21) Ибо кто, кроме его запятнанных преступлением приспешников, поддерживает его, кто не хочет всяческих перемен с сохранением одной лишь победы? Не солдаты ли, чьей кровью добыты богатства Тарулы и Сцирта, худших из рабов? Или граждане, которым при выборах магистратов предпочли Фуфидия, гнусную служанку, позорище для всех должностей? ¹⁵ (22) Величайшую уверенность поэтому внушает мне победоносное войско, которое за свои многочисленные раны и труды не получило ничего, кроме тирана, (23) разве только что войска наши выступили, чтобы оружием ниспровергнуть власть трибунов ¹⁶, добытую их предками, и самим вырвать у себя права и правосудие ¹⁷, разумеется, за превосходную плату — ведь они, сосланные на болота и в леса ¹⁸, понимают, что оскорбления и ненависть достаются им, а награды — кучке людей.

(24) Почему же Сулла шествует в сопровождении такой большой толпы ¹⁹ и столь уверенно? Потому что благополучие превосходно скрывает пороки. Когда оно пошатнется, Суллу станут презирать так же, как его прежде боялись, разве только он рассчитывает на мнимое согласие и мир, как он назвал свои злодеяния и паррицидий ²⁰. По его словам, государство будет существовать и война окончится только в том случае, если народ будет согнан со своей земли, отнятая у граждан добыча распределена между рабами, высшее право и правосудие в отношении всего, что принадлежит римскому народу, будут находиться в руках Суллы.

(25) Если вы считаете это миром и согласием, то одобряйте величайший переворот в государстве и разрушение его устоев, утверждайте навязанные вам законы, миритесь со спокойствием при рабстве и подавайте потомкам пример, как уничтожить государство ценой его же крови. (26) Что касается меня, то, хотя я, достигнув этой высшей должности ²¹, достаточно возвысил имя своих предков и защитил его, у меня все же не было намерения заниматься частными делами и связанную с большим риском свободу я предпочел спокойному рабству. (27) Если вы согласны со мной, то воспряньте духом, квинтиты, и, с доброй помощью богов, следуйте за Марком Эмилием, консулом, полководцем и руководителем в деле восстановления свободы.

II. РЕЧЬ ЛУЦИЯ МАРЦИЯ ФИЛИППА В СЕНАТЕ

(1) Больше всего желал бы я, отцы-сенаторы, чтобы ничто не нарушало спокойствия в государстве или по крайней мере чтобы перед лицом опасности на его защиту встали самые решительные люди; я хотел бы, наконец, чтобы дурные дела обращались против тех, кто их замыслил. Но, наоборот, все сотрясается от мятежей, и учиняют их те, кто более всего должен был бы им противодействовать; наконец, постановления сквернейших и неразумнейших граждан вынуждены выполнять честные и здравомыслящие.

(2) При всем нашем отвращении к войне нам приходится братья за оружие, потому что такова воля Лепида, — разве только кто-нибудь из вас намерен соблюдать мир и терпеть состояние войны.

(3) О благе боги, до сих пор защищающие этот Город, хотя сами мы перестали о нем заботиться! Марк Эмилий, самый отъявленный из всех негодяев, — о нем нельзя даже сказать, более он гадок или труслив, — имеет войско, чтобы удушить свободу, и, ранее вызывавший презрение, теперь внушает страх. Вы же, склонные ворчать и медлить, внимая болтовне и ответам прорицателей, не защищаете мир, а всего лишь хотите его и не понимаете, что мягкость ваших постановлений умаляет ваше достоинство и ослабляет страх в его душе.

(4) И он прав, так как грабежи¹ принесли ему консулат, мятеж — провинцию с войском. Что же получил бы он за свои добрые дела, если вы столь щедро наградили его за преступления?

(5) Но те, кто до самого конца настаивал на том, чтобы направить к нему послов, заключить с ним мир и восстановить согласие и прочее в том же роде, конечно, получили от него благодарность? Да ничуть: презрев их и сочтя недостойными выступать от имени государства, он смотрит на них как на добычу, так как восстановления мира они требуют от него, пребывая в страхе, из-за которого они и лишились мира, когда он был.

(6) Я, со своей стороны, видя с самого начала, что Этрурия охвачена заговором, что призывают пострадавших от проскрипций, раздачами расхищают государственные средства, счел необходимым поспешить и вместе с небольшим числом людей последовал советам Катугла². Но те, кто превозносил заслуги Эмилиева рода и утверждал, что величие римского народа возросло благодаря его склонности прощать и что Лепид даже тогда еще не сделал ни шага вперед, в то время как, будучи частным лицом³, он взялся за оружие для уничтожения свободы, — эти люди свели на нет решения сената, ибо каждый искал средств или покровительства только для себя.

(7) Но ведь тогда Лепид был всего лишь разбойником вместе с войсковыми погонщиками и несколькими головорезами, ни один из которых не отдал бы жизни за дневной заработок; теперь он проконсул с империем, не купленным им, но предоставленным ему

вами, с легатами, до сего времени подчиненными ему по закону, и к нему стали стекаться развратнейшие люди из всех сословий, доведенные до крайности нуждой и страстями, подгоняемые сознанием своих преступлений, люди, для которых спокойствие — в мятежах, а в состоянии мира — беспорядки. Они сеют волнения за волнениями, войну за войной, некогда приспешники Сатурнина⁴, затем Сульпиция⁵, потом Мария и Дамасиппа⁶, теперь Лепида. (8) Кроме того, Этрурия и все люди, уцелевшие после войны, воспряли духом; обе Испании охвачены войной, Митридат угрожает нашим данникам, пока еще поддерживающим нас⁷, и ждет удобного момента, чтобы начать войну. Словом, все готово для уничтожения нашей державы — нет только подходящего руководителя.

(9) Вот на это — прошу и заклинаю вас, отцы-сенаторы! — обратите внимание и не допускайте, чтобы необузданность преступлений, подобно бешенству, заразила людей, еще не затронутых ими. Ибо, когда дурным людям достаются награды, безвозмездно быть честным нелегко. (10) Или вы ждете, чтобы Лепид, снова приведя войско⁸, захватил Город, угрожая ему огнем и мечом? В том положении, в каком он находится, он к этому намного ближе, чем к переходу от мира и согласия к гражданской войне, которую он начал наперекор всем божеским и человеческим началам — не для того, чтобы отмстить за несправедливости по отношению к себе и другим, от чьего имени он будто бы выступает, но ради уничтожения законов и свободы. (11) Ведь его толкают и терзают честолюбие и страх перед возмездием; нерешительный, мятущийся, пытаясь сделать то одно, то другое, он боится спокойствия, ненавидит войну, понимает, что ему придется отказаться от роскоши и распушенности, а тем временем злоупотребляет вашим равнодушием. (12) Сам я не знаю, как мне это назвать: страхом ли, или трусостью, или безумием? Ведь каждый из вас, мне кажется, хотел бы избежать столь больших зол, подобных удару молнии, но предотвратить их даже не пытается.

(13) И задумайтесь, пожалуйста, над тем, как изменилось общее положение. Когда-то государственное преступление готовилось тайно, а защита от него — открыто, причем честные граждане легко брали верх над дурными. Ныне мир и согласие нарушают открыто, защищают тайно. Те, кому по душе первое, — при оружии, вы же — в страхе. (14) Чего вы ждете? Или вам, быть может, стыдно и не хочется исполнить свой долг? Или вы склонны уступить требованиям Лепида, который, по его словам, хочет, чтобы каждому возвратили его имущество, а сам удерживает у себя чужое⁹, хочет, чтобы права войны были отменены, а сам принуждает нас оружием; чтобы были подтверждены гражданские права тех, у кого их, по его словам, не отнимали¹⁰; чтобы ради восстановления согласия народу возвратили трибунскую власть¹¹, из-за которой и разгорелись все распри.

(15) Сквернейший и бессовестнейший из людей! Это тебя забоят нищета и горе граждан, когда у тебя в доме все добыто только оружием. то есть противозаконно? ¹² Второго консулата добиваешься ты, словно первый ты с себя сложил; к согласию стремишься путем войны, которой достигнутое согласие нарушается. Предатель по отношению к нам, неверный по отношению к своим сторонникам, враг всем честным людям, как не стыдишься ты ни людей, ни богов, которых оскорбил своим вероломством, точнее, клятвопреступлением! ¹³ (16) И раз уж ты таков, советую тебе — оставайся при своем решении, сохраняй свое оружие и, продолжая мятежные действия, беспокойный сам, не держи нас в тревоге. Ведь тебя не хотят видеть проконсулом провинции, а законы и боги-пенаты ¹⁴ — гражданином. Продолжай идти своим путем, чтобы тебя поскорее постигло заслуженное возмездие.

(17) А вы, отцы-сенаторы? Доколе медлительностью будете вы обрекать государство на беззащитность и словами действовать против оружия? Против вас набраны войска, из государственной казны и у частных людей вырваны деньги, из одних мест выведены и в других размещены гарнизоны; вам произвольно навязывают условия, в то время как вы готовите посольства и постановления. Чем больше будете вы стремиться к миру, тем ожесточеннее, клянусь Геркулесом, будет война, когда Лепид поймет, что ваш страх перед ним — для него бóльшая опора, чем справедливость и благо. (18) Ибо тот, кто говорит о своей ненависти к беспорядкам и к истреблению граждан и потому, когда при оружии Лепид, вас оставляет безоружными, предлагает, чтобы вы испытали участь побежденных, когда можете оставить ее другим; таким образом, он вам советует сохранять мир с Лепидом, а ему — вести с вами войну. (19) Если вы на это согласны, если вас охватило столь сильное оцепенение, что вы, забыв о злодеяниях Цинны ¹⁵, чье возвращение в Город погубило цвет нашего сословия, готовы отдаться сами и отдать своих жен и детей на произвол Лепида, то нужны ли постановления? Нужна ли помощь Катула? Более того, он и другие честные граждане напрасно стоят на страже государства.

(20) Поступайте, как хотите; готовьте себе патронов в лице Цетега ¹⁶ и других предателей, горящих желанием возобновить грабежи и поджоги и снова взяться за оружие против богов-пенатов. Но если свобода и правда вам дороже, то выносите постановления, достойные вашего имени, укрепляйте дух честных мужей. (21) С вами вновь набранное войско и, кроме того, колонии ветеранов ¹⁷, вся знать, лучшие полководцы. Фортуна — всегда с лучшими; военные силы, собранные Лепидом благодаря нашей нерадивости, вскоре распадутся.

(22) Итак, вот мое предложение: «Так как Марк Лепид наперекор решению нашего сословия вместе с негодями и врагами государства ведет на Город войско, набранное им на свою личную

ответственность, — пусть интеррекс Аппий Клавдий вместе с проконсулом Квинтом Катулом и другими лицами, облеченными империем, обороняют Город и принимают меры, чтобы государство не понесло ущерба»¹⁸.

III. РЕЧЬ ГАЯ КОТТЫ К РИМСКОМУ НАРОДУ

(1) Квириды! Много опасностей оказалось на моем пути во времена мира и на войне, много препятствий; одни из них я претерпел, другие преодолел с помощью богов и своей доблестью. При этом присутствие духа никогда не изменяло мне в моей деятельности, как и упорство — в принятии решений. Неудачи или успехи изменяли мои возможности, но не природные качества.

(2) В нынешних же несчастьях все покинуло меня вместе с удачей. Более того, старость, тяжкая сама по себе, удваивает мои заботы, и мне, несчастному, уже прожившему свой век, нельзя надеяться даже на почетную кончину. (3) Ибо, если я ваш паррицида и, дважды родившись здесь¹, ни во что не ставлю ни своих богов-пенатов, ни отечества, ни высшей власти, то какая пытка может быть достаточной для меня живого или какая кара — для умершего? Более того, все мучения, каким, по рассказам, умершие подвергаются в подземном царстве, — ничто перед тяжестью моего преступления.

(4) С ранней молодости я и как частное лицо, и как магистрат был у вас на глазах. Кто хотел воспользоваться моим голосом, советом, деньгами, делал это. Но я не направлял ни своего искусного красноречия, ни дарования на дурные дела. Необычайно жадный до расположения частных лиц, величайшую вражду навлек я на себя ради благополучия государства; когда я, победенный ею одновременно с государством, ожидал и других зол, нуждаясь в посторонней помощи, вы, квириды, возвратили мне отечество и богов-пенатов вместе с самым высоким положением².

(5) За милости эти, я, мне кажется, едва ли смогу быть вам достаточно благодарен, даже если каждому из вас отдам свою душу, чего не могу сделать. Ведь жизнью и смертью распоряжается природа, но жить среди сограждан, не навлекая на себя бесчестия и сохраняя незапятнанным свое имя и имущество, — это в дар приносят и принимают.

(6) Вы, квириды, избрали нас в консулы во времена величайших трудностей для государства — как внутренних, так и внешних. Ибо полководцы, находящиеся в Испании, просят у вас денег для уплаты жалованья, солдат, оружия, зерна; к этому их принуждают обстоятельства, так как ввиду отпадения союзников и бегства Сертория в горы они не могут ни справиться с ним, ни добывать все необходимое. (7) В Азии и Киликии, где присутствуют огромные военные силы Митридата, мы держим войска, Македония полна врагов, как и побережье Италии и провинций;

между тем дань, малая и неопределенная из-за происходящих военных действий, не покрывает и части издержек. Поэтому наш флот, обеспечивавший подвоз припасов, малочисленнее, чем прежде. (8) Если причина этих несчастий — в нашем злом умысле или нерадивости, то действуйте, как вам советует гнев, — казните нас; но если против нас ожесточилась наша общая Фортуна, то почему принимаете вы меры, недостойные вас, нас и государства?

(9) И я, по возрасту уже близкий к смерти, не пытаюсь отвратить ее мольбами, если она сколько-нибудь уменьшит ваши несчастья, и для меня при моем нездоровье наиболее почетным было бы окончить жизнь, отдав ее ради вашего спасения. (10) Вот я, консул Гай Котта, стою перед вами. Делаю то, что не раз делали наши предки во время многотрудных войн; обрекаю и отдаю себя³ ради государства. Подумайте, кому впоследствии вам его вверить. (11) Ведь ни один честный человек не захочет такого почета, когда ему придется нести ответственность за судьбу, за море и за войну, которую вели другие, или же умереть позорной смертью. (12) Но запомните одно: я подвергнусь казни не за преступление или за алчность, а добровольно, за ваши величайшие милости, принеся свою жизнь вам в дар.

(13) Заклинаю вас вами самими, квинтиты, и славой ваших предков — переносите трудности и проявляйте заботу о государстве. (14) Многих усилий требует высшая власть, многих величайших трудов. Вам не уклониться от них и не достичь изобилия мирных времен, когда все провинции, царства, моря и земли измучены, истощены войнами.

IV. ПИСЬМО ГНЕЯ ПОМПЕЯ К СЕНАТУ

(1) Если бы я, действуя против вас, отечества и богов-пенатов, взял на себя столько трудов и подвергся стольким опасностям, сколько раз, со времени моей юности под моим водительством были уничтожены ваши злейшие враги и вам даровано спасение¹, то вы, отцы-сенаторы, не могли бы принять против меня постановление более суровое, чем то, какое вы теперь обсуждаете; ведь вы меня, несмотря на мою молодость², брошенного на жесточайшую войну³ во главе войска с величайшими заслугами перед государством, осудили, насколько это зависит от вас, на самую жалкую смерть — от голода. (2) На это ли надеялся римский народ, посылая своих сынов на войну? Это ли награды за полученные ими раны и за кровь, которую они столько раз проливали за государство? Устав писать вам и направлять к вам послон, я исчерпал все свои средства и свой кредит, а вы за это время, в течение трех лет⁴, предоставили нам снабжение, какого едва ли хватило бы на год. (3) Во имя бессмертных богов! Не думаете ли вы, что я могу заменить собой государственную казну и содержать войско, не выдавая ему ни зерна, ни жалованья?

(4) Со своей стороны, признаюсь, что я отправился на эту войну больше с воодушевлением, чем по зрелом размышлении, так как я, только по названию облеченный империем, в течение сорока дней собрал войско и отбросил от Альп и до самой Испании врагов, уже прямо угрожавших Италии. Через Альпы я открыл себе путь не тот, каким шел Ганнибал, но более удобный для нас. (5) Я возвратил нам Галлию, Пиренеи, Лацетанию, область индигетов, выдержал первый натиск победоносного Сертория, располагая новобранцами, численно уступавшими его силам, и провел зиму в лагерях среди жесточайших врагов, а не в городах, что позволило бы мне расположить солдат в свою пользу. (6) К чему перечислять сражения и зимние походы, называть разрушенные и возвращенные нам города, когда действия убедительнее слов? Захват вражеского лагеря у Сукрона, сражение у реки Дурия⁵, гибель вражеского полководца Гая Геренния и уничтожение города Валенции вместе с войском хорошо известны вам. За это — о благодарные отцы-сенаторы! — вы нам воздаете нуждой и голодом. (7) Итак, положение моего войска и вражеского одинаково: ни тому, ни другому не платят жалованья; победив, и то и другое может прийти в Италию.

(8) Об одном предупреждаю и прошу вас: подумайте об этом и не заставляйте меня действовать поневоле, на свой страх и риск. (9) Ближнюю Испанию, не занятую врагами, я или, во всяком случае, Серторий разорили дотла, кроме приморских гражданских общин⁶, которые требуют дополнительных расходов и являются бременем для нас. В прошлом году Галлия снабдила войско Метелла деньгами для уплаты жалованья и зерном, но теперь вследствие неурожая едва перебивается сама. Я же исчерпал не только свое имущество, но и свой кредит. (1) Вы одни остаетесь у меня; если вы не придете мне на помощь, то наперекор мне — предсказываю — войско и с ним вся испанская война перейдут в Италию.

V. РЕЧЬ ПЛЕБЕЙСКОГО ТРИБУНА МАКРА К НАРОДУ

(1) Если бы вы, квириды, плохо понимали различие между правами, оставленными вам предками, и нынешним, Суллою для вас уготованным рабством, то я должен был бы произнести длинную речь и рассказать вам, из-за каких несправедливостей и сколько раз плебс с оружием в руках уходил от отцов-сенаторов¹ и как добился он избрания плебейских трибунов — защитников всех своих прав. (2) Но теперь мне остается лишь советовать вам и первому пойти по пути, на котором, думается мне, можно возвратить себе свободу. (3) И я хорошо знаю, сколь великие силы имеет я один, не обладающий властью, располагая лишь видимостью магистратуры², берусь лишить господства, и насколько в большей безопасности, чем отдельные бескорыстные люди, дей-

ствует шайка преступников. (4) Но, помимо своей надежды на вас, победившей мои опасения, я установил для себя правило, что для храброго мужа проиграть сражение за свободу лучше, чем за нее вообще ни разу не сразиться.

(5) Впрочем, все другие избранные для защиты ваших прав магистраты, либо поддавшись влиянию, либо привлеченные надеждой или наградами, обратили против вас все свое могущество и верховную власть и думают, что за плату причинять зло лучше, чем безвозмездно делать добро. (6) И вот все они уже склонились перед господством нескольких человек, которые под предлогом состояния войны захватили государственную казну, войска, царства, провинции и из совлеченных с вас доспехов³ строят себе крепость, в то время как вы, подобно скотине, вы, которых множество, отдаетесь во власть и на милость каждого из них, дабы они вами повелевали и для своей выгоды использовали вас, лишенных всего того, что вам оставили предки, пожалуй, кроме одного: вы сами путем голосования — подобно тому, как некогда выбирали защитников, — ныне назначаете себе влестителей. (7) Поэтому на ту сторону перешли все, но вскоре, если вы возвратите себе то, что вам принадлежит, большинство вернется к вам — редко ведь встречаются люди, мужественно защищающие то, что им по душе, остальные берут сторону более могущественных.

(8) Или вы еще раздумываете над тем, не можете ли вы, единодушно выступая, встретить какое-нибудь препятствие, когда они испугались вас, медлительных и бездеятельных? Уж не думаете и вы, что Гай Котта⁴, консул, принадлежащий к столпам клики, возвратил плебейским трибунам кое-какие из их прав не из страха, а из иных побуждений? И хотя Луций Сициний⁵, первым осмелившийся заговорить о трибунской власти, когда вы только ворчали, и был ими устранен, они все-таки испугались вашей ненависти еще до того, как вам стали нестерпимы их противозакония. Это крайне изумляет меня, квириты! Ибо вы должны были понять, что надежда ваша была тщетна. (9) После смерти Суллы, преступно поработившего вас, не стали верить, что зло наступил конец, но появился гораздо более жестокий Катул⁶. (10) Волнения вспыхнули в год консулата Брута и Мамерка⁷. Затем владычество Гая Куриона привело к гибели ни в чем не повинного трибуна⁸. (11) С каким мужеством выступил в прошлом году Лукулл против Луция Квинкция⁹, вы видели. Наконец, чего только не возбуждают теперь против меня! Все это, конечно, было бы напрасно, если бы знать намеревалась отказаться от своего господства раньше, чем вы — положить конец своему рабскому состоянию, тем более что во время этих гражданских войн, несмотря на разные заверения, обе стороны боролись за господство над вами. (12) Поэтому другие волнения, вызванные сподволием, или ненавистью, или алчностью, были лишь кратковремен-

ными; оставалось только одно — то, чего добивались обе стороны и что у вас отняли на будущее: трибунская власть, добытое предками вашими наступательное оружие¹⁰ для защиты свободы. (13) Вот об этом я вас и предупреждаю, и заклинаю — будьте бдительны и не называйте рабства покоем, изменяя смысл понятий в меру своей трусости. Вам теперь не придется наслаждаться им, если позорные действия восторжествуют над справедливостью и честностью. Не таково положение дел. Оно было бы таким, если бы вы совсем ничего не предпринимали. Теперь же они пристально следят за вами, и, если вы не победите, то они, так как совершать всякое противозаконие тем безопаснее, чем оно тяжелее, будут угнетать вас еще сильнее.

(14) «Что же ты предлагаешь?» — спросит кто-нибудь из вас. Прежде всего, все вы должны изменить свой образ действий, люди с не знающим устали языком, в душе трусы, забывающие о свободе, как только уйдете со сходки! (15) Затем, — дабы не призывать вас к достойным мужчин действиям, которыми предки ваши добыли для вас плебейский трибунал, а недавно и патрицианскую магистратуру¹¹, — голосование, не нуждающееся в том, чтобы его утверждали патриции¹², поскольку вся сила в вас, квириды, и вы, несомненно, можете ради себя делать или не делать того, перед чем вы склоняетесь, так как вам это приказано делать в пользу других, станете ли вы ждать советов Юпитера или какого-нибудь другого божества? (16) Высокомерные приказания консулов и постановления отцов-сенаторов исполнением своим вы утверждаете, квириды! Обращенный против вас произвол вы добровольно торопитесь усугублять и ему способствовать.

(17) И я вас не склоняю к мщению за противозакония — лучше стремитесь к покою; не призываю вас к раздорам, в чем они обвиняют меня, но, желая прекращения их на основании права народов, требую возвращения нам нашего достояния. Но если они станут упорно удерживать за собой принадлежащее нам, то я подам голос не за борьбу с оружием в руках и не за сецессию, а только за то, чтобы вы более не отдавали им своей крови¹³. (18) Пусть обладают они империем и по-своему осуществляют его, пусть добиваются триумфов, пусть они со своими изображениями предков преследуют Митридата, Сертория и уцелевших изгнанников¹⁴, но да будут избавлены от опасностей и трудов те, кто не получает от этого никакой пользы! (19) Или, быть может, этот неожиданно изданный закон о зерне¹⁵ вознаграждает вас за ваши труды? Но законом этим они оценили нашу всеобщую свободу в пять модиев, которые, конечно, не больше тюремного пайка. Ибо как такой паек при всей его скудости не дает человеку умереть, но подтачивает его силы, так столь малая поддержка не избавляет его от домашних забот и обманывает даже самые слабые надежды любого ленивца. (20) Но как бы значи-

тельна ни была эта помощь, все-таки, поскольку она предоставлялась бы вам как плата за положение рабов, какой косностью с вашей стороны было бы поддаваться обману и добровольно считать себя обязанными быть благодарными за противозаконный захват своего достояния! (21) Остерегайтесь их коварства. Ибо, действуя иным способом, они бессильны против вас, если вы будете едины, и такой попытки не сделают. Поэтому они одновременно и готовят для вас успокоительные меры, и уговаривают вас дожидаться приезда Гнея Помпея, которого они, подняв себе на плечи, когда пребывали в страхе¹⁶, теперь, избавившись от опасений, готовы растерзать. (22) И им, поборникам свободы, за которых они себя выдают, не стыдно, что у них без него не хватает ни решимости отказаться от своего противозакония, ни силы защищать свое право. (23) Сам я вполне убежден в том, что Помпей, столь прославленный молодой человек, предпочитает быть главой по вашей воле, а не разделять с ними их господство и что он первый станет поборником восстановления трибунской власти. (24) Во всяком случае, квириды, в прошлом отдельные граждане находили защиту во множестве людей, не в одном человеке — все, и никто из смертных не мог один ни предоставлять, ни отнимать такие блага.

(25) Впрочем, слов сказано достаточно — ведь дело страдает не из-за вашей неосведомленности. (26) Но вас охватило какое-то оцепенение, из-за которого вас не может побудить ни слава, ни позор, и вы отдали все за свою нынешнюю праздность, уверенные в своей полной свободе, разумеется, потому, что никто не посягает на ваши спины¹⁷ и вам дозволено всюду разъезжать, — милости ваших богатых властелинов! (27) Но не таков удел деревенских жителей: их убивают при раздорах между могущественными людьми¹⁸ и дарят магистратам при их отъезде в провинцию¹⁹. (28) Так сражаются и побеждают в интересах нескольких человек. Напротив, что бы ни случилось, народ считается побежденным и с каждым днем все более и более будет им, если та сторона будет за собой удерживать господство с заботой большей, чем вы — требовать возвращения себе свободы.

VI. ПИСЬМО МИТРИДАТА

Царь Митридат шлет привет царю Аршаку¹.

(1) Все те, кого в счастливые для них времена просят принять участие в войне, должны подумать, будет ли им тогда дозволено сохранить мирные отношения, затем — достаточно ли справедливо, безопасно, достоинственно или же бесчестно то, что у них испрашивают. (2) Что касается тебя, то если бы тебе было дозволено наслаждаться постоянным миром, если бы злейший враг не был вблизи твоих границ и если бы разгром римлян не должен был принести тебе необычайную славу, то я не осмелился бы

просить тебя о союзе и понапрасну надеялся бы связать свои несчастья с твоими счастливыми обстоятельствами. (3) Но то, что тебя, по-видимому, может остановить, — гнев на Тиграна, вызванный последней войной², и мое затруднительное положение, если ты захочешь здраво оценить его, побудит тебя более всего. (4) Ибо Тигран, находящийся в опасном положении, на союз согласится на условиях, каких ты пожелаешь; мне же судьба, многое отняв у меня, даровала опыт, позволяющий давать хорошие советы, и я, не будучи особенно силен, служу для тебя примером, благодаря которому ты (для людей процветающих это желательно) можешь разумнее вести свои дела.

(6) Ведь у римлян есть лишь одно, и притом давнее, основание для войн со всеми племенами, народами, царями — глубоко укоренившееся в них желание владычества и богатств. Вот почему они сперва начали войну против македонского царя Филиппа³, притворившись его друзьями, пока их теснили карфагеняне⁴. (6) Шедшего ему на помощь Антиоха они, сделав ему уступки в Азии⁵, вероломно отвлекли от него; но вскоре, разбив Филиппа, отняли у Антиоха все его земли по эту сторону Тавра и десять тысяч талантов⁶. (7) Затем Персея, сына Филиппа, после ряда сражений, происходивших с переменным успехом, принятого ими под покровительство богов на Самофракии, они, хитрые и изобретательные в своем вероломстве, так как по договору они обязаны были сохранить ему жизнь, умертвили, не давая ему спать⁷. (8) Евмена, чью дружбу они с похвальбой выставляют напоказ, они сперва выдали Антиоху в уплату за мир; впоследствии, поручив ему охрану захваченных земель, они поборами и оскорблениями сделали царя самым жалким из рабов⁸. Подделав нечестивое завещание⁹, они сына его Аристонику за то, что он потребовал возвращения ему царства отца, провели во время триумфа, словно он был врагом; Азию захватили. (9) Наконец после смерти Никомеда они разграбили всю Вифинию, хотя в том, что у Нисы, которую он провозгласил царицей¹⁰, родился сын, сомнений не было.

(10) Стоит ли мне говорить о себе? Хотя царства и тетрархии со всех сторон отделяли меня от их державы, все же, так как я, по слухам, богат и не намерен быть рабом, они с помощью Никомеда начали войну против меня¹¹, прекрасно понявшего их преступный замысел и наперед предсказавшего критянам, единственному свободному народу в те времена, и царю Птолемею¹² то, что впоследствии и произошло. (11) И вот я в отмщение за обиду вытеснил Никомеда из Вифинии и возвратил себе Азию, эту военную добычу, взятую у царя Антиоха, и избавил Грецию от тяжкого рабства. (12) Моим первоначальным успехам помогал Архелай, последний из рабов, предав мое войско¹³, и те, кого от войны удержала трусость, вернее, ложный расчет на то, что они будут в безопасности благодаря моим стараниям, несут

за это жесточайшую кару; это Птолемей, за деньги изю дня в день добивающийся отсрочки войны; это критяне, однажды уже подвергшиеся нападению¹⁴; для них война окончится, только когда их истребят.

(13) Я, со своей стороны, понимая, что междоусобицы в Риме¹⁵ принесли мне перемирие, но не мир, несмотря на отказ Тиграна, поздно признавшего справедливость моих слов, в то время как ты был далеко, а все остальные — покорны, все же возобновил военные действия¹⁶ и на суше под Халкедоном разбил римского полководца Марка Котту, а на море захватил его великолепный флот. (14) Во время затянувшейся осады Кизика, где я находился с многочисленным войском, мне не хватило припасов, причем никто из окружающих не приходил мне на помощь; в то же время подвозу по морю мешала зима. В этих обстоятельствах, а не под давлением врагов я, попытавшись возвратиться в царство своих отцов, при кораблекрушениях под Парием и под Гераклеей потерял вместе с флотом своих лучших солдат. (15) Затем, после того как я под Кабирой привел в порядок свое войско и между мной и Лукуллом¹⁷ произошли с переменным успехом сражения, нас обоих снова постиг голод. Лукуллу оказывало помощь царство Ариобарзана¹⁸, не пострадавшее от войны; я же, так как все ближайшие области были опустошены, отступил в Армению, а римляне не следовали за мной, но были верны своему обыкновению разорять все царства до основания; так как они ввиду недостатка места не дали многочисленным военным силам Тиграна вступить в бой, то они и выдают его опрочметчивость за свою победу.

(16) Теперь, пожалуйста, и рассуди, что будет в случае нашего поражения: станешь ли ты сильнее, чтобы оказать сопротивление, или же, по-твоему, война окончится? Я, правда, знаю, что у тебя большие силы в виде людей, оружия и золота, поэтому я и стараюсь заключить с тобой союз, а римляне — тебя ограбить. Но мое намерение, раз царство Тиграна не затронуто войной, а мои солдаты искушены в военном деле, — закончить войну вдали от твоей страны, малыми твоими стараниями, при нашем личном участии¹⁹; но в этой войне мы не можем ни победить, ни быть побеждены без опасности для тебя. (17) Или ты не знаешь, что римляне, после того как Океан преградил им дальнейшее продвижение на запад, обратили оружие в нашу сторону и что с начала их существования все, что у них есть, ими похищено — дом, жены, земли, власть, что они, некогда сброд без родины, без родителей, были созданы на погибель всему миру? Ведь им ни человеческие, ни божеские законы не запрещают ни предавать, ни истреблять союзников, друзей, людей, живущих вдали и вблизи, ни считать враждебным все, ими не поработенное, а более всего — царства. (18) Ибо если немногие народы желают свободы, то большинство — законных властителей. **Нас**

же они заподозрили в том, что мы их соперники, а со временем станем мстителями. (19) А ты, владеющий Селевкийей, величайшим из городов, и Персидским царством с его знаменитыми богатствами? Чего ждешь ты от римлян, если не коварства ныне и не войны в будущем? (20) Они держат наготове оружие против всех. Больше всего ожесточены они против тех, победа над кем сулит им огромную военную добычу; дерзая, обманывая и переходя от одной войны к другой, они и стали великими. (21) При таком образе действий они все уничтожат или падут. Это вполне возможно, если ты, идя через Месопотамию, а мы — через Армению, окружим войско, не имеющее ни припасов, ни вспомогательных сил и доныне невредимое по милости Фортуны, точнее, из-за наших промахов. (22) Ты же стяжешь славу тем, что, выступив на помощь великим царям, истребишь разбойников, грабящих народы. (23) Настоятельно советую тебе так и поступить, а не предпочесть ценой нашей гибели отдалять свою, вместо того чтобы благодаря союзу с нами стать победителем.

ФРАГМЕНТЫ

КНИГА II

Содержание фр. 42, 43, 45¹. Вначале дается характеристика консулов 75 г. Луция Октавия и Гая Аврелия Котты. Затем сообщается об отъезде Публия Лентула Марцеллина в провинцию Кирену. Далее излагаются причины возникших в этом году гражданских распри и направленного против оптиматов волнения плебса. Обеспокоенный опасностью, консул Гай Котта попытался утихомирить народ и произнес большую речь. Речь Котты см. выше, с. 112—113.

42

...у которого было войско, послал легион, обуздав свое тщеславие, и это приписали его мудрости. Затем начался консулат Луция Октавия и Гая Котты; Октавий был ленив и нерадив, Котта — более деятелен, но, от природы честолюбивый, стараясь щедростью снискать расположение отдельных граждан, он тогда...

43

...и Публий Лентул Марцеллин, по его же свидетельству, был послан в качестве квестора в новую провинцию Кирену, переданную нам по завещанию скончавшегося царя Апиона², что было дальновиднее, чем удерживать ее властью царя, менее жадного до славы. В том же году разгорелась борьба между враждовавшими сословиями.

45

...невыносимая дороговизна зерна. Измученный ею народ, охваченный возбуждением, окружил обоих консулов, которые проводили по Священной дороге кандидата в преторы Квинта Ме-

телла, впоследствии прозванного Критским, и, последовав за ними до самого дома Октавия, который был ближе к. . . дошел до вала. . .

Содержание фр. 87. В том же 75 г. Сервилий завершил продолжавшуюся три года войну в Исаврии. После длительных военных операций против исавров он взял город Орранду, затем — Старую Исавру, отведя при этом воды реки. Вскоре капитулировала и Новая Исавра, главный город этого племени. После подавления неожиданно вспыхнувших волнений среди сдавшихся исавров Сервилий возвратился в Рим, чтобы справить триумф.

87

..все подготовили для штурма. Затем, когда кончалась вторая стража, был подан знак к началу битвы. Сперва сражались на расстоянии, издавая громкие крики и пуская стрелы наугад в почной темноте; затем, поскольку римляне никак не отвечали на это, самые проворные из исавров, решив, что противник напуган или даже покинул укрепления, стремительно бросились во рвы, чтобы штурмовать вал. Тогда те, кто стоял на валу, стали сбрасывать на них камни, кидать дротики и колья, сбивая с ног всех, кто подходил близко. Одни из наступавших, растерявшиеся от неожиданности, были заколоты, другие напоролись на собственные же мечи; погибло много людей, так что рвы были завалены телами. Остальные смогли отступить, воспользовавшись ночным полумраком, а также благодаря тому, что противник [не преследовал их], опасаясь засады. Через несколько дней исавры, страдавшие от нехватки воды, капитулировали, город был сожжен, а жители проданы в рабство. Устрашенные этой жестокой карой, из Новой Исавры вскоре прибыли послы с просьбой о мире. Они изъявили готовность дать заложников и выполнить любые требования. Но Сервилий, зная жестокость врагов и понимая, что просить мира их побуждает не усталость от войны, а охвативший их страх, как можно скорее, чтобы они не передумали насчет заложников, подступил со всеми своими силами к городским стенам. К послам же он отнесся благожелательно, полагая, что в присутствии всех горожан легче будет добиться капитуляции. Солдатам он не позволял опустошать поля и наносить какой-либо иной ущерб; зерно и другие припасы горожане предоставляли добровольно. Чтобы не вызывать у них подозрений, он разбил лагерь на равнине. Затем, когда по его приказу ему выдали сто заложников, он потребовал, чтобы выдали также и перебежчиков и отдали оружие и все метательные машины. Тогда более молодые горожане учинили в городе беспорядки, возглашая, что не сдадутся сами и не выдадут ни союзников, ни оружия, пока они живы. Те же, кто по возрасту не был способен носить оружие, но, умудренный годами, прекрасно знал силу римлян, хотели мира, однако, понимая свою вину, боялись, что, когда они сдадут оружие, их ждет тяжкая участь побежденных.

В это тревожное время все советовали Сервилию не разъединять свои силы, но он, решив, что капитуляция не будет полной, если чувство страха не будет угнетать побежденных, неожиданно занял гору, откуда могла долететь стрела до возвышенной части города; там находилось святилище Великой Матери, где эта богиня, как считали, в определенные дни принимала пищу; слышались громкие...

Содержание фр. 92, 93. Осенью 75 г. движение Сертория в Испании, уже почти подавленное, вновь стало усиливаться. Уклоняясь от крупных сражений, он завязывал отдельные стычки, нападая на римлян главным образом из засады; к тому же он перерезал их пути снабжения. Помпей, со своей стороны, постарался захватить несколько городов в области вакцея, но, опасаясь Сертория и испытывая нехватку всего необходимого, был вынужден отступить.

92

Матери рассказывали мужчинам, уходившим на войну или в поход, о боевых подвигах их отцов и превозносили их храбрые деяния. Когда узнали о приближении Помпея с войском, готовым предпринять нападение, старейшины советовали заключить мир и выполнять его приказания, ибо, отказавшись повиноваться, они ничего не достигнут. Тогда женщины, отделившись от мужчин, взяли в руки оружие и, заняв неподалеку от Меориги наиболее безопасное место, торжественно заявили, что, лишившись родины и свободы, кормление грудью, роды и прочие женские обязанности они передают мужчинам. Вдохновленная этим молодежь, вопреки решению старших...

93

...горожане обещали... если они через несколько дней избавятся от осады, выполнить свое честное слово и союзническое обязательство, — до этого они ввиду непрочности мира с Помпеем испытывали колебание. Тогда римское войско было отведено в область васконов, чтобы пополнить запасы зерна. Туда же двинулся и Серторий, для которого было крайне важно, чтобы племена — точно так же, как в Галлии и Италии, — не выходили из повиновения. Помпей в течение нескольких дней стоял лагерем, причем от врагов его отделяла неглубокая долина, а ближайшие общины — мутудуреи и... не помогали ни тем, ни другим, так что оба войска страдали от голода. Затем Помпей все-таки выступил в боевом порядке.

КНИГА III

Содержание фр. 5, 6. Хотя Публий Сервилий Исаврийский уничтожил стоянки морских разбойников в Писидии и Исаврии, все же в 75 г. на море и на побережье Италии и провинций хозяйничали пираты, и потому сенат снова решил покончить с этим злом. Чтобы не распялать силы между

отдельными военачальниками, сенат поручил вести военные действия одному полководцу — Марку Антонию. И тот стал воевать с пиратами и местными жителями сначала на Лигурийском море, а затем у побережья Испании.

5

...Антоний с трудом оттеснял войско лигурийцев от кораблей, так как копья могли перелетать через узкий вход, а Мамерк не преследовал вражеских кораблей с правого фланга, чувствуя себя более безопасно в открытом море. Затем, после нескольких дней колебаний, когда отряды лигурийцев отступили за Альпы и по призыву тарентиновцев обратились к Серторию, чтобы узнать, не считает ли он нужным встретиться с Антонием, тот быстро морем отправился в Испанию. Но когда римляне прибыли в область аресинариев на своих длинных кораблях, один из которых удалось починить, а другие вообще не пострадали от бурь...

6

...Антоний, которого отделяла от врагов очень глубокая река Дилун, — а переправиться через нее он не смог бы даже если бы ему противостояло всего лишь несколько человек, — с помощью вызванных им кораблей попытался для вида совершить неподалеку от этого места несколько переправ, а сам смело перебросил войско на сбитых плотках. Затем, послав вперед легата Манлия с конницей и часть длинных кораблей, он подошел к острову... решив, что эту общину, расположенную в удобном для связи с Италией месте, можно покорить, если неожиданным ударом ошеломить ее жителей. Однако те, надеясь на выгоды позиции, не изменили своего намерения; холм с крутыми склонами со стороны моря и еще более высокий с другой стороны, куда вел узкий песчаный проход, они обнесли двойной стеной.

Содержание фр. 96, 98. В 73 г. несколько гладиаторов, бежав из казармы некоего Лентула, находившейся в Капуе, с оружием в руках заняли гору Везувий и выбрали себе трех руководителей (Спартак, Крикса и Эномая. — В. Г.). Сперва они отбросили капуанцев, затем неожиданно напали на Публия Клодия, пытавшегося окружить их, и обратили в бегство его отряд. Отовсюду к ним стекались беглые, разбойники, пастухи. Тогда против Спартака были посланы претор Публий Вариний Глабр и его коллега Коссиний. Но беглецы разбили легата Фурия и Коссиния; после этого поражения войско самого Вариния, очевидно, пришло в смятение, и началось бегство солдат. Хотя Вариний спешил сразиться с беглецами, те сперва уклонились от боя, так как занимали невыгодную позицию, но впоследствии наголову разбили консула, когда он напал на их лагерь. Вскоре они одержали победу и над легатом Торанием. Затем они прошли через всю Кампанию и дотла разорили Луканию; они разоряли усадьбы и селения, но, не ограничившись этим, учинили страшное кровопролитие и опустошили Нелу и Пуцерию, Турри и Метапонт.

...обжигать на огне копья, которыми, хотя они не походили на оружие, пригодное для военных действий, можно было разить врага точно так же, как железными. Вариний, однако, пока беглецы действовали подобным образом, а часть его солдат болела из-за суровой непогоды, после недавнего отступления, хотя строгий приказ распространялся на всех, возвращавшихся в строй, и на тех, кто, к величайшему позору, отказывался от военной службы, не стал посылать в Рим своего квестора Гая Торания, от которого легко могли бы узнать об истинном положении дел; и все-таки тем временем, когда четыре тысячи человек были готовы выполнить его распоряжения, он разбивает неподалеку от врага лагерь и укрепляет его валом, рвом, огромными насыпями. Когда у беглецов кончилось продовольствие, они, чтобы противник не смог напасть на тех, кто собирает добычу, стали — так, как положено по уставу, — нести ночную вахту, стоять на часах и исполнять прочие подобные обязанности. Во вторую стражу все выходят в полном молчании, оставив трубача в лагере; чтобы создать впечатление, будто все часовые в лагере остаются на своих постах, они поставили у ворот тела недавно погибших, подперев их колыями; кроме того, они развели множество костров, чтобы этим напугать солдат Вариния и заставить отступить... против своего желания повернули. Вариний же, когда совсем рассвело, тщетно ожидал, что беглецы начнут обычную перебранку и станут швырять камни в лагерь, а кроме того, возникнет шум, беспорядок и слышны будут громкие возгласы со всех сторон. [Не обнаружив этого], Вариний посылает всадников к ближайшему холму, чтобы отыскать там следы противника. Решив, что беглецы уже далеко, он, опасаясь засады, все же отступает в боевом порядке, рассчитывая, набрав новых солдат, удвоить численность своего войска. Как только в Кумы...

...через несколько дней, вопреки обыкновению, у наших уверенность в себе стала крепнуть, а языки развязываться. Вопреки здравому смыслу Вариний неосмотрительно ведет быстрым шагом к лагерю новых и незнакомых ему беглых солдат, к тому же напуганных чужими неудачами, хранящих молчание и вступающих в сражение вовсе не с тем мужеством, какое от них требовалось. Между тем враги спорили из-за плана дальнейших действий и дело шло к раздору: Крикс и его соплеменники — галлы и германцы — рвались вперед, чтобы самим начать бой, а Спартак отговаривал их от нападения.

...посторонним и ему... чтобы они к тому времени не бродили бесцельно... и затем не были отрезаны в пути и истреблены; одновременно заботу он не... чтобы они поэтому как можно скорее отступили. Воспользоваться именно этим предлогом для отступ-

ления ему советовали несколько благоразумных людей, прочие .. и готовы делать то, что он приказывает, одни — полагаясь безрассудно на прибывающие к ним огромные силы и на свою храбрость, другие — подло забывая о родине, большинство же — из-за того, что, будучи рабами по натуре, хотели лишь пограбить и проявить свою жестокость. . .

.. решение. . . казалось наилучшим. Затем он уговаривает их перейти на другие земли, более обширные и более пригодные для скотоводства, где, раньше чем туда придет Вариний, они, пополнив свое войско, увеличат число отборных мужей. Быстро выбрав из пленных подходящего проводника, он через область пицентинцев, а затем эбуринов незаметно подходит к Луканским Нарам, а оттуда на рассвете, тайком от жителей — к Форуму Анния. Нарушив приказ предводителя, беглецы стали хватать и насиловать девушек и матрон, а другие. . .

.. теперь оставшихся, и издевались, в то же время подло нанося раны в спину и подчас бросая истерзанное тело почти бездыханным; другие поджигали дома, а многие местные рабы, естественные союзники беглых, тащили добро, спрятанное их господами, и самих их вытаскивали из потаенных мест; гнев и произвол варваров не знал ничего святого и запретного. Хотя Спартак, бесстрашный бороться с этим, много раз просил их быстротой своих действий предупредить весть о происшедшем. . .

.. и не .. обратили ненависти против себя. Они были заняты жестокой резней. . . Не задержавшись там в течение этого дня и следующей ночи, он, когда число беглецов возросло вдвое, выступил на рассвете и разбил лагерь на обширной равнине, где он увидел крестьян — на полях тогда стояли созревшие осенние хлеба. Но жители, еще днем узнавшие от бежавших соседей, что приближаются беглые, поспешили удалиться со всем своим имуществом в ближайшие горы.

ФРАГМЕНТ ИЗ ПАПИРУСА РИЛАНДА III (1938), 473 (II/III)

Начав боевые действия на побережье Этрурии, Лепид вначале одержал победу с помощью солдат, которые встали на его сторону из ненависти к Сулле. Издатели полагают, что это, скорее всего, извлечение из I книги «Истории».

.. полный гнева и скорби из-за утраты таких союзников. Вооруженные люди покидают корабли на лодках или вплавь, некоторые — направив корабли кормой к берегу, поросшему морской травой. Но враги, трусливейшие греки и плохо вооруженные африканцы, больше не ожидали их. Затем, предав земле тела союзников, воздав каждому по его заслугам и уничтожив все, что находилось поблизости и могло оказаться полезным, когда уже не оставалось надежды на успех, они направились в Испанию.

ИНВЕКТИВА ПРОТИВ МАРКА ТУЛЛИЯ ЦИЦЕРОНА

1. (1) С тяжелым сердцем и негодуя терпел бы я твою хулу, Марк Туллий, если бы знал, что твоя заносчивость преднамеренна, а не вызвана твоим душевным недугом¹. Но поскольку я не вижу в тебе ни меры, ни умеренности², то отвечу тебе, чтобы ты, если и получил какое-то удовольствие, говоря обо мне дурно, перестал его испытывать, дурное выслушивая.

Где мне жаловаться, отцы-сенаторы, кого умолять, когда я вижу, что государство отдано на разграбление и становится добычей любого наглеца? Римский ли народ? Да ведь он настолько развращен подачками, что готов торговать собой и своим достоинством³. Или вас, отцы-сенаторы? Но ваш авторитет — посмешище для отъявленного негодя и преступника: где бы Марк Туллий ни находился, он защищает законы, правосудие, дело государства⁴ и перед всеми нами действует так, будто он лишь один остался из окружения прославленного мужа Сципиона Африканского⁵, а не является найденышем, приехавшим из муниципия и только недавно ставшим гражданином нашего Города!⁶

(2) Или поступки и высказывания твои, Марк Туллий, действительно никому не известны? Не жил ли ты с ранних лет так, что не видел ничего позорного для себя в том, что явилось бы предметом влечения кого бы то ни было?⁷ Точнее, не ценой ли своего целомудрия совершенствовался ты у Марка Писона в своем безудержном красноречии?⁸ Поэтому ничего удивительного нет в том, что ты позорно торгуешь тем, что самым постыдным образом приобрел.

2. Но, если не ошибаюсь, предмет твоей гордости — твой блестящий дом: нечестивая и запятнавшая себя клятвопреступлениями жена⁹, дочь — соперница матери, для тебя более приятная и покорная, чем это допустимо по отношению к отцу¹⁰. Самый же дом, оскверненный насилием и грабежами, — зачем приобрел ты для себя и своих родных?¹¹ Ты, очевидно, хотел напомнить нам, до чего теперь все дошло, если ты, гнуснейший человек, стал жить в доме, принадлежавшем прежде прославленному Публию Крассу.

(3) И вот, несмотря на это, Цицерон все-таки утверждает, что был в собрании бессмертных богов и прислан оттуда как страж нашего Города и граждан, а не как палач¹², — он, добывающий себе славу на несчастьях государства! Как будто истинной причиной пресловутого заговора не был твой консулат и государство не было растерзано именно в то время, когда ты был его стражем!¹³

Но, насколько я могу судить, ты больше гордишься теми решениями, касающимися государственных дел, которые по окончании консулата принял вместе с женой Теренцией, когда у себя дома вы выносили приговоры на основании Плавциева закона¹⁴ и ты осуждал одних заговорщиков на смертную казнь, а других карал денежным штрафом, когда один строил для тебя тускульскую, другой — помпейскую усадьбу, третий покупал дом¹⁵, а кто не мог дать ничего, тому грозило злостное обвинение: он, дескать, пытался осаждать твой дом¹⁶ или строил козни против сената, — и вот насчет него ты, наконец, дознался¹⁷.

(4) Если мои обвинения ложны, отчитайся: какое имущество ты получил от отца, насколько умножил его, ведя дела в суде¹⁸, на какие деньги приобрел дом, выстроил тускульскую и помпейскую усадьбы, потребовавшие огромных расходов? Если же ты об этом умалчиваешь, то кто может усомниться в том, что богатства эти ты собрал, пролив кровь сограждан и принеся им несчастья?¹⁹

3. Однако, если не ошибаюсь, новый человек, арпинат, из окружения Марка Красса²⁰, подражает ему в доблести, презирает распри между знатными людьми, одни лишь интересы государства принимает близко к сердцу, ни угрозами, ни благорасположением не позволяет отвлечь себя от правды; он — сама дружба и сама доблесть души. (5) Да нет же — ничтожнейший человек²¹, проситель, заискивающий перед недругами, а друзей склонный оскорблять, стоящий то на той, то на другой стороне, не сохраняющий верности никому, ничтожнейший сенатор, наемный защитник в суде²², человек, у которого нет ни одной неоскверненной части тела: язык лживый, руки заgreбушие, глотка бездонная, ноги беглеца; то, чего из стыдливости не назовешь, тяжко обесчещено. И, будучи именно таким, он еще смеет говорить:

«О счастливый Рим, моим консулатом творимый!»²³

Твоим консулатом творимый, Цицерон? Наоборот — несчастный и жалкий, раз он подвергся жесточайшей проскрипции²⁴, когда ты, вызвав потрясения в государстве, принуждал всех честных людей, охваченных страхом, склоняться перед твоею жестокостью, когда все правосудие, все законы зависели от твоего произвола²⁵, когда ты, отменив Порциев закон²⁶, отняв у всех нас свободу, сосредоточил в своих руках право жизни и смерти. (6) Мало того, что ты совершил это безнаказанно; даже при одном упоминании об этом ты раздражаешься упреками и не позволяешь людям забывать об их рабском положении. Ну, хорошо, Цицерон, допустим, что ты кое-что и совершил, кое в чем и преуспел, но достаточно и того, что нам довелось испытать. Даже слух наш станешь ты утомлять своей ненавистью, не давая нам покоя несносными речами?

«Меч, перед 10гой склонись, языку уступите, о лавры!»²⁷

Как будто ты, облаченный в тогу, а не вооруженный, совершил все то, что прославляешь, и между тобой и диктатором Суллой было какое-либо различие, кроме лишь обозначения верховной власти!²⁸

4. (7) Но зачем мне много говорить отвоем высокомерии? Ведь Минерва обучила тебя всем искусствам²⁹, Юпитер Всеблагой Величайший допустил в собрание богов³⁰, Италия доставила из изгнания на своих плечах³¹. Скажи, молю тебя, Ромул Арпинский, выдающейся доблестью превзошедший всех Павлов, Фабиев, Сципионов³², — какое место занимаешь ты среди наших граждан? Какая борющаяся сторона в государстве тебе по душе? Кто тебе друг, кто недруг? Против кого ты прежде злоумышлял, тому теперь прислуживаешь³³. По чьему почину ты возвратился из изгнания в Диррахии, того преследуешь³⁴. Кого называл тиранами,³⁵ их могуществу способствуешь; тех, которые тебе казались наилучшими, называешь теперь безумными и бешеными. Дело Ватиния ведешь в суде³⁶, о Сестии злословишь³⁷. Бибула всячески поносишь и оскорбляешь³⁸, Цезаря восхваляешь. Кого ты сильнее всего ненавидел, тому больше всего и покоряешься³⁹. Стоя высказываешь о делах государства одно мнение, сидя — другое⁴⁰. Этих поносишь, тех ненавидишь, жалкий перебежчик, которому не доверяют ни те, ни другие!

ПИСЬМА К ГАЮ ЮЛИЮ ЦЕЗАРЮ О ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДЕЛАХ

ВТОРОЕ ПИСЬМО

1. (1) Я прекрасно знаю, сколь трудное и неблагодарное дело давать советы царю или полководцу, вообще всякому, кто занимает самое высокое положение, ибо, хотя советчиков у таких людей и очень много, все-таки, когда речь заходит о будущем, не находится ни достаточно умного, ни достаточно дальновидного; (2) более того, дурные советы часто находят больший отклик, чем добрые, потому что в большинстве случаев события зависят от произвола Фортуны. (3) Правда, в юности я стремился к тому, чтобы заняться государственными делами, и изучал я их очень старательно — и не для того, чтобы просто добиться магистратуры, чего неблаговидными путями достигали многие, а чтобы твердо знать, насколько государство во времена мира и войны сильно оружием, людьми, деньгами. (4) И вот после долгих размышлений я решил молве обо мне и о моей умеренности придавать меньшее значение, чем твоему высокому положению, и подвергнуться любым испытаниям, лишь бы это тебе принесло хоть самую малую славу. (5) И решил я так не опрометчиво и не из-за твоей счастливой судьбы, а потому, что усмотрел в тебе, помимо других качеств, еще одно, на редкость изумительное: в несчастье¹ ты всегда проявляешь большее величие духа, чем в счастье. (6) Во всяком случае, если сравнить тебя с другими смертными, очевидно одно: восхваляя твое великодушие и изумляясь ему, люди уставали скорее, чем ты, совершая дела, достойные славы.

2. (1) Я, со своей стороны, твердо убежден в том, что не существует ничего такого, чего бы ты собственным разумением не смог постичь. (2) И я написал тебе о своих мыслях о состоянии государства не потому, что я был чересчур высокого мнения о своей способности давать советы и о своем уме, — я просто решил напомнить тебе, занятому походами, сражениями, победами, делами командования, о положении в Городе. (3) Ибо, если ты в глубине души думаешь только о том, как тебе отражать нападения недругов и каким образом сохранить милости народа² наперекор враждебному тебе консулу³, то ты думаешь о вещах, недостойных твоей доблести. (4) Но если у тебя есть то присутствие духа, которое уже в начале твоей деятельности позволило рассеять клику знатных⁴, возвратить римскому плебсу, находившемуся в тяжком рабстве, свободу, во время твоей претуры⁵ сломить оружие недругов, при том, что ты был безоружным, во времена мира и войны

совершить столь значительные и столь славные деяния, что даже враги не осмеливаются сеговать ни на что, кроме твоего великодушия, то тебе тем более следует знать, что я тебе скажу о высших интересах государства. Ты, несомненно, признаешь это либо правым, либо, во всяком случае, близком к этому.

3. (1) Но так как Гней Помпей либо из-за своих дурных наклонностей, либо потому, что больше всего отдавал предпочтение тому, что могло бы повредить тебе, пал так низко, что вкладывал оружие в руки врагов⁶, то теми же средствами, какими он нарушил порядок в государстве, тебе следует его восстановить. (2) Прежде всего он предоставил нескольким сенаторам возможность полностью распоряжаться податями, расходами, правосудием⁷; римский народ, ранее обладавший высшей властью, он, издав даже не равные для всех законы, оставил в рабстве⁸. (3) Правосудие, впрочем, как и прежде, было вверено трем сословиям⁹, но те же властолюбивые люди правят, дают, отнимают все, что им угодно, бескорыстных людей губят, возвышают своих до почетных должностей. (4) Неблаговидные дела, подлый или гнусный поступок не мешают им достигать магистратур. Кого им выгодно, тех они хватают, грабят; короче говоря, законами им служит произвол, словно они захватили город¹⁰. (5) Сам я, правда, огорчился бы меньше, если бы доблестью достигнутую победу они, по своему обыкновению, использовали для порабощения других. (6) Но эти ни на что не способные люди, вся сила и доблесть которых — в их языке, в своем господстве, доставшемся им случайно и по мягкости другого человека¹¹, проявляют надменность. (7) И право, какой мятеж, какие гражданские распри¹² приводили к полному истреблению стольких знаменитых ветвей родов? Какой победитель был когда-либо столь необуздан и неумерен?

4. (1) Луций Сулла, которому по праву войны как победителю было дозволено все, хотя и понимал, что уничтожение врагов укрепляет лагерь его сторонников, все-таки после убийства немногих из них предпочел удерживать остальных не столько страхом, сколько своей милостью¹³. (2) Но вот, клянусь Геркулесом, в угоду Марку Катону, Луцию Домицию¹⁴ и другим из той же клики, заклали — словно жертвенных животных — сорок сенаторов¹⁵, кроме того, многих молодых людей, подававших лучшие надежды, и наглешее отродье не могло насытиться кровью стольких несчастных граждан: ни сиротство детей, ни преклонный возраст родителей, ни плач и стенания мужчин и женщин не смягчили их, более того, изо дня в день с еще большей жестокостью они своими злодеяниями и злоречьем старались лишить высокого положения одних¹⁶, гражданских прав — других¹⁷.

(3) Но что мне сказать о тебе? Ведь за возможность тебя оскорбить трусливейшие люди, если бы им позволили, готовы заплатить даже жизнью. И они не столько наслаждаются своим господством (хотя оно неожиданно выпало на их долю), сколько печат-

лятся из-за твоего высокого положения; более того, ради того, чтобы тебя погубить, они предпочли бы рискнуть свободой, а не чтобы благодаря тебе держава римского народа из великой стала величайшей. (4) Тем тщательнее должен ты обдумать, каким образом тебе упрочить и укрепить государственный строй¹⁸. (5) Я же все, что мне приходит в голову, выскажу тебе без колебаний; дело твоего ума — одобрить то, что ты признаешь правильным и полезным.

5. (1) Гражданская община (как я узнал от предков) делилась на две части: на патрициев и плебеев¹⁹. В прошлом патриции обладали высшей властью, плебеи — гораздо большей силой. (2) Поэтому не раз происходила сецессия, после чего силы знати уменьшались, права народа — возрастали. (3) Но плебс пользовался свободой потому, что никто не ставил свое могущество выше законов, и знатный старался превзойти незнатного не богатством или надменностью, а доброй славой и отважными поступками. Каждый человек, даже самого низкого положения, на своем поле и на военной службе достигая всего, что приносит почет, делал достаточно для себя и для отечества. (4) Но когда плебеев, мало-помалу согнанных с их земель, праздность и бедность лишили постоянного жилья, они начали посягать на чужое имущество, торговать своей свободой, а вместе с ней и интересами государства. (5) Так постепенно народ, бывший властелином и повелевавший всеми племенами, раскололся, и вместо всеобщего достояния — державы — каждый в отдельности обрек себя на рабство. (6) Это множество людей, во-первых усвоившее дурные нравы, во-вторых обратившееся к разным ремеслам и избравшее разный образ жизни, лишенное какого-либо взаимного согласия, мне, во всяком случае, кажется малоспособным управлять государством. (7) Впрочем, я очень надеюсь на то, что с присоединением новых граждан²⁰ все воодушевятся для защиты свободы: у одних возникнет стремление сохранить свободу, у других — избавиться от рабства. (8) Последних тебе, по моему мнению, следует поселить в колониях, соединив новых жителей со старыми. Так и военная мощь усилится, и плебс, отвлеченный полезными занятиями, перестанет причинять зло общине.

6. (1) Но я хорошо знаю и предвижу, как будут недовольны знатные люди, когда это случится, и какие разразятся бури, когда они станут негодовать на то, что все рушится, что исконные граждане становятся рабами, короче говоря, что в свободной гражданской общине рождается царская власть, как только множество людей милостью одного²¹ получит гражданские права. (2) Сам я в душе твердо убежден в следующем: преступление по отношению к себе совершает тот, кто во вред государству станет приобретать влияние; но в том случае, когда служение общественному благу приносит пользу и частным лицам, колебаться в своем решении означает нерадивость и трусость. (3) Марк Друс, будучи трибу-

ном, всегда старался действовать в пользу знати²² и сначала взяла себе за правило ничего не предпринимать без ее одобрения. (4) Но как только властолюбцы, которым их злой умысел и коварство были дороже их честного слова, поняли, что один человек оказывает величайшие благодеяния многим, то каждый из них, очевидно сознавая, что сам он в душе зол и бесчестен, стал судить по себе и о Марке Друзе. (5) Поэтому из опасения, как бы он благодаря столь большому влиянию не достиг единоличной власти, они, направив все усилия против этого влияния, расстроили и свои, и его замыслы. (6) Тем тщательней тебе, император, следует приобретать и верных друзей, и многочисленную опору.

7. (1) Явного врага сильному человеку сокрушить нетрудно, не создавать тайных опасностей и не избегать их — во власти честных людей. (2) И вот, когда ты предоставишь им права гражданства и, таким образом, плетс будет обновлен, направляй свои помыслы более всего на то, чтобы почитались добрые нравы, чтобы согласие между старыми и новыми гражданами укреплялось. (3) Но отечеству, гражданам, себе самому, нашим детям — словом, всему человеческому роду ты окажешь гораздо большее благодеяние, если уничтожишь или, по возможности, уменьшишь жажду денег. Иначе ни частные, ни государственные дела — ни во времена мира, ни во времена войны — вести невозможно. (4) Ибо всякий раз как у человека возникает стремление к богатству, ни воспитание, ни добрые качества, ни врожденный ум не могут противостоять тому, что душа его рано или поздно все же не поддастся ему. (5) Я слышал уже не раз, что цари, гражданские общины и народы из-за богатства лишались держав, которые они доблестью своей завоевали, будучи бедными. И это вовсе неудивительно. (6) Стоит только честному человеку увидеть, что дурной благодаря своему богатству более известен и влиятелен, как он сперва начинает волноваться и задумываться; но по мере того, как стремление к славе с каждым днем все более побеждает честность, а доблесть уступает силе, душа его ради наслаждения изменяет правде. (7) Ибо настойчивость питается славой; стоит последнюю отнять, как доблесть сама по себе становится горька и тягостна. (8) Словом, где чтут богатство, там презируют все честное: верность, порядочность, стыд, стыдливость. (9) Ведь к доблести ведет один-единственный, тернистый путь, к деньгам же стремятся любым путем — какой кому нравится, их добывают и дурными, и добрыми делами. (10) Поэтому прежде всего ты должен уничтожить значение денег. Никто не должен выносить приговор, касающийся гражданских прав или магистратур, на том основании, что он богат — подобно тому как ни консула, ни претора избирают не потому, что влиятелен, а за его заслуги. (11) Но о магистратуре народ выносит решение с легкостью; назначение судей немногими людьми — это проявление царской власти, избрание их по причине их богатства бесчестно. Поэтому я и ду-

маю, что судить должны все представители первого разряда²³, но их должно быть больше, чем теперь. (12) Ни родосцы²⁴, ни другие общины никогда не испытывали недовольства своими судами, в которых сообща богач и бедняк, как кому выпал жребий, рассматривают и самые важные, и самые незначительные дела.

8. (1) Что касается избрания магистратов, то я целиком одобряю закон, проект которого обнародовал Гай Гракх, когда был трибуном, — чтобы центурии призывались к голосованию по жребию из всех пяти разрядов²⁵. (2) Это уравниет людей и в их положении, их имущественных правах, и все будут стараться превзойти друг друга доблестью. (3) Я вижу в этом мощное лекарство против богатства. Ибо мы хвалим и добиваемся чего-либо, всегда думая о пользе. К лукавству прибегают рассчитывая на вознаграждение: если его не будет, никто не станет лукавить бескорыстно. (4) Но алчности, этого дикого, свирепого зверя, терпеть нельзя; на что она направлена, там разоряют города, деревни, храмы и дома, смешивают божеское и человеческое, и ни войска, ни городские стены не в силах ей противоборствовать; всех людей она лишает доброго имени, стыдливости, родины и родителей. (5) Однако если лишить деньги их привлекательности, то добрые нравы легко одолеют пресловутую силу алчности. (6) И хотя все люди, справедливые и несправедливые, говорят, что все обстоит именно так, тебе же приходится вести нелегкую борьбу против знати. Если ты уберешься от ее коварства²⁶, то достичь всего остального для тебя не составит труда. (7) Потому что, будь они достаточно сильны своей доблестью, они скорее соперничали бы с честными гражданами, а не ненавидели бы их. Но так как они погрязли в праздности и лени, оцепенели и стали бесчувственны, то они рошщут, злобствуют и видят в чужом добром имени позор для себя.

9. (1) Но зачем мне говорить дальше так, словно это неизвестные люди? Храбрость и сила духа Марка Бибула проявились во время его консулата. Оратор слабый, человек скорее злобного, чем тонкого ума, на что мог бы решиться он, которому консулат, эта самая высокая власть, принес величайшее бесчестие? (2) Так ли силен Луций Домиций²⁷, каждая часть тела которого запятнана гнусностью или преступлением? Язык хвастливый, руки в крови²⁸, ноги баглеца²⁹; то, чего из стыдливости не назовешь, обещано. (3) Лишь ум Марка Катона³⁰, изворотливого, речистого, хитрого человека, не вызывает у меня пренебрежения. Эти качества дает греческая образованность, однако доблести, бдительности, трудолюбия греки совершенно лишены. Так допускаешь ли ты, чтобы, опираясь на наставления тех, кто у себя на родине утратил свободу из-за собственного бездействия, можно было управлять державой? (4) Прочие, кто составляет клику, — бездарнейшие знатные люди, о которых, как в надписи на могильном памятнике, к славному родовому имени прибавить нечего. Люди, по-

добные Луцию Постумию и Марку Фавонию³¹, напоминают мне балласт на крупном судне: когда все благополучно, они полезны, если же возникло какое-то затруднение, то в море выбрасывают именно их, не представляющих никакой ценности.

10. (1) Теперь, коль скоро я, как мне кажется, достаточно ясно изложил тебе свое мнение насчет обновления и исправления плебса, скажу, что тебе, по-видимому, следует сделать в отношении сената. (2) Когда с возрастом мой ум стал более зрелым, я, можно сказать, не столько упражнялся с оружием и конем, сколько занимался науками; в чем я был более крепок от природы, то я и применял в своих трудах. (3) И вот при таком образе жизни, много читая и слушая, я узнал, что все царства, гражданские общины и народы, счастливо сохраняли свою независимость до тех пор, пока следовали разумным советам; всюду, где милости, страх, наслаждение их развратили, их сила постепенно уменьшилась, затем они утратили независимость и, наконец, были порабощены. (4) Я, со своей стороны, убежден, что всякий, кто занимает более высокое положение, больше и заботится о государстве. (5) Ибо для других, если их города процветают, одна лишь свобода неприкосновенна. Того же, кто доблестью добыл богатство, уважение, почет, удручают многочисленные заботы и труды, едва положение в государстве станет неустойчивым. Он защищает либо славу, либо свободу, либо свое имущество, старается всюду поспеть, торопится; чем сильнее процветал он при благоприятных обстоятельствах, тем труднее и тревожнее живет он при неблагоприятных. (6) Следовательно, если плебс подчиняется сенату, как тело душе, и следует его постановлениям, то отцы-сенаторы должны быть сильны своей мудростью; народу не требуется сметки. (7) Поэтому предки наши всякий раз, когда приходилось напрягать все силы в тяжелых войнах, несмотря на потери в конях, людях, деньгах, никогда не утаивали с оружием в руках сражаться за свою державу. Ни отсутствие средств в государственной казне, ни сила врагов, ни неудачи не смогли сломить их величайшее мужество, и они до последнего вздоха удерживали за собой то, что захвачено было их доблестью. (8) И они достигли этого своими смелыми решениями больше, чем удачными сражениями. Ибо для них существовало единое государство, о нем все они и заботились, оно объединяло в борьбе с врагами, каждый упражнял тело и ум ради отечества, не ради личного могущества. (9) Ныне же, наоборот, знатные люди, вялые и ленивые, не знающие ни труда, ни врагов, ни военного дела, под влиянием своих приспешников, в высокомерии своем хотят править всеми народами.

11. (1) Вот почему отцы-сенаторы, чья мудрость прежде укрепляла пошатнувшееся государство, сейчас мечутся, покоряясь чужой воле, склоняясь то в одну, то в другую сторону: принимают сначала одно, потом другое постановление; как им велит злоба или же благоволение тех, кто господствует, так они и решают, что

полезно и что вредно государству. (2) Будь свобода равной для всех или голосование — более тайным³², государство было бы сильнее, а знать менее могущественна. (3) Но поскольку уравнивать всех людей трудно, так как доблесть предков оставила знатым людям добытую для них славу, высокое положение, клиентелы, а остальные люди в большинстве своем введены в сенат недавно³³, то избавь их от страха при голосовании: так при сохранении тайны каждому его собственные интересы будут дороже чужого могущества. (4) Свобода одинаково желанна хорошим и дурным, смелым и трусам; но большинство отказывается от нее из страха. Глупейшие люди! Неясный исход борьбы они по нерешительности заранее расценивают как свое поражение. (5) Так вот сенат, думается мне, можно укрепить двумя мерами: увеличением числа сенаторов и введением табличек для голосования; табличка будет служить для сохранения тайны — дабы сенатор действовал более независимо, что же касается многочисленности сената, то она дает больше и защиты, и пользы. (6) Ведь в последнее время одни, занятые судебными делами, другие — делами личными, своими и своих друзей, совсем не участвовали в совещаниях, где рассматривалось положение в государстве. И удерживала их от этого не столько занятость, сколько их гордость тем, что они носители верховной власти. Знатные люди вместе с немногими сенаторами, которых они вовлекли в свой лагерь, одобряют, отвергают, постановляют все, что им угодно, действуют по своему произволу. (7) Но когда после увеличения числа сенаторов голосование будет проводиться путем подачи табличек, они, право, забудут свою гордость, раз им придется повиноваться тем людям, которыми они ранее повелевали.

12. (1) Быть может, ты, полководец, прочитав мое письмо, захочешь узнать, каково, по моему мнению, должно быть число сенаторов и как между ними разделить многочисленные и разные обязанности; а кроме того, поскольку я считаю нужным вернуть правосудие всем гражданам первого разряда, — как станут распределяться дела и сколько судей будет в каждом суде³⁴. (2) Определить все это в деталях мне было бы нетрудно, но я счел нужным сперва изложить свой план в целом и доказать тебе его правильность. Если ты решишь пойти по этому пути, остальное будет очевидно. (3) Я сам хочу, чтобы мой совет был разумен и наиболее полезен. Ведь всюду, где тебе будет сопутствовать успех, и меня молва прославит. (4) Но самое мое сильное желание — любым способом и как можно скорее помочь государству. (5) Свобода мне дороже славы, и я настоятельно прошу тебя, прославленного полководца, покорителя галльских племен³⁵, не допускай, чтобы величайшая и непобедимая держава римского народа приходила в упадок от дряхлости и распадалась из-за внутренних раздоров. (6) Случись это, ни ночью, ни днем, ты, конечно, не будешь знать покоя, и, измученный бессонницей, будешь носиться как

бешеный и безумный, охваченный сумасшествием. (7) Я твердо убежден в том, что жизнь всех смертных — на виду у божества, которое оценивает любой поступок, и хороший, и дурной, но по велению природы хорошие и дурные люди получают разное воздаяние. (8) Если же это иногда происходит с опозданием, то голос совести позволяет все же каждому надеяться.

13. (1) Если бы отечество и твои предки могли говорить с тобой, они, разумеется, сказали бы тебе: «О Цезарь, мы храбрейшие мужи, породили тебя в лучшем из городов, чтобы ты был оплотом и украшением для нас, а врагам внушал ужас; (2) то, что нам досталось ценой многих трудов и опасностей, мы при твоём появлении на свет передали тебе одновременно с жизнью: величайшее на земле отечество, самые прославленные в отечестве дом и ветвь рода, кроме того, прекрасные качества, честно приобретенное богатство — словом, все украшения мирного и все награды военного времени; (3) за эти величайшие милости мы не требуем от тебя не низкого или дурного поступка, а восстановления уничтоженной свободы. (4) Когда это свершится, молва о твоей доблести, конечно, будет порхать на устах у всех народов³⁶. (5) Ибо в наше время, хотя ты в Италии и в походах совершил выдающиеся подвиги, все же слава твоя равна славе многих храбрых мужей; но если ты спасешь Город с его славным именем и величайшим могуществом от уже близкого падения, то кто на земле будет более знаменит, более велик, чем ты? (6) Ибо, если теперь из-за болезни³⁷ или по велению рока державу нашу постигнет несчастье, кто усомнится в том, что весь мир будет ожидать опустошения, войны, резни? Итак, если у тебя появится желание послужить родине и предкам, то ты, восстановив государственный строй, впоследствии славой своей превзойдешь всех людей и тебя посмертно будут восхвалять больше, чем при жизни. (7) Ведь смертных при жизни часто преследует Фортуна, часто ненависть; как только их жизнь склонится перед законом природы, то, когда умолкнут хулители³⁸, доблесть сама возвышает себя все больше и больше».

(8) Я изложил в своем письме возможно короче все, что признал самым полезным и что, по моему убеждению, тебе пригодится. Теперь заклинаю бессмертных богов: пусть все, что ты совершишь, принесет благо тебе и государству.

ПЕРВОЕ ПИСЬМО

1. (1) Когда-то твердо верили в то, что Фортуна дарует царства и державы, как и многое другое, чего люди сильно желают, поскольку все это, с одной стороны, нередко доставалось тем, кто того не заслуживал, как бы по прихоти судьбы, а с другой стороны, ни у кого не оставалось в целостности и сохранности. (2) Жизнь, однако, доказала справедливость изречений Аппия¹;

каждый — кузнец своего счастья. Более всего это верно в отношении тебя, который настолько превзошел других, что люди, прославляя твои действия, уставали раньше, чем ты, хвалы достойное совершая. (3) Впрочем, как созданное трудом, так и достигнутое доблестью следует оберегать возможно тщательнее, дабы оно из-за небрежения не испортилось и не рухнуло, обветшав. (4) Никто ведь не уступает другому своей верховной власти добровольно, и того, кто более могуществен, как бы ни был он добр и милосерден², все же страшатся, ибо он может злоупотребить властью. (5) Это происходит потому, что большинство властителей заблуждается, полагая, что чем ничтожнее те, кем они повелевают, тем надежнее их защита. (6) Напротив, так как сам ты честен и деятелен, то тебе подобает властвовать над самыми лучшими людьми, ибо самые дурные — те, которые терпят правителя с величайшим неудовольствием. (7) Но привести в порядок то, что добыто оружием, тебе гораздо труднее, чем твоим предшественникам, потому что, ведя войну, ты был более мягок, чем другие в мирные времена. (8) К тому же победители требуют добычи, а побежденные ведь — граждане. Из этих затруднений ты и должен искать выход и на будущее укреплять государство, причем не только оружием и против врагов, но — и это много, много труднее — также и благими средствами мира. (9) Итак, положение вещей требует, чтобы все сколько-нибудь мудрые люди дали самые лучшие советы, на какие только способен каждый из них. (10) Мне же кажется так: от того, каким путем ты достиг победы, будет зависеть и все, что нас ожидает.

2. (1) Теперь же, дабы тебе было легче принимать наилучшие решения, ознакомься с моими краткими советами, которые я тщательно обдумал. (2) Ты, император, вел войну с человеком прославленным, могущественным, жадным до власти, не столько мудрым, сколько удачливым³; за ним последовали лишь немногие, ставшие твоими недругами из-за того, что считали себя несправедливо обиженными, а также те, кто был связан с ним родственными или иными тесными узами⁴. (3) Власти же не разделил с ним никто, а если бы Помпей смог это стерпеть, война не потрясла бы всего мира. (4) Остальное множество людей присоединилось к нему не столько по здравому размышлению, сколько подражая остальным, которых они считали более дальновидными.

(5) В это же время запятнавшие себя подлостью и развратом люди, которым злоречье твоих недругов внушило надежду на захват власти в государстве, устремлялись в твой лагерь и открыто угрожали мирным гражданам смертью, грабежами — словом, всем тем, на что их толкала испорченность. (6) Большинство из них, увидев, что ты не отменяешь долгов и не обращаешься с гражданами, как с врагами, покинули тебя; оставались немногие, которые в твоём лагере чувствовали бы себя гораздо спокойней, чем в Риме, где со всех сторон им угрожали заимо-

давцы. (7) Но страшно сказать, как много и какие видные люди по тем же причинам впоследствии примкнули к Помпею и в течение всей войны, как должники, видели в нем священное и неприкосновенное прибежище.

3. (1) Итак, поскольку тебе как победителю предстоит решать судьбу войны и мира — чтобы первую закончить, как подобает гражданину, а второй был возможно более справедлив и продолжителен, то прежде всего, раз ты будешь этим заниматься, подумай, что именно лучше всего сделать? (2) Сам я полагаю, что всякая жестокая власть скорее сурова, чем долговечна⁵, и что того, кто внушает страх другим, в конце концов самого охватит ужас; что так жить — значит вести непрекращающуюся войну, причем с переменным успехом, ибо ни спереди, ни с тыла, ни с флангов ты не найдешь защиты и всегда будешь пребывать в опасности и страхе. (3) Напротив, тем, кто правил мягко и милосердно, все казалось радостным и светлым, и даже враги — к ним благожелательными больше, чем к другим их сограждане.

(4) Пожалуй, найдутся люди, которые станут говорить, что я подобными высказываниями склонен умалять значение твоей победы и чересчур доброжелателен к побежденным — разумеется, потому, что нахожу нужным даровать согражданам то, что мы сами и предки наши не раз предоставляли чужим народам, своим прирожденным врагам, и не воздавать, по обычаю варваров, убийством за убийство и кровью за кровь.

4. (1) Предано ли забвению то, за что незадолго до этой войны резко упрекали Гнея Помпея и Суллу после его побед: злодейское убийство Домиция, Карбона, Брута⁶ и других, погибших без оружия и не на поле битвы — по закону войны, — а уже потом, когда они умоляли о пощаде⁷; истребление римского народа, словно это был скот в государственной усадьбе?⁸ (2) Увы! Сколь ужасны и жестоки были эти тайные убийства граждан, случившиеся еще до твоей победы, никем не ожидавшая резня, бегство женщин и детей под защиту родителей или сыновей, разорение домов!⁹ (3) К этому тебя склоняют те же люди; разумеется, борьба шла из-за того, кому из вас двоих¹⁰ творить противозакония. Можно подумать, что ты не брал в свои руки власть в государстве, а захватил ее, и что самые лучшие и опытные воины, отслужив свой срок, сражались с братьями и отцами (другие — с сыновьями) ради того, чтобы отъявленные негодяи находили в чужих несчастьях средства для удовлетворения своего чревоугодия и низменных страстей и были позором для твоей победы и чтобы из-за их гнусностей легло пятно на заслуги честных граждан. (4) Я думаю, ты хорошо знаешь, каковы были образ действий и воздержность каждого из них даже тогда, когда победа была сомнительна, и как, руководя военными действиями, развратничал и кутил кое-кто из тех, кто по своему

возрасту даже в мирное время без позора для себя не должен был бы знать таких удовольствий.

5. (1) О войне сказано достаточно. Что касается укрепления мира, раз ты и все твои сторонники заняты именно этим, то прежде всего продумывай, пожалуйста, свои решения; так отделив благо от зла, ты пойдешь прямым путем к своей истинной цели. (2) Сам я думаю так: коль скоро все однажды возникшее погибает¹¹, то, когда для города Рима настанет роковой час гибели, граждане скрестят мечи с гражданами и, таким образом, обесилевшие и истекшие кровью, станут добычей какого-нибудь царя или чужеземного народа. При ином положении ни весь мир, ни все народы не смогут общими усилиями ни поколебать, ни тем более, сокрушить нашу державу. (3) Укреплять, следовательно, надо благо согласия, а зло разногласия — изгонять. (4) Это и будет достигнуто, если ты закончишь с расточительностью и грабежами, не восстанавливая древних обычаев, которые уже давно ввиду порчи нравов стали предметом насмешек, но установив для каждого гражданина в качестве предела расходов размеры его имущества¹². (5) Ибо вошло в обыкновение, что молодежь проедает свое и чужое достояние, не знает удержу в разврате и считает это доблестью и величием духа, а совесть и умеренность — его слабостью. (6) И вот люди необузданного нрава, вступив на дурной путь, когда обычных средств уже не хватает, бросаются то на союзников, то на сограждан, колеблют установленный порядок и, ниспровергнув все старое, ищут нового. (7) Поэтому в будущем надо уничтожить ростовщиков, дабы каждый из нас заботился о себе¹³. (8) Вот правильный и простой путь — быть магистратом для народа, а не для заимодавца, и проявлять величие духа, обогащая государство, а не лишая его средств.

6. (1) И я знаю, сколь трудно будет это вначале, особенно тем, кто надеялся как победитель пользоваться неограниченной свободой. Если ты будешь заботиться об их благополучии, а не потворствовать их страстям, ты обеспечишь прочный мир им самим, нам и союзникам; но если у юношества сохранятся такие же стремления и склонности, то, право, твоя исключительная слава вскоре померкнет вместе с падением города Рима. (2) Словом, мудрые ведут войну ради мира¹⁴, несут труды в надежде на спокойствие. Если ты не укрепишь этой надежды, то какое будет иметь значение, побежденным оказался ты или победителем? (3) Поэтому — во имя богов! — берись за государственные дела и по своему обыкновению преодолевай все трудности, потому что или ты сумеешь принести исцеление, или всем надо отказать от этой заботы. (4) И никто не ждет от тебя ни жестоких наказаний, ни суровых судебных приговоров, которые не столько исправляют, сколько опустошают государство; от тебя требуют лишь ограждения юношества от дурных вкусов и сквер-

ных страстей. (5) Ты позаботишься о том, чтобы граждан не изгоняли из отечества, хотя они этого и заслужили, ты их удержишь от неразумия и мнимых наслаждений, упрочишь¹⁵ мир и согласие, — в этом и будет истинное милосердие, а не в том, чтобы, потворствуя гнусностям, допуская преступления, позволить гражданам предаваться радостям, за которые им вскоре придется поплатиться.

7. (1) Сам я целиком полагаюсь именно на то, чего другие страшатся: на величие твоей задачи и на то, что ты должен установить порядок одновременно на земле и на всех морях. Ведь малыми делами заняться столь великий ум не смог бы, а великую заботу ожидает и великая награда. (2) Итак, ты должен предусмотреть меры, направленные на то, чтобы народ, развращенный подачками и раздачами зерна из казны, имел занятие, которое не позволило бы ему причинять ущерб государству; юношество должно стараться быть честным и деятельным, а не расточительным и богатым. (3) Это и произойдет, если ты лишишь деньги, это величайшее из всех зол, их значения. (4) Ибо сам я, часто размышляя о том, каким образом прославленные мужи достигали высокого положения, что именно возвеличивало славными деяниями народы и племена, каковы были причины падения огромных царств и держав, всюду находил одно и то же благо, одно и то же зло: все победители богатство презрели, а побежденные его возжелали. (5) Ведь каждый может возвыситься и, хоть он и смертен, приобщиться к божественному лишь в том случае, если, отказавшись от радостей, доставляемых деньгами, и от плотских наслаждений, станет заботиться о душе, если он не будет, угодничая и удовлетворяя чужие желания, приобретать дурное влияние, но станет испытывать себя в труде, терпении, добрых делах и храбрых поступках.

8. (1) Ведь когда ты построишь городской дом или усадьбу, украсишь их статуями, коврами и другими произведениями искусства¹⁶ и сделаешь все это достойным большего внимания, чем ты сам, это будет означать, что не богатство облагораживает тебя, а ты сам его позоришь. (2) Далее, люди, у которых вошло в привычку дважды в день отягощать желудок и не проводить ни одной ночи без разврата, подчинив свой дух, которому подобает властвовать, впоследствии в нем, слабом и искалеченном, тщетно пытаются видеть наставника; так неразумие в большинстве случаев губит само себя. (3) Но эти и прочие виды зол исчезнут, как только перестанут почитать деньги, если ни магистратур, ни другого, чего жаждет толпа, не будет в продаже.

(4) Кроме того, тебе следует предусмотреть меры для большей защиты Италии и провинций. Как это сделать — совершенно igno. (5) Ведь одни и те же люди разоряют все, покидая свои дома и незаконно занимая чужие. (6) Опять-таки не должно быть, как было до сего времени, несправедливости и неравенства

в отношении военной службы, когда одни отбывают ее тридцать лет, а другие — ни одного года. И зерно, ранее служившее наградой за леность, надо будет выдавать в муниципиях и колониях тем, кто станет возвращаться домой, завершив военную службу.

(7) То, что я счел необходимым для государства и полезным для твоей славы, я изложил по возможности кратко. (8) Мне кажется, теперь уместно поговорить об этом моем поступке. (9) Большинство людей обладает (или делает вид, что обладает) достаточным умом, чтобы судить обо всем. Они, правда, все горят желанием порицать чужие действия и высказывания, но у них, очевидно, уста и язык недостаточно красноречивы, чтобы выразить их сокровенные мысли. Не раскаиваюсь в том, что я отдал себя на их суд; мне было бы досадней, если бы я хранил молчание. (10) Ибо независимо от того, по этому или по другому, лучшему пути ты пойдешь, все равно в меру своих сил я высказался и помог тебе. Мне остается пожелать, чтобы бессмертные боги одобрили решение, какое ты примешь, и позволили тебе достичь успехов.

ДОПОЛНЕНИЕ

[МАРК ТУЛЛИЙ ЦИЦЕРОН].
ИНВЕКТИВА
ПРОТИВ ГАЯ САЛЛЮСТИЯ КРИСПА

1. (1) Это действительно большое наслаждение, Гай Саллюстий, жить вполне сообразно со своими высказываниями и не говорить ничего столь непристойного, что ему не соответствовал бы твой образ жизни, — так, чтобы каждое твое слово было созвучно твоим нравам. Ведь тот, кто живет так, как ты, не может говорить иначе, чем ты, а жизнь того, чья речь столь нечиста, не бывает более нравственной.

К кому мне прежде всего обратиться, отцы-сенаторы, с чего начать? Ведь на меня как на оратора возлагается тем более тяжкое бремя, чем более известен каждый из нас, так как, если я, отвечая этому хулителю, расскажу о своей жизни и действиях, то зависть опорочит мою славу; если же я покажу во всей наготе его поступки, нравы, всю его жизнь, то я впаду в тот же порок бесстыдства, в каком упрекаю его. Если это, быть может, задевает вас, то более справедливо, чтобы вы негодовали не на меня, а на него, начавшего эту распря. (2) Сам я приложу старания к тому, и чтобы мой ответ в мою защиту менее всего наскучил вам, и чтобы не показалось, что я его оболгал. Знаю, отцы-сенаторы, что я, отвечая ему, не могу особенно надеяться на ваше внимание, так как вы знаете, что не услышите ни одного нового для вас обвинения против Саллюстия, но снова узнаете обо всех старых, которыми прожужжали уши и мне, и теперь вам, и ему самому. Но тем сильнее должны вы ненавидеть человека, который, даже начиная совершать проступки, не занимался пустяками, но встал на этот путь так, чтобы не уступать никому и самому не превзойти себя на протяжении всей остающейся ему жизни. (3) Поэтому он и стремится лишь к тому, чтобы, как свинья, кататься в грязи, с кем ему придется. Но он глубоко заблуждается. Ведь грязь жизни не смывают бесстыдством языка, но существует, так сказать, осуждение, какое каждый из нас, слушаясь собственной совести, вынашивает против того, кто бросает честным людям ложные обвинения. И если окажется, что вы забыли, как он жил, то вы, отцы-сенаторы, должны будете оценить его жизнь на основании не его слов, а его нравов. Я же постараюсь описать их вам возможно короче. И этот обмен репликами между нами не будет бесполезен для вас, отцы-сена-

торы! Ведь в большинстве случаев государство извлекает пользу из вражды между частными людьми, когда ни один гражданин не может скрыть, что он за человек.

2. (4) Так вот, прежде всего, раз Гай Саллюстий, следуя общепринятому правилу, спрашивает о предках каждого из нас, то я и прошу его ответить мне: разве те, кого он нам поставил в пример, — Сципионы и Метеллы, пользовались добрым именем или славой до того, как их деяния и безупречнейше прожитая жизнь возвеличили их в наших глазах? Если это положило начало их доброму имени и высокому положению, то почему не судить таким же образом и обо мне, чьи деяния были славны, а жизнь прожита самым бескорыстным образом? Право, можно подумать, что ты, Саллюстий, произошел от тех людей? Будь это так, многие чувствовали бы теперь отвращение к твоей подлости. (5) Я же доблестью своей освещал путь своим предкам, так что они, если и не были известны ранее, памятью о себе обязаны мне; ты же своей жизнью, проведенной позорно, предков своих окутал густым мраком¹, так что они, даже если и были выдающимися гражданами, несомненно оказались забыты. Поэтому не попрекай меня тем, что у меня нет знаменитых предков; ведь для меня лучше быть славным собственными деяниями, чем зависеть от доброго имени предков и жить так, чтобы я сам был для своих потомков началом знатности и примером доблести. И мне не к лицу, отцы-сенаторы, чтобы меня сравнивали с теми, кто уже ушел от нас и недосягаем для ненависти и неприязни; пусть меня сравнивают с теми, кто вместе со мной занимался одними и теми же делами государства. (6) Но допустим, что я, стремясь к почестям, был чересчур честолюбив (речь идет не о том, чтобы добиваться расположения народа — здесь я признаю себя первым, — но о том пагубном противозаконном домогательстве, в котором Саллюстий шел впереди других), или при исполнении должностей, наказывая преступников, так суров, или, защищая государство, так бдителен. Защиту эту ты и называешь проскрипцией, конечно, потому, что ни один из подобных тебе не жил в безопасности в Городе; но насколько лучше было бы для государства, если бы ты, плоть от плоти преступных граждан, был к ним причислен! (7) Или я тогда неправильно написал: «Меч, перед тогой склонись!» — я, который, в тогу облаченный, уничтожил взявшихся за оружие, а миром — войну? Или я солгал, написав: «О, счастливый Рим, моим консулатом твоимый!» — я, который пресек столь страшную междоусобную войну и потушил пожар в стенах Города?² 3. И тебе, ничтожнейший человек, самому не стыдно ставить мне в вину то, что ты в своей «Истории» считаешь для меня славным?³

Что постыднее — лгать в своих писаниях или в речах перед этим собранием? Что касается твоей клеветы на мою раннюю молодость, то я, по моему мнению, столь же далек от бесстыд-

ства, сколь ты — от стыдливости. (8) Но зачем продолжать мне свои жалобы на тебя? Какую ложь считаешь позорной ты, который осмелился — словно это порок — красноречием моим попрекнуть меня, в чьей судебной защите ты, преступник, всегда нуждался? Или, по твоему мнению, кто-нибудь может стать выдающимся гражданином, не овладев этим искусством и этой наукой? Или, по-твоему, существуют какие-то иные первоосновы, иная колыбель для доблести, питающие умы людей в их жажде славы? Но совсем не приходится удивляться, отцы-сенаторы, если человек, который — сама праздность и развращенность — удивляется этим занятиям, как чему-то новому и беспремерному.

(9) Что же касается твоего беспремерного бешенства, с каким ты столь нагло напал на моих жену и дочь, которые как женщины обходились без мужчин легче, чем ты как мужчина — без мужчин, то ты поступил как достаточно ученый и искушенный человек. Ведь ты надеялся на то, что я не воздам тебе тем же и не стану, в свою очередь, оскорблять твоих родных: ты один даешь мне для этого достаточно пищи, и у тебя в доме нет ничего такого, что было бы гнуснее тебя самого. Но ты глубоко заблуждаешься, решив, что навлечешь на меня ненависть из-за моего имущества, которого у меня много меньше, чем я достоин иметь. О, если бы у меня не было даже такого, какое есть! И было бы лучше, если бы мои друзья оставались в живых, вместо того чтобы я разбогател благодаря их завещаниям!⁴

(10) Это я — беглец, Гай Саллюстий? Перед яростью плебейского трибуна отступил я: я предпочел принять удар судьбы на себя, но не быть для всего римского народа причиной гражданских раздоров. Но после того как год вакханалий⁵ в государстве закончился и все то, что он привел в волнение, успокоилось благодаря миру и тишине, то, когда наше сословие меня призывало и само государство собственноручно возвращало меня из изгнания, я вернулся. Этот день, если сравнить его со всей моей остальной жизнью, во всяком случае, для меня наиболее важен, когда вы все и римский народ, собравшийся толпами, приветствовали меня при моем прибытии. Столь высоко оценили они меня, беглеца, наемного защитника в суде!

4. (11) И не удивительно, клянусь Геркулесом, если я всегда считал справедливым всеобщее дружеское отношение ко мне. Ибо не прислуживал я одному человеку частным образом и не поступал к нему [в кабалу⁶], но насколько каждый радел о благополучии государства, настолько он был мне либо другом, либо противником. Сам я ничего так не хотел, как торжества мира⁷. Многие поддержали наглые выступления частных людей, я же боялся одних только законов; многие хотели, чтобы их оружие внушало страх, я же всегда хотел обладать властью только для нашей защиты; многие, положившись на свою власть, получили новую империю от вас, злоупотребили против вас своими силами. По-

этому и не удивительно, если я поддерживал дружеские отношения только с теми, кто неизменно был другом государству. (12) И я не раскаиваюсь ни в том, что я по просьбе Ватиния, привлеченного к суду, обещал ему свою защиту, ни в том, что обуздal заносчивость Сестия, ни в том, что осудил долготерпение Бибула, ни в том, что благожелательно отнесся к доблестным действиям Цезаря. Ведь это были похвалы выдающемуся гражданину, и притом высказанные один раз. Если ты ставишь их мне в вину, то твою опрометчивость осудят, но меня в проступках не обвинят. Я сказал бы больше, если бы мне понадобилось выступить с разъяснениями перед другими людьми, а не перед вами, отцы-сенаторы, которые были советчиками во всех моих действиях. Но нужны ли слова, когда свидетельствуют сами действия?

5. (13) Теперь — чтобы вернуться к тебе, Саллюстий! — не стану я говорить о твоём отце, который, если даже и никогда в жизни не совершал проступков, все-таки, породив такого сына, как ты, не смог бы нанести государству большего ущерба. И если сам ты совершил в детстве какой-то проступок, то я не стану рассуждать о нем — дабы не показалось, что я обвиняю твоего отца, который в те времена обладал высшей властью над тобой⁸, — но рассмотрим, как ты провел свою раннюю молодость; из описания ее легко будет понять, как своевольное дитя с возрастом превратилось в бесстыдного и наглого юношу. После того как бездонную глотку не могли уже насытить доходы от торговли бесстыднейшим телом и ты уже был не в таких летах, чтобы терпеть все, чего захотелось бы другому⁹, ты стал предаваться безудержным страстям, чтобы то, чего ты был лишен сам, испробовать на других. (14) Таким образом, отцы-сенаторы, не легко подсчитать, больше ли он приобрел или потерял, используя части тела, которых, по чести говоря, и не назовешь. Свой отчий дом он еще при жизни отца, к своему великому позору, назначил к продаже. Может ли кто-нибудь усомниться в том, что он довел до смерти того, чьим имуществом он уже ведал как наследник еще до его смерти? И ему не стыдно спрашивать меня, кто живет в доме Публия Красса, когда сам он не может ответить, кто живет в его отчем доме! «Но он — клянусь Геркулесом! — впал в ошибку по неопытности, свойственной молодости; впоследствии он исправился». Это не так. Он вступил в нечестивое общество Нигидия¹⁰. Дважды оказавшись на скамье подсудимых, он был в безнадежном положении, но выпутался из него; однако при этом каждый признал, что судьи преступили клятву, а не то, что он был невиновен. (15) Достигнув первой почетной должности — квестуры, он отнесся с презрением к этому вот месту и к нашему сословию, доступ в которое открылся также и для него, тяжело опозорившегося человека. И вот, боясь что его проступки останутся для вас тайной, он, хотя его и поносили все отцы се-

мейств, признался вам в совершенном им прелюбодействе¹¹ и не покраснел, глядя вам в глаза.

6. Живи, как тебе угодно, Саллюстий; делай, что захочешь; достаточно и того, что ты один сознаешь свои преступления. Не попрекай нас нашей вялостью и непомерной сонливостью; мы тщательно оберегаем целомудрие своих жен, но не настолько бдительны, чтобы уберечься от тебя: твоя наглость сильнее наших стараний. (16) Могло ли бы какое-нибудь позорное деяние или высказывание, отцы-сенаторы, остановить этого вот человека, не постыдившегося сознаться перед вами в своем прелюбодействе? И если бы я не захотел отвечать тебе насчет себя и, на основании закона, публично прочитал замечание цензоров Аппия Клавдия и Луция Писона¹², неподкупнейших мужей, то разве я не навеки заклеил бы тебя позором, смыть который не смогла бы вся остающаяся тебе жизнь? Впрочем, после памятного нам составления списка сенаторов¹³ мы не видели тебя ни разу, разве только тогда, когда ты устремился в тот лагерь, куда уже стекались все подонки государства¹⁴. (17) Но того же Саллюстия, который в мирное время не был даже сенатором, после того как государство было сокрушено оружием, победитель, вернувшийся изгнанников, возвратил в сенат, предоставив ему квестуру¹⁵. Должность эту он исполнял, продавая все, что только находило покупателя; он считал справедливым и правильным все, что ему хотелось совершить, и мучил людей так, как должен был бы делать человек, получивший эту должность как добычу. (18) По окончании квестуры он, дав большие деньги людям, которые вели такой же образ жизни, уже стал одним из членов этой шайки. Ведь Саллюстий был на той стороне, где, словно в пучине, собрались все порочные люди. Сколько бы ни было бесстыдных людей, развратников, паррицид, святотатцев, несостоятельных должников в Городе, муниципиях, колониях, во всей Италии, они там оседали, словно в морских заливах. Это были и те, кто утратил свое имя, и известнейшие люди, ни к чему не годные в лагере, славящиеся разве только разнузданностью своих пороков и жаждой переворота.

7. (19) «Но ведь он, став претором, проявил умеренность и воздержность». — Не разорил ли он, управляя Нижней Африкой, свою провинцию так, что испытания, каким наши союзники подверглись во времена мира, превзошли все то, что они претерпели и чего ожидали во время войны? Откуда выкачал он столько, сколько смог либо перевести путем кредитных операций, либо втиснуть в трюмы кораблей? Столько, повторяю, он выкачал, сколько захотел. Чтобы не отвечать перед судом, он сговаривается с Цезарем за 1 200 000 сестерциев¹⁶. Если какое-нибудь из этих обвинений ложно, опровергни его перед этими вот людьми: на какие средства ты, который еще недавно не смог выкупить даже дом отца, вдруг, разбогатев словно во сне, приобрел сады,

стоившие огромных денег¹⁷, усадьбу Гая Цезаря в Тибуре и другие владения? (20) И ты не поколебался спросить, почему я купил дом Публия Красса, когда сам ты — давнишний собственник усадьбы, недавно принадлежавшей Цезарю! Повторяю, не проев, а сожрав отцовское имущество, какими же путями недавно достиг ты такого изобилия и такого богатства? И право, кто назначил бы своим наследником тебя, которого никто не считает даже своим достаточно уважаемым другом, разве только это человек, подобный и равный тебе?

8. Но ты, клянусь Геркулесом, скажешь, что выдающиеся деяния твоих предков тебя возвышают. Независимо от того, им ли ты подобен или они — тебе, к вашей общей преступности и испорченности прибавить нечего. (21) Но, если не ошибаюсь, твои почетные должности делают тебя заносчивым. Ты, Гай Саллюстий, думаешь, что дважды быть сенатором и сделаться дважды претором то же самое, что дважды быть консуляром и дважды справить триумф?¹⁸ Быть чистым от всяких пороков должен тот, кто собирается обвинять другого. Только тот говорит дурно, кто не может выслушать правду. Ты же, прихлебатель за всеми столами, в ранней молодости наложник во всех спальнях и там же впоследствии прелюбодей, — пятно позора для любого сословия и напоминание о гражданской войне. (22) И право, что может быть тяжелее для нас, чем видеть тебя невредимым в этом собрании? Перестань же наглейшим образом преследовать честных людей, перестань быть во власти недуга бесстыдства¹⁹, перестань по себе судить о каждом из нас. При нравах своих ты приобрети друга не можешь; ты, видимо, хочешь иметь недруга. Я заканчиваю, отцы-сенаторы! Я часто видел, что те, кто открыто сказал о низких поступках других людей, слушателей своих оскорбляли сильнее, чем их оскорбляли те, кто их совершил. Мне же следует принимать во внимание не то, что Саллюстий по всей справедливости должен выслушать, но то, что я по чести могу высказать.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ГАЙ САЛЛЮСТИЙ КРИСП

Гай Саллюстий Крисп родился в 86 г. до н. э. в Амитерне, в Сабинской области (к северо-востоку от Рима), в состоятельной всаднической семье, имевшей собственный дом в Риме. Как и Цицерон, Саллюстий получил образование в столице и выдвинулся благодаря своим способностям. В отличие от Цицерона он усвоил аттический род красноречия с налетом архаизмов. Не склонный к военной карьере, он начал заниматься литературой¹; в молодости был близок к кружку Публия Нигидия Фигула, неопифагорейца и астролога². Вскоре, однако, он, отказавшись от литературных занятий³, обратился к государственной деятельности, где его, по его словам, ожидало много трудностей, горечи и разочарований в связи с упадком нравов и коррупцией тогдашнего общества⁴.

Уже в возрасте 16 лет, в 70 г., в год первого консулата Гнея Помпея и Марка Лициния Красса, Саллюстий был свидетелем окончательного упразднения сулланского правопорядка и полного восстановления прав плебейских трибунов. Тогда общее положение в стране определялось усилением влияния и власти Помпея и Красса, после победы первого из них над отложившимся от Рима наместником Ближней Испании Квинтом Серторием (72 г.) и победы второго над рабами, восставшими под руководством Спартака (71 г.).

Саллюстий был квестором в 55 или 54 г. и, не пожелав добиваться избрания в курульные эдилы, стал плебейским трибуном в 52 г., в год единоличного («без коллеги») консулата Помпея, когда происходила борьба за власть между сенатом, с одной стороны, и Гаем Юлием Цезарем — с другой, причем в Риме действовали вооруженные банды. В январе 52 г. на Аппиевой дороге, недалеко от столицы, рабами Тита Анния Милона, кандидата в консулы на 52 г., был убит Публий Клодий Пульхр, и цезарианец Саллюстий возбуждал на сходках народ против Милона и против Цицерона, защитника последнего в суде. В 51 г. Саллюстий был послан в провинцию Сирию в качестве легата (*legatus pro praetore*) проконсула Марка Кальпурния Бибула.

¹ П II, 10. 2. О сокращениях, принятых в данной книге, см. ниже, с. 165.

² И II, 5. 14.

³ К. 4. 2.

⁴ К. 3. 3; 14—16.

В 50 г. цензоры Луций Кальпурний Писон и Аппий Клавдий Пульхр исключили Саллюстия из сената за якобы безнравственный образ жизни⁵, но, скорее всего, как цезарианца. В 49 г. Цезарь добился вторичного избрания Саллюстия в квесторы на 48 г. и тем самым возвратил его в сенат⁶.

Во время гражданской войны 49—45 гг. Саллюстий стоял на стороне Цезаря и руководил в Иллирике военными действиями против помпеянцев, но потерпел поражение. В конце 47 г., когда он был избран претором на 46 г., Цезарь поручил ему привести к повиновению возмущившиеся X и XII легионы, стоявшие в Кампании и отказывавшиеся отправиться в Африку. Поручение это едва не стоило Саллюстию жизни — волнения среди солдат успокоил сам Цезарь⁷. Несмотря на эти неудачи, Саллюстий не утратил доверия Цезаря и под его началом 1 декабря 47 г. отправился в Африку; в 46 г. он захватил на острове Керкине, у берегов Африки, большие запасы зерна, собранные там помпеянами, чем способствовал победе Цезаря; он также ведал снабжением войск.

После своей победы над помпеянами под Тапсом (апрель 46 г.) Цезарь по окончании претуры Саллюстия назначил его наместником (*proconsul cum imperio*) вновь образованной провинции Новая Африка и дал ему три легиона. Саллюстий грабил провинцию столь беззастенчиво, что ему по возвращении в Рим грозил суд за лихоимство (*de repetundis*); от суда его будто бы избавил сам Цезарь⁸.

После убийства диктатора (15 марта 44 г.) — возможно, уже по окончании своего наместничества в Новой Африке — Саллюстий, понимая, что его политическая карьера окончена, удалился в построенную им великолепную усадьбу в долине между Квиринальским и Пинциевым холмами (*horti Sallustiani*), а впоследствии также жил в купленной им усадьбе Цезаря в Тибуре⁹ и хотя, казалось бы, причин для отказа от магистратур у него не было, так как триумвиры 43 г. едва ли отвергли бы услуги старого цезарианца, посвятил свой досуг работе над историческими трудами, которую в 35 г. прервала его смерть в возрасте 50 лет.

* * *

Первым литературно-политическим выступлением Саллюстия следует считать написанную им в 54 г. инвективу против Цицерона, отражающую политическую ситуацию в 54 г., когда Цицерон, с согласия Цезаря и стараниями Помпея и консула 57 г.

⁵ *Cass. Dio*, 40, 63, 4.

⁶ *И II*, 6, 17.

⁷ *Cass. Dio*, 42, 52, 2; Аппиан. Гражданские войны, 2, 92.

⁸ *Cass. Dio*, 42, 9, 2.

⁹ *И II*, 7, 19.

Публия Корнелия Лентула Спинтера в 57 г. возвращенный из изгнания, был вынужден сотрудничать с триумвирами, союз между которыми был подтвержден на их совещании в Луке весной 56 г., и даже защищать в суде их сторонников, своих врагов в прошлом, — Публия Ватиния, бывшего претора 55 г., и Авла Габиния, бывшего консула 58 г., причастного к его удалению в изгнание в 58 г.¹⁰ По форме инвектива представляет собой произнесенную в сенате речь с ответом на нападки Цицерона. Квестор (или бывший квестор) Саллюстий едва ли смог бы выступить в сенате против консуляра, поэтому инвектива, скорее всего, представляет собой памфлет (*libellus*), распространявшийся его автором в списках. Инвектива старается уничтожить Цицерона морально как человека и семьянина, как политического деятеля и продажного защитника в суде; автор также издевается над Цицероном как над «новым человеком» и пришельцем в Риме.

Памфлет как литературная форма нередко использовался в политической жизни Рима. Первым известным нам памфлетом было письмо Цицерона к Помпею, посланное в Азию; оно было написано в резкой форме, что вызвало неудовольствие последнего¹¹. Характер инвективы имеют и отдельные места в речи Цицерона «В белой тоге» (64 г.), которую он произнес в сенате против своих соперников Гая Антония и Катилины перед консульскими выборами на 63 г. Катилина и Антоний ответили оскорбительным для Цицерона замечанием, что он «исвый человек». В 61 г., после оправдания Публия Клодия в суде по обвинению в кощунстве, Цицерон выпустил в свет инвективу против Клодия и Куриона (сын консула 76 г. Гай Скрибоний Курион), в 55 г. — инвективу против бывшего консула 58 г. Луция Кальпурния Писона (речь Против Писона). На нее Писон ответил инвективой, на которую Цицерон предпочел не отвечать¹². Наконец, 28 ноября 44 г. Цицерон опубликовал инвективу против Марка Антония, тоже в виде речи, якобы произнесенной в сенате (II филиппика). После самоубийства Марка Порция Катона в Утике Цицерон и Марк Брут выпустили в 45 г. памфлеты под названием «Катон» с прославлением его заслуг (*laudatio Catonis*). Цезарь и его сторонник Авл Гирций ответили на них памфлетами под названием «Антикатон»¹³.

Вопрос о подлинности инвективы Саллюстия, как и его писем к Цезарю, очень сложен и решался учеными по-разному; он, видимо, относится к вопросам, которые едва ли будут разре-

¹⁰ Цицерон. К близким, I, 9, 19 (149).

¹¹ Цицерон. В защиту Суллы, 67.

¹² Цицерон. К брату Квинту, III, 1, 11 (145).

¹³ Цицерон. К Аттику. XII, 40, 1 (589); 41, 4 (593); 44, 1 (595); 47, 3 (599); 45, 3 (600); XIII, 50, 1 (671); 51, 1 (673). Ср.: *И I*, 3, 5; 4, 6,

шены окончательно. Марк Фабий Квинтилиан, грамматик I в. н. э., считал инвективу подлинной и даже произнесенной в сенате¹⁴. Он приводит два стиха Цицерона из его поэмы о своем консулате. Спор о подлинности инвективы и писем к Цезарю начался еще в 1537 г. (Коррадо) и возобновился в 1617 г. (Липсий и Каррион); эти ученые высказались против их подлинности. Спор этот продолжался в XIX и XX вв., причем мнения ученых разделились: в новейшее время их подлинность отвергают А. Эрну и Р. Сайм, а признают Э. Мейер, К. Бюхнер, М. Шуэ, К. Вретска, К. Николе и Ж. Эллегуарк¹⁵.

Язык инвективы вполне характерен для Саллюстия и тщательно отделан. Архаичность и другие особенности языка, которыми отличаются его монографии, вышедшие в свет уже после смерти Цезаря, наблюдаются уже в инвективе и в письмах к Цезарю, что говорит в пользу их подлинности.

В Ватиканской рукописи 3864, содержащей фрагменты из «Истории» Саллюстия, имеются два его письма к Цезарю о государственных делах (*Epistulae ad Caesarem senem de re publica*); обозначение «senem», введенное грамматиками, очевидно, должно указывать на то, что их адресат — диктатор Гай Юлий Цезарь, а не Октавиан. В первом по времени написания письме (оно обозначено в рукописи как второе) говорится о завершеном покорении галльских племен (XII, 5), что позволяет датировать письмо 50 г.; но слова Саллюстия: «Я решил напомнить тебе, занятому походами, сражениями, победами, делами командования, о положении в Городе» (II, 2) — могут указывать и на то, что письмо написано еще во время пребывания Цезаря в Галлии¹⁶; высказывание автора о Домиции (IX, 2 — «ноги беглеца») может свидетельствовать о том, что письмо написано после капитуляции Корфиния, т. е. в начале 49 г. Более позднее письмо, обозначенное в рукописи как первое, относят к 46 г., когда победивший Цезарь приступал к упорядочению государственных дел, или к осени 48 г., после победы Цезаря под Фарсалом и гибели Помпея в Египте¹⁷.

Письма к Цезарю по своей литературной форме представляют собой увещательные послания (*sympuleutika, suasoria*), известные в греческой литературе со времен Платона (письма VII и VIII) и Исократ (К Никоклу), в римской — со времени Цице-

¹⁴ Quint. Inst. orat., IV, 1, 68; IX, 3, 89; XI, 1, 24.

¹⁵ Meyer Ed. Caesars Monarchie und das Principat des Pompejus. Stuttgart; Berlin, 1922; Büchner K. Sallust. Heidelberg, 1960; Chouet M. Lettres de Salluste à César. Paris, 1950; C. Sallustius Crispus. Invektive und Episteln/ Hrsg. von K. Vretska. Heidelberg, 1961; Hellegouarc'h J. Salluste. I. a Conjuratation de Catilina. Paris, 1972; Ernout A. Pseudo-Salluste. Paris, 1962; Syme R. Sallust. Cambridge, 1964; Nicolet C. L'ordre équestre à l'époque républicaine. Paris, 1966. Т. 1; 1974. Т. 2.

¹⁶ Утченко С. Л. Политические учения древнего Рима. М., 1977, с. 165.

¹⁷ Syme R. Op. cit., p. 319.

рона (К брату Квинту, I, 1 и 2). В письмах Саллюстия выражены преклонение перед Цезарем и вера в него. В обоих письмах автор осуждает жестокости времен гражданской войны между Марием и Суллой и последней гражданской войны. Более позднее письмо содержит обширную программу действий; автор его настолько смел, что предлагает ее самому Цезарю. Он верит в то, что только Цезарь может восстановить в государстве порядок после всех потрясений, сопряженных с гражданской войной и упадком нравов, обуздать своеволие знати, отнять у денег и богатств их значение, возвратить свободу римскому народу, улучшить его нравы, ввести тайное голосование при избрании магистратов и в суде, увеличить число сенаторов.

Вопрос о причинах упадка нравов в Римском государстве, по мнению римских историков, начавшегося в конце III в. до н. э., но особенно заметного по окончании третьей Пунической войны (146 г.) и связанного с притоком в Италию захваченных богатств и рабов, — один из главных для Саллюстия в его дальнейшем творчестве и поднят им уже в его письмах к Цезарю. Он говорит об упадке нравов римского народа, согнанного со своих земель и обреченного на праздность и бедность¹⁸. В более позднем письме Саллюстий указывает на роскошь и алчность, царящие в римском обществе, на развращенность юношества, на вред от раздач народу денег и зерна¹⁹. К этой же теме он возвращается в своих монографиях. Так в сочинении «О заговоре Катилины» он прямо говорит о пагубных последствиях завоевания Карфагена, которое, доставив Риму богатства, породило жажду денег и власти²⁰; в таком же духе он высказывается и в «Югуртинской войне»²¹.

Вопросу об упадке нравов в римском обществе посвящена обширная литература, рассматривающая разные связанные с ним проблемы²².

Как политик Саллюстий — сторонник могущества Римской державы, и римское государственное устройство представляется ему подходящим, чтобы сохранить это могущество, если только Рим не скатится к олигархии, тирании и разврату. Он непримиримый противник государства «немногих» (сенатская олигархия, рауси) и готов принять власть одного человека. Цезарь как раз и представляется ему подходящим деятелем, способным восстановить добрые нравы и преодолеть внутренние раздоры в государстве.

¹⁸ П II, 5, 4.

¹⁹ П I, 5—8.

²⁰ К, 10 след.

²¹ Ю, 41 след.

²² См.: Утченко С. А. Идеино-политическая борьба в Риме накануне падения республики. М., 1952, с. 96 след.; 100 след.; Он же. Политические учения Древнего Рима. М., 1977, с. 161 след.; Он же. Древний Рим: События. Люди. Идеи. М., 1969, с. 267 след.

Миметические приемы (приведение от имени известного лица слов, характеризующих его достоинства или недостатки), склонность к нападкам, ирония, сарказм, вообще эмоциональность отличают политика от позднейшего историка. «Когда он преклоняется перед Цезарем, то и язык его приобретает силу. Падение Цезаря должно было повлечь за собой и крушение всего мира Саллюстия»²³.

* * *

Трудам Саллюстия предшествовали два сочинения Цезаря: в 51 г. вышли его «Записки о Галльской войне» — написанное простым и сжатым языком повествование документального характера, содержащее точный рассказ о военных действиях и подробную характеристику всей обстановки. Автор старался доказать, что все войны в Галлии и экспедиции в Британию и за Рейн были необходимы для обеспечения безопасности Римского государства и укрепления его престижа. «Записки о гражданской войне», очевидно, оставшиеся незаконченными ввиду гибели Цезаря, носят более субъективный характер и тоже представляют собой апологию его действий. Исторические труды Юлия Цезаря, выразительные по форме, могли послужить для Саллюстия образцом.

«Как и у всех римских историков, исторический труд Саллюстия представляет собой продолжение политики иными средствами»²⁴. Обратившись к историографии, Саллюстий решил описывать отдельные эпизоды из прошлого римского народа, и его первая монография («О заговоре Катилины») вышла в свет, скорее всего, в 43—42 гг. Цицерон, со своей стороны, тоже полагал, что эти события заслуживают внимания историка. Так в 56 г. в письме к историку Луцию Лукцею²⁵ он просит описать и прославить его действия при подавлении заговора Катилины, а также рассказать о его изгнании и испытанных им несчастьях; подобное повествование, по словам Цицерона, привлечет к нему внимание читателей и вызовет у них сочувствие.

Такой вид литературного произведения был новым для Рима. До того времени почти все исторические труды носили анналистический характер и последовательно описывали деяния выдающихся людей и важные события в гражданской общине. При этом старшие анналисты — Квинт Фабий Пиктор и Луций Цинций Алимонт (конец III в. до н. э.) писали по-гречески. Исключением были «Начала» Марка Порция Катона Старшего (234—149 гг.) в семи книгах, где уделяется внимание не только Риму, но и Италии в целом и рассматриваются вопросы географии, права и эко-

²³ Büchner K. Op. cit., S. 90.

²⁴ Ibid., S. 13.

²⁵ Цицерон. К близким, V, 12, 2—4 (112),

номки, что необычно для анналистов; от «Начал» до нас дошли только фрагменты.

Историография еще не сделалась чисто литературным жанром, на что указывает сам Саллюстий: «Все лучшие люди предпочитали действовать, а не говорить, — чтобы другие прославляли их подвиги, а не сами они рассказывали о чужих»²⁶. Саллюстий подчеркивает значение исторического жанра и в этом отношении разделяет взгляды Цицерона: «Какую, по-вашему, задачу ставит для оратора история? Кому же не известно, что первый закон истории — ни под каким видом не допускать лжи; затем — ни в коем случае не бояться правды; не допускать ни тени пристрастия, ни тени злобы»²⁷.

К этим положениям близки слова Саллюстия в его вступлении к монографии «О заговоре Катилины»: «... духом я был свободен от надежд, страхов и не принадлежал ни к одной из сторон [т. е. к «партиям»], существовавших в государстве. Итак, с правдивостью, с какой только смогу, коротко поведаю о заговоре Катилины»²⁸. Во вступлении (гл. 1—4) Саллюстий излагает свои взгляды на долг и деятельность гражданина и объясняет, почему для него в его нынешнем положении историография — единственное занятие, достойное человека. Он говорит о своем участии в государственных делах, ради которого он в молодости отказался от занятий литературой, о своем разочаровании в них²⁹, наконец, о своем намерении описать на досуге деяния римского народа. Он выбрал заговор Катилины: «Ведь именно это злодеяние сам я считаю наиболее памятным из всех по беспримерности преступления и его опасности для государства»³⁰.

Цели этого произведения современная наука оценивает по-разному: возможно, что автор стремился снять с Цезаря подозрения в причастности к заговору; в нем видят и написанный по поручению Октавиана ответ на личную апологию Цицерона — поэму «О моих замыслах» (*De consiliis meis*), упоминаемую Дионом Кассием³¹, но до нас не дошедшую. Намерение Саллюстия могло быть связано и с политической обстановкой в Римском государстве: внутри страны, с одной стороны, подкупность и развращенность сенатской олигархии, с другой — демагогия «демократов»; вне пределов Италии — независимость полководцев от центральной власти и в то же время зависимость армий от полководцев. Наличие опасности для целостности государства и могло побудить Саллюстия обратиться именно к этой теме.

²⁶ К, 8, 5.

²⁷ Цицерон. Об ораторе, II, 15, 62 (пер. Ф. А. Петровского).

²⁸ К, 4, 2—3.

²⁹ К, 3, 4.

³⁰ К, 4, 4.

³¹ Спва. Dio, 39, 10, 2.

В своем изложении Саллюстий не всегда бывает точен. Так, он связывает с Катилиной возникновение так называемого «первого заговора»³², тогда как многое указывает на то, что его главным организатором был Марк Лициний Красс, который должен был стать диктатором, а его помощником (начальником конницы) был бы Цезарь. Катилина говорит своим сообщникам (21, 3), что в Ближней Испании находится Писон, между тем его к этому времени уже не было в живых (19, 1—2). Саллюстий сообщает, что чрезвычайное постановление сената, в действительности принятое 22 октября 63 г., было вынесено после собрания заговорщиков в доме у Марка Порция Леки в ночь с 6 на 7 ноября и после неудавшегося покушения на жизнь Цицерона³³; это создавало впечатление, что Цицерон потребовал принятия чрезвычайного постановления, движимый страхом за свою жизнь. Кроме того, Саллюстий относит нападение молодых римских всадников на Цезаря к 4 декабря³⁴, а оно произошло 5 декабря, когда Цезарь вышел из сената после выступления в защиту участников заговора. Очевидно, Саллюстий, несмотря на свои заверения (4, 3), не столько держался исторической правды, сколько стремился подчеркнуть моральное и политическое значение описываемых им событий.

В монографии полностью приведены речи Цезаря и Катона, будто бы произнесенные ими в сенате 5 декабря 63 г. (гл. 51 и 52), причем Саллюстиев Цезарь говорит словами и выражениями самого Саллюстия³⁵, роль же Цицерона в раскрытии заговора преуменьшена, и из его четырех речей против Катилины упомянута только первая³⁶. Эта скупость сведений о действиях и роли Цицерона, возможно, объясняется и тем, что он сам в 60 г. опубликовал свои речи против Катилины в сборнике «консульских речей»³⁷.

В «Югуртинской войне», вышедшей в свет в 42—41 гг., тоже имеется вступление (гл. 1—4), содержащее общие рассуждения о могуществе человеческого духа, о стремлении к доблести и о государственной деятельности в условиях, когда боролись и соперничали друг с другом старый нобилитет и «новые люди», причем и те и другие для достижения своей цели не гнушались никакими средствами.

Война, которую Рим вел против нумидийского царя Югурты (111—105 гг.), представляется Саллюстию началом новой эры: «О войне писать я буду — той, что народу римскому пришлось вести с нумидийским царем Югуртой, — во-первых, потому что

³² К, 18—19.

³³ К, 27, 3—28, 3; 29.

³⁴ К, 49, 4.

³⁵ *Syme R. Op. cit.*, p. 266.

³⁶ К, 21, 6.

³⁷ Цицерон. К Аттику, II, 1, 3 (27).

она была трудна и жестока и шла с переменным успехом; во-вторых, потому что тогда впервые был дан отпор гордости знати»³⁸. Во время этой войны обнаружились подкупность и корыстолюбие многих представителей сенатской олигархии (Альбин, Бестия, Скавр); кроме того, плебей, «новый человек» Гай Марий, стал консулом и одержал победу над своим соперником, оптиматом Квинтом Цецилием Метеллом.

В отношении композиции монографию можно разделить на две части: в гл. 1—62 речь идет о господстве старого нобилитета и всемогуществе Квинта Метелла, в гл. 63—114 — о возвышении Гая Мария и об уменьшении влияния нобилитета.

Саллюстий описывает междоусобицы среди нумидийских царьков, их переговоры с римским сенатом, военные действия римлян в разных частях Африки. Он говорит и о возвышении Луция Корнелия Суллы и его удачных дипломатических действиях, увенчавшихся захватом царя Югурты, который удалось осуществить без пролития римской крови.

В «Югуртинской войне» Саллюстий, говоря о нумидийской действительности, пользуется римскими терминами и понятиями. Так, царь Миципса, употребляя термин «взять на руки ребенка» (*sumere liberos*, 10, 8), говорит о древнем римском обычае. В гл. 12, 3 говорится о «ближайшем ликторе» (*licitor proximus*) Югурты: в гл. 65, 1 — о «втором наследнике»; в гл. 74, 1 — о «префектах» Югурты; в гл. 77, 2 — о «власти магистратов» местной гражданской общины; в гл. 79, 4 — о спонсии; характеризуя войска «варваров», Саллюстий тоже прибегает к римской военной терминологии.

И в этом произведении Саллюстий допускает хронологические неточности. Он пишет (9, 3), что Миципса усыновил Югурту тотчас же по его возвращении из-под Нуманции (133 г.), между тем ниже (11, 6) сказано, что он усыновил его за три года до своей смерти (118 г.). Миципса сообщает (10, 2) о недавнем возвращении Югурты из-под Нуманции, тогда как это случилось уже пятнадцать лет назад. В гл. 20, 3 говорится о «внезапном» вторжении Югурты в области, отошедшие к Адгербалу, между тем он совершил это лишь спустя четыре года.

Третий исторический труд Саллюстия — «История», — по-видимому, был им задуман как продолжение исторического сочинения Луция Корнелия Сисенны (119—67 гг.), не дошедшего до нас. «История» состояла из пяти книг и описывала период с 78 по 67 г., т. е. от смерти Суллы и до возвышения Гнея Помпея. Она не была закончена вследствие смерти автора и дошла до нас лишь в виде фрагментов. В течение указанного времени произошли следующие события: война против Квинта Сертория (80—72 гг.); восстание рабов под предводительством Спартака (73—

³⁸ 10, 5, 1.

71 г.); война со средиземноморскими пиратами (78—67 г.); началась третья война с Митридатом VI Евпатором, во время которой особенно выдвинулся Помпей.

Сопутствующая тема всех сочинений Саллюстия — разоблачение развращенности сенатской олигархии; он изображает ее по-разному, начиная с насмешек и кончая сарказмом. Постоянная мишень для его нападок (в письмах к Цезарю и в «Истории») — Помпей; приводимое Саллюстием письмо Помпея к сенату, посланное им из Испании, полно бахвальства и угроз.

* * *

Одной из особенностей изложения у Саллюстия являются экскурсы, или дигрессии, когда последовательность повествования прерывается и сообщаются дополнительные сведения, расширяющие тему и помогающие понять произведение в целом. Так в первой монографии после характеристики Катилины (гл. 5) следует большой экскурс (5, 9—13, 5), в котором рассказывается о возникновении римской гражданской общины и восхваляются ее древние добрые нравы; следующий экскурс (гл. 17—19) посвящен так называемому первому заговору Катилины (65 г.); в гл. 25 дается портрет Семпронии; в гл. 36, 4—39, 4 описывается внутреннее положение в государстве и брожение среди городского плебса, после того как Катилина и Манлий были объявлены врагами государства; в последнем экскурсе (гл. 53, 2—54) речь идет о подвигах римского народа и сравниваются «натура и душевный склад» Цезаря и Катона.

Подобные экскурсы встречаются и в «Югуртинской войне»: в гл. 17—19 говорится о географии Африки и населяющих ее народностях; в гл. 42 после рассказа о волнениях в Риме (гл. 41) сообщается о движении Гракхов и подавлении его; в связи с характеристикой местных географических условий (гл. 78) описывается подвиг братьев-карфагенян (гл. 79); экскурс в гл. 95, 2—4 содержит характеристику Суллы.

Включенные в монографии и в «Историю» речи и письма различных деятелей сочинены самим Саллюстием, за исключением писем, текст которых является копией документа (exemplum); в других случаях сам автор говорит о речи или письме: ... приблизительно такого содержания» (huiusmodi). 5 декабря 63 г., когда пятерым участникам заговора Катилины был вынесен смертный приговор, речи в сенате произнесли Цезарь (гл. 51) и Катон (гл. 52), высказавшие противоположные предложения. Дважды приводится текст обращения Катилины к своим приверженцам: в Риме, когда он готовил выступление (гл. 20), и под Писторией, перед решительным сражением (гл. 50). Кроме того, в монографии приводятся письмо Катилины к Лутацию Катулу (гл. 35) и письмо Лентула Суры к Катилине

(гл. 44, 5); последнее явно уличает заговорщиков в том, что они готовили переворот. Приводимый Саллюстием текст письма значительно отличается от текста, сообщаемого Цицероном³⁹. Письмо Гая Манлия к Марцию Рексу (гл. 33) сочинено Саллюстием или в лучшем случае является пересказом.

В «Югуртинской войне» тоже немало речей и писем: письмо Сципиона Эмилиана к царю Миципсе (гл. 9, 2), речь Миципсы перед смертью (гл. 10), речь (гл. 14) и письмо Адгербала (гл. 24), речь плебейского трибуна Гая Меммия (гл. 31), речь Мария (гл. 85), речь Суллы перед царем Бокхом (гл. 102, 5), наконец, речь самого Бокха. Во всех этих случаях автор только пересказывает содержание речей. Общие проблемы, которые стояли перед Римским государством, затрагиваются лишь в речи Меммия, который, упомянув о сецессии плебеев и движении Грахов, резко выступает против произвола и коррупции нобилитета; остальные речи имеют непосредственное отношение лишь к конкретной ситуации.

* * *

Саллюстий — историк-моралист. Он усматривает подоплеку политических событий в прогрессирующем упадке нравов граждан, в безудержной жажде наживы и в стремлении к роскоши, охвативших верхушку римского общества. Его интересуют не столько сами исторические факты, сколько люди с их доблестями (virtutes) и пороками: алчностью (avaritia), жаждой власти и пр. Он допускает неточности и даже ошибки в датировке событий, но описывает характеры и дает яркие портреты людей: Катилины⁴⁰, Семпронии⁴¹, Цетега⁴², Югурты⁴³. Его внимание привлекают перемены в настроении народных масс в Риме, вызванные сначала объявлением чрезвычайного положения в связи с угрозой со стороны Катилины⁴⁴, а затем известием о раскрытии заговора⁴⁵; раздражение народа против плебейского трибуна, избавившего Югурту от необходимости давать показания на сходке в Риме⁴⁶; радость простого люда после избрания Мария в консулы⁴⁷. Он рассказывает о тревоге Югурты после того, как был раскрыт направленный против него заговор⁴⁸; о сомнениях и колебаниях царя Бокха, решавшего, кого кому выдать — Югурту ли римлянам или же Суллу Югурте⁴⁹.

Исторические труды Саллюстия указывают на то большое значение, какое он придавал роли личности в истории, не отрицая,

³⁹ Цицерон. Против Катилины, III, 12.

⁴⁰ К, 5.

⁴¹ К, 25.

⁴² К, 43, 4.

⁴³ К, 6.

⁴⁴ К, 31, 1.

⁴⁵ К, 48, 1.

⁴⁶ Ю, 34, 1.

⁴⁷ Ю, 73, 6.

⁴⁸ Ю, 72, 1.

⁴⁹ Ю, 113.

однако, могущества рока, Фортуны. Он пишет: «И мне после долгих размышлений стало ясно, что все это было достигнуто выдающейся доблестью немногих граждан»⁵⁰. Этим и объясняется то большое внимание, какое он уделяет характеристике выдающихся деятелей.

В описаниях своих Саллюстий обычно краток и не вдается в подробности. Например, он только сообщает, что Югурту в оковах выдали Сулле, а тот доставил его Марию⁵¹, между тем как Плутарх подробно описывает унижения и мучительную смерть Югурты от голода в подземелье Мамертинской тюрьмы в Риме⁵². Так же кратко описана смерть Катилны на поле битвы под Писторией в январе 62 г.⁵³

Круг источников Саллюстия очень обширен. Из греков следует назвать Платона, Фукидида, Феопомпа, Ксенофонта, Посидония, Полибия, Дикеарха, Исократ, Ликурга. Из них сильное влияние на него оказал Полибий (203? — 120), привезенный в Рим как заложник после победы над македонским царем Персеем под Пидной в 168 г. и принятый в доме у консула 168 г. Луция Эмилия Павла, впоследствии член философско-литературного кружка Сципиона Эмилиана, автор «Истории» в 40 книгах, из которых до нас полностью дошло пять, охватывающих период времени с 220 и по 144 г. Полибий описывает возрастающее могущество Римского государства, сильного своим политическим устройством («смешанный образ правления»). Саллюстий испытал также влияние Фукидида (460—396), автора «Истории Пелопоннесской войны».

У Саллюстия часто встречаются реминисценции из греческих писателей и ораторов, особенно во вступлениях к его трудам. Так, в монографии «О заговоре Катилины» (в § 1 гл. 1) можно усмотреть влияние Платона⁵⁴, в § 6 — влияние Фукидида⁵⁵ и Исократ⁵⁶. В рассказе о возникновении римской гражданской общины⁵⁷ тоже усматривают влияние Фукидида⁵⁸. Речь Цезаря (гл. 51) напоминает речь Диодора о смертной казни в связи с событиями в Митиленах⁵⁹. Подобные же реминисценции имеются и в «Югуртинской войне». Гл. 3, 5 напоминает надгробную речь Перикла⁶⁰;

⁵⁰ К, 53, 4.

⁵¹ Ю, 113, 7.

⁵² Плутарх. Марий. 12, 3—5.

⁵³ К, 60, 7; 61, 4.

⁵⁴ Платон. Государство, IX, 586A.

⁵⁵ Фукидид. I, 70, 2; II, 40, 2.

⁵⁶ Исократ. К Демонику, 34.

⁵⁷ К, 6—18.

⁵⁸ Фукидид. I, 19.

⁵⁹ Там же, III, 41—48.

⁶⁰ Там же II, 40, 3.

конец гл. 14, 3, возможно, навеян Фукидидом⁶¹; наконец, в речи Мария (гл. 85), произнесенной этим необразованным солдатом на народной сходке, можно усмотреть реминисценцию: в § 12 — из Демосфена⁶², в § 21 и 49 — из Платона⁶³. Саллюстий находился под влиянием и римских писателей старшего поколения, больше всего — Марка Порция Катона Старшего, у которого он заимствовал архаизмы и некоторые особенности в морфологии слов. Влияние Катона Старшего на Саллюстия отмечает и Квинтилиан, приводящий следующую эпиграмму неизвестного автора⁶⁴:

«Старого кравший не раз слова в твореньях Катона,
Крисп. Югуртинской войны нам воссоздавший дела».

У Саллюстия встречаются и реминисценции из произведений Энния и Плавта.

По свидетельству Светония⁶⁵, Саллюстия помогал подбирать материал, в частности собирать старинные слова, вольноотпущенник Луций Аттей Филолог.

Преемственность между Катонам Старшим и Саллюстием не следует считать чисто формальной — у них можно обнаружить общие черты, которые помогают понять личность последнего: оба они принадлежали к муниципальной знати и старались приблизиться к римскому нобилитету⁶⁶. К концу периода Республики возможность эту получали только те, кто становился консулом, достигал высшего почета (*summus honos*), но старая знать всячески преграждала «новым людям» доступ к консулату: «... бóльшая часть знати горела ненавистью, и считалось как бы осквернением консульской должности, если бы ее достиг новый человек, каким бы выдающимся он ни был»⁶⁷; «Если тогда плебсу были уже доступны другие магистратуры, то консулат знать еще передавала друг другу из рук в руки»⁶⁸. Против этой замкнутой группы, которую они называли кликой (*factio*) или кучкой людей (*рауси*), а знатные люди — оптиматами, и боролись так называемые популяры⁶⁹. В большинстве случаев это были члены видных семейств, т. е. выходцы из нобилитета; из соображений выгоды или из честолюбия они опирались на плебс в борьбе против представителей своего же сословия. Таковы были Цинна, Цезарь, Катилина.

⁶¹ Там же, I, 32.

⁶² Демосфен. III Олинфская речь. 15.

⁶³ Платон. Менексен, 247.

⁶⁴ Quint. Op. cit., VIII, 3, 29.

⁶⁵ Светоний. О грамматиках и риториках, 10.

⁶⁶ Hellegouarc'h J. Vocabulaire latin des relations et des partis politiques sous la République. Paris. 1972, p. 430 sq.

⁶⁷ К., 23, 6.

⁶⁸ К., 63, 6.

⁶⁹ Hellegouarc'h H. Op. cit., p. 518—541,

Так возникает важная проблема, касающаяся Саллюстия и Цицерона: ни один из них не становится ни на сторону старого нобилитета, ни на сторону популяров: они ищут третьего, нового пути, который бы положил конец кровопролитиям, происходившим в Риме в течение последнего столетия. Речь идет о создании новой знати⁷⁰ (*nova nobilitas*), основывающейся не на происхождении, а на своей доблести (*virtus*)⁷¹, т. е. на заслугах перед государством; ее должны составлять «новые люди», к каким принадлежит и Гай Марий, чье положение было сходным с положением Цицерона: оба были выходцами из муниципальной знати, оба были «новыми людьми», сильными своей доблестью и настойчивостью (*industria*), которые приносят славу людям. Такой ход мыслей возвращает нас к положениям, какие Саллюстий высказал во вступлении к монографии «О заговоре Катилины»⁷². Доблесть выражается главным образом в деятельности военной и политической. Подобные мысли могли быть внушены Платоном, в частности его VII письмом. Саллюстий ожидал появления новой знати, избавившейся от пороков старой и руководствующейся обычаями предков (*mos maiorum*). При этом он не выступал как популярь, хотя и был цезарианцем; напротив, он высказывал консервативные взгляды, выражал свое презрение к бездеятельности плебса и его развращенности подачками⁷³, подчеркивал значение согласия⁷⁴ (*concordia*) и преобладания власти сената⁷⁵. Он осуждал недостойное поведение «немногих»; отсюда его нападки на бездеятельность (*inertia*), нерадивость (*nocordia*) — в отличие от доблести и настойчивости — и на алчность населения. Он осуждает деятельность обеих сторон⁷⁶, так как они сводят на нет значение обычая предков и доблести, и превозносит деятельность выдающихся людей и их доблесть и настойчивость в служении государству.

Саллюстий присущ особый стиль, придающий обаяние его произведениям. Выше уже говорилось о влиянии на него Фукидида и Катона Старшего. Это своеобразие стиля выражается в выборе слов, в их морфологии и синтаксисе. У Саллюстия встречаются необычные слова, народные формы, архаизмы и поэтизмы, не передаваемые в русском переводе, кроме того, антитезы, хиазм и аллитерация.

Уже Квинтилиан говорил о «Саллюстиевой краткости» (*Salustiana brevitatis*), которую он советовал избегать, так как она за-

⁷⁰ Ю, 85 25.

⁷¹ Hellegouarc'h J. Op. cit., p. 242, 476—483.

⁷² К, 1, 2.

⁷³ П II, 5, 6.

⁷⁴ К, 9, 1.

⁷⁵ К, 6, 6; П II, 10, 8; 11, 1.

⁷⁶ Ю, 41, 1.

трудняет понимание⁷⁷, и о его «бессмертной быстроте [повествования]» (*immortalis Sallusti velocitas*)⁷⁸. По свидетельству Светония⁷⁹, архаизмы Саллюстия осуждал Асиний Поллион (76 г. до н. э.—5 г. н. э.), писатель, грамматик и политический деятель⁸⁰.

«Прославленным римским историком» (*regum Romanarum clarissimus auctor*) назвал Саллюстия Корнелий Тацит (55—120 гг.)⁸¹. О стиле Саллюстия был высокого мнения писатель II в. Авл Геллий, отмечавший изящество и краткость его языка⁸².

Марк Валерий Марциал (40—102 гг.) оценил Саллюстия в следующей эпиграмме:

«Ежели верить тому, что твердят ученые мужи,
В римской истории Крисп первым пребудет вовек»⁸³:

* * *

Тексты Саллюстия дошли до нас в рукописях IX—XI вв., написанных на пергаменте. Тексты «Заговора Катилины» и «Югуртинской войны» сохранились в двух классах рукописей: *codices mutili* (неполные списки) и *cod. integri* (полные списки); в первых в «Югуртинской войне» имеется лакуна (в гл. 103—112), восполненная во втором классе рукописей. Наличие этой лакуны в ряде рукописей свидетельствует о том, что все они восходят к одному и тому же архетипу, не дошедшему до нас. В рукописях содержатся так называемые глоссы, т. е. вставки и замечания (на полях и в тексте), а также примечания филологов и переписчиков. Лучшими источниками являются *codices mutili*, а из них два: 1) Parisinus 16024, IX в., из фондов Сорбонны; 2) Parisinus 16025, IX в. — тоже из фондов Сорбонны. Кроме перечисленных, мы знаем еще девять *codices mutili* X—XI вв. *Codices integri* более многочисленны и относятся к XI в.

Кроме того, нам известны три фрагмента рукописей более раннего происхождения: 1) часть папируса V в. (Охуг. Papii, t. IV, № 884), содержащая отрывок гл. 6 «Заговора Катилины»; 2) папирус IV в., опубликованный Итальянским обществом (PSI, I, 110); он содержит два коротких отрывка из 10-й и 11-й глав «Заговора Катилины»; 3) текст, опубликованный П. Леманом (*Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften*, 1934, р. 19—24) и относящийся к IV—V вв.; он написан на пергаменте и содержит отрывки из «Югуртинской войны».

⁷⁷ Quint. Op. cit., 4, 2, 45.

⁷⁸ Ibid., 10, 1, 102.

⁷⁹ Светоний. Указ. соч., 10.

⁸⁰ Gellius A. Noctes Atticae, X, 26.

⁸¹ Корнелий Тацит. Анналы, III, 30, 2.

⁸² Gellius A. Noctes Atticae, I, 15, 18; IV, 5, 1.

⁸³ Марциал. Эпиграммы, XIV, 191 (пер. Ф. А. Петровского).

Единственным источником для «Истории» (речи и письма), как и для писем Саллюстия к Цезарю, является Ватиканский кодекс 3864 (IX в.). Инвектива Саллюстия против Цицерона, как и приписываемая Цицерону ответная инвектива против Саллюстия, дошла до нас в ряде рукописей X—XII вв.

Косвенная традиция, т. е. свидетельства писателей (Фронтон, Августин) и риториков (Арузиан) I—VI вв. и приводимые ими цитаты, тоже помогает установлению текста литературного наследия Саллюстия.

Первое печатное издание (*editio princeps*) исторических монографий Саллюстия выпустил Венделин де Спира (Рим, 1470). За ним последовало издание Альда Мануция (Венеция, 1509). В дальнейшем труды Саллюстия издали: Глазеан (Базель, 1538), Каррион (Антверпен, 1573), Грутер (Франкфурт, 1607), Кортэ (Лейпциг, 1724, первое критическое издание), Гаверкамп (Амстердам, 1742), де Бросс (Дижон, 1777). Большое комментированное критическое издание выпустил Дич (Лейпциг, 1859). В XIX и XX вв. в разных странах вышел ряд изданий латинского текста, как и многочисленные переводы на новые языки.

Принятый в современной науке текст основан в основном на труде Альберга⁸⁴.

В России исторические труды Саллюстия переводились неоднократно. В XVIII в. вышел труд «Кайя Саллюстия Криспа Войны Катилинская и Югурфинская/ Переведены с латинского на русский язык Васильем Крамаренковым» (СПб., 1759). За ним последовал труд «К. Криспа Саллюстия История о войне Катилины и о войне Югурфы/ Переведены с латинского Императорской Российской академии членом Н. Озерецковским и оною академиею изданы» (СПб., 1809).

Полные собрания исторических трудов Саллюстия были выпущены в комментированных переводах: А. Клевановым в 1857 г., В. Рудаковым в 1894 г., И. Семеновым в 1894 г. Комментированные переводы отдельных сочинений выпустили Д. И. Пагуевский («Катилина», 1882, 1892), М. М. Покровский («Катилина», университетский курс, 1914), Н. Б. Гольденвейзер («Катилина», «Югурта», 1916), а также другие. Имеются также издания учебного характера.

После Великой Октябрьской революции С. П. Гвоздев в 1934 г. выпустил комментированный перевод монографии «О заговоре Катилины». В 1970 г. опубликован перевод двух основных монографий Саллюстия в сборнике «Историки Рима».

Русский перевод инвективы Саллюстия против Цицерона, как и перевод приписываемой Цицерону ответной инвективы, появляется в печати впервые.

⁸⁴ Ahlberg A. W. Prolegomena ad Sallustium. Göteborg, 1911.

Известный советский историк С. Л. Утченко (1908—1976) посвятил творчеству Саллюстия ряд своих научных трудов. В 1940 г. он опубликовал статью о политических посланиях Саллюстия к Цезарю. В 1950 г. он выпустил свой перевод «Писем Саллюстия к Цезарю-старцу о государственных делах» (первый русский перевод, появившийся в печати), впоследствии вошедший в его монографию «Идейно-политическая борьба в Риме накануне падения республики» (1952), в которой дается оценка всех исторических трудов Саллюстия, разбираются его политические воззрения, в частности на упадок нравов римского нобилитета, а также рассматриваются упомянутые выше послания римского историка к Цезарю.

Оценку политических взглядов Саллюстия С. Л. Утченко дает и в своей книге «Древний Рим. События, люди, идеи» (1969), в которой дается характеристика всему литературному наследию этого выдающегося писателя.

В. Горенштейн

ПРИМЕЧАНИЯ

Перевод с латинского сделан по изданию: Collection des Universités de France publiée sous le patronage de l'Association Guillaume Budé: SALLUSTE. Catilina, Iugurtha, Fragments des Histoires/ Texte établi et trad. par Alfred Ernout. Paris, 1971; PSEUDO-SALLUSTE. Lettres à César, Invectives/ Texte établi, trad. et comm. par Alfred Ernout. Paris, 1962.

Кроме того, были использованы следующие издания: С. Sallustius Crispus. De Catilinae coniuratione/ Ed. introd. et comm. de Joseph Hellegouarc'h. Collection «Erasmus». Paris, 1972; С. Sallusti Crispi De Catilinae Coniuratione/ A cura di Enrica Malcovati. Torino, 1969; Sallustio. Bellum Iugurthinum/ A cura di Enrica Malcovati. Torino, 1971; Bibliotheca Teubneriana: С. Sallusti Crispi Catilina, Iugurtha, Fragmenta ampliora/ Post A. W. Ahlberg ed. A. Kurfess. Lipsiae, MCMLVIII; Appendix Sallustiana/ Ed. A. Kurfess. Fasc. prior: С. Sallusti Crispi Epistulae ad Caesarem senem de re publica. Lipsiae, MCMLIX; Fasc. posterior: [Sallusti] In Ciceronem et invicem invecitivae. Lipsiae, MCMLVIII; С. Sallustius Crispus, Invektive und Episteln/ Hrsq., übers. und komm. von Karl Vretska. Heidelberg, 1961, Bd. 1, 2; Oratorum Romanorum Fragmenta liberae rei publicae/ Tertius curis ed. Henrica Malcovati. Torino, 1967 (ORF³); Maurenbrecher В. Historiarum Sallusti reliquiae. Leipzig, 1891—1893.

Хронологические даты — до нашей эры. При ссылках на письма Цицерона указан, помимо общепринятых сведений, номер письма по изданию: Марк Туллий Цицерон. Письма к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту/ Пер. и коммент. В. О. Горенштейна: В 3-х т. М.; Л., 1949—1951.

В примечаниях приняты следующие сокращения: К — О заговоре Катилины; Ю — Югуртинская война; История; рЛ — речь Лепида, рФ — речь Филиппа, рК — речь Котты, рМ — речь Макра, пП — письмо Помпея, пМ — письмо Митридата; П I — письмо I к Цезарю, П II — письмо II к Цезарю; И I — инвектива против Цицерона; И II — инвектива [Цицерона] против Саллюстия.

О ЗАГОВОРЕ КАТИЛИНЫ

Заговором Катилины древние и позднейшие историки называют политическое движение в Риме, происходившее в 63 г. до н. э. и возглавлявшееся Луцием Сергием Катилиной (108—62 гг.), разорившимся патрицием. Во время гражданской войны между Суллой и Марием Катилина был на стороне первого и в 82—81 гг. лично участвовал в казнях. В 68 г. он был претором, в 67 г. пропретором провинции Африки; в 66 г. добивался избрания в консулы на 65 г., но, привлеченный населением этой провинции к суду за вымогательство, не был допущен к соисканию по требованию консула 66 г. Луция Волькация Тулла. Это побудило его вместе с Публием Автронием Петом и родственником умершего диктатора — Публием Корнелием Суллой (избрание которых в консулы было кассировано сенатом, так как было установлено, что они подкупали избирателей) участвовать в заговоре с целью захвата власти. Этот так называемый первый заговор Катилины, вдохновителем которого был, скорее всего, Марк Лициний Красс, который якобы должен был стать диктатором при том, что его помощником, т. е. начальником конницы, будет Гай Юлий Цезарь, не нашел своего выражения в активных выступлениях; хотя он и не был секретом, его участников к ответственности не привлекали.

Суд по обвинению в вымогательстве закончился оправданием Катилины, но само привлечение к суду не позволило ему добиваться консульской должности на 64 г. Его такая же попытка в 64 г. тоже потерпела неудачу — консулами избрали Цицерона и Гая Антония Гибриду.

Тогда-то Катилина и вступил на путь насильственных действий. Его политическая программа имела в виду ограничение власти сената, кассацию долгов, предоставление земли городскому плебсу. Он имел успех среди низших слоев населения разорвавшихся ветеранов Суллы и обедневших нобилей. Идеологическое движение Катилины оправдывалось и тем обстоятельством, что в начале 63 г. был отвергнут предусматривавший широкую раздачу земли городским низам земельный закон Публия Сервилия Рулла, действительным автором которого, по видимому, был Цезарь.

В Фезулах (Этрурия) центурион Гай Манлий (или Маллий) собирал вооруженные силы. Положение обострилось летом 63 г. Слухи о предполагаемом поджоге Рима и о готовящейся резне усилились. В ночь с 21 на 22 октября Марк Красс, Марк Марцелл и Метелл Сципион передали Цицерону полученные ими анонимные письма, где содержались советы уехать из Рима, чтобы спастись от смерти. Цицерон располагал сведениями от подкупленного им Квинта Курния, разорившегося сенатора, участника заговора. На спешном созванном заседании сената Квинт Аррий доложил о военных приготовлениях Манлия в Этрурии; это дополнило сведения Цицерона о назначенном на 27 октября восстании в Этрурии и об убийствах в Риме, назначенных на 28 октября. Впоследствии Публий Корнелий Лентул, один из руководителей заговора, оставшийся в Риме после отъезда Катилины, отложил выступления в Риме и перенес их на 17 декабря, на Сатурналии, праздник, сопровождавшийся разгулом и весельем. 21 и 22 октября сенат облек консулов чрезвычайными полномочиями (senatus consultum ultimum — см. примеч. 137) и объявил Манлия государственным преступником (hostis publicus); было также решено привлечь Катилину к суду по обвинению в насильственных действиях (de vi publica) на основании Плавциева закона.

Катилина предложил ряду лиц взять его на поруки у себя в доме (custodia libera), но встретил отказ. В ночь с 6 на 7 ноября в доме у Марка Порция Леки состоялось тайное совещание, на котором были даны окончательные распоряжения об убийстве Цицерона и видных сенаторов и поджоге Рима в двенадцати участках. Покушение на жизнь Цицерона сорвалось, так как его успели предупредить.

8 ноября Цицерон созвал сенат в храме Юпитера Статора и произнес свою первую обвинительную речь против Катилины, где он, не имея прямых улик, предложил ему покинуть столицу. Сенат не принял оправданий Катилины, и тот ночью выехал в Этрурию, в лагерь Манлия. 9 ноября Цицерон в речи на форуме (вторая речь против Катилины) сообщил народу о происшедших событиях и выступил против сообщников Катилины, оставшихся в Риме. 15 ноября Катилина и его приверженцы в Этрурии были объявлены государственными преступниками. Военные действия против Катилины сенат поручил консулу Гаю Антонию и претору Квинту Метеллу Целеру. Прямые улики против заговорщиков были добыты в ночь со 2 на 3 декабря, при аресте послов галльского племени аллоброгов, поглы везли с собой собственноручные письма заговорщиков к Катилине. Рано утром 3 декабря консул арестовал Корнелия Лентула, Цетега, Габиния и Статилия. 3 декабря Цицерон доложил сенату о полученных им уликах; заговорщики, приведенные в сенат, признали подлинность своих писем и печатей; Лентул сложил с себя претур; Цицерон был провозглашен «отцом отечества», и от его имени было назначено благодарственное молебствие богам. 3 декабря под вечер Цицерон произнес еще одну речь на форуме (третья речь против Катилины). 4 декабря сенат объявил заговорщиков государственными преступниками.

5 декабря сенат собрался в храме Согласия для суда над заговорщиками, хотя он и не обладал судебной властью. Избранный на следующий год консул Децим Юний Силан предложил осудить мятежников на смерт-

ную казнь. Дезигнованный претор Гай Юлий Цезарь высказался за пожизненное тюремное заключение и за конфискацию их имущества. Его предложение и колебания среди сенаторов побудили Цицерона выступить против предложения Цезаря и поддержать требование о смертной казни (четвертая речь против Катилины). Речь Марка Порция Катона склонила сенат к решению о немедленной смертной казни, которая и была совершена 5 декабря вечером в подземелье Мамертинской тюрьмы.

5 января 62 г. под Писторией в сражении с войсками Гая Антония, которыми командовал его легат Марк Петрей, отряды Катилины были разбиты, а сам он погиб.

- ¹ ... покорной чреву. — Реминисценция. См.: Платон. Государство, II, 526 А; Цицерон. О законах, I, 26: «Природа, заставив все другие существа наклоняться к земле, чтобы принимать пищу, одного только человека подняла и побудила смотреть на небо» (пер. В. О. Горенштейна).
- ² ... тело — раб. — Ср.: Ю, I, 3; Цицерон. О пределах добра и зла, V, 34: «Очевидно, что человек состоит из тела и души; первая роль принадлежит душе, вторая телу» (пер. В. О. Горенштейна).
- ³ ... как можно более долгую память. — Ср.: Исократ. Панегирик, 76.
- ⁴ ... действовать быстро. — Ср.: Фукидид, I, 70, 2; 7; II, 40, 2; Исократ. Речь к Демонику, 34.
- ⁵ ... власть сперва обозначали так... — В тексте — imperium. В древнейшую эпоху империй означал совокупность прав царя, во времена Республики — полноту власти высших магистратов (консула, претора, проконсула, пропретора), ограниченную коллегиальностью и годичным сроком, а в пределах померия (сакральная городская черта Рима) также и правом интерцессии (наложение запрета) коллегии плебейских трибунов и правом провокации (апелляция римского гражданина к центуриатским комициям). Империй складывался из права ауспиций (птицегадания), набора войска и командования им, созыва комиций, принуждения и наказания. Различался imperium domi (в пределах померия) и imperium militiae (вне померия — в Италии, провинциях и за рубежом). Магистрату, уже облеченному гражданской властью (potestas), империй предоставлялся куриатским законом (lex curiata de imperio). Лицо, облеченное империем, не имело права входить в пределы померия. В I в. единый империй сохранили только наместники в провинциях: он не был ограничен ни интерцессией, ни коллегиальностью, ни правом провокации и мог продолжаться более года. Под imperium maius, infinitum разумели верховное командование с особыми полномочиями. В данном тексте империй обычно переводится как «верховная власть», «командование».
- ⁶ Кир Старший, основатель Персидского царства.
- ⁷ ... покорять народы. — Персидскому царю автор противопоставляет два города в Греции, проводивших завоевательную политику: в VI в. Спарта с Пелопоннесским союзом, в V в. Афины с Делосско-Аттическим союзом.
- ⁸ властителей. — В тексте — императоров. Во времена Республики это было почетное высшее воинское звание. Как императора солдаты приветствовали своего полководца на поле боя после решительной победы над внешним врагом; ср.: Ю, I, 3.
- ⁹⁻¹⁰ ... наперекор природе. — По учению стоиков, природа требует от человека, чтобы он следовал доблести.
- ¹¹ ... жажда почестей. — Имеются в виду магистратуры (cursus honorum).
- ¹² ... после многих несчастий и испытаний. — Возможно, намек на события после убийства Цезаря.
- ¹³ ... добрый досуг. — Otium, досуг после отказа от политической деятельности, занятия литературой и наукой. Противоположное понятие — negotium, т. е. активная деятельность. Ср.: Цицерон. В защиту Мурены, 30; В защиту Сестия, 98; Письма к близким. I, 9, 21 (159); XII, 17, 1 (482); Об ораторе, I, 14.

- ¹⁴ ...обязанностями рабов. — Катон Старший в трактате «О земледелии» и Цицерон высказывают противоположную точку зрения; ср.: Цицерон. В защиту Секста Росция, 50; О старости, 51 след.; Об обязанностях, I, 151; Об ораторе, I, 249; это взгляд стоиков. См.: Сенека. Письма к Луцилию, 88, 21.
- ¹⁵ ...ни к одной из сторон, существовавших в государстве. — Т. е. ни к одной из политических «партий». Ср.: Ю, 41, 5; П II, 5, 1.
- ¹⁶ ...и его опасности для государства. — См.: Цицерон. В защиту Суллы, 75; Об обязанностях, I, 77.
- ¹⁷ ...знатного происхождения. — Луций Сергей Катилина родился в 108 г. Его прадед Марк Сергей Сил отличился во вторую Пуническую войну и был претором в 197 г. Патрицианский Сергиев род считал своим предком Сергеста, сподвижника Энея. См.: Вергилий. Энеида, V, 121.
- ¹⁸ ...провел свою молодость. — В 89 г. Катилина служил в войске под началом Гнея Помпея Страбона. Во время борьбы между Марием и Суллой был на стороне последнего и приводил в исполнение казни. См.: Цицерон. Филиппика XIII, 1; Квинт Цицерон. Краткое наставление по соисканию консулата, 9 след.
- ¹⁹ ...в отношении голода, холода, бодрствования. — Ср.: Цицерон. Против Катилины. I, 26; II, 9; III, 16; В защиту Целия, 12 след.: «Целий присоединился к Катилине после того, как уже несколько лет бывал на Форуме... Ведь Катилина, как вы, мне думается, помните, обладал очень многими если и не выраженными, то все же намеченными признаками величайших доблестей. Общался он с многими бесчестными людьми, а в своей преданности притворялся наилучшим. Его к себе манил разврат, но подчас увлекали настойчивость и труд. Его обуревали пороки сладострастия; у него также было сильное стремление к воинским подвигам. И я думаю, что на земле никогда не было такого чудовища, сочетавшего в себе столь противоположные и различные и борющиеся друг с другом различные стремления и страсти» (пер. В. О. Горенштейна).
- ²⁰ После единовластия Луция Суллы. — Диктатура Суллы продолжалась с 82 по 79 г.
- ²¹ ...царскую власть. — Ср. ниже, 7, 2; Ю, 31, 5. Понятия «царь» и «царская власть» были для древних равносильны понятиям «тиран» и «тирания». Цицерон, в частности, называл царем Цезаря; см.: Цицерон. В защиту Суллы, 25; О государстве, II, 49; О старости, 56; О дружбе, 36; 41; письма: К Атику, I, 16, 10 (22); II, 8, 1 (35); 13, 2 (40); К близким, IX, 19, 1 (476); VI, 19, 2 (652); XII, 1, 1 (724); XI, 5, 3 (810); 8, 1 (816). См.: рл. примеч. 2. Ср.: Светоний. Божественный Юлий, 79.
- ²² ...подстрекательный недостаток средств... — Катилина происходил из обедневшей семьи. См.: Цицерон. В защиту Муруны, 50; Кв. Цицерон. Краткое наставление... 8 след.
- ²³ ...роскоши и алчности. — См. ниже, 52, 7; Ливий, 34, 4, 1.
- ²⁴ ...никем не управляемые. — Саллюстий вместе с Невием, Эннием и ранними анналистами следует традиции, согласно которой город Рим был основан в результате слияния выходцев из Трон с коренным населением (абригенами). Ср.: Ю, 18, 2; Катон Старший. Начала, фр. 5.
- ²⁵ ...в пределах городских стен. — Согласно традиции, городские стены были построены царем Сервием Туллеем. См.: Ливий, I, 44, 3.
- ²⁶ ...цари и народы... — «Цари» — правители, стоявшие во главе общин, в частности лукумоны (старейшины) этрусских общин; «народы» — общины, не знавшие единовластного правления: сабиняне, вольски, эквы.
- ²⁷ Власть ... основана на законах. — Ср.: Ливий, I, 8, 1.
- ²⁸ ...высокомерный произвол. — Намек на прозвище последнего римского царя Тарквиния — Superbus, что значит «Гордый», «Высокомерный». Ср.: Цицерон. О государстве, II, 47 след.
- ⁴ ...избрали двух правителей. — Вначале их называли преторами (от praere — идти впереди). Согласно традиции, в 449 г. было введено звание консулов.

От прежних времен сохранились термины: praetorium — преторий (шатер, ставка полководца-консула) и преторская когорта (см. примеч. 320). См.: Ю., примеч. 195; Цицерон. О законах III, 8.

³⁰ ... юношество. — Сыновья сенаторов, еще не занимавшие магистратур и состоявшие в составе младших центурий, и римские всадники, служившие на казенных конях (eques equo publico) См. примеч. 80.

³¹ ... паразиты врага. — Ср. 60, 4; Ю. 85, 33; Цицерон. В защиту Бальба, 51; Ливий, 32, 38, 4. Реминисценция из Энния — Анналы, фр. 280 Фален². Слова Ганнибала:

Всяк, кто врага паразит, для меня карфагенянин будет.

³² ... взойти на городскую стену. — Это считалось подвигом. Взошедший первым на стену при штурме награждался золотым венком с изображением зубцов крепостной стены.

³³ ... великой знатностью. — Ср.: Ю. 85, 17; Ювенал. Сатиры, VIII, 20:

Знатности нету нигде, как только в доблести духа
(пер. Д. Недовича, Ф. Петровского).

³⁴ Фортуна. — Согласно традиции, культ Фортуны был введен царем Сервием Туллеем. См. примеч. 197.

³⁵ ... писатели чрезвычайного дарования. — Имеются в виду историки Геродот, Фукидид и Ксенофонт. Подвиги афинян прославили также Эскил в трагедии «Персы» и Симонид Кеосский в лирической поэзии.

³⁶ ... не было таких людей. — Историкография возникла в Риме лишь в эпоху Пунических войн, ею занимались государственные деятели и полководцы. Первым «чистым» историком был Саллюстий.

³⁷ ... и на законах. — Общее место о народах, «близких к природе». Ср.: Вергилий. Энеида. VII, 202 след.

³⁸ ... в частной жизни были бережливы. — Ср.: Демосфен, III Олинфская речь 25 след.; Цицерон. В защиту Мурены, 76; В защиту Флакка, 28; Гораций. Оды, II, 15, 13:

Немногим каждый лично владел тогда,
Но процветала общая собственность
(пер. А. П. Семенова-Тян-Шанского).

³⁹ ... вопреки приказанию... карали чаще... — Консул 340 г. Тит Манлий Торкват во время войны с латинянами казнил своего сына за то, что тот нарушил запрет сражаться вне строя и вступил в единоборство с предводителем врагов. Ср.: Цицерон. О пределах добра и зла, I, 23. Диктатор 325 г. Луций Папирий Курсор хотел покарать начальника конницы Квинта Фабия Максима, который, не получив разрешения начать военные действия, одержал победу над самнитами. См.: Ливий, VIII, 7; 30—35.

⁴⁰ ... осмелился покинуть знамена... — Слово «осмелился» говорит о тяжести преступления.

⁴¹ ... сколько милостями. — Ср.: Цицерон. Об обязанностях, II, 26.

⁴² ... цари были побеждены в войнах. — Имеются в виду война с эфирским царем Пирром (280—275), победа над нумидийским царем Сифаксом, македонскими царями Филиппом V и Персеем, сирийским царем Антиохом III, нумидийским царем Югуртой, понтийским царем Митридатом VI Евпатором.

⁴³ ... Каофаген ... разрушен до основания. — Это произошло в 146 г. в результате третьей Пунической войны.

⁴⁴ ... на языке готовым к услугам. — Возможно, имеется в виду Помпей.

⁴⁵ ... притворно. — Ср. 54, 6 (противоположное высказывание о Катоне Младшем).

⁴⁶ ...ни при скудости. — Ср.: Ювенал. Сатиры, XIV, 139:

Жадность к монете растет соответственно росту богатства
(пер. Д. Недовича, Ф. Петровского).

⁴⁷⁻⁴⁸ ... жестокие преступления. — Имеются в виду сулланские проскрипции и захват имущества их жертв. Ср.: Цицерон. Против Верреса, (II), III, 81; II речь о земельном законе, 56.

⁴⁹ ... он стоял в Азии. — Во время первой войны с Митридатом Понтийским (88—85).

⁵⁰ ... посвященное и не посвященное богам. — Римляне познакомились с греческим искусством при завоевании Великой Греции (Средняя и Южная Италия) и после захвата Сиракуз. Ср.: Цицерон. Против Верреса, (II) IV, 115 след.; Ливий, 25, 40, 1; Ювенал. Сатиры, XI, 100 след.:

И неотесанный воин, не знавший еще восхищенья
Перед искусствами греков, когда при делжке добычи
Взятого города в ней находил совершенной работы
Кубки...

(пер. Д. Недовича, Ф. Петровского).

⁵¹ ... усадьбы, возведенные наподобие городов. — Ср.: Гораций. Оды, II, 15, 1 след.; Плиний Младший. Письма, II, 17; V, 6.

⁵² ... моря мостили. — Ср. 20, 11. Имеется в виду консул 74 г. Луций Лициний Лукулл Понтийский, отличившийся в третьей войне с Митридатом. См.: Гораций. Оды, II, 15, 1 след.; 18, 19 след.; III, 1, 33 след.; 24, 3 след.; Послания, I, 1, 84; Веллей Патеркул, II, 33; Плиний Старший. Естественная история, IX, 54.

⁵³ ... обшаривали землю и море. — В 81 г. Сулла провел закон, ограничивавший роскошь стола (lex Cornelia sumptuaria); Цезарь во время своей диктатуры, тоже издал закон против роскоши (lex Iulia sumptuaria). Ср.: К, 52, 5; Цицерон. Письма к Аттику, I, 19, 6 (25); II, 9, 1 (36); Макробий. Сатурналии, III, 15, 6 след.

⁵⁴ ... отрядами телохранителей. — См.: Цицерон. Против Катилины, II, 7; 23; В защиту Мурены, 49.

⁵⁵ ... все паррициды. — Первоначальное написание — paricida, т. е. убийца равного себе (убийца квирита). О преднамеренном убийстве говорилось уже в Законах XII Таблиц; им должны были вестись quaestores paricidii. Впоследствии слово paricida (из patricida) означало убийство отца, родича. За него полагалась «казнь в мешке» (roepa cullei), т. е. утопление преступника, защитого в кожаный мешок вместе с собакой, обезьяной, петухом и змеей. Ср.: рК, 3; Цицерон. В защиту Секста Росция, 28; 30.

⁵⁶ святотатцы. — По античному праву, святотатство было близко к paricidium (см. предыдущее примеч.). Ср.: Цицерон. О законах, II, 22.

⁵⁷ ... своими людьми для него. — Ср.: Цицерон. Против Катилины, II, 7; 10; 22 след.

⁵⁸ ... покупал собак и лошадей. — Ср.: Теренций. Девушка с Андроса, 55 след.:

Обычные у юношей влечения
И склонности к чему-либо: держать коней
Собак ли для охоты...

(пер. А. В. Артюшкова);

Гораций. Наука поэзии, 161 след.:

Юноша, коль от надзора наставника он уж свободен,
Любит коней и собак и зеленое Марсово поле

(пер. М. Дмитриева).

⁴⁴ ... на кем-то собранных сведениях. — Намек на Цицерона, часто говорившего, что он «собрал сведения», «дознался» (comperisse). См.: Цицерон. Против Катилины, I, 10; 27, II, 22; III, 3 след.; письма: К Аттику, I, 14, 5 (20); К близким, V, 5, 2 (18).

- ⁶⁰ ... со жрицей Весты. — Это была Фабия, сводная сестра жены Цицерона Теренции. Суд за инцест (нечестивая связь) (73 г.) окончился оправданием обвиняемых. Ср.: Цицерон. Речь в белой тоге.
- ⁶¹ Аврелия Орестилла была дочерью Гнея Аврелия Орестилла, претора 77 г. См. ниже, 35, 6.
- ⁶² ... освободил дом для преступного брака. — Ср.: Цицерон. Против Катилины, I, 14.
- ⁶³ ... была походка. — От римского гражданина требовалась походка величая. Ср.: Цицерон. Об обязанностях, I, 131.
- ⁶⁴ ... большинство солдат Суллы. — Ветераны Суллы, которых он расселил в военных колониях, главным образом в Лации, Этрурии и Самнии, и наделил землями тех, кто подвергся проскрипциям. См. ниже, 28, 4; Цицерон. Против Катилины, II, 20.
- ⁶⁵ ... вел войну на краю света. — Помпей, облеченный верховным командованием на основании Манилиева закона 66 г., не только уничтожил Понтийское царство, но и завоевал Сирию и покорила народы Востока вплоть до Кавказа, Каспийского моря и Евфрата. См.: Цицерон. Речь о Манилиевом законе.
- ⁶⁶ ... надежда на избрание. — На 63 г. Соперниками Катилины были Цицерон и Гай Антоний, которые и были избраны. Катилина уже выставлял свою кандидатуру летом 65 г., но ее отвели, так как ему грозил суд за лихоимство (de repetundis). Суд его оправдал. Он намеревался добиваться консулата и на 62 г. См.: Цицерон. К Аттику, I, 1, 1 (10); 2, 1 (11).
- ⁶⁷ Луций Юлий Цезарь и Гай Марций Фулв были консулами в 64 г.
- ⁶⁸ К нему собрались... — Очевидно, в его дом на Палатинском холме.
- ⁶⁹ ... из сенаторского сословия. — Сенаторское сословие (Ordo senatorius) в историческую эпоху высшее сословие в государстве, крупные землевладельцы, представители патрициата и нобилитета. Через сенат оно осуществляло высшую власть в стране. Сенат ведал внешними сношениями государства, объявлял войну и утверждал заключение мира, по докладу магистратов обсуждал текущие дела и принимал постановления (senatus consultum), имевшие силу закона. Молодые сыновья сенаторов с 17-летнего возраста, достигнув совершеннолетия, числились в центуриях римских всадников в течение 10 лет; достигнув квестуры, они, как и другие новоизбранные квесторы, из всаднического сословия переходили в сенаторское. Сенаторам запрещалось вести торговые и финансовые дела. О судебной власти сенаторского сословия см. примеч. 80. Внешние знаки отличия сенаторов: золотой перстень, широкая пурпурная полоса на тунике, башмаки из красной кожи с костяной застежкой в виде полумесяца.
- ⁷⁰ Публий Корнелий Лентул Сура, один из главарей заговора, в 71 г. был консулом; в 70 г. был исключен из сената за дурные нравы; в 63 г. был претором; казнен 5 декабря 63 г. См. 46, 2.
- ⁷¹ Публий Автроний Пет в 66 г. был избран в консулы вместе с Публием Корнелием Суллой; они были обвинены в подкупе избирателей (de ambitu), и их избрание было кассировано. В 62 г. за причастность к заговору Катилины Пета изгнали из Рима на основании Плавциева закона о насильственных действиях. См. ниже, примеч. 151.
- ⁷² Луций Кассий Лонгин — коллега Цицерона по претуре (66 г.) и соперник в борьбе за консульство в 64 г. См. 44, 2; 50; 54; Цицерон. Против Катилины, III, 16.
- ⁷³ Гай Корнелий Цегег принадлежал к патрицианской ветви Корнелиева рода; казнен 5 декабря 63 г. См.: Цицерон. Против Катилины, III, 16; В защиту Суллы, 70.
- ⁷⁴ ... сыновья Сервия Суллы. — Сыновья брата диктатора; не смешивать первого с Публием Суллой, избранным в консулы на 65 г., подзащитным Цицерона в 62 г. О втором см. 47, 1.

- ⁷⁶ *Луций Варгунтей* был обвинен в подкупе избирателей в 65 г.; вместе с Гаем Корнелием намеревался убить Цицерона. См. 28, 1; ср.: *Цицерон*. В защиту Суллы, 52.
- ⁷⁶ *Квинт Анний Хилон*, сенатор. См.: *Цицерон*, Против Катилины, III, 14.
- ⁷⁷ *Марк Порций Лека* — потомок одноименного плебейского трибуна, автора закона о неприкосновенности личности римского гражданина; см. примеч. 252. Ср. 27, 3 след.; *Цицерон*. Против Катилины, I, 8; II, 13; В защиту Суллы, 18.
- ⁷⁸ *Луций Кальпурний Бестия* — внук консула 111 г., участника Югуртинской войны. В 63 г. был избран плебейским трибуном. Ср. 43, 1. См. примеч. 87.
- ⁷⁹ *Квинт Курий* — потомок Манья Курия Дентата, консула 290, 275, 274 гг. См. 23, 1; 26, 3; 28, 2; был исключен из сената.
- ⁸⁰ ... из всаднического сословия. — Всадническое сословие (*Ordo equester*) в историческую эпоху второе, после senatorского, сословие с цензом не менее 400 тыс. сестерциев. Римские всадники часто были крупными землевладельцами; в отличие от сенаторов они имели право вести торговлю и финансовые дела, а также брать откуп на сбор налогов и пошлин в провинциях, в частности поставок зерна. Цензоры составляли списки центурий римских всадников в возрасте от 17 до 35 лет, им предоставлялось право иметь «государственного коня» (*equus publicus*), они получали от казны деньги на приобретение коня (*aes equestre*) и на его прокорм (*aes hordearium*). Во всаднические центурии входили и сыновья сенаторов на время военной службы, т. е. в течение 10 лет, и до своего перехода в senatorское сословие после получения ими квестуры. Став магистратом или достигнув 35 лет, римский всадник на основании плебисцита о возврате коней (*plebiscitum reddendum equorum*, около 123 г.) должен был возвратить государственного коня. Новоизбранные цензоры производили на форуме смотр центуриям римских всадников (*recognitio equitum*) и исключали из списков тех, кто выбывал по возрасту, по болезни или на основании цензорского замечания (*nota censoria*).
- В 123 г. плебейский трибун Гай Семпроний Грах своим законом о судоустройстве передал судебную власть всадническому сословию. В 106 г. Сервилий судебный закон (по имени консула Квинта Сервилия Цепиона) сделал судебную власть общим достоянием сенаторов и римских всадников, но уже в 101 г. в силу Сервилиева закона о вымогательстве (по имени претора Гая Сервилия Главиции) сенаторы снова были лишены ее. В 82 г. в силу Корнелиева (т. е. Корнелия Суллы) судебного закона римские всадники снова утратили судебную власть. В 70 г. Аврелиев судебный закон установил, что совет судей должен состояться из трех декурий: сенаторов, римских всадников и эварных трибунов.
- Внешние знаки отличия римского всадника: золотой перстень, узкая пурпурная полоса на тунике.
- ⁸¹ *Марк Фульвий Нобилиор*, происходивший из плебейского рода, — потомок одноименного консула 189 г., которого в походе в Этолию сопровождал поэт Энний. Не смешивать с Фульвием, упоминаемым в 39, 5.
- ⁸² О *Луции Статилии* сведений нет; казнен 5 декабря 63 г.
- ⁸³ О *Публии Габинии Капитоне* см.: *Цицерон*. Против Катилины, III, 6. Казнен 5 декабря 63 г.
- ⁸⁴ ... люди из колоний и муниципиев. — Колониями назывались поселения римских граждан и латинских союзников, выведенные (часто со стратегическими целями) на завоеванные земли и управлявшиеся на основании римских законов. Муниципии — покоренные общины Италии, управлявшиеся кваттуорвирами (местные должностные лица) на основании местных законов. Римские граждане из колоний и муниципиев поддерживали Катилину в 63 г., но не в 64 г.
- ⁸⁵ *Марк Лициний Красс* был коллегой Помпея по консулату 70 г. Соперничество между ними началось во время восстания Спартака, над которым

- Красс одержал в 71 г. решительную победу; Помпей же уничтожил остатки спартаковской армии и донес сенату, что он вырвал корни войны. Вместе с Гаем Юлием Цезарем Красс, возможно, был причастен к «первому заговору Катилины» (см. гл. 18 след.) и к заговору 63 г. (см. 48, 3 след.).
- ⁸⁴ Луций Волькаций Тулл и Маний Эмилий Лепид были консулами в 66 г. был консулом вместе с Помпеем. Погиб в 53 г. на войне с парфянами.
- ⁸⁶ Луций Волькаций Тулл и Маний Эмилий Лепид были консулами в 66 г.
- ⁸⁷ ...избранные консулы... — Избранным (*designatus*) назывался магистрат, избранный комициями, но еще не приступивший к исполнению своих обязанностей. Он еще был частным лицом (*privatus*) и мог быть привлечен к суду. Магистрат действующий был неподсуден.
- ⁸⁸ О Публии Автронии см. примеч. 71. Публий Корнелий Сулла, родственник диктатора, разбогател во время сулланских проскрипций. См.: Цицерон. В защиту Суллы, *passim*.
- ⁸⁹ ...законов о домохозянстве. — *Ambitus* буквально значит обход (избирателей) по очереди, подготовка своего избрания. Допустимым считалось обратиться к гражданину по имени, взяв его за руку. Подкуп в любой форме считался преступлением (*crimen de ambitu*). Для борьбы с подкупом был издан ряд законов. Корнелиев закон запрещал занимать магистратуры в течение десяти лет; Кальпурниев—Ацилиев закон 67 г. грозил штрафом и полным запретом занимать магистратуры; Туллиев закон 63 г. (по имени Марка Туллия Цицерона) запрещал денежные вознаграждения, устройство зрелищ для народа и угощения для народа по трибам и карал десятилетним изгнанием. См.: Цицерон. В защиту Суллы; В защиту Планация: К Аттику, IV. 15, 7 (142).
- ⁹⁰ ...заявить ... в законный срок. — Так называемая *professio*, заявление о соискании; делалось лично не позднее, чем за три нундины (за три рыночных дня, т. е. за 17 дней) до выборов. Саллюстий приводит официальный повод для отвода.
- ⁹¹ ...вызывать беспорядки в государстве. — Гней Писон, избранный квестор на 65 г., принадлежал к древнейшему Кальпурниеву роду.
- ⁹² ...декабрьские ноны. — 5 декабря 66 г.
- ⁹³ ... в январские календы. — 1 января 65 г., когда новые консулы после жертвоприношения Юпитеру Капитолийскому приступали к исполнению своих обязанностей; в этот день собирался сенат и объявлялась дата Латинских празднеств в данном году.
- ⁹⁴ фасции. — Пучки розог с воткнутыми в них секирами, принадлежность ликторов, т. е. телохранителей старших магистратов — претора, консула и диктатора. См.: Ю., примеч. 34.
- ⁹⁵ ...обе Испании. — Различались Ближняя Испания (*Hispania Citerior, Tarraconensis*), юго-восточная часть полуострова, и Дальняя Испания (*Hispania Ulterior*), его южная и частично юго-западная часть. Их разделяла река Эбро.
- ⁹⁶ ...знак своим сообщникам. — По свидетельству Светония (Божественный Юлий, 9), знак должен был подать Цезарь, но не сделал этого. Курия — Гостилиева Курия, обычное место заседаний сената; согласно традиции, была построена царем Туллою Гостилием.
- ⁹⁷ ...как пропретор. — Для назначения пропретором надо было предварительно быть в Риме претором. Очевидно, Писон получил назначение не по правилам (*extra ordinem*) и был *quaestor pro praetore*. Это требовало постановления сената. См.: Светоний. Божественный Юлий, 9, 3.
- ⁹⁸ ...варвары. — Для грека — все негры, для римлянина — все негры и неримляне.
- ⁹⁹ ...клиенты Гнея Помпея. — Клиентела и патронат в древнейшую эпоху — отношения между патрицием и зависевшими от него людьми, возможно представителями покоренного населения; патрон покровительствовал клиентам, они поддерживали его, когда он добивался магистратуры, и т. д. Впоследствии отношения между влиятельным лицом и его вольноотпущенни-

- ками или городской общиной, между бывшим наместником и населением провинции, между полководцем и населением завоеванной им провинции. Патронат был преемственным для той или иной ветви рода. См.: Цицерон. Об обязанностях, I, 35.
- 100 ... кого я назвал выше. — См. 17, 3 след.
- 101 ... приблизительно такого содержания. — Автор подчеркивает, что он передает лишь содержание речи Катилины.
- 102 *дружба* — *amicitia* — политический термин, обозначавший совокупность обязательств и действий, диктуемых политическим единомыслием. Ср.: Ю, 31, 14; Цицерон. В защиту Пландия, 5; О дружбе, 20; Ливий, 36, 7; Сенека. Письма к Луцилию, 20, 5.
- 103 ... *тетрархи*. — Греч.: «четверовластники». Римляне иногда делили царства, покоренные ими в Азии, на четыре части и назначали туда правителей; впоследствии этот термин стал означать «князек», правитель небольшого царства.
- 104 ... *платят им подати*. — С населения провинций взимались: 1) ввозные и вывозные пошлины, 2) десятина со всех видов урожая, пастбищный сбор. Ср.: Цицерон. О Манилиевом законе, 15.
- 105 *Доколе же будете вы терпеть это?* — Ремниценция или сознательное подражание первой речи Цицерона против Катилины: «Доколе же ты, Катилина, будешь злоупотреблять нашим терпением?» (пер. В. О. Горенштейна).
- 106 ... *сравнивая с землей горы*. — См. выше, 13, 1.
- 107 ... *не было семейного очага?* — Лар — бог-покровитель семейного очага; в переносном смысле — домашний очаг, жилище. Почитались также и лары — покровители перекрестков (*lares compitalicii*).
- 108 ... *военная добыча*. — *Spolia opima*. В Риме доспехи поверженного военачальника врагов посвящались Юпитеру Феретрийскому и вешались в его храме. Выражение это часто употреблялось как метафора.
- 109 ... *сделавшись консулом*. — Имеется в виду консулат 63 г.
- 110 ... *отмену долгов*. — *Tabulae novae*, новые долговые записи; так говорилось, когда задолженность частных лиц уменьшали или отменяли вовсе распоряжением или специальным законом. Ср. 20, 13; Цицерон. Против Катилины, II, 18.
- 111 ... *проскрипцию*. — Первоначально так называлось письменное объявление о продаже с торгов имущества несостоятельного должника; после установления диктатуры Суллы — список лиц, объявленных вне закона с конфискацией их имущества.
- 112 ... *жреческие должности*. — Они были не только почетными, но и доходными.
- 113 ... *в Ближней Испании* ... Писон. — Саллюстий допускает ошибку: летом 64 г. Писона уже не было в живых. Ср. выше, 19, 1—2; Светоний. Божественный Юлий, 9.
- 114 ... *Публий Ситтий из Нуцерии*. — Римский всадник Ситтий в 64 г. высхал в Испанию; по-видимому, он был агентом Катилины. Впоследствии жил в Мауретании и в 46 г. оказал услуги Цезарю во время войны в Африке. Ср.: Цицерон. В защиту Суллы, 56 сл.; К Аттику, XV, 7, 1 (750); К близким, V, 17 (923).
- 115 *Гай Антоний Гибрида*, сын оратора Марка Антония и дядя триумвира Марка Антония, коллега Цицерона по претуре и консулату, проконсул Македонии в 62 г. Ср. 56, 3 след.
- 116 ... *при ... священнодействиях*. — Древний обычай при заключении союза, особенно у семитов. См.: Геродот, III, 8; Флор, II, 12, 4; Дион Кассий, 37, 30, 3. Проклятие направлено против возможных изменников.
- 117 ... *ненависть к Цицерону*. — В последний день консулата Цицерона (29 декабря 63 г.) плебейский трибун Квинт Метелл Непот не позволил ему обратиться с речью к народу. См.: Цицерон. К близким, V, 2, 7 след. (14).
- 118 ... *цензоры исключили ... за распутство*. — См. 17, 3 примеч. 79. Одной из обязанностей цензоров был пересмотр списка сенаторов (*lectio senatus*

и исключение из сената лиц, чем-либо запятнавших себя. Этим нередко пользовались в политических целях.

119 ... с *Фульвией*, знатной женщиной. — Она могла быть родственницей Марка Фульвия Нобилиора (17, 3) или сенатора Фульвия (39, 5).

120 ... *новый человек*. — Ното повус. Так назывался выходец из всаднического сословия, который первый в своем роду добивался или достигал курульной должности, в I в. — консулата. Ср. 63, 7; Ю, 85, 13 след., 25; *Квинт Цицерон*. Краткое наставление..., I, 1 (12); *Цицерон*. II речь о земельном законе, 3; *Ювенал*. Сатиры, VIII, 237:

Новый, незнатный совсем человек из Арпина, недавно
Всадником бывший простым, повсюду ставит заставы

(пер. Д. Недовича, Ф. Петровского).

121 ... *Марка Туллия и Гая Антония*. — Избрание состоялось 29 квинтилия (июля) 64 г. Консулов избирали центуриатские комиции, вначале открытым голосованием, с 139 г., на основании Габиниева закона, подачей табличек. О Гае Антонии см. 21, 3. См. II, примеч. 32.

122 ... *некому Манлию*. — Гай Манлий (или Маллий) был центурионом Суллы, который наградил его землей в Фезулах (Этрурия).

123 ... *достаточно вознесена судьбой*. — Семпрония была женой консула 77 г. Децима Юния Брута и матерью будущего убийцы Цезаря, Децима Юния Брута Альбина.

124 ... *плясала изящнее, чем подобает приличной женщине*. — Пляска, распространенная в Италии во времена Гракхов, не подобала римлянам старого закала. Ср.: *Цицерон*. Против Катилины, II, 10; В защиту Мурены, 13; В сенате по возвращении из изгнания, 13; Об обязанностях, I, 150.

125 ... *консулата на следующий год*. — Т. е. на 62 г.

126 ... *даже в это время*. — Во время соискания консулата.

127 ... *строил ... козни против Цицерона*. — См.: *Цицерон*. Против Катилины, I, 15.

128 ... *соглашением о провинциях*. — На основании Семпрониева закона о консульских провинциях (плебисцит Гая Гракха, 123 г.) еще до выборов консулов сенат назначал провинции, которыми они должны были управлять по окончании своего консулата; по этому постановлению интерцессия плебейского трибуна не допускалась. Избранные консулы бросали жребий или распределяли между собой провинции по соглашению. Цицерону по жребию досталась Македония, Гаю Антонию — Цисальпийская Галлия. Цицерон поменялся провинциями с Антонием, отдав ему богатую Македонию. Впоследствии он отказался и от наместничества в Цисальпийской Галлии. См.: *Цицерон*. К близким, V, 2, 3 (14); К Аттику, II, 1, 3 (27); Против Писона, 5; Филиппика XI, 23.

129 ... *и в соискании должности*. — Консулами на 62 г. были избраны Децим Юний Силан и Луций Лициний Мурена. См.: *Цицерон*. В защиту Мурены.

130 ... *на Марсовом поле*. — Цицерон (Против Катилины, I, 11) утверждает, что покушение готовилось против него одного. Во время выборов он появился на Марсовом поле в панцире под тогой и в сопровождении охраны. См.: *Плутарх*. Цицерон, 14, 3.

131 ... *Гая Манлия в Фезулы*. ... *Гая Юлия — в Апулию*. О Манлии см. 24, 2; остальные нам неизвестны.

132 ... *и там*. — В доме у Леки на улице Серповщиков. Саллюстий допускает неточность: собрание у Леки было в ночь с 6 на 7 ноября 63 г. Ср.: *Цицерон*. Против Катилины, I, 8; В защиту Суллы, 52.

133 ... *для утреннего приветствия*. — В тексте: *salutatio* — утреннее посещение дома влиятельного человека его друзьями и клиентами. В источниках имена участников покушения приводятся разные. См.: *Цицерон*. К Аттику, I, 18, 1 (24); К близким, IX, 20, 3 (473); *Плутарх*. Цицерон, 16, 1.

- ¹³⁴ ... столь тяжкое злодеяние. — Ср.: Цицерон. В защиту Суллы, 52; Против Катилины, I, 10.
- ¹³⁵ ... землю и всего своего достояния. — Придя к диктатуре, Сулла наделил своих ветеранов землями в Этрурии, Самнии и Лукании, отняв их у местного населения, поддержавшего Мариа младшего.
- ¹³⁶ ... в силу ... личных полномочий. — Т. е. полномочий консула.
- ¹³⁷ ... чтобы государство не понесло ущерба. — Формула так называемого *senatus-consultum ultimum*, *senatus-consultum extremum* или *senatus-consultum de re publica defendenda*, предоставлявшего консулам и другим магистратам диктаторские полномочия; впервые был применен в 121 г. против Гая Гракха, затем в 100 г. против Сатурнина, в 77 г. против Лепида (см.: рФ, 22), 21 октября 63 г. против Катилины, затем в 62, 52, 49, 48 и 40 гг. Этот сенатус-консульт позволял магистрату казнить римского гражданина без формального суда и исключал возможность обращения к народу. См.: Цезарь. Записки о гражданской войне, I, 5, 3; Цицерон. Филиппика VIII, 14.
- ¹³⁸ ... без повеления народа. — *Sine populi iussu*. Технический термин: при отсутствии закона, принятого комициями.
- ¹³⁹ ... за пять дней до ноябрьских календ. — О Сении других сведений нет. Дата — 27 октября 63 г., что подтверждает Цицерон (Против Катилины, I, 7).
- ¹⁴⁰ ... с знаменьях и чудесах. — Ср.: Цицерон. Против Катилины, III, 18; Плутарх. Цицерон, 19.
- ¹⁴¹ ... о восстаниях рабов. — В Капуе находилась широко известная школа гладиаторов, в которой в 74 г. началось восстание, руководимое Спартакком. Катилина не привлекал рабов в свое войско; ср. 44, 6; 56, 5.
- ¹⁴² Квинт Марций Рекс — консул 68 г. Марции вели свой род от царя Анка Марция, откуда и прозвище. Ср.: Цицерон. Против Писона, 54.
- ¹⁴³ Квинт Метелл Критский — консул 69 г. Прозвище получено им после победы над критскими пиратами в 62 г.
- ¹⁴⁴ ... справить триумф. — Триумфом назывался религиозный акт, торжество в честь Юпитера Капитолийского, приуроченное к возвращению полководца после крупной победы над внешним врагом. До получения согласия сената на триумф полководец находился в окрестностях Рима (*ad Urbem*, *extra Urbem*, вне померия) и должен был получить на день триумфа империй в Героде (*imperiium in Urbe*), для чего издавался особый куриатский закон. Шествие открывали сенаторы и магистраты; за ними шли трубачи, несли предметы военной добычи, изображения взятых городов, вели белых быков для жертвоприношения и наиболее важных пленников в цепях. За ними на триумфальной колеснице, запряженной четверкой белых коней, стоя ехал триумфатор с лавровой ветвью в руке; он изображал Юпитера и надевал его одежду, взятую в храме; его лицо было окрашено в красный цвет (как на древних изображениях Юпитера); государственный раб держал над его головой золотой венок. Колесницу сопровождали на лошадях сыновья триумфатора; за ними шли ликторы с фасциями, обвитыми лавром. За полководцем ехали верхом его военные трибуны и легаты. Шествие замыкали солдаты, распевавшие песни, иногда с насмешками над триумфатором. Процессия вступала в Рим через Триумфальные ворота, проходила через Большой цирк, Бычий форум и Форум. На Капитолийском холме пленников уводили и обыкновенно казнили. В Капитолии триумфатор приносил жертву Юпитеру и слагал с себя венок. Его имя вносили в списки триумфаторов (*fasti triumphales*). Он получал право появляться на общественных играх в расшитой тоге (*toga triumphalis*).
- ¹⁴⁵ ... продавать все честное и бесчестное. — Видимо, имеются в виду сторонники Помпея считавшие достойным триумфа только его, обличенного чрезвычайным империем для войны с пиратами (в силу Габиниева закона 67 г.) и с Митридатом Понтийским (в силу Манилиева закона 66 г.).

- Таким образом, Марций и Метелл, как подчиненные Помпею, будто бы не имели права на триумф.
- 146 *Квинт Помпей Руф* был в 61 г. наместником провинции Африки, в 52 г. — плебейским трибуном, как и Саллюстий.
- 147 *Квинт Цецилий Метелл Целер*, претор 63 г., в 62 г. стал наместником Цисальпийской Галлии; консул 60 г.
- 148 ... *младших магистратов*. — Плебейские эдилы и ночные тресвиры (*tresviri nocturni, capitales*); последние несли полицейскую службу, тушили пожары и приводили в исполнение смертные приговоры. См.: *Цицерон*. О законах, III, 6.
- 149 ... *долгим спокойствием*. — С 82 г., после окончательной победы Суллы в гражданской войне, т. е. около 20 лет.
- 150 *Луций Эмилий Павел* был сыном Марка Эмилия Лепида и старшим братом триумвира 43 г., консул 50 г.
- 151 ... *на основании Плавциева закона*. — Закон о политических волнениях (*lex Plautia de vi publica*), проведенный в 78 г. трибуном Марком Плавцием Сильваном. Ср.: *И I*, 2, 3; *Цицерон*. В защиту Целия, 1; 70; Об ответе гаруспиков, 15; К близким, VIII, 8, 1 (222). Возможно, имеются в виду судебные процессы 62—59 гг. В эти годы Цицерон не выступал как обвинитель.
- 152 ... *и издал*. — Первая речь против Катилины была произнесена в сенате в храме Юпитера Статора 8 ноября 63 г. и издана в 60 г. в сборнике «консульских речей». См.: *Цицерон*. К Аттику, II, 1, 3 (27).
- 153 ... *не имеющий собственного дома в Риме*. — Он считался инквилином (*inquilinus*), т. е. съемщиком квартиры. Арпин, родина Цицерона, получил полные права римского гражданства уже в 188 г. Ср.: *И I*, 1, 4; 7; *Цицерон*. К Аттику, I, 16, 10 (22); *Ювенал*. Сатиры, VIII, 237 след.
- 154 ... *потушу под развалинами*. — См.: *Цицерон*. В защиту Мурены, 51.
- 155 ... *из курии*. — Т. е. из сената. См. примеч. 96.
- 156 ... *выехал в лагерь Манлия*. — В ночь с 8 на 9 ноября. Ср.: *Цицерон*. Против Катилины, II, 4; *Плутарх*. Цицерон, 16.
- 157 ... *жестокость ростовщиков и претора*. — По Законам XII Таблиц, заемщик был вправе лишиться несостоятельного должника свободы, заключить его в оковы и заставить обработать долг и даже казнить. Несостоятельный должник становился пехус, т. е. взятый в кабалу. Пехус было упразднено в 326 г. законом Петелия—Папирия, но фактически продолжало практиковаться. В суде, рассматривавшем тяжбы по долговым обязательствам, председательствовал городской претор (*praetor urbanus*). См.: *Ливий*, VIII, 28. О процентной ставке см. примеч. 191.
- 158 ... *уплата долгов вместо серебра медью*. — Имеется в виду закон, проведенный претором 86 г. Луцием Валерием Флакком и уменьшивший сумму долга до 25%.
- 159 ... *уходил от патрициев*. — Имются в виду сецессии. Согласно традиции, первая сецессия, когда плебс удалился на Священную гору, произошла в 494 г. и привела к учреждению плебейского трибуната; вторая (на Авентинский холм, в 448 г.) повлекла за собой падение децемвиров; третья (445 г.) привела к изданию Канулеева закона, разрешавшего браки между патрициями и плебеями и открывшего детям плебейских матерей доступ в патрицианские роды. См.: *Цицерон*. О государстве, II, 63.
- 160 ... *защиту закона*. — Закон Петелия—Папирия. См. примеч. 157.
- 161 ... *несправедливость претора*. — Претор часто выносил решение в пользу ростовщиков.
- 162 ... *большинству консуляров*. — Консуляр (*vir consularis*) — лицо, ранее бывшее консулом.
- 163 *Массилия* (соврем. Марсель) — колония, основанная фокидцами около 600 г. Частое место добровольного изгнания римских граждан. Ср.: *Цицерон*. В защиту Флакка, 63.

- ¹⁶⁴ Квинт Луций Катул, консул 78 г., цензор 65 г., оптимат, восстановил храм Юпитера Капитолийского и получил прозвище «Капитолийский». Ср. 49, 1; Цицерон. Брут, 133; Об обязанностях, I, 133.
- ¹⁶⁵ Список с него следует ниже. — Т. е. приводится точная копия письма. См. примеч. 101. Ср.: Цицерон. К близким, VII, 8, 3 (143); VIII, 6, 1 (241); 15, 3 (352).
- ¹⁶⁶ ... находясь в большой опасности. — Катул защищал Катилину в суде, где того обвиняли в любовной связи с весталкой. Ср. 15, 1.
- ¹⁶⁷ ... своего нового замысла. — В подлиннике *potum consilium*, т. е. *consilium potatum tegum*, замысел, направленный на осуществление переворота; эвфемизм.
- ¹⁶⁸ ... бог верности! — Бог клятвы и верности, покровитель гостеприимства. Этот культ отделился от культа Юпитера и был отождествлен с умбро-сабинским культом Семона Санка, покровителя верности, впоследствии слившимся с культом Геркулеса. В разговорной речи эта клятва произносилась сокращенно. Ср.: Овидий. Фасты, VI, 213 след.
- ¹⁶⁹ ... заслуженного мною высокого положения. — Имеется в виду консулат. В подлиннике — *dignitas*, высокое политическое положение как результат заслуг перед государством во время исполнения магистратур (*cursus honorum*).
- ¹⁷⁰ ... люди, недостойные его. — Намек на консула 63 г. Цицерона, Луция Лициния Мурену и Децима Юния Силана, избранных в консулы на 62 г. Первые двое были «новыми людьми», третий — плебеем. Ср. 26, 5; 31, 7.
- ¹⁷¹ ... готовится покушение. — Письмо, очевидно, было написано до отъезда Катилины из Рима.
- ¹⁷² ... у Гая Фламиния. — Неизвестное нам лицо. Арретинцы послали в Рим вооруженные силы в помощь Катилине. См.: Цицерон. В защиту Мурены, 49.
- ¹⁷³ ... с фасцами и другими знаками власти... — Знаки власти — это курульное кресло (*sella curulis*, деревянное складное кресло, украшенное золотом и костью), военный плащ красного цвета (*paludamentum*), серебряное изображение орла с молнией из золота в когтях — знак легиона; орел Катилины будто бы был у Гая Мария. Ср.: Цицерон. Против Катилины, I, 24; II, 13. О фасцах см. примеч. 94.
- ¹⁷⁴ ... сенат объявил Катилину и Минция врагами. — *Hostis, hostis publicus*, термин, заменивший старинный термин *perduellis*, враг государства; тот, с кем оно находится в состоянии войны и кого можно безнаказанно убить. Ср.: Цицерон. В защиту Сестия, 59; Против Ватиния, 25; Филиппика IV, 1; Об обязанностях, I, 37; III, 108; К близким, XII, 10, 1 (909).
- ¹⁷⁵ безнаказанно. — *Sine fraude*, не неся судебной ответственности — древняя юридическая формула, имеющаяся уже в Законах XII Таблиц.
- ¹⁷⁶ ... Цицерону защищать Город. — Тем самым Гай Антоний становился *consul agnatus*, Цицерон оставался *consul togatus*. Впоследствии он ставил себе в заслугу именно то, что подавил в Риме движение Катилины, оставаясь консулом, облаченным в тогу. См.: Цицерон. Против Катилины, III, 23; В защиту Суллы, 23; В сенате по возвращении из изгнания, 34; К квири-там по возвращении из изгнания, 20; О своем доме, 99; В защиту Сестия, 47; Об ответе гаруспиков, 49. Ср.: II II, 2, 7.
- ¹⁷⁷ ... два постановления сената. — См. 30, 6; 36, 2.
- ¹⁷⁸ ... в своем стремлении к перемене. — Эвфемизм; имеется в виду государственный переворот, захват власти.
- ¹⁷⁹ ... как в сточную яму. — В тексте — *sentina*, трюмная вода, трюм, сточная яма, нечистоты. Ср.: Цицерон. О земельном законе, II, 70; Против Катилины, I, 12; II, 7; К Аттику, I, 19, 14 (25); К близким, IX, 15, 3 (494).
- ¹⁸⁰ ... солдаты стали сенаторами. — В 81 г. Сулла увеличил число сенаторов с 300 до 600, введя в сенат не только римских всадников, но и простых солдат. См.: Аппиан. Гражданские войны, I, 100.

- ¹⁸¹ ...подачками ... от государства. — Дешевая раздача зерна римским гражданам, установленная в 123 г. законом Гая Гракха, упраздненная Суллой в 81 г. и восстановленная в 78 г. законом Эмилия, в 73 г. законом Теренция и Кассия.
- ¹⁸² ...гражданские права. — На основании Корнелиева закона о проскрипции (82 г.) имущество подвергнутых проскрипции было конфисковано, а их сыновья и внуки лишены права занимать магистратуры (*ius honorum*). Это положение оставалось в силе до 49 г. (реформа Цезаря). Ср.: *рМ*, 2. См.: *Веллей Патеркул*, II, 28, 4.
- ¹⁸³ ...восстановлена власть трибунов. — В 70 г. Сулла в 81 г. (*lex Cornelia de tribunicia potestate*) ограничил власть плебейских трибунов: в трибуны могли избираться только патриции; трибуны могли предлагать законы только с согласия сената; по окончании трибуната они не допускались к магистратурам; право интерцессии было урезано. Эти ограничения были уменьшены в 75 г. законом Аврелия и полностью отменены в 70 г. законом Помпея—Лициния. См.: *Ливий*. Эпитома 89; *Веллей Патеркул*, II, 30, 4.
- ¹⁸⁴ ...молодые люди. — Молодостью (*adulescentia*) в Риме считался возраст до 35 лет. Для плебейского трибуната не было возрастных ограничений. См. примеч. 30.
- ¹⁸⁵ ...достигнув высшей власти. — Здесь плебейского трибуната, дававшего право налагать запрет на действия и решения магистратов (интерцессия).
- ¹⁸⁶ ...сражаться на море и с Митридатом. — На основании Габиниева закона 67 г. и Манилиева закона 66 г. (война с Митридатом). См.: *Цицерон*. О Манилиевом законе, *passim*.
- ¹⁸⁷ ...судебными карами. — Сулла своим законом (*lex Cornelia iudiciaria*) сосредоточил всю судебную власть в руках сенаторов, отняв ее у римских всадников. См. примеч. 80.
- ¹⁸⁸ ...более сильный... — Т. е. Помпей, победитель Митридата. Нобилитет опасался его. Плебейский трибун 62 г. Квинт Метелл Непот предложил отозвать Помпея с Востока для действий против Катилины. Нобилитет во главе с Катонам воспротивился этому.
- ¹⁸⁹ ...отец велел задержать его в пути и казнить. — На основании своей *patria potestas*: существовавшая в древнейшие времена, а в исторические сохранившаяся почти лишь формально власть главы ветви рода (*pater familias*) над всеми домоочадцами; в древнейшие времена она включала в себя даже право жизни и смерти и право продажи в рабство («за Тибр»). Она прекращалась в случае утраты гражданских прав ее субъектом. См.: *Валерий Максим*, V, 8, 5.
- ¹⁹⁰ Публий Умбрен — вольноотпущенник. См.: *Цицерон*. Против Катилины, III, 14.
- ¹⁹¹ ...обременены долгами, общины и частными. — Общины Галлии (как и Греции) делали займы у других общин и у римских дельцов и платили последним ростовщические проценты (в Риме по закону ставка не могла превышать 12% годовых). См.: *Цицерон*. К Аттику, V, 21, 10 след. (249); VI, 1, 5 след. (251).
- ¹⁹² ...вел дела в Галлии. — Ср.: *Цицерон*. В защиту Фонтя, 11.
- ¹⁹³ ...в дом Децима Брута. — См. 25, 1, примеч. 123.
- ¹⁹⁴ ...он пригласил Габиния. — См. 17, 4.
- ¹⁹⁶ ...обещали ему свою помощь. — Т. е. поднять восстание в Галлии и послать в Италию вспомогательные войска.
- ¹⁹⁶ ...верное вознаграждение. — Назначенная сенатом награда за донос о заговоре. См. 30, 6.
- ¹⁹⁷ ...Фортуна государства. — В Риме было несколько храмов и алтарей Фортуны: на Бычьем форуме находился храм, согласно традиции, сооруженный царем Сервием Туллем; три храма были на холме Квиринале, один из них — посвященный *Fortuna publica populi Romani primigenia*, на Пала-

- тине был храм *Fortuna privata*, на Эсквилине — храм *Fortuna respiciens*. См.: Цицерон. Против Катилины, III, 22.
- ¹⁹⁸ ... неизменному патрону. — О патронате см. примеч. 99. Квинт Фабий Санга был потомком Квинта Фабия Максима, консула 121 г., покорившего аллоброгов и получившего прозвище «Аллоброгский»; он стал их патроном.
- ¹⁹⁹ Ближняя Галлия (*Gallia Citerior*, *Gallia Cisalpina*) разделялась р. Падом (совр. По) на Транспаданскую и Циспаданскую. В Дальней Галлии (*Gallia Ulterior*, *Gallia Transalpina*) до завоеваний Цезаря была лишь одна провинция — Нарбонская Галлия (*Gallia Narbonensis*), которую называли просто Провинцией.
- ²⁰⁰ ... на основании постановления сената. — См. 36, 2.
- ²⁰¹ ... Гай Мурена — брат Луция Лициния Мурены, подзащитного Цицерона в конце ноября 63 г. См.: Цицерон. В защиту Мурены, 89.
- ²⁰² ... в [Фезульскую] область. — Текст сомнителен: он противоречит содержанию 32, 2; 43, 2; 44, 1; 48, 4; см.: Цицерон. Против Катилины, III, 8; IV, 4. Предполагалось, что восстание начнется, когда Катилина подступит к Риму, между тем от Фезула до Рима было несколько дней пути, и он не смог бы поддерживать восставших.
- ²⁰³ ... Луций Бестия. — См. выше, 17, 3.
- ²⁰⁴ ... против лучшего консула. — Здесь явная издевка: лучшим консулом (*consul optimus*) Цицерона назвал Брут в своем хвалебном памфлете о Катоне младшем. См.: Цицерон. К Аттику, XII, 21, 1 (562). См. выше, с. 150.
- ²⁰⁵ ... в следующую ночь... — Скорее всего, в праздник Сатурналий (17—23 декабря), сопровождавшийся весельем и разгулом. См.: Цицерон. Против Катилины, III, 10.
- ²⁰⁶ ... сыновья, живущие в семье. — *Filius familias*, сын, на которого еще распространяется власть отца, см. примеч. 189.
- ²⁰⁷ ... прорвутся к Катилине. — Очевидно, предполагалось, что Катилина будет находиться в окрестностях Рима.
- ²⁰⁸ ... напасть на курию. — На сенаторов, собравшихся в Гостилиевой курии. См. примеч. 96.
- ²⁰⁹ ... писем с клятвенными обязательствами. — Письма должны были быть написаны на воощенных дощечках, которые перевязывались нитью; ее концы скреплялись именной печатью отправителя. Ср.: Цицерон. Против Верреса, (II) IV, 14, 58; Против Катилины, III, 10; В защиту Флакка, 36 след.
- ²¹⁰ ... список с которого приводится ниже. — См. примеч. 165.
- ²¹¹ ... даже у людей самых ничтожных... — У рабов. — См. ниже, 6; 24, 4.
- ²¹² ... ночь отъезда. — Ночь со 2 на 3 декабря. Аресты заговорщиков были произведены на заре 3 декабря; к концу этого дня Цицерон произнес на форуме свою третью речь против Катилины.
- ²¹³ ... преторам ... Флакку и ... Помптину... — Флакк был сыном консула 86 г. Луция Валерия Флакка, которого его легат Фимбрия убил в 85 г., во время 2-й войны с Митридатом. См.: Цицерон. В защиту Флакка, 102. Гай Помптин был легатом Красса в 71 г. в войне против Спартака; в 51 г. легат Цицерона в Киликии.
- ²¹⁴ Мульвиев (Эмилиев, Мильвиев) мост на Тибре, на Фламиниевой дороге в 3 км к северу от Рима, частично сохранился в наше время.
- ²¹⁵ ... приводит в сенат. — Претора Лентула мог арестовать только консул, старший магистрат, в силу чрезвычайного постановления сената. См. примеч. 137.
- ²¹⁶ Храм Согласия находился на форуме у подошвы Капитолийского холма; сооружен в 367 г., восстановлен в 121 г. консулом Луцием Опимием после гибели Гая Гракха; частое место собрания сената.
- ²¹⁷ ... заверив его в неприкосновенности. — Ср. 30, 6; Цицерон. Против Катилины, III, 8.

- 218 ... по книгам Сивиллы. — Сивиллы — пророчицы, в состоянии экстаза предсказывавшие судьбу. Написанные греческими гексаметрами пророчества Сивиллы из Кум, согласно традиции, были приобретены одним из царей Тарквиниев и хранились в храме Юпитера Капитолийского. Оригиналы сгорели в 83 г.; были составлены новые книги. Во времена Суллы их хранила и истолковывала коллегия в составе 15 человек. Новые книги хранились в храме Аполлона на Палатине.
- 219 ... Цинна и Сулла ею уже обладали. — Луций Корнелий Цинна, консул 87—84 гг., был убит своими солдатами. Луций Корнелий Сулла был диктатором в 82—79 гг. Ср.: Цицерон. Против Катилины, III, 9; IV, 12.
- 220 Пожар Капитолия произошел 6 июля 83 г. в год консулата Луция Корнелия Сципиона Азиатского и Гая Норбана Бульба.
- 221 Гаруспики — коллегия жрецов, предсказывавших будущее на основании внешнего вида внутренностей жертвенного животного. Гаруспиции были заимствованы римлянами у этрусков. См.: Цицерон. Против Катилины, III, 19; Об ответе гаруспиков *passim*.
- 222 ... после того как он сложит свои полномочия. — Тем самым Лентул превращался в простого гражданина и становился подсуден. См.: Цицерон. Против Катилины, III, 15.
- 223 ... был отдан на поруки. — В дома видных граждан; так называемая *custodia libera*.
- 224 Публий Корнелий Лентул Спинтер был претором в 60 г. и консулом в 57 г.; способствовал возвращению Цицерона из изгнания. См.: Цицерон Брут, 268; Речь в сенате по возвращении из изгнания, 8 след.
- 225 Квинт Корнифиций был плебейским трибуном в 69 г. и претором в 66 г.; «новый человек».
- 226 ... Марку Крассу. — Из этого можно заключить, что сенаторы не верили в существование тайных связей между Цезарем и Крассом с одной стороны и заговорщиками — с другой.
- 227 На следующий день. — 4 декабря 63 г.
- 228 ... было доложено сенату. — Обсуждение вопроса в сенате происходило только после доклада консула (*relatio consulis*).
- 229 ... показания ... очевидно, ложны. — Очевидно (*videri*) — технический термин, употреблявшийся в сенате и в суде. Ср.: Цицерон. Речь по делу Цецины, 73; Против Писона, 97.
- 230 ... Квинт Катул и Гай Писон. — О Катуне см. 34, 3. Гай Кальпурний Писон, претор 70 г., консул 67 г., проконсул Транспаданской Галлии в 66—65 гг., был в 63 г. обвинен аллоброгами в лихоимстве, но оправдан по суду; его защищал Цицерон.
- 231 ... от молоденького Цезаря. — Цезарь был моложе Катула на 20 лет, и ему тогда было 37 или 39 лет. Верховного понтифика избирали трибунные комиции.
- 232 ... погряз в больших долгах. — Цезарь как курульный эдил в 65 г. устроил великолепные игры и украсил Рим постройками. Он проявил большую щедрость и когда добивался понтификата. См.: Светоний. Божественный Юлий 10; 13; Плутарх. Цезарь, 5.
- 233 ... Цезарю, выходящему из сената. — После собрания сената в храме Согласия 5 декабря (см. 51). Ср.: Светоний. Божественный Юлий, 14, 4; Плутарх. Цезарь, 8.
- 234 ... назначались награды. — По свидетельству Цицерона, они были назначены 4 декабря. См. 30, 6; Цицерон. Против Катилины IV, 5.
- 235 ... вырвать его из-под стражи. — Из дома Лентула Спинтера; см. 47, 4. Ср.: Цицерон. Против Катилины, IV, 17.
- 236 ... расставив стражу. — В ночь с 4 на 5 декабря Цицерон поставил стражу на Капитолийском холме и на Форуме, а римских всадников — вокруг Храма Согласия и в самом храме. См.: Цицерон. Против Катилины, IV 14; В сенате по возвращении из изгнания, 12; 32; В защиту Сестия, 29; К Аттику, II, 1, 7 (27).

- 237 ... кто был отдан на поруки. — Это произошло 5 декабря 63 г. («декабрьские ноны»). Доклада (relatio) в «консульских речах» Цицерона нет, но это основное содержание его четвертой речи против Катиланы.
- 238 ... действовали во вред государству. — Contra rem publicam fecisse. Торжественная формула объявления того или иного лица государственным преступником. Незадолго до этого — 4 декабря.
- 239 ... был избранным консулом. — О другом избранном консуле, Луции Лицинии Мурене, Саллюстий не говорит. Ср.: Цицерон. К Аттику, XII, 21, 1 (562). Избранный консул высказывался в сенате первым. Sententiam rogare, спросить о предложении, sententiam dicere, внести мотивированное предложение — технические термины
- 240 О Луции Кассии и Квинте Аннии см. 17, 3. О Публии Фурии и Публии Умбрене см. 40, 1. Ср.: Плутарх. Цицерон, 20, 4.
- 241 ... присоединится к предложению. ... — Pedibus ire in sententiam; так называемая discessio; сенатор подходил к тому сенатору, чье предложение он поддерживал. Так поступали бывшие младшие магистраты, недавно допущенные в сенат (senatores pedarii).
- 242 ... когда... дошла очередь. — Цезарь тогда был избранным претором и высказывался после консуляров и до преториев (бывшие преторы).
- 243 от чувства ненависти ... жалости. — Начало речи Цезаря напоминает 1, 1. Ср.: Демосфен. О делах в Херсонесе, 1: «Следовало бы, граждане афинские, всем вообще ораторам руководиться в своих речах не враждой или лестию, но высказывать только то, что каждый считает наилучшим, тем более, когда вы обсуждаете вопросы, имеющие важное государственное значение» (пер. С. И. Радцига). Ср. также: Фукидид, III, 42, 1.
- 244 ... принятых царями и народами. — См. примеч. 26.
- 245 ... против царя Персея. — Третья Македонская война (171—168), закончившаяся победой консула Луция Эмилия Павла и пленением Персея. См.: л.М. примеч. 7.
- 246 ... отпустили родосцев, не покарав их. — Во время войны Рима с царем Антиохом III (192—190) родосцы оказали помощь Риму и получили после войны Ликию и часть Карии. Во время третьей Македонской войны они отказали Риму в помощи; благодаря вмешательству Катона они пострадали лишь в том отношении, что утратили только упомянутые области. См.: Веллей Патеркул, I, 9, 2; Авл Геллий, VI, 3, 35, 15 след.; Ливий, 37, 56, 5 сл.; 45, 22, 2; 25, 4.
- 247 ... покарать карфагенян. — Намек неясен. Саллюстий приводит суждения Полибия о Сципионе. См.: Полибий, XV, 4, 10.
- 248 ... беспрецедентное предложение. — Правом выносить смертный приговор римскому гражданину обладали только центурнатские комиции. Это было подтверждено в 123 г. Семпрониевым законом de capite civis Romani. Сенат не обладал судебной властью.
- 249 ... кровь и слезы. — Ср.: Цицерон. Против Катиланы, IV, 11: «Мне кажется, я вижу, как наш город, светоч всего мира и оплот всех народов, внезапно уничтожается огромным пожаром; я воображаю себе лежащие в погребенной отчизне груды жалких тел непогребенных граждан» (пер. В. О. Горенштейна).
- 250 ... вооруженная стража. — Ср. выше, 50, 3. Фраза содержит иронический оттенок.
- 251 ... ни для радости места нет. — Ср.: Цицерон. Против Катиланы, IV, 7; Лукреций. О природе вещей, III, 830 след.
- Значит, нам смерть — ничто, и ничуть не имеет значенья,
Ежели смертной должна непременно быть духа природа
(пер. Ф. А. Петровского).
- 252 ... неспрециено Порциевым законом? — Известно три Порциевых закона (198, 195 и 194 гг.) de tergo civium или de provocacione. Один из них приписывают Порцию Леке (Публий Порций Лека, претор 195 г., или

- Марк Порций Лека, плебейский трибун 198 г., см. примеч. 77). Провокация — апелляция к центуриатским комициям. Ср.: Цицерон. Против Верреса. (II) V, 163; О государстве, II, 54; Ливий I, 10, 4; X, 7, 4.
- 253 ... лишили жизни. — Возможно, закон о провокации (консула 300 г. Марка Валерия Корва). После издания Семпрониева закона (123 г.) юрисдикция по уголовным делам была передана в постоянные суды (questiones perpetuae), причем высшей мерой наказания было изгнание, но не смертная казнь. Цезарь подчеркивает: «даже осужденных граждан», между тем катилинарии не были осуждены по суду.
- 254 ... о паррицидах государства. — См. примеч. 55.
- 255 ... для управления их государством. — Тирания 30 олигархов после Пелопоннесской войны.
- 256 ... удавить Дамасиппа. — Луций Юний Дамасипп, городской претор 82 г., марианец, казнил ряд сторонников Суллы и сам был казнен Суллой после битвы у Коллинских ворот Рима.
- 257 ... наградил... своих сторонников. — Ср.: Цицерон. В защиту Секста Росция, 6 сл.
- 258 ... опирающемся на войско. — Подразумевается: и облеченном чрезвычайными полномочиями. См. примеч. 137.
- 259 ... перенять чужие установления. — Ср.: Цицерон. О государстве, II, 30; Тускуланские беседы, I, 1 след.; Полибий, VI, 25, 11.
- 260 ... у самнитов. — У самнитов были заимствованы большой четырехугольный щит (scutum) и дротик с железным наконечником (veru, verutum).
- 261 ... у этрусков. — У этрусков были заимствованы курьельное кресло (см. выше, примеч. 173), тога-претекста, т. е. тога с пурпурной каймой, ликторы (см. выше примеч. 94).
- 262 ... высшую кару. — Порка и смертная казнь — римского происхождения; но так как в Законах XII Таблиц усматривали греческое влияние, то Цезарь относит эту кару к Греции. Ср.: Ливий, III, 31, 8.
- 263 ... врагом ... благополучия. — Аппиан (II, 6) и Плутарх (Цицерон, 21, 6) дают иную версию: содержание заговорщиков под стражей будет временным и по окончании войны с Катилиной их будут судить центуриатские комиции. Предлагаю (senso) — технический термин; ср. 52, 14; 36; Цицерон. Филиппики III, VII, IX, X, XIV.
- 264 ... кто с другим. — После речи Силана и до речи Цезаря. После речи Цезаря Цицерон проанес свою IV речь против Катилины.
- 265 Марк Порций Катон тогда был избранным плебейским трибуном и противником Цезаря. После поражения помпеянцев под Тапсом в Африке Катон покончил с собой в Утике (и получил прозвище Утического). См.: Цицерон. В защиту Мурены, 62 след.; Лукан. Фарсалия, I, 313.
- 266 ... внесенным кое-кем из сенаторов. — Подражание началу III-й Олинфской речи Демосфена: «Разные мысли приходят мне, граждане афинские, тогда, когда я погляжу на состояние наших дел, и тогда, когда слушаю речи, которые тут говорятся» (пер. С. И. Радцига).
- 267 ... победленным не остается ничего. — Реминисценция из речи Ликурга против Леократа, 2; 126.
- 268 ... выше интересов государства. — Ср. 13, 3.
- 269 ... по отношению к союзникам. — См.: Ю, 31, 25. Катон защищал союзников от алчности откупщиков. Ср.: Цицерон. К Аттику, I, 18, 7 (24); II, 1, 8 (27); Об обязанностях, III, 88.
- 270 ... к чужим владениям и порокам. — Ср.: Цицерон. В защиту Мурены, 61; 63.
- 271 ... мне еще говорят о мягкости и жалости! — Намек на «милосердие» (clementia) Цезаря. Ср. 54, 2.
- 272 ... именуется щедростью. — Имеется в виду раздача народу денег, захваченных как военная добыча или изъятых у жителей провинций. Ср.: Цицерон. Об обязанностях, I, 43.

- 273 Прекрасно и искусно построив свою речь. — Ср. 51, 9. Возможно, нарочитое подражание словам Цезаря.
- 274 ...местах ... вызывающих страх. — Ср.: Цицерон. Против Катилины, IV, 7; Тускуланские беседы, I, 37.
- 275 ...защита слабеет — В муниципиях охранять заключенных легче, чем в Риме, где у них немало клиентов и сторонников.
- 276 ...бояться и за себя, и за вас. — Намек на возможную причастность Цезаря к заговору Катилины. Ср. 49.
- 277 ...из малого великим. — Эти слова направлены против слов Цезаря (51, 37 след.).
- 278 ...в частном быту роскошь. — Ср. 9, 2 и примеч. 38.
- 279 ...здесь. — Т. е. в сенате.
- 280 ...все, что именуется римским. — Возможно, намек на нашествие Бренна (около 390 г.); свежи были и воспоминания о нашествии кимбров и тевтонов (конец II в.), которым римляне приписывали галльское происхождение. Ср.: Цицерон. Об обязанностях, I, 38.
- 281 ...преступление ведь совершили юнцы — Иррония; это не могло относиться к Лентулу Суре, бывшему претором уже в 75 г.
- 282 ...вступил в бой с врагом. — Саллюстий допускает ошибку: в 340 г. во время войны с латинянами Тит (не Авл) Манлий Торкват осудил на смерть своего сына за неразрешенный поединок с врагом. Сам он получил прозвище «Торкват» во время галльской войны 361 г., после того как снял с поверженного военачальника врагов витое ожерелье (togues). См.: Цицерон. Об обязанностях, III, 112.
- 283 ...во второй раз пошел войной против отечества. — Цетег участвовал уже в так называемом первом заговоре Катилины или же его в этом подозревали. Ср. 18 след.
- 284 ...казнить по обычаю предков. — Без провокации к центуриатским комициям и без замены смертной казни изгнанием. В тексте — *manifesti reum capitalium*, т. е. схваченные на месте государственного преступления. Катон приравнивает признание заговорщиками своих преступных намерений к факту быть схваченным с поличным. Законом, упомянутым Цезарем (51, 21 след.), Катон противопоставляет обычай предков (*mos maiorum*).
- 285 ...превозносить ... его мужество. — После заседания сената многие сенаторы проводили Катона до дому в знак своего уважения к нему. См.: Веллей Патеркул, II, 35, 4.
- 286 ...обзывали друг друга трусами. — Т. е. Сторонники Катона и сторонники Цезаря.
- 287 ...с большими легионами врагов. — Саллюстий применяет римский термин «легион» к войскам варваров. Ср.: Ю, 49, 2; 79, 4.
- 288 ...красноречием римляне уступали грекам. — Такого мнения придерживался также Вергилий (Энеида, VI, 847 след.). Цицерон (Тускуланские беседы, I, 5) и Квинтилиан (Обучение оратора, X, 1, 105) считали, что римское красноречие не уступает греческому.
- 289 ...военной славы — галлам. — Галлов неоднократно побеждал Цезарь.
- 290 ...человека великой доблести. — Возможно, намек на прозвище Гнея Помпея «Великий» (*Magnus*), перешедшее к его сыновьям.
- 291 ...были почти равны. — Катон родился в 95 г., Цезарь в 102 г. Но Порцийев род был плебейским, Юлиев — патрицианским и считал своим родоначальником Юла-Аскания, сына Энея.
- 292 ...мягкосердечием и милосердием. — Ср.: Цицерон. По поводу возвращения Марцелла, 1; В защиту Лигария, 37; Светоний. Божественный Юлий, 75, 1; Плутарх. Цезарь, 34.
- 293 ...помогая. — Имеется в виду защита в суде, возможно, помощь, оказанная Цезарем Саллюстию, когда тому грозил суд после его наместничества в провинции Новая Африка.
- 294 ...малой войны. — Войны, к которой еще не имели отношения другие полководцы, так что заслуги Цезаря были бы неоспоримы.

- 295 Быть честным ... предпочитал он. — Ср.: Эсхил. Семеро против Фив, 592; Цицерон. Об обязанностях, I, 65.
- 296 ... тем больше следовала она за ним. — Ср.: Плиний Младший. Письма, I, 8, 14: «Слава должна прийти сама собой, ее нечего искать, а если она по какой-то случайности и не придет, то поступок, не заслуживший славы, не становится от этого менее прекрасным» (пер. М. Е. Сергеенко).
- 297 ... одобрил... — О голосовании в сенате путем дисцессии см. примеч. 241.
- 298 ... приказывает тресвирам. — См. примеч. 148.
- 299 ... подземелье, называемое Туллиевым. — Согласно традиции (Ливий, I, 33, 8), царь Анк Марций построил на восточном склоне Капитолийского холма тюрьму, названную Мамертинской. Под ней находилась подземная камера, будто бы построенная царем Сервием Туллием; см.: Варрон. О латинском языке, V, 151; название может происходить и от старолатинского *tullus* или *tullius*, родник; это могло быть водохранилище. Если ... подняться — очевидно, внутри тюрьмы, чтобы достигнуть отверстия в своде, через которое в подземелье спускали заключенных. Здесь от голода умер в 105 г. Югурта; после триумфа Цезаря там был казнен Верцингеториг.
- 300 ... таким же образом. — Ср.: Плутарх. Цицерон, 22, 2; Аппиан. Гражданские войны, II, 6; 7.
- 301 ... два легиона. — Во время войны консулу полагалось командовать двумя легионами по 6 тыс. человек, между тем у Катилины было всего 2 тыс. человек, и его легион состоял из тысячи воинов, которых он разделил на десять когорт по 100 человек (вместо 600).
- 302 ... с делом беглых рабов. — Ср. 44, 5.
- 303 ... в Трансальпийскую Галлию. — Возможно, для соединения с аллоброгами, об измене которых Катилина мог и не знать. *Пистория* — местность и город в Этрурии.
- 304 ... для быстрого перехода в Галлию. — Квинт Метелл Целер находился у подошвы северного склона Апеннинских гор.
- 305 ... сразиться с Антонием. — Войска Гая Антония были ближе, Катилина находился еще на тосканском склоне Апеннинских гор.
- 306 ... храбрым из трусливого. — Ср.: Ксенофонт. Воспитание Кира, III, 3, 50; Фукидид, V, 69, 2.
- 307 Два вражеских войска. — Войско Гая Антония и войско Целера.
- 308 ... не защитят того... — Так как сенат объявил сторонников Катилины врагами (*hostes*), т. е. поставил вне закона.
- 309 ... за свободу, за жизнь — Реминисценция из Ксенофонта (III, 3, 43), как и ниже, 16 след.
- 310 ... влечить жизнь в изгнании. — Имеются в виду потомки жертв сулланских проскрипций.
- 311 ... подлинное безумие. — Ср.: Ю, 107, 1; Ксенофонт, III, 3, 45.
- 312 спешив всех. — Удалив лошадей центурионов и свою. Ср.: Цезарь. Записки о гражданской войне, I, 25, 1.
- 313 ... и колоннами. — Имеются в виду ветераны из сулланских колоний. Другое чтение: *sum calonibus*, с войсковыми рабочими, погонщиками.
- 314 ... встал рядом с орлом. — См. примеч. 173.
- 315 ... страдавший болезнью ног. — Скорее всего, это был только предлог. Ср. 21, 3; 26, 1; 4; Дион Кассий, 37, 39, 4.
- 316 ... Марку Петрею. — Легат Помпея с 54 г. В 49 г. сражался против Цезаря под Илердой в Испании. После поражения помпеянцев под Тапсом покончил с собой.
- 317 ... ввиду угрожающего положения. — *Tumultus*, положение чрезвычайной опасности для государства: граждан поголовно призывали к оружию, слушание дел в суде приостанавливалось (*iustitium*); войну начинали без предварительных действий фециалов. См.: Цицерон. Против Катилины, III, 4; Филиппики, V, 31; VIII, 3.

- ³¹⁸ ... *легат, претор*. — Римская военная иерархия: трибуны военные (шестеро) командовали легионом по очереди; легат — заместитель командующего войском; претор — старинное название главнокомандующего. См. примеч. 29.
- ³¹⁹ ... *легковооруженные смогли завязать сражение*. — Лучники и пращники.
- ³²⁰ ... *преторскую когорту*. — Отряд личной охраны полководца. Она составлялась из отборных солдат; кроме того, в нее входили его «спутники» (*comites, contubernales, amici*) — молодые люди, желавшие сделать военную карьеру, а также писцы, гаруспики, врачи, вольноотпущенники. См. примеч. 29.
- ³²¹ ... *пограбить*. — Солдаты победившей стороны собирали оружие побежденных; оружие павшего полководца доставалось полководцу-победителю (*spolia optima*, см. примеч. 108). Сражение под Писторией произошло в начале января 62 г.

ЮГУРТИНСКАЯ ВОЙНА

Война Рима с нумидийским царем Югуртой была в сущности не особенно крупной завоевательной войной, но связанные с ней события в Риме и в Северной Африке сделали ее весьма важной в политическом отношении: она стала исходным пунктом нового подъема демократического движения.

Войне предшествовали следующие события. В 118 г. в Нумидии умер царь Миципса, сын Масиниссы; он оставил наследниками двух родных сыновей, Адгербала и Гиемпсала, и усыновленного им племянника Югурту. Царство было завещано неделимым. Между наследниками начались раздоры, и римский сенат, «опекавший» Нумидию, отправил в Африку консула 118 г. Марка Порция Катона, сына Катона Старшего; он разделил страну между сонаследниками, но Югурта счел себя обиженным.

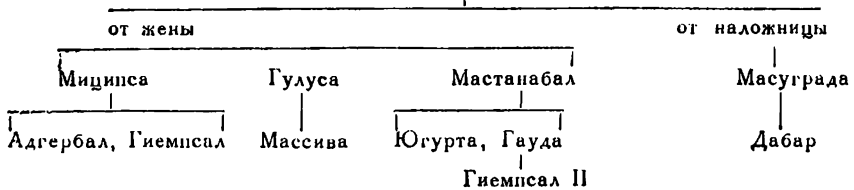
Дальнейшие события изложены у Саллюстия.

- ¹ ... *слабой и недолговечной*. — Частая жалоба древних на краткость человеческой жизни. Ср.: *Гиппократ*. Афоризмы, 1: «Жизнь коротка, путь искусства долог...» (пер. В. И. Руднева); *Сенека*. О краткости жизни.
- ² ... *руководит и правит дух*. — В тексте употреблены военные термины — полководец и император. Ср.: *К*, 1, 2.
- ³ ... *на обстоятельства*. — Ср.: *Сенека*. Письма к Луцилию, 19, 7, 8.
- ⁴ ... *командование*. — См.: *К*, примеч. 5.
- ⁵ ... *в наше время*. — Т. е. после гибели Цезаря, когда в Риме происходила борьба за власть.
- ⁶ ... *ни большего почета*. — Ср.: *Цицерон*. Брут, 281: «Если человек своей доблестью приобретает уважение и преданность граждан, которые его ценят и любят, то это и будет, на мой взгляд, настоящая честь и почесть. Если же человек, пользуясь случаем, захватывает власть против воли сограждан... то это, думается мне, не почет, а одна видимость» (пер. И. П. Стрельниковой).
- ⁷ ... *править родичей или родными*. — Реминисценция из Платона (Письма, 331 С; Критон, 51 С); ср.: *Цицерон*. К близким, I, 9, 18 (159).
- ⁸ ... *добиваться его благосклонности*. — Имеется в виду домогательство, т. е. борьба за магистратуры. См.: *К*, примеч. 89.
- ⁹ ... *достиг магистратур я*. — См. выше, с. 148 сл.
- ¹⁰ ... *добиться этого не смогли*. — Возможно, намек на Катона, в 52 г. выставлявшего свою кандидатуру в консулы, но не избранного.
- ¹¹ ... *вошли в сенат впоследствии*. — Во время диктатуры Цезаря, а после его гибели — стараниями Марка Антония. Ср.: *К*, 37, 6.
- ¹² ... *от моего досуга*. — См.: *К*, примеч. 13.
- ¹³ ... *Квинт Максим, Публий Сципион*. — Скорее всего, сыновья Луция Эмилиа Павла Македонского, усыновленные: старший — Квинтом Фабием Микимом, младший — Публием Корнелием Сципионом, сыном Сципиона

Африканского Старшего, я получившие имена: Квинт Фабий Максим Эмилиан и Публий Корнелий Сципион Эмилиан.

- ²⁴ ... глядя на изображения своих предков. — Восковые маски предков (*imagines*) хранились в атрии дома; их несли при похоронах. Право на это (*ius imaginum*) имели бывшие курульные магистраты и потомки «новых людей», достигшие курульных магистратур. Ср.: Цицерон. В защиту Мурины, 88; Гораций. Сатиры, I, 6, 17.
- ¹⁶ ... доблести тех, кто их занимает. — Ср. II, 7, 10.
- ¹⁶ ... отпор гордости знати. — Здесь явно выражены политические взгляды цезаря Саллюстия. Ср.: К, 4, 2.
- ¹⁷ ... гражданским распрям. — Имеются в виду Союзническая (Марсийская) война (91—88 гг.) и борьба между Суллой и Марциями, старшим и младшим.
- ¹⁶ Масинисса (238—148), царь восточной Нумидии, был союзником Рима в конце второй Пунической войны. См.: Цицерон. О государстве, VI, 9 след.; О старости, 34.

Родословная нумидийских царей
Масинисса

- ¹⁹ ... прозвище «Африканский». — Публий Корнелий Сципион Африканский Старший (236—184), консул 205 и 199 гг., цензор 199 г. Победитель Ганнибала.
- ²⁰ Сифакс, царь западной части Нумидии, враждовавший с Масиниссой и женившийся на красавице Софонисбе, дочери Гасдрубала, обещанной Масиниссе в жены. Победенный Масиниссой и Гаем Лелием, легатом Сципиона Старшего, Сифакс был взят в плен и украсил собой триумф Сципиона. Софонисбу он отравил, чтобы она не попала в руки римлян. См.: Ливий, 30, 45.
- ²¹ ... умерли от болезни. — По свидетельству Ливия (Эпитома 50), Масинисса оставил власть трем сыновьям — Миципсе, Гулусе и Мастанабалу и посоветовал им довериться при разделе страны Сципиону Эмилиану. После смерти братьев Миципса стал царем всей Нумидии.
- ²² ... оставил частным лицом. — Т. е. лишенным права на престол.
- ²³ Нумантинская война была эпизодом в ряду войн, которые Рим вел в Испании в 154—133 гг. Сципион Эмилиан Африканский взял Нуманцию в 133 г. после продолжительной осады и получил после триумфа прозвище «Нумантинский».
- ²⁴ ... отважного опротчевым. — Ср.: Фукидид, II, 40, 3 (речь Перикла).
- ²⁵ ... увел его в свой шатер. ... — См.: К, примеч 29.
- ²⁶ ... тотчас же усыновил его. ... — Саллюстий допускает неточность: Нуманция пала в 133 г. Миципса умер в 118 г., усыновив Югурту лишь в конце своей жизни. Ср. II, 6.
- ²⁷ ... совсем недавно. — В действительности Югурта возвратился из-под стен Нуманции 15 лет назад.
- ²⁸ ... придан новый блеск. — Во время второй Пунической войны Масинисса, дед Югурты, сражался на стороне Рима.

- ²⁹ ... *славой своей одолел зависть*. — Ср.: Демосфен. III Олинфская речь, 24: «... предки наши единственные из людей оставили славу деяний, недоступную для ненавистников» (пер. С. И. Радцига).
- ³⁰ ... *этой вот правой рукой*. — Правая рука самого Мициппсы или же правая рука Югурты которую Мициппса держит в своей.
- ³¹ ... *взял на руки*. — *Sumere liberos*. Древний римский обычай: глава ветви рода (*pater familias*) брал на руки новорожденного, положенного перед ним на землю, и тем самым признавал его членом семьи. Отвергнутый новорожденный подлежал экспозиции: его относили в уединенное место, где он погибал.
- ³² ... *через усыновление*. — Адопция или адаптация (архаич.), усыновление римского гражданина *sui iuris*, т. е. не находящегося под властью главы ветви рода; см.: К, примеч. 189.
- ³³ ... *разделить сокровища*. — Царские сокровища хранились в разных местах: в Сутуле (37, 2), в Тале (75, 1) и в крепости на р. Мулукке (92, 5); кроме того, в Цирте, столице царства, и в Капсе. См.: Страбон, XVII, 3, 12.
- ³⁴ ... *ближайший ликтор*. — *Lictor proximus*. В Риме ликторы были телохранителями старших магистратов (диктатор, консул, претор, проконсул, пропретор) и шествовали перед ними. Ближайший ликтор шел позади других, т. е. перед магистратом и был его доверенным лицом. Саллюстий переносит в Нумидию римские установления. Ср.: Цицерон. Против Верреса, (II) V, 118 след.
- ³⁵ ... *по всей Африке*. — Имеется в виду римская провинция Африка, основанная после III Пунической войны и включавшая Карфаген и окружающую территорию; ниже она называется Провинцией.
- ³⁶ ... *другого*... — Т. е. Югурты.
- ³⁷ ... *одарить его старых друзей*. — Т. е. друзей по Нумантинской войне; ср. 7 след.
- ³⁸ ... *каких земля выносит*. — Реминисценция; ср.: Плавт. Пуниец, 90:
Бессовестнейший из людей, каких земля
Выносит...
(пер. А. В. Артюшкова).
- ³⁹ ... *союзника и друга римского народа*. — *Socius et amicus populi Romani* — почетное звание, которого римский сенат удостоивал чужеземных царей и правителей; оно обеспечивало им покровительство Рима. Это звание было предоставлено царю Масиниссе за его заслуги перед Римом и перешло к его потомкам.
- ⁴⁰ ... *чем на его счастливую судьбу*. — Намек на то, что Мициппса заключил союз с Римом во время II Пунической войны, когда положение Рима было трудным.
- ⁴¹ ... *величию римского народа*. — *Maiestas populi Romani*. Умаление или оскорбление величия римского народа считалось преступлением (*crimen de maiestate* р. R., *crimen laesae maiestatis*), им могло быть признано любое действие магистрата, якобы нанесшее вред государству: командование войском в битве, закончившейся поражением, самочинное объявление войны, превышение власти. Такие действия карались по суду (в *quaestio repretua de maiestate*). Ср. 24, 10.
- ⁴² ... *вытеснили Сифакса и карфагенян*. — Дел, скорее всего, Гулусса; см. выше, 5, 6.
- ⁴³ ... *нам приказали бы вы*. — Союзники Рима должны были считать его врагов своими врагами.
- ⁴⁴ ... *к кому воззвать?* — Ср.: Цицерон. Об ораторе, III, 214: «Куда мне несчастному обратиться? Куда кинуться? На Капитолий? Но он обгарен кровью брата. Домой? Чтобы видеть несчастную мать, рыдающую и покинутую?» (пер. Ф. А. Петровского).
- ⁴⁵ ... *от помощи сторонних людей*. — Имеется в виду римский сенат.

- ⁴⁶ ... склонился перед противозаконием! — Адгербал, видимо, хочет сказать, что его самоубийство было бы расценено как проявление трусости.
- ⁴⁷ ... скрывать свои пороки. — Марк Эмилий Скавр происходил из древнего патрицианского рода; консул 115 г., затем пожизненно старейшина сената (princeps senatus); в его цензуре была построена дорога (via Aemilia) и мост через Тибр (Эмилиев, или Мульвиев мост). См.: К, 45, 1. Цицерон дает Скавру высокую оценку; см.: Об ораторе, I, 214; Брут, 111 след.; В защиту Мурены, 16; В защиту Сестия 39; 116; О консульских провинциях, 19; В защиту Скавра, passim.
- ⁴⁸ Луций Опимий, консул 121 г., подавил движение Гая Гракха (см. 31, 7; 42). Легаты выехали в Африку, видимо, еще в 117 г. В 109 г. Опимий на основании Мамилиева закона был осужден за получение взятки от Югурты (см. § 3. Намек Саллюстия); умер в изгнании в Диррахии. См.: Цицерон. Против Катиллы, I, 4; IV, 13; К квиритам по возвращении из изгнания, 11; Против Писона, 95; Филиппика VIII, 14.
- ⁴⁹ Подойдя ... пленяет. — Военные термины (aggredi, capere).
- ⁵⁰ ... стала владением Адгербала. — Раздел был произведен в конце 117 г. или в начале 116 г.
- ⁵¹ ... относили Африку к Европе. — Ср.: Гораций. Оды, III, 27, 75; Лукан. Фарсалия, IX, 411; Плиний Старший. Естественная история, III, 5.
- ⁵² ... между нашим морем и Океаном. — Наше море — Средиземное море; пролив — Гадитанский (fretum Gaditanum, fretum Herculeum), соврем. Гибралтар. Океаном древние называли моря, окружающие всю сушу по ту сторону Гадитанского пролива.
- ⁵³ Катабатм (греч.) — спуск, платокорье между Киренаикой и Египтом.
- ⁵⁴ ... книгами царя Гиempсала. — Сочинение Гиempсала II, сына Гауды. По окончании Югуртинской войны римляне сделали Гауду царем Нумидии. Гиempсал вступил на престол в 88 г., был низложен своими подданными, затем восстановлен Помпеем. Его сын Юба, сторонник Помпея, был разбит под Тапсом в 46 г. Сын Юбы, Юба II, был привезен в Рим как пленник и написал там на греческом языке труды, послужившие источником для историков и географов.
- ⁵⁵ ... гетулы и ливийцы. — Первые жили на западе, близ берега Оксана, вторые — на востоке.
- ⁵⁶ ... когда Геркулес умер в Испании. — Имеется в виду финикийско-пуническое божество Мелькарт; его культ был перенесен финикийцами в Испанию и неподалеку от финикийской колонии Гады (Gades, совр. Кадикс) ему было устроено святилище (Hercules Gaditanus). Геракл, почитавшийся греками, по мифу, покончил с собой самоожжением на горе Эте в Фессалии.
- ⁵⁷ ... назвали себя номадами. — Происхождение этого слова неизвестно; римляне переделали Nomades в Numidae.
- ⁵⁸ ... они называют мапаллиями. — Возможно, пунийское слово. Ср. ниже, 46, 5; Вергилий. Георгики, III, 340; Энеида, I, 421.
- ⁵⁹ Африканское море — юго-западная часть Средиземного моря, омывающая северо-западное побережье Африки.
- ⁶⁰ финикийцы. — Их существование засвидетельствовано во II тысячелетии до н. э.; в древнейшие времена они назывались сидонянами. В XI в. Тир приобрел большее значение, чем Сидон. Царем Тира был Пигмалион, которому традиция приписывает основание Карфагена.
- ⁶¹ Гиппон. — Под этим названием было известно два ливийско-финикийских города: Hippo Regius (соврем. Бона, в Алжире) и Hippo Zarytus (соврем. Бизерта, в Тунисе).
- ⁶² Гадрмет. — Соврем. Суса, в Тунисе. Во время II Пунической войны там находилась ставка Ганнибала; во время III Пунической войны город принял сторону Рима. В период гражданских войн в 46 г. был занят помпеянами. Цезарь наложил на него штраф и основал в нем военную колонию.
- ⁶³ Лепта. — Под этим названием было известно два города: Leptis minor

- (соврем. Лемта, к югу от Гадрумета) и *Leptis magna* (соврем. Лебда, см. § 3 и гл. 77).
- ⁶⁴ ...отделяющего Египет от Африки. — Древние считали Египет частью Азии.
- ⁶⁵ ...Кирена, колония фереев. — По преданию, Кирена была основана властителем острова Феры в Эгейском море (соврем. о-в Санторин).
- ⁶⁶ ...Алтари Филенси. — К востоку от *Leptis magna*. См. 79, 5.
- ⁶⁷ ...до самой реки Мулуки. — В своем нижнем течении эта река являлась границей между Мавретанией и Нумидией.
- ⁶⁸ ...что в Риме все продажно. — Ср. 8, 1.
- ⁶⁹ ...Югурта внезапно вторгается. — В действительности это произошло в 113 г., через четыре года после раздела Нумидии. См. 16, 5.
- ⁷⁰ ...у города Цирты. — Цирта (соврем. Константина) находилась в 70 км от берега моря.
- ⁷¹ ...людей, носивших тогу. — Т. е. римских или вообще италийских граждан, находившихся в Африке по торговым делам. Тога отличала их от военных, носивших *sagum* (военный плащ).
- ⁷² ...Югурта окружил город. — Крепость Цирта находилась на скале с отвесными склонами и была доступна лишь с одной стороны.
- ⁷³ ...крытых щитов, башен и разных машин. — Крытый щит (*vinea*) — передвижной деревянный навес, крышу которого покрывали кожей; под ним солдаты подступали к стене города. Башня передвигалась на колесах или катках, иногда имела несколько этажей; в ней был подвешен таран, и здесь собирались солдаты в ожидании штурма. Машинные — имеются в виду метательные. См. 23, 1; 37, 4; 76, 3.
- ⁷⁴ ...троил молодых людей. — *Adulescentes* (или *iuvenes*) — возраст до 45 лет. Это свидетельствует о малом значении, какое сенат придавал данному посольству. Ср. 25, 4 след.
- ⁷⁵ ...воспользоваться правом народов. — *Ius gentium*; естественное право, вытекающее из уз между людьми, право самозащиты. См. примеч. 129.
- ⁷⁶ ...у послов возможности не было. — Этого не допустил Югурта.
- ⁷⁷ ...окружил ... валом и рвом. — Вал состоял из вбитых в землю стволов деревьев с засыпкой землей, выкопанной при рытье рва. Югурта начал осаду крепости. Ср. 76, 2. См. примеч. 73.
- ⁷⁸ ...построил башни и поместил в них бойцов. — После неудачной попытки взять город штурмом. См. 21, 3.
- ⁷⁹ ...меня, союзника и друга римского народа. — См. 14, 2, примеч. 39.
- ⁸⁰ ...жалобы в сенате... — См. 14.
- ⁸¹ ...занимавших высшие должности. — Очевидно, положение начинало внушать опасения, раз были направлены уже не молодые люди (21, 4), а почтенные.
- ⁸² ...старейшина сената. — Т. е. первый в цензорском списке сенаторов. Ср. 15, 4.
- ⁸³ ...прибыв в Утику. — Город на берегу Средиземного моря, к северо-западу от Карфагена. После III Пунической войны главный город римской провинции Африки. Место самоубийства Марка Порция Катона после поражения помпеянцев под Тапсом (46 г.).
- ⁸⁴ ...величие римского народа. — Ср.: Цицерон. Против Верреса, (II) V, 167.
- ⁸⁵ Гай Меммий был избранным плебейским трибуном на 111 г. и должен был приступить к исполнению своих обязанностей 10 декабря 112 г. См.: Цицерон. Брут, 136.
- ⁸⁶ ...на основании Семпрониева закона. — См.: К, примеч. 128. Речь идет о выборах консулов на 111.
- ⁸⁷ Публий Сципион Насика был сыном Публия Корнелия Сципиона Насики, консула 138 г. и противника Тиберия Граха в 133 г. Умер в год своего консулата — в 111 г. См.: Цицерон. Брут, 128.
- ⁸⁸ Луций Бестия Кальпурний. — Плебейский трибун 121 г.; путем плебисцита

- добился возвращения Публия Попилия Лената, изгнанного Гаем Гракхом. См.: Цицерон. Брут, 128. Саллюстий ставит родовое имя после прозвища.
- 89 ... *Бестия запросил сенат.* — Технический термин — *consulere senatum*. Консулы 111 г., вступив в должность 1 января и совершив жертвоприношение Юпитеру Капитолийскому, собрали сенат.
- 90 ... *проступки, какие он может допустить.* — Это дает основание заподозрить у Кальпурния не совсем честные намерения.
- 91 ... *мы говорили выше.* — См. 15, 4. Легатов назначал сенат, но по представлению полководца.
- 92 *Регий* — город на берегу Мессанского пролива (против Сицилии).
- 93 ... *вести с ними переговоры.* — Т. е. с Кальпурнием и со Сквавром.
- 94 *Вага*, или *Вакка* — укрепленный город на границе с Провинцией, торговый центр. См. 47, 1; 69, 3.
- 95 ... *о негодовании, вызванном своими действиями.* — Т. е. казнью Адгербала и защитников Цирты.
- 96 ... *на выборы магистратов.* — На 110 г. Присутствие Кальпурния Бестин было необходимо, так как к тому времени другого консула, Сципиона Насики, уже не было в живых; см. примеч. 87.
- 97 ... *мы говорили выше.* — См. 27, 2.
- 98 ... *квириты.* — Торжественное наименование римских граждан (невоенных), употреблявшееся на сходках при обращении к народу.
- 99 ... *моя преданность государству превышает всего.* — Ср.: Катон Старший. Речь против Сервия Сульпиция Гальбы, фр. 196 Мальк., ORF³.
- 100 ... *последние пятнадцать лет.* — В некоторых рукописях — 12, в других — 20 лет.
- 101 ... *погибли ваши защитники.* — Имеются в виду Тиберий и Гай Гракхи и Марк Фульвий Флакк. Первый погиб в 133 г. (см. § 3), вторые — в 121 г. Ср. 16, 2; 31, 7; 42, 1.
- 102 ... *недрузи в ваших руках.* — Намек на преступные связи Кальпурния и Сквавра с Югуртой.
- 103 ... *ни в сецессии.* — См.: К, примеч. 159.
- 104 ... *стремившегося ... к царской власти.* — См.: К, примеч. 21.
- 105 ... *после убийства ... Марка Фульвия.* — Марк Фульвий Флакк был сторонником реформ Гракхов. В 131 г. был триумвиром по распределению земель (*triumvir agris dandis*); консул в 125 г.; см. примеч. 101.
- 106 ... *их произвол.* — Имеется в виду победивший нобилитет.
- 107 ... *платят дань нескольким знатым людям.* — Ср.: К, 20, 7.
- 108 ... *существуют во всем своем блеске.* — Ср.: Лукреций. О природе вещей. III, 75 след.:
... этот во блеске
Шествует славы своей, привлекая всеобщие взоры
(пер. Ф. А. Петровского).
- 109 ... *а не их добыча.* — Ср. 4, 7.
- 110 ... *власти своих господ.* — Возможно, намек на восстание рабов в Сицилии, подавленное в 132 г. консулом Публием Рупилием. Ср.: Катон Старший. Речь против Квинта Минуция Терма, фр. 58 Мальк., ORF³: «... Рабы — и те весьма тяжело переносят несправедливости. А они, происходящие из знатных родов, наделенные великой доблестью? Что, по нашему мнению, в душе затаили они и таить будут, пока останутся живы?» (пер. В. О. Горенштейна).
- 111 ... *чья руки в крови.* — Снова намек на смерть Гракхов и Фульвия Флакка.
- 112 ... *ваши милости.* — Магистратуры и почетные поручения, предоставляемые римским народом.
- 113 ... *дважды занимали Авентин.* — Имеются в виду сецессии плебса. См.: К, примеч. 159.
- 114 ... *кто предал государство врагу?* — Т. е. Югурте.

- 115 ...осмеливался ему противиться? — Обычные обвинения, какие защитники интересов плебса бросали сенату и оптиматам. Ср. 85 (речь Мария); *К*, 20 (речь Катилины); *История*, рЛ и рМ.
- 116 ...как с союзниками. — Ср. П I, 2, 6.
- 117 ...ваша держава. — В тексте — империй. *Ваш* — так как консула облакали империем куриатские комиции.
- 118 ...быть царем. — Ср. 31, 7. См.: *К*, примеч. 21.
- 119 ...не губите честных. — Ср. *К*, 52, 12 (речь Катона).
- 120 *Луций Кассий Лонгин* был в 111 г. претором, в 107 г. консулом; пал на войне с гальветами.
- 121 ...принятия ... предложений. — В тексте — рогация. Так обозначались внесение законопроекта в комиции, а также и самый законопроект. Его обнародовали (*promulgatio*): для всеобщего ознакомления автор законопроекта выставлял на Форуме доски с его текстом; затем он обсуждался в комициях и происходило голосование. См. примеч. 148.
- 122 ...в самой жалкой одежде... — Так бывали одеты привлеченные к суду и просители. У Югурты все-таки была свита. См.: [*Цезарь*]. *Записки об Александрийской войне*, 67.
- 123 ...казнили как врага. — Казнь царя Югурты «как врага» было бы признано недействительным соглашением о мире, заключенное консулом Кальпурнием Бестией с Югуртой. Ср. 29, 4; *К*, 52, 36; *Цезарь*. *Записки о гражданской войне*, VIII, 38, 5.
- 124 ...представив Югурту собравшимся. — Технический термин: *producere pro rostris*. Таково было право магистрата, создавшего народную сходку.
- 125 ...велел царю молчать. — В силу своего права интерцессии. Интерцессией называлось право магистрата наложить запрет на решение или действия своего коллеги или низшего магистрата, в частности — право плебейского трибуна наложить запрет на любое действие магистрата (кроме диктатора), признанное им противоречащим интересам государства (*intercessio tribunicia*), в том числе и на постановление сената. Интерцессия ограничивалась сферой гражданского законодательства и была возможна лишь в пределах города Рима и не дальше первого мильного камня.
- 126 ...во времена раздоров между царями. — Между Адгербалом и Гиемпсалом с одной стороны и Югуртой — с другой. См. 12 след.
- 127 ...на следующий год после Бестии. — В 110 г. консулами были Спурий Постумий Альбин и Марк (Квинт только здесь) Минуций Руф. Ср.: *Цицерон*. Об обязанностях, III, 109.
- 128 ...Минуцию — Македония. — На основании Семпрониева закона о консульских провинциях. Ср. 27, 3; *К*, примеч. 128.
- 129 ...на основании права народов. — Естественное право, см. примеч. 75. Во времена родового строя — межродовое и межплеменное право, субъектом которого был род или племя. С образованием государства оно разделилось на: 1) внутреннее право римской общины (квиритское право), впоследствии получившее название гражданского, или гражданского права, и 2) право регулировавшее внешние отношения Рима, т. е. международное право, *ius gentium*. Другие его названия: право войны и мира (*ius belli et pacis*), фециальный устав (*ius feciale*). В силу права народов неприкосновенным и неподсудным должен был быть и «спутник» царя Югурты. Ср.: *Цицерон*. О государстве, I, 2.
- 130 ...пятьдесят поручителей из числа своих друзей. — При слушании уголовного дела первая сессия (*actio prima*) состояла в чтении пунктов обвинения и в допросе свидетелей; после этого обвиняемый должен был представить поручителей в том, что он явится ко второму слушанию дела (*actio secunda*).
- 131 ...повеление покинуть Италию. — Согласно другим источникам, Югурта покинул Италию тайно. Ср.: *Ливий*. Перноха 64.
- 132 ...до комиций, время которых приближалось. — Речь идет о выборах консулов на 109 г. Выборы проводил консул текущего года. Они обычно

- венно происходили в середине года, но иногда запаздывали. Ср. 37, 2.
- 138 ... своего брата Авла. — Авл Постумий Альбин был легатом консула; теперь он был облечен империем (*legatus pro praetore*).
- 134 ... препятствовали созыву комиций. — В силу своего права интерцессии.
- 135 ... в январе месяце. — 109 г.
- 136 ... дошел до города Сутула. — Местоположение этого города неизвестно.
- 137 ... центурионов и начальников турм. — Центурионы — младшие офицеры римского легиона, назначавшиеся из числа отличившихся солдат. В легионе было 60 центурионов. Турма — эскадрон в коннице; в легионе конницы было 10 турм.
- 138 ... опасность грозила с двух сторон. — Численное превосходство врага и темнота.
- 139 ... назвали подкупленными. — См. 35, 6.
- 140 ... одна когорта лигурийцев. — Лигурийцы входили в состав вспомогательных войск и сражались в пешем строю.
- 141 ... центурион-примипил. — Точное название: *centurio prior primi pili (= m. p. pili)*; старший центурион легиона.
- 142 ... проведет ... под ярмом. — Наибольший позор для побежденного войска: в землю втыкали два копыя, концы которых соединяли третьим, горизонтальным. Побежденные проходили под этим «ярмом». Луций Квинций Цинциннат, диктатор 458 г., первый провел под «ярмом» эквов в 458 г. См.: *Ливий*. III, 28, 11.
- 143 ... консул Альбин. — Описываемые события должны относиться к февралю 109 г., если Авл потерпел поражение в январе, Спурий Альбин должен был сложить с себя полномочия консула к 1 января; но так как плебейские трибуны в течение всего года препятствовали избранию новых консулов (37, 1 след.), то он в начале 109 г., очевидно, оставался консулом.
- 144 ... союзников и латинян. — Союзниками (*socii*) назывались гражданские общины Италии, заключившие с Римом союзный договор (*foedus*), обязавший их предоставлять Риму вспомогательные войска. Договор мог быть равным (*aequum*) или неравным (*iniquum*). В первом случае союзники были суверенными (их суверенитет все же был ограничен во внешних сношениях); во втором они признавали над собой власть римского народа и теряли самостоятельность. Гражданские общины Латция (*prisci Latini*) были в особом положении: при переселении в Рим (*ius migrandi*) их члены пользовались всеми гражданскими правами. После восстания этих общин против Рима в 340 г. лишь немногие из них сохранили самостоятельность; за их членами осталось лишь право вступать в брак с римскими гражданами (*ius conubii*) и право торговли с правовой защитой (*ius commercii*); прочие общины были превращены в муниципии, т. е. в общины без права голосования (*civitas sine suffragio*), — для тех, кто был римским гражданином. Союзники и латиняне (*populi Latini*) получили полные права римского гражданства только в 90 г., по окончании Союзнической войны, на основании Юлиева закона.
- 145 ... не мог быть заключен. — В 321 г. сенат не утвердил позорного мирного договора, заключенного Спурием Постумием Альбином, дедом Авла, с самнитами после поражения римлян в Кавдинском ущелье, в 137 г. — договора, заключенного Гаем Гостилием Манцином с нумантинцами. Ср.: *Цицерон*. В защиту Бальба, 34; Об обязанностях, III, 109.
- 146 ... вимовало в провинции. — В римской провинции Африке, на основании соглашения между Авлом Постумием Альбином и Югуртой.
- 147 Гай Мамиллий Лиметан — плебейский трибун 109 г., приступивший к исполнению обязанностей 10 декабря 110 г.
- 148 ... утвердил он предложение. — Технический термин — *iubere*, повелеть. Ср.: *Цицерон*. О своем доме, 44; В защиту Планция, 41. См. примеч. 121.
- 149 ... как мы уже говорили. — См. 15, 4; 28, 4.

- ¹⁵⁰ ... три расследователя. — Quaesitor, магистрат, производивший следствие по уголовному делу; магистрат, назначенный как судья по особо важному делу. Так было при суде над Титом Аннием Милоном в связи с убийством Публия Клодия в 52 г.
- ¹⁵¹ ... несколькими годами ранее. — Неточность: Карфаген был разрушен в 146 г., за 36 лет до описываемых событий.
- ¹⁵² ... придают наибольшую ценность. — Ср. 76, 6; К, 36, 4.
- ¹⁵³ ... ни славы, ни господства. — Ср.: К, 7, 6; 10, 1.
- ¹⁵⁴ ... пути к славе и триумфы. — Так как в руках знати было верховное командование, поручавшееся высшим магистратам — диктаторам, консулам, преторам.
- ¹⁵⁵ ... предпочесть истинную славу несправедливому могуществу. — Намек на братьев Гракхов, принадлежавших к знатному Семпрониеву роду. См. 42.
- ¹⁵⁶ ... возвеличили государство. — Это были дед Гракхов, Сципий Африканский Старший герой II Пунической войны, и их отец Тиберий Семпроний Гракх, консул 177 и 163 гг., цензор 169 г., одержавший победы над кельтиберами и сардами.
- ¹⁵⁷ ... убила сначала Тиберия, а затем... Гая. — Ср. 16, 2; 31, 7; 37, 4. Союзники и латиняне владели частью государственных земель (ager publicus) и потому были противниками земельной реформы Тиберия Гракха. Гай Семпроний Гракх был плебейским трибуном в 123—122 гг.
- ¹⁵⁸ ... избранные консулы Метелл и Силан. — Консулы 109 г. Квинт Цецилий Метелл и Марк Юний Силан. См.: К, примеч. 87.
- ¹⁵⁹ ... на основании решения сената. — Senatus auctoritas, постановление сената (senatus consultum), на которое плебейский трибун наложил запрет (интерцессия). См.: Цицерон. Против Писона, 5; К близким, VIII, 8, 5 след. (222). В § 3 говорится об ornatio provinciae, т. е. об отпуске наместнику всего необходимого ему в провинции.
- ¹⁶⁰ ... не склонялся перед богатством. — Ср.: Цицерон. В защиту Бальба, 11; К Аттику, I, 16, 4 (22).
- ¹⁶¹ ... проконсул Спурий Альбин. — Консулат Альбина истек в последний день (29 числа) декабря 110 г., и он мог именоваться только проконсулом. Метелл прибыл в Африку, скорее всего, в мае.
- ¹⁶² ... отсрочка выборов. — См. 37, 2.
- ¹⁶³ ... пока был облечен империем. — Т. е. до приезда Метелла в Африку и до передачи ему войска.
- ¹⁶⁴ ... в постоянных лагерях. — Т. е. в римской провинции; castra stativa, в отличие от castra aestiva, летних временных лагерей, разбивавшихся во время летних походов и военных действий.
- ¹⁶⁵ ... лагерей не укрепляли. — Римский лагерь, как временный, походный, так и постоянный имел форму четырехугольника и ограждался рвом и валом; для устройства последнего солдаты носили в походе палисадины.
- ¹⁶⁶ ... ночных часовых не выставляли. — Ночь (время от захода и до восхода солнца) делилась на четыре равные части. Ночные часовые назывались vigiliae, дневные — excurbiae.
- ¹⁶⁷ ... верно, отпускаясь им казной. — Легионер получал на месяц 4 модия (1 модий = 8,7 л) пшеницы и должен был сам печь для себя хлеб. Стоимость зерна, как и стоимость оружия и одежды, вычитали из его жалованья. В 123 г. Гай Гракх своим законом ввел бесплатную выдачу всего этого. В 109 г. это было отменено законом Юния.
- ¹⁶⁸ Гастаты — тяжеловооруженные солдаты первой линии; они, по-видимому, пользовались некоторыми преимуществами.
- ¹⁶⁹ ... нес пищу и оружие. — Римский солдат в походе нес на себе 15-дневный запас продовольствия, оружие, снаряжение и палисадину для ограждения временного лагеря. Ср.: Цицерон. Tusculanские беседы, II, 37.
- ¹⁷⁰ ... с изъявлением покорности. — Т. е. с ветками оливы и лавра.
- ¹⁷¹ О мапалиях см. 18, 8 и примеч. 58.

- 172 ... *царские префекты*. — Должностные лица. Саллюстий пользуется римскими терминами.
- 173 ... *легат Гай Марий*. — См. 63, 1 след.
- 174 ... *придал трибунам легионов*. — Военные трибуны, старшие офицеры, по шести в каждом легионе.
- 175 ... *префектам когорт*. — Вспомогательных союзных войск. Ср. 38, 6.
- 176 ... *как и первых*. — См. 46, 4.
- 177 ... *турмы и манипулы*. — Говоря о войске варваров, Саллюстий пользуется римскими терминами. Ср. 79, 4.
- 178 ... *повел их на равнину*. — Встретившись с врагом, Метелл сменил походный порядок на боевой: повернул авангард вправо, и мимо него прошли следующие ряды, так что авангард оказался на правом фланге; затем он повернул все свои силы влево. Тем самым его левый фланг оказался впереди. См. 50, 2.
- 179 ... *послал ... легата Рутилия*. — Публий Рутилий Руф был учеником стоика Панэтия и юриста Публия Муция Сцеволы и принадлежал к кружку Сципиона Эмилиана, чьим военным трибуном он был в Нумантинскую войну. Консул 105 г., затем легат Квинта Муция Сцеволы в провинции Азии, где он своей неподкупностью восстановил против себя римских откупщиков. В 92 г. осужден всадническим судом за лихоимство. Жил в изгнании в Смирне. См.: Цицерон. О дружбе, 101.
- 180 ... *позади первых рядов*. — Т. е. позади гастатов, двигавшихся впереди во время похода и оказавшихся теперь на фланге.
- 181 ... *наши передние ряды*. — Т. е. всадников правого фланга.
- 182 ... *нападали на левый и правый фланги*. — В походе на левом фланге находились гриарин, на правом гастаты.
- 183 ... *когорты легионеров*. — Они состояли из римских граждан в отличие от когорт союзников.
- 184 ... *как мы говорили выше*. — См. 49, 1. Бомилькар находился к востоку от Югурты на холме, но со стороны реки и потому мог следить за передвижением Рутилия.
- 185 ... *кроме царских всадников*. — Имеется в виду личная охрана царя.
- 186 ... *из лагеря*. — Т. е. лагеря Метелла.
- 187 ... *молебствия бессмертным богам*. — Всенародные молебствия (supplicationes) устраивались в начале войны, для предотвращения несчастья, а также после победы — как благодарственные (gratulationes). Вначале они были однодневными, в I в. их продолжительность увеличилась до 10, 15, 20 и даже 50 дней. В дни молебствий храмы были открыты и совершались лектистернии, т. е. угощения богов, изображения которых помещали на особые ложа. См.: Цезарь. Записки о Галльской войне, II, 35; IV, 38; VII, 90; Цицерон. О консульских провинциях, 27; Филиппика XIV, 37.
- 188 ... *город ... Зама*. — В северной Африке было два города под этим названием. Здесь, если судить по 57, 1, имеется в виду не то место, где Сципион победил Ганнибала, а будущая столица царя Юбы I, сына Гиемпсала.
- 189 ... *в Сикку*. — Соврем. Эль Кеф, торговый город на пересечении многих дорог.
- 190 ... *после его поражения*. — У реки Мутул. См. 50 след.
- 191 ... *пулями из пращей*. — Эти пули изготовлялись из свинца или из обожженной глины.
- 192 ... *кусками смолистого дерева*. — Ср.: Цезарь. Записки о гражданской войне, II, 11, 2; Ливий, 42, 64, 3.
- 193 ... *из метательных орудий*. — Общее название их — tormenta: катапульты служили для метания стрел и копий, баллисты — для метания камней.
- 194 ... *не завершив ... дела*. — Т. е. не захватив города Замы.
- 195 ... *ворота*. — В римском лагере было четверо главных ворот: двое по концам via praetoria, делившей лагерь по длине на две одинаковые части; они

- назывались *porta decumana* и *porta praetoria*; двое боковых ворот по концам *via principalis*: *porta principalis dextra* и *porta principalis sinistra*.
- 196 ... действующая вперемешку с конницей. — Нумидийцы применили римскую тактику; см. 46, 7.
- 197 ... Но это время... — Т. е. зима 109/8 г.
- 199 ... от суда за убийство Массивы. — В действительности поручителей представил не Бомилькар, а Югурта, который и велел ему покинуть Рим. См. 35, 4 след.
- 199 ... не позаботились о себе сами. — Эвфемизм: намек на возможность восстания.
- 200 ... безоговорочно сдастся сам... — Ранее Югурта говорил только о неприкосновенности своей и своих сыновей. Ср. 46, 2; 47, 3.
- 201 ... двести тысяч фунтов серебра. — Римский фунт — около 327 г.
- 202 ... к нему привели. — Метелл подверг дезертиров жестокой казни: одним отрубили руки, других по пояс закопали в землю после чего солдатам приказали пускать в них стрелы и копья.
- 203 ... назначил Нумидию Метеллу. — На основании Семпрониева закона; ср. 27, 3. В 108 г. Метелл должен был быть проконсулом.
- 204 В это же время... — В начале 108 г.; Плутарх относит это событие к осени 108 г., когда Марий проезжал через Утику, направляясь в Рим, чтобы добиваться консулата. См.: Плутарх. Марий, 7, 88.
- 205 ... детство в Арпине. — Марий родился в 156 г. Арпин попал под власть римлян в 305 г. и был *civitas sine suffragio* (см. примеч. 144); в 188 г. он получил полные права римского гражданства.
- 206 ... на военной службе. — Марий сначала был военным трибуном (см. примеч. 208) у Сципиона Эмилиана под Нуманцией. См. гл. 7 след.
- 207 ... не в занятиях греческим красноречием. — См. 85, 32.
- 208 ... добиваясь от народа должности военного трибуна. — Вначале в римской армии было 24 военных трибуна, по шести на каждый легион, и всех их назначали консулы. В 362 г. трибутные комиции получили право назначать шестерых, с 311 г., на основании закона Атилия—Марция — 16; с 207 г. военные трибуны назначались комициями (*tribuni militum comitiales*). Консулы сохранили право назначать военных трибунов в дополнительно набранные легионы (*tribuni militum rufuli*).
- 209 ... достиг и других магистратур. — Марий был квестором, плебейским трибуном (119 г.), претором (115 г.), пропретором в Дальней Испании.
- 210 ... по справедливости можно отказать. — По смыслу слов Метелла, только знатные имели право быть консулами.
- 211 ... вместе с его сыном. — Сыну Метелла Квинту Цецилию Метеллу впоследствии прозванному Пием, в это время было 20 лет, а самому Марию — 43. Метелл Пий был консулом в 80 г.
- 212 ... внук Масиниссы. — Тем самым Гауда приходился Югурте сводным братом. См. 5, 6.
- 213 ... назначил его вторым наследником. — На случай, если бы его сыновья и Югурта не смогли вступить в права наследства или не оставили сыновей. Саллюстий имеет в виду римские порядки.
- 214 ... рядом с креслом консула. — Курульное кресло полководца, находившееся в его ставке в лагере. Иноземные цари имели право сидеть рядом с консулом или претором, справа от него.
- 215 ... знать была ославлена Мамилевым законом. — См. 40.
- 216 ... от двойной опасности. — Они подвергались нападению с крыш домов и на улицах города. Избиение в Ваге произошло 13 декабря 109 г.
- 217 ... признать человеком подлым и опозоренным. — *Intestabilis*, т. е. недееспособным, лишенным права составлять завещание и быть свидетелем в суде (на основании Законов XII Таблиц). См.: Авл Геллий. VII, 7, 3.
- 218 ... нумидийских всадников. — Их отряд входил в состав римских вспомогательных войск.
- 219 ... в третьем часу. — Около 9 часов утра.

- 220 ... он был только гражданином из *Лауция*. — Несколько необычное выражение, вместо *Latinus civis*. Порциевы законы о провокации (см.: К, примеч. 252) касались только римских граждан. На основании Ливиева закона 122 г., Турпий как латинский гражданин не подлежал наказанию розгами. Ср.: К, 51, 22.
- 221 ... отсылает в Рим. — Это произошло только за десять дней до выборов консулов на 107 г. Марий доехал за два дня и одну ночь до Утики, откуда за четыре дня до Италии. См.: Плутарх. Марий, 8.
- 222 ... известия о *Метелле и Марии*. — См. 65, 4.
- 223 ... мятежные *магистраты*. — Имеются в виду плебейские трибуны.
- 224 *Тит* (в некоторых рукописях — *Гай*) *Манлий Манцин* — плебейский трибун с 10 декабря 108 г. Очевидно, вопрос обсуждался в трибунных комициях.
- 225 ... постановление оказалось теперь недействительным. — В тексте лакуна, перевод — по одной из конъектур. Ср. выше, 62, 10. 107 г. — третий год войны с Югуртой. Своим постановлением поручить ведение войны Марию трибунные комиции признали недействительным назначение Нумидий Метеллу как проконсулу.
- 226 ... лишившись друзей. ... — Друзья (*amici*) царя — его приближенные, советники; технический термин.
- 227 ... к царю *Бокху*. — Царь Мавретании и тесть Югурты.
- 228 ... начальников. — В тексте — префекты. Саллюстий пользуется римским термином.
- 229 ... пятьдесят миль. — Около 74 км.
- 230 ... ошеломлены ... беспримерным фактом. — Т. е. переходом войск Метелла через пустынные местности.
- 231 ... защитил свои работы и работников. — См. 21, 3; 37, 4; примеч. 73.
- 232 ... стену разбивают таранами. — *Agies* — бревно с металлическим наконечником в виде головы барана, подвешенное на канатах; его раскачивали и разбивали им городскую стену; см. примеч. 73.
- 233 ... власть *магистратов*. — Вновь употреблен римский термин.
- 234 ... в качестве префекта. — Эти вспомогательные войска были отправлены из римской провинции Африки.
- 235 *Город Лепта* был основан сидонянами. — Около 1100 г. См. 19, 1.
- 236 ... на самом краю Африки. — Т. е. в ее восточной части. Ср. 19, 3; Лукан. Фарсалия, IX, 363 след.
- 237 ... от слова «тащить». — Греч. *σέρειν*. Очевидно, у Саллюстия игра слов. Название — местного происхождения.
- 238 ... далеко от царской столицы. — Они зависели от нумидийского царя со времени II Пунической войны. Ср. 5, 4.
- 239 ... посвятили алтари братьям *Филенам*. — Они находятся приблизительно в 180 милях от Карфагена и в 80 милях от Кирены. Место получило название «Алтари Филенов».
- 240 ... опоры ... против *Метелла*. — С взятием *Талы* римляне овладели восточной и центральной частями Нумидии.
- 241 ... достиг области *гегулов*. — См. 18, 9; 19, 7.
- 242 ... *Метелл* собрал ... пленных и обозы. — Очевидно, Цирта была взята Метеллом летом 108 г., но Саллюстий нигде не говорит об этом. О Цирте см. 21, 2; 23, 1.
- 243 *полководец*. — Т. е. *Квинт Метелл*.
- 244 ... как мы уже говорили. — См. 73, 7.
- 245 ... кто отслужил свой срок. — Ветераны, так называемые *evocati*, солдаты, которых полководец брал на сверхсрочную службу с их согласия.
- 246 ... расположение народа. — Марий, лично производя набор солдат, отступил от приема их по разрядам на основании ценза и принимал всех являвшихся к нему, в том числе и пролетариев (*capite censi*). См. 86, 2.
- 247 ... до милости, оказанной мне вами. — Т. е. избрание в консулы.
- 248 ... в качестве полководца. — Марий, возможно, намекает на свои несладки с *Квинтом Метеллом*.

- 249 ...спросить у отцов Альбина или Бестию. — Первый, по-видимому, — Спуррий Альбин Максим, консул 148 г. См.: Цицерон. Брут, 94; Плутарх. Марий, 9. Саллюстий умышленно говорит об отцах двух полководцев, потерпевших поражение в войне с Югуртой.
- 250 ...не оставляет во тьме ... их пороков. — Ср.: Ювенал. Сатиры, VIII, 138 след.
Знатность предков самих восстает на тебя и предносит
Яркий светоч твоим постыдным делам и поступкам
(пер. Д. Недовича, Ф. Петровского).
- 251 ...пользуясь чужой доблестью. — Имеется в виду право занимать магистратуры (ius honorum).
- 252 ...копья, флажок, фалеры. — Солдатские награды: почетное копье (hasta) без железного наконечника, флажок (vexillum): пурпурный для пехотинца, синий для моряка; фалеры — металлические бляхи с рельефными изображениями; их прикрепляли к конской сбруе или к панцирю.
- 253 ...другие воинские награды. — Это были браслеты (armillae), ожерелье из крученой золотой или серебряной проволоки (torques) и различные венки (coronae). См.: К, примеч. 32.
- 254 ...не помогла достичь доблести. — Так как сами греки не сохранили своей независимости. Несмотря на это показное пренебрежение к греческой культуре, Саллюстий вставляет в речь Марция р-минисценции из Лисия (§ 4), Демосфена (§ 12), Платона (§ 21, 49). Ср. 63, 3.
- 255 ...у меня нет актера. — В Риме после сирийской войны появился обычай оживлять пирушки игрой актеров, музыкой и пением. См.: Ливий. 39, 6. Там же и о поваре.
- 256 ...человека украшает оружие, не утварь. Ср.: Ливий, 34, 7, 9.
- 257 ...пусть предаются любви, пьянству. — Ср.: К, 11, 6.
- 258 ...альчность, неопытность, высокомерие. — Марий имеет в виду своих предшественников: Кальпурния Бестию, Спурия и Авла Альбинов, Метелла.
- 259 ...беритесь за дела государства. — Ср.: К, 57.
- 260 ...ни гордыня полководцев. — Имеется в виду Квинт Метелл.
- 261 ...слова не придают мужества. — Ср.: К, 58, 1.
- 262 ...недостатком порядочных граждан. — Т. е. состоятельных, из первых пяти разрядов по цензу.
- 263 Лета Публий Рутилий. — См. 50, 1. Примеч. 179. Передача Метеллом войска Марню произошла весной 107 г.
- 264 ...самый радостный прием. — Метелл ожидал враждебного отношения народа. Он справил триумф и получил прозвище «Нумидийский», это произошло только в 106 г., когда истекли полномочия враждебных ему плебейских трибунов (9 декабря 107 г.). Ср.: Цицерон. В защиту Бальба, 11; К Аттику, I, 16, 4 (22); К близким, I, 9, 16 (159); Валерий Максим. II, 10, 1.
- 265 ...у наших союзников. — Т. е. у населения римской провинции Африки. Ср. 13, 4.
- 266 ...бросить оружие. — Armis exiere; технический термин: разбить наголову и обратить в бегство. Ср.: Цезарь. Записки о Галльской войне, III, 6, 3; Ливий, 22, 21, 4.
- 267 ...город Капса. — В юго-восточной части Нумидии.
- 268 ...змея ... возбуждается от жажды. — Был известен вид змей, по-гречески называвшихся дипсадами (δίψα — жажда). Ср.: Лукан. Фарсалия, IX, 609 след.
- 269 ...не как роскошь. — Намек на чревоугодие римлян.
- 270 ...был конец лета. — 107 г.
- 271 ...к городу Лары. — Его развалины находятся в 18 км от Сикки.
- 272 ...к реке Танаис. — Современ. р. Уед эль Дерб в 100 км от Капсы.
- 273 ...ни милостью, ни страхом. — Явное нарушение законов войны: раз город капитулировал, его жители имели право на пощаду; очевидно, Марий

- покарал их, желая показать пример и расположить к себе своих солдат, дав им возможность разграбить город.
- 274 ... волю богов. — Саллюстий пользуется терминами культовыми (nutus, воля божества) и относящимися к гарусициям (portendere — подать знамение). См.: К, примеч. 221.
- 275 ... не менее трудному. — Саллюстий, не сообщив о пребывании войск на зимних квартирах в 107 г., переходит к описанию похода 106 г.
- 276 ... выступление на следующий день. — Этот эпизод приобрел известность. См.: Фронтин. Стратегемы, 3, 8.
- 277 ... приведя в движение «черепашу». — При штурме крепостной стены римские солдаты соединяли над своими головами щиты, так что получалось сплошное прикрытие.
- 278 ... опрометчивость... несмотря на его промах. — Здесь скрытое осуждение действий Мария. Ср. 92, 6; К, 4, 2.
- 279 ... был оставлен в Риме. — Плутарх (Сулла, 3), видимо, ошибается, сообщая, что Сулла прибыл в Африку вместе с Марием. Будущий диктатор Луций Корнелий Сулла, квестор 108 г., стал в 107 г. проквестором Мария, по выбору последнего.
- 280 ... не был достаточно беспристрастен в своих суждениях. — Т. е. высказывался благоприятно для Суллы. Луций Корнелий Сисенна, один из защитников Верреса в 70 г., написал историю Нумантинской войны и борьбы между Марием и Суллой. См.: Цицерон. О законах, I, 7; Брут, 228; Веллей Патеркул, II, 9.
- 281 ... к знатному патрицианскому роду. — Были и плебейские ветви Корнелиева рода. Слово nobilis (знатный) означает, что член ветви рода был курульным магистратом. Корнелий, который первым получил прозвище «Сулла», достиг лишь претуры.
- 282 ... мог бы вести себя более достойно. — Сулла был женат несколько раз.
- 283 ... или более счастлив. — Наемк на прозвище Felix, которое Сулла присоединил к своему имени после победы в гражданской войне. Это было отражение эллинистического учения о харизме, т. е. благоволения богов. Сулле будто бы покровительствовала Венера, поэтому по-гречески он называл себя Эпафродитом. См.: Плутарх. Сулла, 34. Ср.: рЛ, 20.
- 284 ... говорить... о них то ли стыдно, то ли тягостно... — Имеются в виду проскрипции 82 г., приведшие к гибели многих людей, и жестокая диктатура Суллы.
- 285 ... в трудах. — Имеются в виду строительство лагеря и осадные работы.
- 286 ... при дурном честолюбии. — Саллюстий противопоставляет поведение Суллы поведению Мария в отношении Метелла. См. 65, 5.
- 287 ... десятая часть дня. — Т. е. до темноты оставалось чуть больше часа (день делился на 12 часов).
- 288 ... на зимние квартиры. — Т. е. в Провинцию; имеется в виду зима 106/5 г.
- 289 ... консул. — Точнее, проконсул. То же и ниже, 101, 2; 102, 1; 103, 4; 104, 2; 109, 1.
- 290 ... во главе своей турмы. — Эскадрон личной охраны. Ср.: К, 60, 5; 64, 4.
- 291 Вот и окончился день. — В подлиннике начало дактилического гексаметра. Ср. 5, 1 (спондеический гексаметр).
- 292 ... смену ночной стражи. — Ночь делилась на четыре стражи по три часа каждая; при смене часовых подавался сигнал трубой.
- 293 ... когорт, турм и легионов. — Первые два термина относятся к союзным вспомогательным войскам, третий — к римской армии.
- 294 ... в боевом порядке. — Agmen quadiatum (= agmen munitum, 46, 6) с конницей и легковооруженной пехотой по всем четырем сторонам колонны тяжеловооруженных войск и обозов.
- 295 ... не изменив строя. — См. 100, 1 след. Таким образом, Марий мог дать отпор врагу, с какой бы стороны он ни появился.
- 296 ... в первом сражении. — Ср. гл. 97 след.

- 297 ... по праву войны. — В действительности эту часть Нумидии Югурта обещал Бокху в награду за его участие в войне против Рима. См. 97, 2 след.
- 298 ... лишенные знаков своего достоинства. — Т. е. в таком же виде, в каком Югурта приезжал в Рим будто бы для капитуляции. См. 33, 1.
- 299 ... оставил в качестве пропретора. — Тем самым Сулла был облечен империем и был вправе принимать послов. Ср. 36, 4; 37, 3.
- 300 ... претора Луция Беллениа. — Очевидно, претор римской провинции Африки; он находился в Утике, Сулла и посланцы Бокха — недалеко от Цирты.
- 301 ... предложения Бокха. — Для этого был созван военный совет.
- 302 ... в сопровождении Гнея Октавия Русона. — Очевидно, квестор 105 г.
- 303 ... когда заслужит их». — Намек на то, что Бокх должен выдать Югурту римлянам. Ср. 83, 1.
- 304 ... пелинская когорта с легким вооружением — Пелигны — италийская народность (их главный город — Корфиний). они давали Риму вспомогательные войска. Легковооруженные имели: небольшой круглый щит (parmа), кожаный шлем (galea), короткий меч (gladius hispaniensis) и несколько дропиков (hasta velitaris).
- 305 ... из-за болезни. — См.: Плутарх. Сулла, 46.
- 306 ... невзрачее тело. — Ср.: Ксенофонт. Воспитание Кира, III, 45.
- 307 ... один пойдет вместе с Суллой. — Сулле должна была сопровождать его охрана.
- 308 ... своим представителем. — В тексте — orator, в древнейшее время так обозначался посол.
- 309 ... посла Югурты. — Т. е. Аспара.
- 310 ... пунийской верностью. — Провербиальное выражение: вероломство (Punicа fides). Ср.: Цицерон. В защиту Скавра, 42; Об обязанностях, I, 38; Ливий, 21, 4, 9; Валерий Максим, 5, 1, ext. 6, 7, 4, 4.
- 311 ... частному лицу. — Т. е. Сулле.
- 312 ... клянусь Геркулесом. — Чисто римская клятва в устах у мавра Бокха.
- 313 ... я некогда нуждался в помощи. — Имеется в виду поражение, которое потерпел Бокх. См. 97, 5.
- 314 ... для защиты своих границ. — Имеется в виду часть Нумидии, о которой говорилось выше, 102, 13.
- 315 ... на определенных условиях. — Т. е. без безоговорочной капитуляции.
- 316 ... доставил его Марию. — Это произошло в конце лета 105 г. После триумфа Мария Югурта был заключен в подземную камеру Мамертинской тюрьмы, где его уморили голодом.
- 317 ... поражение от галлов. — В октябре 105 г. консул Гней Манлий Максим и проконсул Квинт Сервийий Цепион потерпели поражение от кимвров в Нарбонской Галлии под Араузионом.
- 318 ... заочно избирают в консулы. — Это был второй консулат Мария (104 г.). Проконсулат в Галлии ему был назначен на 103 г. согласно Семпрониеву закону.
- 319 ... надежды . . . связывали с ним. — В 102 г. Марий одержал победу над кимврами под Аквами Секстиевыми и в 101 г. над тевтонами при Верцеллах. Ср.: Цицерон. О Манилиевом законе, 60.

ИСТОРИЯ

I. Речь консула Лепида к римскому народу

Марк Эмилий Лепид, отец одноименного триумвира 43 г., в 86 г. был влиятельным; впоследствии примкнул к Сулле и разбогател в 82 г., во время проскрипций; в 81 г. был пропретором в Сицилии и разграбил провинцию. После отказа Суллы от диктатуры (79 г.) Лепид, которому грозил суд за лихонство (de repetundis) в Сицилии, перешел, чтобы избавиться от него, на сторону популяров. В 79 г. он выставил свою кандидатуру в консулы на

78 г. и, несмотря на противодействие Суллы, при поддержке молодого Гнея Помпея был избран в консулы вместе с оптиматом Квинтом Лутацием Катулом. Лепид должен был стать проконсулом Нарбонской Галлии, Катул — проконсулом Цисальпийской Галлии. Резкость речи, которую ему приписывает Саллустий, дает основание относить ее ко времени после смерти Суллы или, во всяком случае, после его отказа от диктатуры.

Речь входит в состав I книги «Истории» (I, 55, 1—27).

- ¹ ... перед тиранией Луция Суллы. — Тиранией называлась форма правления, сложившаяся в VII—VI вв. в древнегреческих полисах. Она возникала в результате захвата власти лицом, принадлежавшим к знати, но действовавшим от имени народа. Впоследствии тирания стала предметом ненависти знати. В Риме ее приравнивали к «царской власти».
- ² ... потомки Брутов, Эмилиев, Лутациев. — Имеется в виду: Луций Юний Брут, один из инициаторов изгнания царей; Эмилии — древний патрицианский род (его ветви: Лепиды, Павлы, Скавры); Квинт Лутаций Катул, коллега Гая Марии по консулату 102 г., оптимат.
- ³ ... от Пирра, Ганнибала, Филиппа и Антиоха. — Перечисляются главные соперники Рима в III—II вв. Война с эфирским царем Пирром происходила в 280—275 гг. Ганнибал угрожал существованию Рима во время II Пунической войны; был разбит в 202 г. при Заме Сципионом Старшим. Войны с македонским царем Филиппом V велись в 215—205, 200—197 и 171—167 гг., с сирийским царем Антиохом III — в 192—188 гг.
- ⁴ ... горе-Ромул. — Scaevus Romulus, Ромул навыворот: поскольку Сулла хотел изменить государственный строй, оратор дает ему столь карикатурную характеристику.
- ⁵ ... чем жизнь. — Имеется в виду Корнелиев закон о проскрипциях.
- ⁶ ... снятые с вас доспехи. — Spolia opima. См.: К, примеч. 108.
- ⁷ ... досуги при свободе. — Otium cum libertate. См.: К, примеч. 13.
- ⁸ Какие человеческие законы уцелели? — Сулла отменил законы о дешевом отпуске зерна римскому плебсу (последним из них был закон Гая Гракха 122 г. — lex Sempronia (frumentaria).
- ⁹ ... правосудие. — Имеется в виду судебный закон Суллы (lex Cornelia iudiciaria). См.: К, примеч. 187.
- ¹⁰ ... могилы, оскверненные кровью сограждан. — Имеется в виду казнь Марка Мариа Гратидиана, по приказанию Суллы совершенная Катилиной у пидгробия Лутациев. См.: Кв. Цицерон. Краткое наставление..., 10; Валерий Максим, IX, 2, 1.
- ¹¹ ... пиценец Веттий. — Луций Веттий в 62 г. выдавал людей, причастных к заговору Катилины, и даже обещал представить записку, будто бы написанную Цезарем Катилине. В 59 г. он был причастен к действительно задуманному или только мнимому покушению на жизнь Помпея; после обсуждения этого дела в сенате он был заключен в тюрьму и там найден мертвым. См.: Цицерон. Против Ватиния, 24; К Аттику, II, 24, 2 (51); Светоний. Божественный Юлий, 17.
- ¹² ... письмоводитель Корнелий. — Один из многочисленных вольноотпущенников Суллы, получивших его родовое имя.
- ¹³ ... добыча, захваченная у кимвров. — В войне 104—101 гг.
- ¹⁴ ... если бы поступали честно. — Т. е. не покупали имущества тех, кто страдал от проскрипций.
- ¹⁵ ... позорище для всех должностей? — Историк Флор (2, 9, 25) сообщает, что Фуфидий отговаривал Суллу от применения жестокостей.
- ¹⁶ ... ниспровергнуть власть трибунов. — Имеется в виду Корнелиев закон о трибунской власти. См.: К, 38, 1, примеч. 183.
- ¹⁷ ... вырвать у себя права и правосудие. — См. примеч. 13.
- ¹⁸ ... на болота и в леса. — Неудобные для жизни местности, отведенные итеранам для основания колоний.

- ¹⁹ ... Сулла шествует в сопровождении такой большой толпы. — Ср.: Ю, 31, 10, примеч. 108.
²⁰ ... паррицидий. — См.: К, примеч. 55.
²¹ ... этой высшей должности. — Т. е. власти консула.

II. Речь Луция Марция Филиппа в сенате

После смерти Суллы (март 78 г.) в Этрурии произошло восстание: в Фезулах население, удаленное со своих земель ради размещения ветеранов Суллы, перебило их и снова заняло свои участки. Сенат поручил консулам Марку Эмилию Лепиду и Квинту Лутацию Катулу подавить это движение. Впоследствии Катул возвратился в Рим; Лепид же не только отказался распустить войска, но, оставаясь в Этрурии, даже усиливал их, принимал в их ряды этрусков, тех, кто был проскрибирован при Сулле, марianцев. Затем он потребовал от сената распространения прав римского гражданства на жителей Цисальпийской Галлии, восстановления прав плебейских трибунов и жертв сулланских проскрипций, а также своего немедленного нового избрания в консулы (см. введение к рЛ).

В 78 г. консулы на 77 г. избраны не были, и этот год начался с «междоусобия» (интеррекс — Аппий Клавдий). Сенат был готов вступить с Лепидом в переговоры. В связи с этим Луций Марций Филипп (консул 91 г., цензор 86 г.) будто бы произнес речь, которую приводит Саллюстий. Лепид был объявлен государственным преступником (*hostis*) и на основании чрезвычайного постановления сената (*senatus consultum ultimum*), консулы и другие магистраты с империем были облечены чрезвычайными полномочиями. Невдалеке от Рима Квинт Лутаций Катул нанес Лепиду сильное поражение и заставил его отступить в Этрурию. Одновременно Гней Помпей осадил в Мутине плебейского трибуна Марка Юния Брута, сторонника Лепида, и принудил его сдаться, а затем казнил. Лепид, потерпевший в Этрурии полное поражение, бежал в Сардинию, где умер летом 77 г., после неудачных военных действий против наместника Луция Валерия Триария. Остатки сил Лепида Марк Перперна привел в Испанию к Квинту Серторию.

Речь входит в состав I книги «Истории» (I, 77, 1—22).

- ¹ ... грабежи. — В 81 г., во время пропретуры Лепида в Сицилии. См. введение к рЛ.
² ... последовал советам Катула. — Имеется в виду консул 78 г. Квинт Лутаций Катул Капитолийский.
³ ... будущи частным лицом. — Хотя Лепид еще был консулом, но, возглавив восстание, он перестал действовать от имени государства.
⁴ ... приспешники Сатурнина. — Имеется в виду движение в пользу наделения земель ветеранов и снижения цен на зерно, возглавленное Луцием Аппулеем Сатурнином, плебейским трибуном 103 и 100 г., и Гаем Сервилием Главцией, претором 100 г. В 100 г. оно было подавлено Гаем Марием на основании чрезвычайного постановления сената (*senatus consultum ultimum*); Сатурнин и Главция погибли. См.: Цицерон. В защиту Гая Рабирия, обвиненного в государственном преступлении, 18 след.
⁵ ... затем Сульпиция. — Плебейский трибун 88 г. Публий Сульпиций Руф, сторонник Мария, предложил законы: 1) о возвращении лиц, изгнанных в 100 г. в связи с движением Сатурнина; 2) об исключении из сената лиц, чьи долги превышали 2000 денариев; 3) о приписке новых граждан из числа италиков ко всем 35 трибам (а не только к 8). После взятия Рима Суллой Сульпиций был убит, Марий бежал в Африку.
⁶ ... Мария и Дамасиппа. — Имеются в виду Гай Марий младший и Луций Юний Дамасипп. См.: К, 51, 32; 34; примеч. 256.
⁷ ... пока еще поддерживающим нас. — Об экономическом значении провинции Авни для Рима см.: Цицерон. О Манилиевом законе, 14.

- ⁸ ... снова приведа войско. — Из этого можно заключить, что Лепид уже в 78 г. подступал к Риму.
- ⁹ ... удерживает у себя чужое. — Ср.: рЛ, 18.
- ¹⁰ ... не отнимали. — Ср.: рЛ, 12.
- ¹¹ ... возвратили трибунскую власть. — См.: К, 38, 1, примеч. 183.
- ¹² ... то есть противозаконно. — Имеется в виду претур Лепида в Сицилии (81 г.).
- ¹³ ... оскорбил своим ... клятвопреступлением! — Лепид отказался возвратиться в Рим и руководить выборами консулов на 77 г. Данная им клятва будто бы была действительна лишь в год его консулата.
- ¹⁴ ... боги-пенаты. — Penales — от слова *penus*, кладовая для съестных припасов. Божества-покровители дома, домашнего благополучия. Почитались также и пенаты римского народа; их алтарь находился в храме богини Весты.
- ¹⁵ ... о влодеяниях Цинны. — Луций Корнелий Цинна, консул 87—84 гг., глава популяров. В 87 г. он захватил Рим и учинил избиение оптиматов. Ср.: К, 47, 2.
- ¹⁶ ... Цетег. — Личность, имевшая дурную репутацию, вначале сторонник Марии и Цинны, затем Суллы. Ср.: Цицерон. Парадоксы стоиков, V, 40.
- ¹⁷ ... колонии ветеранов — Колонии, основанные Суллой. См.: К, примеч. 84.
- ¹⁸ ... чтобы государство не понесло ущерба». — Формулировка *senatus-consultum ultimum*. *Интеррекс* — в эпоху Республики назначавшийся сенаторами на пять дней из числа патрициев временный магистрат; это делалось в случае отсутствия обоих консулов или невозможности их избрать. Он должен был произвести выборы консулов.

III. Речь Гая Котты к римскому народу

В 75 г. (консулат Гая Аврелия Котты и Луция Октавия) общая ситуация была нелегкой: в Испании войну против Сертория вели без особого успеха с 79 г. Квинт Метелл Пий и с 77 г. Гней Помпей, требовавшие помощи; на Востоке царь Митридат готовился к войне с Римом и вел переговоры с Серторием о совместных военных действиях; в Македонии война против соседних северных племен, которую вел Гай Скрибоний Курион, затягивалась; на Средиземном море господствовали пираты, препятствовавшие мореплаванию и снабжению Италии зерном, несмотря на победы Публия Сервилия (78—76 гг.), уничтожившего ряд их опорных пунктов на южном побережье Малой Азии. Население Италии страдало от дороговизны продовольствия и от голода.

Консулы Котта и Октавий вели твердую политику. Они добились осуждения плебейского трибуна Квинта Оппимия, требовавшего возвращения трибунам права интерцессии, отнятого у них Суллой; в то же время Котта провел через сенат два постановления, которые должны были уменьшить дороговизну жизни.

Речь Котты полностью сочинена Саллюстием. Входит в состав II книги «Истории» (II, 47, 1—14).

¹ ... дважды родившись здесь. — Намек на свое возвращение из изгнания в 82 г., после победы Суллы над Марием младшим. В 90 г. Котта удался в изгнание, осужденный на основании Вариева закона о величии римского народа. См.: Ю, примеч. 41.

² ... самым высоким положением. — Имеется в виду консулат 75 г.

³ ... обрекаю и отдаю себя... — *Devotio*, религиозный акт: перед сражением командовавший войском консул, одетый в тогу и без оружия, особой формулой посвящал себя подземным богам; если он погибал в сражении, это означало, что боги приняли его жертву; если он оставался жив, это зна-

чило, что боги ее отвергли, и тогда производилось погребение длинной куклы, а сам консул пожизненно лишался права приносить жертву богам-небожителям. Традиция знает дедовию Дециев Мусов: отца, сына и внука во время войн соответственно с латинянами (340 г.), этрусками (295 г.) и Пирром (279 г.). См.: Цицерон. К квиритам по возвращении из изгнания 1; О своем доме, 64; 145; В защиту Сестия, 48; Тускуланские бедсты, I, 89.

IV. Письмо Гнея Помпея к сенату

В 77 г. сенат поручил Помпею, успешно действовавшему против Лепида, вести войну против Квинта Сертория. С помощью Марка Фонтя Помпей снарядил войско, перешел через Приморские Альпы и, оставив Фонтя в Нарбонской Галлии для обеспечения коммуникаций, весной 76 г. вступил в Испанию. Местные условия оказались трудными, Серторий — отважным и искусным противником. В 75 г. Перперна и Геренний, легаты Сертория, дали сражение Помпею под Валенсией; Валенсия пала, Геренний был убит, Перперна — обращен в бегство. Затем, в сражении у реки Сукрон, Серторий одержал победу над левым крылом войск Помпея, но Афраний, командовавший его правым крылом, захватил и разграбил лагерь Сертория; Серторий, однако, напал на римское войско и рассеял его; положение было спасено Квинтом Метеллом Пием, заставившим Сертория отступить. Впоследствии у реки Турни Серторий дал сражение соединенным силам Метелла и Помпея; войско Помпея потерпело поражение, но Метелл разбил войска Перперны, что и решило исход сражения. После этого римские войска перешли на зимние квартиры.

Саллюстий приводит письмо, с которым Помпей в конце 75 г. будто бы обратился к сенату; оно содержит жалобы на отсутствие снабжения его войска и на трудность его положения. Оно обсуждалось в сенате в начале 74 г., причем консулы Луций Лукулл и Марк Котта позаботились о снабжении войска Помпея и об уплате жалованья его солдатам. Война с Серторием окончилась только в 72 г., после убийства Сертория его легатом Перперной.

Письмо входит в состав II книги «Историй» (II, 98, 1—10).

¹ ... вам даровано спасение. — Гней Помпей, родившийся в 106 г., в возрасте 23 лет набрал на свой счет два легиона и привел их к Сулле; в 82 г. он вытеснил марианца Гая Паприя Карбона из Этрурии, в 81 г. разбил марианца Гнея Домиция Агенобарба и царя Ярбу в Африке.

² ... несмотря на мою молодость. — В 77 г. Помпею было 29 лет.

³ ... брошенного на жесточайшую войну. — В действительности Помпей сам добивался этого назначения. См.: Плутарх. Помпей, 17.

⁴ ... в течение трех лет. — Т. е. в 77—75 гг.

⁵ ... у реки Дурия. — Правильнее р. Турия (соврем. Гвадалквивир).

⁶ ... приморских гражданских общин. — Речь идет об Эмпории, Тарраконе и Сагунте, перешедших под власть римлян.

V. Речь плебейского трибуна Макра к народу

Движение Лепида, правда, удалось подавить, но борьба за отмену сулланского правопорядка продолжалась, в частности за восстановление власти плебейских трибунов, от которой «Сулла оставил лишь видимость без содержания» (Веллей Патеркул, II, 30, 4). Так, в 76 г. трибун Луций (или Гней) Сициний внес соответствующее предложение, но принятию его воспротивился консул Гай Скрибоний Курнион. В 75 г. консул Гай Аврелий Котта предложил отменить эдикт Суллы, запрещавший бывшим плебейским трибунам занимать магистратуры. После смерти Котты (73 г.) консулы Гай Кассий Вар

и Марк Теренций Варрон Лукулл провели закон о раздаче зерна (*lex Cassia Terentia frumentaria*), восстановивший положения Семпрониева закона 122 г. Число получателей зерна было определено в 40 000; им должны были отпускать по 5 модиев (43 л) пшеницы в месяц за плату в $6\frac{1}{8}$ асса. Но это не удовлетворило народные массы, которые трибун в своей речи призывает к дальнейшей борьбе против знати.

Речь входит в состав III книги «Истории» (III, 48, 1—28).

- ¹ ... плебс ... уходил от отцов-сенаторов. — Имеются в виду сецессии.
- ² ... располагая лишь видимостью магистратуры. — Имеется в виду закон Суллы с трибунской власти (*lex Cornelia de tribunicia potestate*). Ср.: К, 38, 1 и примеч. 183; рЛ, 23.
- ³ ... из совлеченных с вас доспехов. — См.: К, примеч. 108.
- ⁴ ... Гай Аврелий Котта. — Консул 75 г., см.: рК.
- ⁵ ... Луций Сициний. — Плебейский трибун 76 г. См. введение.
- ⁶ ... жестокий Катул. — Квинт Лутаций Катул Капитолийский, консул 78 г., оптимат.
- ⁷ ... в год консулата Брута и Мамерка. — Консулат Марка Юния Брута и Мамерка Эмилия Лепида Ливиана (77 г.). Имеется в виду движение Лепида.
- ⁸ ... ни в чем не повинного трибуна. — См. примеч. 5.
- ⁹ ... Лукулл против Луция Квинкция. — Луций Лициний Лукулл был консулом в 74 г., Луций Квинкция — тогда же плебейским трибуном. Ср.: Цицерон. В защиту Клуенция, 110.
- ¹⁰ ... наступательное оружие. — *Telum*. Неточность автора: плебейский трибунал был создан для защиты интересов плебса, и трибуны получили право оказывать помощь (*ius auxilii*). Ср.: Ливий, II, 33, 1.
- ¹¹ ... патрицианскую магистратуру. — Плебс получил доступ к консулату в 367 г., на основании закона, проведенного плебейскими трибунами Гаем Лицинием Столоном и Луцием Секстием Латераном (закон Лициния—Секстия). По этому закону один из консулов должен был быть плебеем.
- ¹² ... удержали патриции. — Первоначально постановление центурнатских комиций утверждалось сенатом (*patrum auctoritas*). С 339 г., на основании закона, проведенного первым диктатором-плебеем Квинтом Публием Филоном, оно должно было получать предварительное одобрение сената; так как в сенате к тому времени большинство составляли плебей, это одобрение свелось к формальности. См.: Ливий, VIII, 12, 14 след.
- ¹³ ... чтобы вы более не отдавали им своей крови. — Имеется в виду отказ от военной службы.
- ¹⁴ ... уцелевших изгнанников. — Имеются в виду сторонники Мария Младшего, находившиеся в войске Квинта Сертория.
- ¹⁵ ... закон о зерне. — См. введение.
- ¹⁶ ... когда пребывали в страхе. — В связи с восстанием Сертория в Испании.
- ¹⁷ ... никто не посягает на ваши спины. — Имеется в виду неприкосновенность личности римского гражданина, гарантированная Порциевым законом (*lex Porcia de tergo civium*). См.: К, примеч. 252.
- ¹⁸ ... при раздорах между могущественными людьми. — Имеется в виду движение Лепида в 78—77 гг.
- ¹⁹ ... дарят магистратами... в провинциях. — Имеется в виду набор в войска.

VI. Письмо Митридата

Письмо, сочиненное Саллюстием, относится к событиям третьей войны Рима с понтийским царем Митридатом VI Евпатором (74—64 гг.). После первых успехов — вторжения в Каппадокию, вторичного захвата Вифинии — Митридат столкнулся с сильным противником в лице Луция Лициния Лу-

кулла, который нанес ему сильное поражение под Кизиком и заставил отступить после тяжелых потерь на суше и на море, а впоследствии и очистить Вифинию. В дальнейшем Митридат потерял свой флот, попавший в бурю. Снова подвергшись нападению, Митридат в 72 г. бежал к своему зятю Тиграну, царю Армении. После неудачных переговоров с Тиграном о выдаче Митридата Лукулл предпринял наступление и в октябре 69 г. нанес Тиграну серьезное поражение под Тигранокертом. Митридат после продолжительной и трудной войны вступил в переговоры о заключении военного союза с парфянским царем Аршаком XII. В это же время Секстилий, посланец Гнея Помпея, старался привлечь Аршака на сторону римлян. Аршак, встревоженный вторжением Тиграна в Месопотамию, предпочел сохранять нейтралитет и впоследствии, в 66 г., после успехов Помпея, перешел на сторону римлян. Письмо входит в состав IV книги «Истории» (IV, 69, 1—23).

- ¹ ... шлет привет царю Аршаку. — Форма обращения, принятая у римлян. Полное имя царя было: Аршак XII Фраат III; первое имя носили все парфянские цари со времени основания династии Аршакидов (256 г.).
- ² ... вызванный последней войной. — Тигран снова занял часть Армении, которую он ранее уступил парфянам.
- ³ ... против македонского царя Филиппа. — В 200—197 гг. Ср.: Цицерон. О старости. 1.
- ⁴ ... пока их теснили карфагеняне. — Во время II Пунической войны.
- ⁵ ... сделав ему уступки в Азии. — Ср.: Ливий, 33, 19, 6; 34, 2.
- ⁶ ... десять тысяч талантов. — В 189 г. царь Антиох III был разбит при Меганезии у горы Сипила. Ливий (38, 38, 13) говорит о 12 тыс. талантов.
- ⁷ ... не давая ему спать. — Македонский царь Персей в 168 г. был разбит под Пидной консулом Луцием Эмилием Павлом и искал спасения в храме на острове Самофракия. По другой версии, он себя обрел на голодную смерть. Ср.: Цицерон. Тускуланские беседы, V, 118; Плутарх. Эмилий Павел, 37.
- ⁸ ... самым жалким из рабов. — Пергамский царь Евмен II правил с 197 по 159 г. Заключив мир с Антиохом, римляне отдали Евмену Фригию, Мисию, Ликаонию и Лидию. Оскорбления — в том, что Евмену был запрещен доступ в Рим. См.: Ливий. Перихоа 46.
- ⁹ Подделав нечестивое завещание. — В 133 г. Аттал III, сын Евмена II, завещал свое царство Риму. Аристоник, побочный сын Евмена II, не признал завещания и поднял восстание рабов (132—130). Восставшие нанесли поражение консулу Публию Лицинию Крассу, который погиб в бою. Премник Красса Перперна разбил восставших при Стратонике (129 г.). Аристоника привезли в Рим, где он был казнен.
- ¹⁰ ... провозгласил царицей. — Вифинский царь Никомед III Филопатор умер в 74 г., завещав свое царство Риму. Провозглашение Нисы царицей давало царские права ее сыну.
- ¹¹ ... начали войну против меня. — Имеется в виду первая война Рима против Митридата (89—84).
- ¹² ... царю Птолею. — Имеется в виду Птолемей, царь Кипра, или же Птолемей VIII Сотер, умерший в 81 г.
- ¹³ ... предав мое войско. — Это обвинение побудило Архелая перейти на сторону римлян. См.: Аппиан. Римская история, XII (Митридат), 64.
- ¹⁴ ... однажды уже подвергшиеся нападению. — Имеются в виду военные действия против критян, поддерживавших пиратов; их в 74 г. начал Марк Антоний, отец будущего триумвира, и вел их неудачно, за что был в насмешку прозван Критским. В 67 г. Крит был завоеван Квинтом Цецилием Метеллом, получившим после своего триумфа прозвище «Критский».
- ¹⁵ ... междоусобицы в Риме. — Борьба между Суллой и Марием.
- ¹⁶ ... возобновил военные действия. — Имеется в виду третья война Рима с Митридатом (74—64). Марк Аврелий Котта был консулом в 74 г.
- ¹⁷ Луку и. Луций Лициний Лукулл, консул 74 г.

- ¹⁶ ... царство Ариобарзана. — Каппадокия. Ариобарзэн был изгнан Митридатом, но по мирному договору 84 г. восстановлен на престоле.
- ¹⁶ ... при нашем личном участии. — Текст испорчен; перевод на основании одной из конъектур.

ФРАГМЕНТЫ

- ¹ Фрагменты (с сохранением нумерации) и пояснительный текст приводятся по изданию: *Maignebrecher V. C. Sallusti Crispi historiarum reliquiae*. Lipsiae, 1891—1893.
- ² В 96 г. царь Птолемей Апион завещал свое царство Риму; впоследствии Кирена стала римской провинцией, к которой в 67 г. был присоединен Крит. См.: Ю, 19, 3; 79, 5, 9, 10.

ИНВЕКТИВА ПРОТИВ МАРКА ТУЛЛИЯ ЦИЦЕРОНА

(вторая половина 54 г.)

- ¹ ... вызвана твоим душевным недугом. — Фраза напоминает начало первой речи Цицерона против Катилины и начало его инвективы против Ватиния.
- ² ... ни меры, ни умеренности. — Ср.: К, 11, 4.
- ³ ... торговать... своим достоинством. — Ср.: Ю, 31, 26; Цицерон. В защиту Сестия, 104.
- ⁴ ... защищает дело государства. — Ср.: Цицерон. Речь в сенате по возвращении из изгнания, 34; О своем доме, 114; В защиту Сестия, 111.
- ⁵ ... из окружения ... Сципиона Африканского. — Ср.: Цицерон. Против Верреса, (II) IV, 79 след. Прославленный муж (*vir clarissimus*) — обычный эпитет консуляра (бывшего консула).
- ⁶ ... ставший гражданином нашего города. — Ср. ниже, 4, 7; К, 31, 7 и примеч. 153; Ювенал. Сатиры, VIII, 237 след.:

Новый, незнатный совсем человек из Арпина, недавно
Всадником бывший простым, повсюду ставит заставы
(пер. Д. Недовича, Ф. Петровского).

- ⁷ ... влечения кою бы то ни было. — Избитая тема для очернения. Ср.: Цицерон. Против Катилины, I, 13; Против Писона, 11; 68 след.
- ⁸ ... в своем безудержном красноречии² — Марк Пупий Писон Кальпурниан был консулом в 61 г. См.: Цицерон. Об ораторе. I, 104; Брут, 310. Та же избитая тема. Ср.: Катулл, 74; 80; 88; 89; 90; Светоний. Божественный Юлий, 49.
- ⁹ ... запятнавшая себя клятвopреступлениями жена. — О жене Цицерона Теренции известно только то, что она не отличалась порядочностью в денежных делах. Ср.: Цицерон. К Аттику, VI, 4, 3 (267); 5, 1 (269).
- ¹⁰ ... чем это допустимо по отношению к отцу. — Избитое обвинение в инцесте (кровосмешение). Ср.: Цицерон. В защиту Целия, 6; В защиту Клауенция, 199. Тулия умерла в 45 г. См. письма к Аттику от 45 г.; К близким, IV, 5 (560).
- ¹¹ ... для себя и своих родных. — Это был дом Публия Лициния Красса, консула 97 г., проскрипта в 87 г., завещанный им сыну, Марку Лицинию Крассу Богатому Луситанскому, у которого Цицерон купил его в 62 г., одолжив 2 млн. сестерциев у Публия Корнелия Суллы. В 58 г., после изгнания Цицерона, дом его был разрушен. См.: Цицерон. К Аттику, I, 12, 1 (17); 13, 6, (19); 16, 10 (22); О своем доме, *passim*; В защиту Сестия, 54; Против Писона, 64.
- ¹² ... не как палач. — Цицерон называл себя стражем Города (*custos Urbis*), См.: Цицерон. О своем доме, 40; 144; Против Писона, 11. О *собрании бессмертных богов* см. ниже, 4, 7.

- ¹⁸ ...когда ты был его стражем! — Саллюстий обвиняет Цицерона в том, в чем тот обвинял консула 58 г. Луция Кальпурния Писона. См.: Цицерон. Против Писона, 8 след.
- ¹⁴ ...на основании Плавциева закона. — См.: К, примеч. 151.
- ¹⁵ ...третий покушал дом — Это мог быть Публий Сулла. См. примеч. 11. Тускульская и помпейская усадьбы обошлись Цицерону дорого. См.: Цицерон К Аттику II, 1, 11 (27).
- ¹⁶ ...осаждать твой дом. — Это были Гай Корнелий и Луций Варгунтей. Такая попытка была сделана 7 ноября 63 г. См.: К, 28, 1 след.; Цицерон. В защиту Суллы, 32.
- ¹⁷ ...ты дознался. — См.: К, примеч. 59.
- ¹⁸ ...ведя дела в суде. — Цинций плебисцит 204 г. запрещал защитникам принимать вознаграждение за ведение дел в суде.
- ¹⁹ ...пролив кровь сограждан и принеся им несчастья? — Явное искажение фактов: в 62 г. процессы катинариев не сопровождалось вынесением смертных приговоров. Ср.: К, 14, 3; П II, 4, 2; Цицерон. О своем доме, 93.
- ²⁰ ...из окружения Марка Красса. — Имеется в виду триумvir 60 г. Отношения между ним и Цицероном были изменчивы. См.: Цицерон. К ближнему, V, 8 (130). В некоторых рукописях говорится не о Крассе, а о Гаем Марии. Бабка Цицерона была теткой Марка Мария Гратидиана, усыновленного братом Гаем Марией. См.: Цицерон. О законах, III, 36; Об обязанностях, III, 67.
- ²¹ ...ничтожнейший человек. — Homo levissimus. Пародия на Цицерона; см. ниже, 4, 7 — ничтожнейший сенатор. Ср.: Цицерон. Речь по делу Квинта Росция, 49; Против Верреса (II) II, 94; III, 84; В защиту Флакка, 46; В защиту Сестия, 22.
- ²² ...наемный защитник в суде. — Mercennarius patronus. См.: И II, 3, 10. Пародия на Цицерона. Ср.: Против Верреса (II) V, 54; В защиту Клаудия, 163; В защиту Сестия, 112; В защиту Флакка, 74; В защиту Фонтя, 32; Против Писона, 49; В защиту Милона, 45.
- ²⁸ ...моим консулатом творимый. — Стих из поэмы Цицерона «О консулате» (60 г.). Его осуждал Квинтилиан, IX, 4, 41; XI, 1, 24. Ср.: Ювенал, X, 122.
- ²⁴ ...подвергся жесточайшей проскрипции. — См.: К, 21, 2; ср.: Цицерон. О своем доме, 43; 93; В защиту Состия, 46; 65; 138; Против Писона, 30; О консульских провинциях, 45.
- ²⁵ ...зависели от твоего произвола. — Тем самым Цицерон достиг «царской власти». См.: К, примеч. 21.
- ²⁶ ...отменив Порцийев закон. — См.: К, примеч. 252. Закон этот был повторен Публием Клодием в 58 г. как lex de capite civis Romani (закон о правах римского гражданина).
- ²⁷ ...языку уступите, о лавры! — Стих из поэмы Цицерона о его консулате (60 г.). В его трактате «Об обязанностях», I, 77, приведен с вариантом: «...ветвь лавра, склонись пред заслугой». Лавровый венок — воинская награда.
- ²⁸ ...кроме лишь обозначения верховной власти. — Цицерон был в 63 г. консулом. Сулла — диктатором без ограничения во времени, на основании Валериева закона 82 г.
- ²⁹ ...Минерва обучила ... всем искусствам. — Ср.: Цицерон. О своем доме, 144.
- ³⁰ ...Юпитер ... допустил в собрание богов. — Ср.: Цицерон. Против Катилины, I, 11; 33; III, 21 след.
- ³¹ ...Италия ... на своих плечах. — Ср.: Цицерон. В сенате по возвращении из изгнания, 39.
- ³² ...Павлов, Фабиев, Сципионов. — Ироническое сопоставление деятельности Цицерона с заслугами выдающихся римлян.
- ³³ Кто имеется в виду, неясно.

- ⁵⁴ ... того преследуешь. — Имеется в виду Помпей, на жизнь которого Цицерон будто бы готовил покушение. Ср.: Цицерон. В защиту Сестия, 41; 133; Против Писона, 76; К Аттику, II, 24, 2 (51).
- ⁵⁵ Кого называл тиранами... — Цезарь, Помпей и Красс. См.: Цицерон. К Аттику, II, 8, 1 (35); 14, 1 (41); 17, 1 (44).
- ⁵⁶ ... дело Ватиния ведешь в суде. — Т. е. в августе 54 г.: Публий Ватиний, цезарианец, был квестором в 63 г., плебейским трибуном в 59 г. См.: Цицерон. К близким, I, 9, 19 (159).
- ⁵⁷ ... о Сестии злословишь. — См.: Цицерон. К брату Квинту, II, 4, 1 (104); Плутарх. Цицерон, 26.
- ⁵⁸ ... Бибула ... оскорбляешь. — Марк Кальпурний Бибул, коллега Цезаря по консулату 59 г., вступил с ним в борьбу из-за его земельного закона. Отстраненный Цезарем от дел, он на основании ауспиций (птицегаданий) объявлял недействительными все мероприятия Цезаря. См.: И II, 4, 12; Цицерон. Брут, 267; К Аттику, II, 24, 3 (51); Светоний. Божественный Юлий, 20. 3 след.
- ⁵⁹ ... больше всего и покоряешься. — Скорее всего, имеется в виду Цезарь.
- ⁴⁰ ... о делах государства ... другое. — Намек на то, что сенаторы сидя слушали прения, затем переходили к сенатору, чье мнение они разделяли (redibus ire in sententiam) (дисцессия).

ПИСЬМА К ГАЮ ЮЛИЮ ЦЕЗАРЮ О ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДЕЛАХ

Второе письмо (сентябрь 50 г.)

- ¹ ... в несчастье... — Возможно, намек на трудности Галльской войны, в частности связанные с восстанием галлов в 54—52 гг. См.: Цезарь. Записки о Галльской войне, VII, 1 след.
- ² ... милости народа. — Имеется в виду избрание на выборах магистратов.
- ³ ... наперекор враждебному тебе консулу. — Скорее всего, Луций Корнелий Лентул Крус, консул 49 г. вместе с Гаем Клавдием Марцеллом, погребовавший, чтобы Цезарь сложил с себя полномочия в Галлии и передал их Луцию Домицию Агенобарбу и Марку Сервилию Новинану. См.: Цезарь. Записки о Галльской войне, VIII, 50; Записки о гражданской войне, I, 9, 4.
- ⁴ ... клику знатных. — Первые политические процессы против сулланцев были: в 77 г. против Гнея Корнелия Долабеллы, в 76 г. против Гая Антония.
- ⁵ ... во время твоей претуры... — События 2—3 января 62 г. мало известны. Претор Цезарь и плебейский трибун Квинт Цецилий Метелл Непот были временно отстранены от магистратур. Непот пытался провести решение о вызове Помпея с войском в Рим; этому воспротивился Катон, тоже бывший трибуном. См.: Плутарх. Катон Младший, 26 след.; Светоний. Божественный Юлий, 14 след.
- ⁶ ... вкладывал оружие в руки врагов. — Намек на войска, набранные Помпеем на Востоке. Оружие может означать также и плебейский трибуна́т (ср.: рМ, 12), врагов — т. е. врагов Цезаря.
- ⁷ ... возможность ... распоряжаться ... правосудием. — Имеются в виду мероприятия Помпея, в 52 г. консула «без коллеги», в частности его судебный закон и закон о соискании магистратур (de ambitu).
- ⁸ ... оставил в рабстве. — Ср. ниже, 5, 5.
- ⁹ ... трем сословиям. — Сенаторам, римским всадникам, эрарным трибунам на основании Аврелиева судебного закона 70 г. Это было подтверждено Помпеевым судебным законом 55 г. См.: Плутарх. Помпей, 32.

- ¹⁰ ...словно они захватили Город. — Автор изображает возможные последствия падения Рима.
- ¹¹ ...по мягкости другого человека. — Возможно, намек на самого Цезаря, не оказавшего противодействия Помпею.
- ¹² ...гражданские распри. — Очевидно, гражданская война между Суллой и Марием.
- ¹³ ...сколько своей милостью. — Преуменьшение жестокостей Суллы подчеркивает жестокость Помпея. Ср.: Плутарх. Сулла, 63 след.
- ¹⁴ ...в угоду Марку Катону, Луцию Домицию... — Марк Порций Катон и Луций Домиций Агенобарб — оптиматы, противники Цезаря, как и Марк Кальпурний Бибул (9, 1). См.: Плутарх. Катон Младший, 41 след.; 51, 2; Светоний. Божественный Юлий, 30, 3.
- ¹⁵ ...сорок сенаторов. — Текст вызывает сомнения. В 52 г. были убиты Публий Клодий и сенатор Гай Вибиен.
- ¹⁶ ...лишить высокого положения одних. — Саллюстий может иметь в виду судебные процессы 52—51 г., а также свое исключение из сената в 50 г., в цензуру Аппия Клавдия.
- ¹⁷ ...гражданских прав — других. — Возможно, имеется в виду осуждение Тита Анния Милона в 52 г., в связи с убийством Публия Клодия.
- ¹⁸ ...укрепить государственный строй. — Ср. высказывание Цезаря в письме Цицерона к Аттику, IX, 7 С, 1 (358).
- ¹⁹ ...на патрициев и плебеев. — Ср.: Цицерон. В защиту Сестия, 96 след.
- ²⁰ ...с присоединением новых граждан. — Имеется в виду расширение прав римского гражданства, в частности предоставление их транспаданцам, и вывод новых колоний. См. 8.
- ²¹ ...милостью одного... — Имеется в виду Цезарь.
- ²² ...Марк Друс... в пользу знати... — Марк Ливий Друс младший, плебейский трибун 91 г., предложил реформу судов (уравнение числа римских всадников и сенаторов) и сената (пополнение сената 300 римскими всадниками), удешевление зерна, отпускаящегося народу, предоставление гражданских прав италийским союзникам. Против этой реформы выступила знать во главе с консулом Луцием Марцием Филиппом. Друс был убит. Вскоре вспыхнуло восстание союзников против Рима, известное под названием Итальянской, или Марсийской, или Союзнической войны (91—88 гг.).
- ²³ ...все представители первого разряда. — Т. е. обладающие состоянием в 100 000 сестерциев. См.: Ливий, 43, 1.
- ²⁴ Ни родосцы... — См.: К, примеч. 246; Цицерон. О государстве, III, 48.
- ²⁵ ...из всех пяти разрядов. — Речь идет о предложенной Гаем Гракхом реформе центурнатских комиций, по-видимому, не осуществленной. О реформе, произведенной Цезарем, см.: Светоний. Божественный Юлий, 40, 2; 76, 5. О промывании см.: Ю, примеч. 121.
- ²⁶ ...от ее коварства. — Имеется в виду стремление нобилитета заставить Цезаря к консульским выборам 49 г. (на 48 г.) явиться в Рим, где его можно было бы привлечь к суду по любому обвинению и тем самым отстранить от соискания должности. См.: Светоний. Божественный Юлий, 30, 3.
- ²⁷ Луций Домиций Агенобарб, консул 54 г., во время гражданской войны был на стороне сената; был взят в плен Цезарем в Корфинии и отпущен им; убит под Фарсалом.
- ²⁸ ...руки в крови. — Преувеличение. Домиций разбегался во время сулланских проскрипций; в его квестуру 66 г. на Форуме происходили кровавые столкновения.

- ²⁹ ...ноги беглеца. — Возможно, имеется в виду бегство Луция Домиция; см. примеч. 27. Это упоминание может указывать на то, что письмо II написано в 49 г.
- ³⁰ ...Марка Катона... — Автор перечисляет главных представителей сенатской оппозиции.
- ⁸¹ Луций Постумий и Марк Фавоний. — О Постумии сведений нет. Фавоний, сторонник Помпея, был помилован Цезарем, в заговоре против Цезаря прямого участия не принимал, в сражении при Филиппах попал в плен к триумвирам и был казнен. Самое имя «Фавоний» не свидетельствует о принадлежности к нобилитету, и упоминание о нем может говорить против подлинности письма. Ср.: Цицерон. К Аттику, VII, 15, 2 (310).
- ³² ...голосование — более тайным. — См. ниже, 5—7. Тайное голосование было введено особыми законами (leges tabellariae): Габиниев закон 139 г. ввел тайное голосование при выборах магистратов. Кассиев закон 137 г. — в суде по уголовным делам, Папириев закон 131 г. — при законодательстве. При голосовании в урну опускали табличку, т. е. навощенную дощечку с соответствующей надписью.
- ³³ ...введены в сенат недавно. — В подлиннике insiticia. «Новые люди», вошедшие в сенат после курульной магистратуры; возможно, имеются в виду senatores pedarii. См.: Светоний. Божественный Юлий, 41.
- ³⁴ ...сколько судей будет в каждом суде. — В это время, на основании Аврелиева закона 70 г., было три декурин судей (сенаторы, римские всадники и эрарные трибуны) по 300 человек в каждой; городской претор, который вел так называемый album iudicum, в каждом отдельном случае составлял суд на основании этого списка судей.
- ³⁵ ...покорителя галльских племен. — Это указывает на то, что письмо могло быть написано в 51 или 50 г.
- ⁸⁶ ...порхать на устах у всех народов. — Ср.: Энний. Эпиграммы, фр. 17 след. Фален²:

Не почитайте меня ни слезами, ни похоронным
Воплем. Зачем? Я живой буду порхать на устах
(пер. В. И. Модестоза).

Ср.: Цицерон. Тускуланские беседы, I, 34; О старости, 73.

- ⁸⁷ ...из-за болезни. — Возможно, намек на эпилепсию, которой страдал Цезарь.
- ⁸⁸ ...когда умолкнут хулители. — Ср.: Демосфен. Речь о венке, 315: «Кто же из всех решительно людей не знает, что к живым таится — большая или меньшая — зависть, к мертвым же никто уже даже из врагов не питает ненависти?» (пер. С. И. Радцига).

Первое письмо (лето 46 г.)

- ¹ Аппий Клавдий Слепой, цензор 312 г., консул 307 и 296 гг. Речь идет о составленном им сборнике изречений. Жизнь... доказала — т. е. победа Цезаря.
- ² ...добр и милосерден. — Намек на часто прославляемое милосердие (clementia) Цезаря.
- ³ ...сколько удачливым. — Имеется в виду Помпей. О противопоставлении удачливости мудрости ср.: Цицерон. О природе богов, III, 88; К Аттику, VII 21, 1 (318); VIII, 11, 2 (341).
- ⁴ ...иными тесными узами. — Это — Катон, Домиций, Бибул, тесть Помпея

- Квинт Метелл Сципион, Квинт Катул. *Несправедливость* была совершена по мнению помпейцев.
- ⁵ ... *власть скорее сурова, чем долговечна.* — Имеется в виду: 1) существование государства как цель правителя, 2) жизнь самого правителя, любимого или ненавидимого. Ср.: Цицерон. О государстве, III, 34.
- ⁶ ... *убийство Домиция, Карбона, Брута.* — Гней Домиций Агенобарб, консул 94 г., сторонник Марии, в 82 г. начал в Африке военные действия против сулланцев; был разбит и казнен. Гней Папирий Карбон, плебейский трибун 96 г., консул 85 и 84 гг., мариянец, бежал в Африку, где был казнен Помпеем. Марк Юний Брут, плебейский трибун 83 г., отец заговорщика против Цезаря, в 78 г. сдался Помпею, осажденный им в Модене, и был им казнен.
- ⁷ ... *умоляли о пощаде.* — Это были, например, Марк Перперна, казненный в 72 г. по приказанию Помпея, Квинт Валерий Соран, казненный Помпеем после дружеского приема и беседы.
- ⁸ ... *в государственной усадьбе?* — Villa publica. Она находилась в южной части Марсова поля (Фламиниев луг). Там производился набор солдат и ценз, там же помещали иностранных послов, которых не хотели впускать в пределы городской черты, и полководцев, притязавших на триумф; очевидно, там же держали и приговоренных к смерти.
- ⁹ ... *разорение домов!* — Имеются в виду жестокости после победы Суллы.
- ¹⁰ ... *из вас двоих.* — Имеются в виду Помпей и Цезарь.
- ¹¹ ... *все ... возникшее погибает.* — Ср. ниже, 13, 6; Лукреций, V, 238:

Все состоит целиком из рожденного смертного тела
(пер. Ф. А. Петровского).

- ¹² ... *размеры его имущества.* — После II Пунической войны был издан ряд законов, ограничивавших роскошь в быту, в том числе и Юлиев закон 46 г.
- ¹³ ... *заботился о себе.* — Сбережение имущества считалось долгом римлянина.
- ¹⁴ ... *мудрые ведут войну ради мира.* — Ср.: Платон. Государство, 470 С след.
- ¹⁵ ... *забавишься ... удержишь ... упрочишь.* — Три основы милосердия (clementia) политического деятеля, в представлении Саллюстия.
- ¹⁶ ... *другими произведениями искусства.* — Ср.: К, 13. Роскошь осуждал уже Катон Старший; см. фр. 185 Мальк. ORF³: «Я могу сказать, чьи усадьбы и здания тщательнее построены, отделаны туей и слоной костью и имеют пунийские мозаичные полы». Цицерон тоже покупал статуи и гермы для украшения своих усадеб; см.: Цицерон. В защиту С. Росция, 133; К Аттику, I, 5, 7 (2); 6, 2 (1); 8, 2 (4); 9, 2 (5).

[МАРК ТУЛЛИЙ ЦИЦЕРОН].

ИНВЕКТИВА

ПРОТИВ ГАЯ САЛЛЮСТИЯ КРИСПА

- ¹ ... *окутал густым мраком.* — О предках Саллюстия сведений нет.
- ² ... *пожар в стенах Города?* — Ср.: Цицерон. Против Катилины, II, 48; В защиту Сестия, 31.
- ³ ... *считаешь для меня славным?* — Неясный намек; возможно, имеется в виду выступление Цицерона против Суллы, например в речи в защиту Секста Росция.
- ⁴ ... *благодаря их завещаниям!* — В соответствии с обычаем, Цицерон не раз получал наследства от своих друзей. См.: К Аттику, II, 20, 6 (47); VI, 9, 2 (281); XIII, 46, 3 (667); Филиппика II, 40.
- ⁵ ... *тол вакханалий в государстве.* — Имеется в виду трибунат Публия Клодия с 10 декабря 59 г. по 9 декабря 58 г.

- ⁶ ... не вступал к нему [в кабалу]. — Метафора; имеется в виду *pechum*. *Addisere* — технический термин. См.: К, примеч. 157.
- ⁷ ... как торжества мира. — Имеются в виду попытки Цицерона примирить Цезаря и Помпея, делавшиеся им перед началом гражданской войны. См.: К Аттику, VII, 3, 4 (293); 5, 4 (295); 6, 2 (296); IX, 11 А (365).
- ⁸ ... высшей властью над тобой. — *Patria potestas*. См.: К, примеч. 189.
- ⁹ ... все, чего захотелось бы другому. — Ср. ниже. 6. 17; И I, 1, 2.
- ¹⁰ ... нечестивое сообщество Нигидия. — Имеется в виду философ Публий Нигидий Фигул. Ему приписывали занятия астрологией.
- ¹¹ ... в совершенном им прелюбодействе. — Ср. ниже, 21.
- ¹² Аппий Клавдий Пульхр, и Луций Кальпурний Писон Фруги были цензорами в 50 г.
- ¹³ ... после ... составления списка сенаторов. — Так называемый *dilectus senatus* или *lectio senatus*. Имеется в виду исключение Саллюстия из сената в 50 г.
- ¹⁴ ... все подонки государства. — *Sentina*. Имеется в виду лагерь Цезаря.
- ¹⁵ ... предоставив ему квестуру. — Это произошло в 48 г. См. ниже, 8, 21.
- ¹⁶ ... за 1 200 000 сестерциев. — О сделке с Цезарем, позволившей Саллюстия избежать суда за лихоимство, упоминается только здесь.
- ¹⁷ ... сады, стоявшие огромных денег. — Ср.: Тацит. *Анналы*, XIII, 47; *История*, III, 82.
- ¹⁸ ... дважды справить триумф? — Кто здесь имеется в виду, неизвестно.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН, ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Аборигены, италийское племя *К*, 6, 1
 Авл см. Постумий Альбин
 Аврелий Котта, Гай, консул 75 г. *рК*, 10; *рМ*, 8; *рФ*, 1, 2, 4; фр. II, 42; 47
 Аврелий Котта, Луций, квестор 81 г., претор 70 г. *К*, 18, 5
 Аврелий Котта, Марк, консул 74 г., *пМ*, 13
 Аврелия Орестилла, римская матрона *К*, 15, 2; 35, 3, 6
 Автроний Пет, Публий, квестор 75 г., консул, избранный на 65 г. *К*, 17, 3; 18, 2, 5; 47, 1; 48, 7
 Адгербал, сын царя Миципсы (118—112) *Ю*, 5, 7; 9, 4; 10, 8; 11, 3; 13, 1, 3, 9; 15, 1, 2; 16, 2, 5; 20, 1, 4; 21, 1 след.; 22, 4; 23, 2; 24, 1; 25, 1, 10; 26, 1, 3; 35, 1; 48, 3
 Азия, римская провинция *К*, 2, 2; 11, 5; *Ю*, 17, 3; *рК*, 7; *пМ*, 6, 8, 11
 Аллоброги, галльское племя *К*, 40, 1, 4; 41, 1, 3; 45, 1; 49, 1, 4; 50, 1; 52, 3, 6
 Альбин см. Постумий Альбин
 Алтари Филенов, местность в северной Африке *Ю*, 19, 3
 Альпы *пП*, 4
 Анний, Гай, префект Б. Лепты *Ю*, 77, 4
 Анний Хилон, Квинт, катилитарий *К*, 17, 3; 50, 4
 Анний, Луций, плебейский трибун 110 г. *Ю*, 37, 2
 Антиох III, царь Сирии (241—187) *рЛ*, 4; *пМ*, 6, 8, 11
 Антоний Гибрида, Гай, претор 66 г., консул 63 г. *К*, 21, 3; 24, 1; 26, 1, 4; 36, 3; 56, 4 след.; 57, 4; 59, 4
 Антоний Критский, Марк фр. III, 5—6
 Аппий см. Клавдий
 Аппулей Сатурний, Луций, квестор 104 г., плебейский трибун 103 г. и 100 г. *рФ*, 7
 Апулия, область на юге Италии *К*, 27, 1; 30, 2 след.; 42, 1; 46, 3
 Ариобарзан I, царь Каппадокии (95—63) *пМ*, 15
 Аристоник, побочный сын пергамского царя Евмена II *пМ*, 8
 Армения, царство *пМ*, 15, 21
 Армяне *Ю*, 18, 4, 9
 Арпин, город в области вольсков, родина Гая Марция и Цицерона *Ю*, 63, 3
 «Арпинский» [Цицерон] *И* I, 3, 4; 4, 7
 Арретинская область *К*, 36, 1
 Архелай, полководец Митридата VI *пМ*, 12
 Аршак, парфянский царь *пМ*, 1
 Аспар, нумидиец *Ю*, 108, 1; 109, 1; 112, 1
 Афиняне *К*, 2, 2; 8, 2 след.; 51, 28
 Африка *Ю* 5, 4; 13, 1; 14, 10; 17, 1, 3; 18, 1, 4, 12; 19, 3, 8; 20, 1; 21, 4; 22, 1; 23, 1; 24, 1, 4; 26, 5; 28, 7; 30, 1; 36, 1, 39, 4; 44, 1, 66, 2; 78, 2; 79, 2; 86, 4; 89, 7; 96, 1; 97, 2, 104, 3; Африка Нижняя *И* II, 7, 19
 Африканское море *Ю*, 18, 9
 Африканцы *Ю*, 18, 3
 Бебий, Гай, плебейский трибун 111 г. *Ю*, 33, 2; 34, 1
 Беллен, Луций, претор 106 г. *Ю*, 104, 1
 Бестия см. Кальпурний Бестия
 Бокх, царь Мавретании *Ю*, 19, 7; 62, 7; 74, 1; 80, 3 след.; 6; 81, 1, 4; 83, 1, 3; 88, 5; 92, 5; 97, 1 след.; 101, 5 след.; 8; 102, 2, 5, 12; 103, 2, 7; 104, 1, 3, 5; 105, 1, 3; 106, 1; 107, 2; 108, 1 след.; 109, 4; 112, 2 сл.; 113, 1 след.
 Бомилькар, нумидиец *Ю*, 35, 4 след., 7, 9; 49, 1; 52, 5; 61, 4; 70, 15; 71, 2; 72, 1; 73, 1
 Бруттий, область на юге Италии *К*, 42, 1
 Вага, город в Нумидии *Ю*, 29, 4; 47, 1; 68, 1, 3
 Валенция, город на востоке Испании *пП*, 6

- Валерий Флакк, Луций, претор 63 г., пропретор Азии в 62 г. *К*, 45, 1; 46, 6
- Варгунтей, Луций, сенатор, катилинарый *К*, 17, 3; 28, 1; 47, 1
- Вариний Глабр, Публий, претор 73 г. фр. III, 96; 98
- Ватиний, Публий, квестор 63 г., плебейский трибун 59 г., претор 55 г. *И I*, 4, 7; *И II*, 4, 12
- Веттий, Луций *рЛ*, 17
- Вифиния, область на севере М. Азии *пМ*, 9, 11
- Волукс, сын царя Бокха *Ю*, 101, 5; 105, 3; 106, 1; 107, 2
- Волькаций Тулл, Луций, консул 66 г. *К*, 18, 2
- Вольтурций, Тит, катилинарый *К*, 44, 3 след.; 45, 3 след.; 46, 6; 47, 1; 48, 4; 49, 4; 50, 1; 52, 3
- Габиний Капитон, Публий, катилинарый *К*, 17, 4; 40, 6; 41, 1, 4; 43, 2; 46, 3; 52, 33; 55, 6
- Гадрумет, город на северном побережье Африки *Ю*, 19, 1
- Галлия, римская провинция *К*, 40, 2; 42, 1, 3; 56, 4; 57, 1, 3; 58, 4; *Ю*, 114, 3
- Галлы *К*, 45, 1; 47, 2; 52, 24; 53, 3; *Ю*, 114, 1 след.
- Галльское племя *К*, 40, 1; *П II*, 12, 5
- Гамилькар, гражданин Б. Лепты *Ю*, 77, 1
- Гауда, сводный брат Югурты *Ю*, 65, 1
- Гераклея, город в Понте *пМ*, 14
- Гетулы, племя в северо-восточной Африке *Ю*, 18, 1, 7, 9, 12; 19, 5, 7; 80, 1; 88, 3; 97, 4; 99, 2; 103, 2
- Гиемпсал, сын царя Миципсы *Ю*, 5, 7, 9, 4; 10, 8; 11, 3, 6, 8; 12, 3, 5; 15, 1, 3; 24, 6; 28, 1
- Гиемпсал II, правнук Масиниссы, царь Нумидии *Ю*, 17, 7
- Гиппон, город на северном побережье Африки *Ю*, 19, 1
- Гракс см. Семпроний Гракс
- Греки *К*, 53, 3; *Ю*, 79, 8; 85, 12; *П II*, 9, 3
- Греция *К*, 2, 2; 51, 39; *пМ*, 11
- Гулусса, брат царя Миципсы *Ю*, 5, 6; 35, 1
- Дабар, нумидиец *Ю*, 108, 1; 109, 4; 112, 1
- Дамасипп см. Юний Дамасипп
- Диррахий, город в Илирике *И I*, 4, 7
- Домиций Агенобарб, Гней, претор 97 г., консул 94 г. *П I*, 4, 1
- Домиций Агенобарб, Луций, претор 58 г., консул 54 г. *П II*, 4, 2; 9, 2
- Друс см. Ливий Друс
- Дурий (Турия), река в Испании *пП*, 6
- Евмен II, пергамский царь (197—189) *пП*, 8
- Европа *Ю*, 17, 3
- Египет *Ю*, 19, 3
- Зама, город в северной Африке *Ю*, 56, 1; 57, 1; 60, 1; 61, 1
- Индигеты, племя в Испании *пП*, 5
- Испания *К*, 18, 5; *рФ*, 8
- Испания Ближняя *К*, 19, 1; 21, 3; *пП*, 9
- Италики *Ю*, 26, 1; 40, 2; 47, 1; 67, 3
- Италия *К*, 24, 2; 52, 15; *Ю*, 5, 2, 4; 27, 3 след.; 28, 2, 6; 35, 9; 114, 2; *рК*, 7; *пП*, 7; *П I*, 8, 4; *И II*, 6, 18
- Кабера, город в Понте *пМ*, 15
- Калхедон, город в Понте *пМ*, 13
- Кальпурний Бестия, Луций, плебейский трибун 121 г., консул 111 г. *Ю*, 27, 4; 28, 2, 4, 7; 30, 2, 4; 32, 2; 35, 2; 40, 4; 77, 2 след.; 85, 16
- [Кальпурний] Бестия, Луций, сенатор, катилинарый *К*, 17, 3
- [Кальпурний] Бестия, Луций, плебейский трибун 63 г. *К*, 43, 1
- Кальпурний Бибул, Марк, эдил 65 г., претор 62 г., консул 59 г., проконсул Сирии в 51 г. *И I*, 4, 7; *П II*, 9, 1; *И II*, 4, 12
- Кальпурний Писон, Гай, претор 70 г., консул 67 г., проконсул Трансальпийской Галлии в 66—65 гг. *К*, 49, 1
- Кальпурний Писон, Гней, квестор в Испании в 64 г., катилинарый *К*, 18, 4 след.; 19, 1, 3, 5; 21, 3
- Кальпурний Писон Фруги, Луций, цензор 50 г. *И II*, 6, 16
- Камертская область (Умбрия) *К*, 27, 1
- Капитон см. Габиний Капитон
- Капса, город в Нумидии *Ю*, 89, 4; 91, 3 след.; 97, 1
- Капуя, город в Кампании *К*, 30, 2, 5, 7
- Карбон см. Папирий Карбон

- Карфаген, город в Северной Африке *К*, 10, 1; *Ю*, 18, 11; 19, 2; 41, 2; 79, 5
- Карфагеняне *К*, 51, 6; *Ю*, 5, 4; 14, 8, 10; 19, 3, 7; 79, 1 след., 7 след., 10; 81, 1; *пМ*, 6
- Кассий Лонгин, Луций, претор 111 г., консул 107 г. *Ю*, 32, 1, 5; 33, 1
- Кассий Лочгин, Луций, претор 66 г., катилитарий *К*, 17, 3; 44, 1 след.; 50, 4
- Катабатм, плоскогорье в северной Африке *Ю*, 17, 4; 19, 3
- Катилина см. Сергий Катин
- Катон см. Порций Катон
- Катул см. Лутаций Катул
- Квинций, Луций, плебейский трибун 74 г. *рМ*, 11
- Кизик, город и полуостров во Фригии *пМ*, 14
- Кликиа, область и римская провинция в Малой Азии *рК*, 7
- Кимвры, племя *К*, 59, 3; *рЛ*, 17
- Кир II Старший, царь Персии (559—529) *К*, 2, 2
- Кирена, город в северной Африке *Ю*, 19, 3
- Клавдий Слепой, Аппий, цензор 312 г., консул 307 г. и 296 г. *П I*, 1, 2
- Клавдий, Аппий, нитеррекс 77 г. *рФ*, 22
- Клавдий Пульхр, Аппий, консул 54 г., цензор 50 г. *И II*, 6, 16
- Корнелии Сципионы *И I*, 4, 7; *И II*, 2, 4
- Корнелий Лентул Спинтер, Публий, эдил 63 г., претор 60 г., консул 57 г. *К*, 47, 4
- Корнелий Сисенна, Луций, историк *Ю*, 95, 2
- Корнелий Сулла Счастливей, Луций (138—78) квестор 107 г., претор 93 г., пропретор 92 г., консул 88 г., диктатор 82—79 гг. *К*, 5, 6; 11, 4 след.; 28, 4; 37, 9; 47, 2; 51, 32, 34; *Ю*, 95, 1 след.; 96, 1; 98, 4; 100, 2, 4, 15; 103, 4 след.; 104, 1 след.; 105, 3; 106, 2, 5; 107, 1, 5; 108, 1 след.; 109, 1, 4; 110, 2; 111, 1 след.; 112, 1 след.; 113, 2, 4, 7; *рЛ*, 1, 7, 16, 19; *И I*, 3, 6; *П II*, 3, 6
- Корнелий Сулла, Публий, избранный консул на 65 г. *К*, 18, 3
- Корнелий Сулла, Сервий (отец) *К*, 17, 3
- Корнелий Сулла, Публий (сын Сервия) *К*, 17, 3
- Корнелий Сулла, Сервий (сын Сервия) *К*, 17, 3; 47, 1
- Корнелий Лентул Сура, Публий, претор 75 г., консул 71 г., в 70 г. исключен из сената; претор 63 г., катилитарий *К*, 17, 3; 32, 2; 39, 6; 43, 1; 44, 1, 3; 46, 3, 5; 47, 2 след.; 48, 4; 50, 1; 51, 7; 52, 17, 32; 55, 2, 5; 57, 1; 58, 4
- Корнелий Сципион Насика, Публий, консул 111 г. *Ю*, 27, 4
- Корнелий Сципион Африканский Старший, Публий (236—184), эдил 213 г., консул 205 г. и 194 г., цензор 199 г. *Ю*, 5, 4
- Корнелий Сципион Эмилиан Африканский Нумантинский (Младший), Публий (185—129), консул 147 г. и 134 г. *Ю*, 7, 4; 8, 4; 22, 2
- Корнелий Цетег, Гай, катилитарий *К*, 7, 13; 32, 2; 43, 2 след.; 44, 1; 46, 3; 47, 4; 48, 4; 50, 2; 52, 33; 55, 6; 57, 1
- Корнелий Цетег, Публий *рФ*, 20
- Корнелий Цинна, Луций, претор 98 г., консул 87—84 гг. *К*, 47, 2; *рФ*, 19
- Корнелий, Гай, римский всадник *К*, 17, 4; 28, 1
- Корнелий, писец *рЛ*, 17
- Корнифиций, Квинт, плебейский трибун 69 г., претор 66 г. *К*, 47, 4
- Котта см. Аврелий Котта
- Красс см. Луциний Красс
- Крикс, гладиатор фр. III, 96
- Курий, Квинт, сенатор *К*, 17, 3; 23, 1, 4; 26, 3; 27, 2
- Курнон см. Скрибоний Курнон
- Лакедемоняне *К*, 2, 2; 51, 28
- Лары, город в Нумидии *Ю*, 90, 2
- Латиняне *Ю*, 39, 2; 40, 2; 42, 1; 43, 4
- Лацетания, область в Испании *пП* 5
- Лаций, область в Италии *Ю*, 69, 4; 84, 2; 95, 1; *рЛ*, 12
- Лека см. Порций Лека
- Лентул см. Корнелий Лентул
- Лепид см. Эмилиий Лепид
- Лепта, Большая и Малая, города на северном побережье Африки *Ю*, 19, 1, 3; 77, 1 след.; 79, 1
- Ливий Друс, Марк, плебейский трибун 91 г. *П II*, 6, 3 след.
- Ливийцы, народность *Ю*, 18, 1, 9 след., 12

- Лигурийцы, народность Ю. 38, 6; 77, 4; 93, 2, 4 след.; 94, 2 след.; 100, 2
- Лиметан см. Мамилий Лиметан
- Лициний Красс, Марк (112—53), претор 72 г., консул 70 г. и 55 г., триумvir 60 г. К, 17, 7; 19, 1; 38, 1; 47, 4; 49, 4 след., 7 след.; И I, 3, 4
- Лициний Красс Луситанский Богатый, Публий, консул 97 г., цензор 89 г. И I, 2, 25; И II, 5, 14; 7, 20
- Лициний Лукулл, Луций (117—56), квестор 87 г., эдил 79 г., претор 78 г., консул 74 г. рМ, 11; пМ, 15
- Лициний Лукулл, Публий, плебейский трибун 110 г. Ю, 37, 2
- Лициний Макр, Гай, плебейский трибун 73 г. рМ, passim
- Лициний Мурена, Гай, легат К, 42, 3
- Лонгин см. Кассий Лонгин
- Лукулл см. Лициний Лукулл
- Лутаций Катул, Квинт, консул 78 г., цензор 65 г. К, 34, 3; 35, 1; 49, 1; рФ, 6, 9, 22; рМ, 9
- Мавретания, царство в северо-западной Африке К, 21, 3; 16, 5; 19, 4; 62, 7
- Мавры, народность Ю, 18, 10; 19, 4, 7; 80, 6; 82, 1; 97, 4; 99, 2; 101, 4, 8; 104, 3; 106, 5; 107, 5
- Македония, царство в северной Греции, римская провинция с 148 г. Ю, 35, 3; рК, 7; пМ, 5
- Максим см. Фабий Максим
- Мамерк см. Эмилий Лепид
- Мамилий Лиметан, Гай, плебейский трибун 108 г. Ю, 40, 1
- Манлий, Авл, легат Г. Марня Ю, 86, 1; 90, 2; 100, 2, 4; 120, 15
- Манлий (Маллий), Гай, катилинарий К, 24, 2; 27, 1, 4; 29, 1; 30, 1; 32, 1, 3; 36, 1 след.; 56, 1; 59, 3; 66, 6
- Манлий Максим, Гней, консул 105 г. Ю, 114, 1
- Манлий Манцин, Тит, плебейский трибун 107 г. Ю, 73, 7
- Манлий Торкват, Авл (Тит), консул 340 г. К, 52, 30
- Манлий Торкват, Луций, консул 65 г. К, 18, 5
- Манцин см. Манлий Манцин
- Марий, Гай (157—86), плебейский трибун 119 г., претор 115 г., консул 106 г., 104—100 гг. и 86 г. К, 59, 3; Ю, 46, 7; 50, 2; 55, 5; 8; 56, 3, 5; 57, 1; 58, 5; 60, 5; 61, 1, 3 след.; 65, 3 след.; 73, 2 след., 5 след.; 82, 2 след.; 84, 1, 3 след.; 86, 1, 4 след.; 87, 4; 88, 2; 89, 6; 92, 1, 6; 93, 1, 6 след.; 94, 3 след., 7; 96, 1, 4; 97, 3; 98, 1, 3; 99, 1; 100, 1, 5; 101, 6, 10; 102, 2, 13 след.; 103, 1, 3, 7; 104, 1; 105, 1; 112, 2; 113, 7; 114, 3; рФ, 7
- Марций Рекс, Квинт, консул 68 г. К, 30, 3; 32, 3; 34, 1
- Марций Фигул, Гай, консул 64 г. К, 17, 1
- Марций Филипп, Луций, консул 91 г., цензор 86 г. рФ, passim
- Масинисса (около 238—149), царь Нумидии Ю, 5, 4 след., 7; 9, 2; 14, 2, 6, 18; 24, 10; 35, 1 след.; 65, 1, 3; 108, 1
- Массива, внук Масиниссы, сын Гулуссы Ю, 35, 1, 4, 6; 61, 4
- Массиграда, нумидиец Ю, 108, 1
- Массилия, город в южной Галлии К, 34, 2
- Мастанабал, брат царя Миципсы Ю, 5, 6 след.; 65, 1
- Мемний, Гай, плебейский трибун 111 г., претор 104 г. Ю, 27, 2; 30, 3 след.; 32, 1, 5; 33, 3; 34, 1
- Месопотамия, область между реками Тигром и Евфратом пМ, 21
- Метелл см. Цецилий Метелл
- Мидяне, народность Ю, 18, 4, 9 след.
- Минуций Руф, Квинт, консул 110 г. Ю, 35, 2 след.
- Митридат VI Евпатор Дионис (132—64), царь Понта рФ, 8; рК, 18; пМ, passim
- Миципса, царь Нумидии (148—118) Ю, 5, 6; 6, 2; 7, 2; 8, 1; 9, 1; 11, 2, 5; 13, 1; 14, 1, 9; 16, 2; 22, 2; 24, 3; 65, 1; 110, 8
- Мулука, пограничная река между Нумидией и Мавретанией Ю, 19, 7; 92, 5; 110, 8
- Мурена см. Лициний Мурена
- Мутул, река в Нумидии Ю, 48, 3
- Набдалса, нумидиец Ю, 70, 2, 4; 1, 5
- Насика см. Корнелий Насика
- Нерон см. Клавдий Нерон
- Нигидий Фигул, Публий, претор 58 г., пифагореец И II, 5, 14
- Никомед III, царь Вифинии пМ, 9, 10, 11
- Ниса, царица Вифинии пМ, 9

- Нобилиор см. Фульвий Нобилиор
 Номады, народность Ю, 18, 7
 Нуманция, город в северной Испании Ю, 8, 2; 10, 2; 15, 1; 20, 1; 101, 6
 Нумидийцы Ю, *passim*
 Нуцерия, город в Кампании К, 21, 3
- Октавий Русон, Гней, квестор 105 г. Ю, 104, 3
 Опимий, Луций, претор 125 г., консул 121 г. Ю, 16, 2; фр. II, 42
 Орестилла см. Аврелия Орестилла
- Павел см. Эмилий Павел
 Павлы, ветвь рода Эмилиев И I, 4, 7
 Папирий Карбон, Гней, плебейский трибун 96 г., консул 85—84 гг. П I, 4, 1
 Парий, город на Геллеспонте пМ, 14
 Персей, царь Македонии (179—168) К, 51, 5; Ю, 81, 1; пМ, 7
 Персы Ю, 18, 4 след., 11
 Петрей, Марк, легат Г. Антония К, 59, 4; 60, 1, 5
 Пиренеи пП, 5
 Пирр, царь Эпира (319—272) рЛ, 4
 Писон см. Кальпурний Писон; см. Пулий Писон
- Пистория, город в Этрурии К, 57, 1
 Пиценская область К, 27, 1; 30, 5; 42, 1; 57, 2
 Помпей Великий, Гней (106—48), консул 70 г., 55 г. и 52 г. К, 16, 5; 17, 7; 19, 1 след., 5; 38, 1; 39, 1; рМ, 21 след.; П I, 2, 7; П II, 3, 1; фр. II, 92—93
 Помпей Руф, Квинт, претор 63 г., плебейский трибун 52 г. К, 30, 5
 Помптин, Гай, претор 63 г. К, 45, 1, 4
- Порций Катон (Утический), Марк (95—46), квестор 65 г., претор 54 г., плебейский трибун 62 г. К, 52, 1, 6; 54, 2 след., 5; 55, 1; П I, 4, 2; 9, 3; П II, 4, 2; 9, 3
 Порций Лека, Марк, сенатор, катиланарий К, 17, 3; 27, 3
 Постумий Альбин, Авл, легат Ю, 36, 4; 37, 3; 38, 2, 4, 9; 39, 1; 43, 1; 44, 4; П II, 9, 4
 Постумий Альбин, Спурий, консул 110 г. Ю, 35, 2, 6; 36, 1, 3 след.; 39, 2; 44, 1, 4; 55, 1, 77, 3; 85, 16
 Постумий, Луций П II, 9, 4
 Птолемей IX Александр, царь Египта пМ, 10, 12
 Птолемей Апион, царь Кирены фр. II, 43
- Пуний Писон Кальпурниан, Марк, претор 69 г., консул 61 И I, 1, 2
- Регий, город в юго-западной Италии Ю, 28, 6
 Рекс см. Марций Рекс
 Родосцы К, 41, 5; П II, 7, 12
 Русон см. Октавий Русон
 Рутилий Руф, Публий, претор 118 г., консул 105 г.; в 94 г. легат Квинта Муция Сцевола в провинции Азин Ю, 50, 1; 52, 5 след.; 86, 5
 Руф см. Минуций Руф; см. Помпей Руф
- Саллюстий Крисп, Гай И II, 1 1 след.; 2, 4, 6; 3, 10; 5, 13, 6 15, 17 след.; 8, 21 след.
- Самниты, народность Италии К, 51 38
- Санга см. Фабий Санга
 Сатурнин см. Аппулей Сатурнин
 Секстий, квестор Ю, 29, 4
 Селевкия, город на Тигре пМ, 19
 Семпроний Грах, Гай (153—121), плебейский трибун 123 г. и 122 г. Ю, 16, 2; 31, 7; 42, 1; П II, 2, 1; 8, 1
 Семпроний Грах, Тиберий (162—133), плебейский трибун 133 г. Ю, 31, 7; 42, 1
 Семпрония, римская матрона К, 25, 1; 40, 5
 Сений, Луций, сенатор К, 30, 1
 Сервилий Исаврийский, Публий, консул 79 г. фр. II, 87
 Сервилий Цепион, Квинт, консул 106 г. проконсул 105 г. Ю, 114, 1
 Сергей Катилина, Луций (108—62) К, *passim*
 Серторий, Квинт (123—72), претор 83 г. рК, 6; пП, 5, 9; рМ, 18, фр. II, 92—93; III, 5—6
 Сестий, Публий, плебейский трибун 57 г., претор 55 г. И I, 4, 7; И II, 4, 12
- Сидон, город в Финикии Ю, 78, 1, 4
 Силан см. Турпий Силан; см. Юний Силан
 Сирты (два), заливы на побережье северной Африки Ю, 19, 3; 78, 1, 3
- Сисенна см. Корнелий Сисенна
 Ситтий, Публий, римский всадник К, 21, 3
 Сифакс, царь западной Нумидии Ю, 5, 4; 14, 8
 Сицилия Ю, 28, 6

- Сициний, Луций, плебейский трибун 76 г. *рМ*, 8
- Скавр см. Эмилий Скавр
- Скрибоний Курнон, Гай, плебейский трибун 90 г., консул 76 г. *рМ*, 10
- Спартак, вождь гладиаторов фр. III 96; 98
- Спинтер см. Корнелий Лентул
- Стагилий, Луций, римский всадник, катилинарий *К*, 17 4; 43. 2; 44. 1; 46. 3
- Сукрон река в Испании *пП*, 6
- Сулла см. Корнелий Сулла
- Сульпиций Руф, Публий, плебейский трибун 88 г. *рФ*, 7
- Сура см. Корнелий Лентул
- Сутул, город в Нумидии *Ю*, 37. 3; 38. 2
- Сципион см. Корнелий Сципион
- Тавр, горная цепь в Малой Азии *пМ*, 6
- Тала, город в Нумидии *Ю*, 75. 1 след., 6, 9; 80. 1; 89. 6
- Танаис, река в Нумидии *Ю*, 90. 3
- Тарквиний, Луций, катилинарий *К*, 48. 3, 5 след., 8
- Тарула, сулланец *рЛ*, 21
- Тарацина, город в Лации *К*, 46. 3
- Терейцы, народность *Ю*, 19. 3
- Теренций, Гней, сенатор, претор 62 г. *К*, 47. 4
- Теренция, жена Цицерона *И I*, 2. 3
- Тибур, город в Лации *И II*, 7. 19
- Тигран, царь Армении *пМ*, 3. 13. 15 след.
- Тирмида, город в Нумидии *Ю*, 12. 3
- Тисидий, город в Нумидии *Ю*, 62. 8
- Торкват см. Манлий Торкват
- Транспаданцы *К*, 49. 2
- Троянцы *К*, 6. 1
- Тулл см. Волькаций Тулл
- Туллий Цицерон, Марк (106—43), квестор 75 г., эдил 69 г., претор 66 г., консул 63 г. *К*, 22. 3; 23. 5; 24. 1; 26. 1; 27. 4; 28. 1 след.; 29. 1; 31. 6 след.; 36. 3; 41. 5; 43. 1 след.; 44. 1; 45. 1; 48. 1, 6 8 след.; 49. 1; 51. 35; *И I*, 1. 1 след.; 2. 3; 3. 5 след.
- Турпилий Силан, Тит, префект *Ю* 66. 3; 67. 3; 69. 4
- Турия, река см. Дурий
- Туски, народность *К*, 51. 36
- Умбрен, Публий, вольноотпущенник *К*, 40. 1 след., 4; 50. 4
- Утика, город в северной Африке *Ю*, 25. 5; 63. 1; 64. 5; 86. 4; 104. 1
- Фабии, патрицианский род *И I*, 4. 7
- Фабий Максим Эмилиан, Квинт, претор 149 г., консул 145 г. *Ю*, 4. 5
- Фабий Санга, Квинт *К*, 41. 4 след.
- Фавоний, Марк *П II*, 9. 4
- Фезулы, город в Этруррии *К*, 24. 2; 27. 1; 30. 1. 3
- Фигул см. Марций Фигул; Нигидий Фигул
- Филены, карфагеняне *Ю*, 19. 3; 79. 5. 9 след.
- Филипп III (238—179), царь Македонии *рЛ*, 4; *пМ*, 5 след.
- Финикияне *Ю*, 19. 1
- Флакк см. Валерий Флакк; Фульвий Флакк
- Фламиний (Фламма?), Гай, *К*, 36. 1
- Фракийцы *Ю*, 62. 8
- Фульвий Нобилиор, Марк, катилинарий *К*, 17. 4
- Фульвий Флакк Марк, консул 125 г. *Ю*, 16. 2; 31. 7; 42. 1
- Фульвий, сын сенатора *К*, 39. 5
- Фульвия, римская матрона *К*, 23. 3 след.; 26. 3; 28. 2
- Фурий, Публий, фезуланец *К*, 50. 4
- Фуфидий, центурион Суллы *рЛ*, 22
- Цезарь см. Юлий Цезарь
- Целер см. Цецилий Лентул
- Цепарий, катилинарий *К*, 46. 3 след.; 47. 1, 4; 52. 33; 55. 6
- Цепион см. Сервилий Цепион
- Цетег см. Корнелий Цетег
- Цецилии Метеллы *И II*, 2. 4
- Цецилий Метелл Критский, Квинт, консул 69 г. *К*, 30. 3; фр. II, 45
- Цецилий Метелл Нумидийский, Квинт, консул 109 г., цензор 102 г. *Ю*, 43. 1; 44. 3; 45. 1; 46. 1, 3. 6; 47. 3; 48. 1 след.; 49. 4; 50. 3; 51. 1; 52. 2; 53. 5; 54. 1, 5. 9; 55. 1 след., 8; 56. 2; 57. 2; 58. 4. 7; 61. 1; 62. 4, 10; 64. 1, 4; 65. 2, 4; 66. 2; 68. 1; 69. 1, 4; 70. 5; 73. 1, 3, 5; 74. 2; 75. 2, 5; 76. 1 след.; 77. 1. 3; 80. 1; 91. 2; 83. 3; 86. 5; 88. 1; 89. 6
- Цецилий Метелл Пий, Квинт, консул 80 г. *Ю*, 64. 4; *пП*, 6
- Цецилий Метелл Целер, Квинт, претор 63 г., консул 60 г. *К*, 30. 5; 42. 3; 57. 2
- Цинна см. Корнелий Цинна
- Цирта, город в Нумидии *Ю*, 21. 2; 22. 1; 23. 1 след.; 25. 9; 26. 1; 35.

- 1; 81, 2; 82, 1; 88, 3; 101, 1; 102, 1; 104, 1
- Цицерон см. Туллий Цицерон:
- Эмилини *ρΦ*, 6; *ρΛ*, 3
- Эмилини Павлы: *И I*, 4, 7
- Эмилиий Лепид Маний консул 66 г. *К*, 18, 2
- Эмилиий Лепид Марк консул 78 г. *ρΛ* 27; *ρΦ*, 2 след., 6 след. 14 18 след., 22
- Эмилиий Лепид Ливиан. Мамерк. консул 77 г. *ρM* 10
- Эмилиий Павел Луций консул 50 г. *К*, 31, 4
- Эмилиий Скавр Марк претор 120 г. консул 115 г. *Ю*, 15, 4; 25 4, 10; 28, 4; 29, 2 след., 5; 30 1; 32, 1; 40, 4
- Этрурия *К*, 27, 1; 28, 4; *ρΦ*, 6, 8
- Эфиопы *Ю*, 19, 6
- Юлий Цезарь Гай [100(102)*—44], квестор 68 г., эдил 65 г., верховный понтифик с 63 г., претор 62 г. консул 59 г., 48 г., 46—44 гг., проконсул Галлии в 58—54 гг., диктатор на 10 лет с 46 г., пожизненный диктатор с 44 г. *К*, 7, 4; 49, 1 след. 4; 50, 4 след.; 52 1, 13; 53, 6; 54, 2 след.; *П I* п 11; *И I*, 4, 7, *И II*, 4, 12; 7, 19 след.
- Юлий Цезарь Луций консул 64 г. *К*, 27 1
- Юлий Гай катилинарий *К*, 27, 1
- Юний Брут Децим консул 77 г. *К*, 40, 5; *ρM* 10
- Юний Брут Марк плебейский трибун 83 г. *П I* 4, 1
- Юний Брут Дамасипп Луций претор 82 г. *К*, 51, 32, 34; *ρΦ*, 7
- Юний Силан Децим консул 62 *К*, 50, 4; 51, 16, 18
- Юний Силан Марк консул 109 г. *Ю*, 43, 1

* Дата 102 г. принята Т. Моммзенем в отличие от традиционной 100 г.

СОДЕРЖАНИЕ

О ЗАГОВОРЕ КАТИЛИНЫ	5
ЮГУРТИНСКАЯ ВОЙНА	40
ИСТОРИЯ	
Речи и письма	
I. Речь консула Лепида к римскому народу	106
II. Речь Луция Марция Филиппа в сенате	109
III. Речь Гая Котты к римскому народу	112
IV. Письмо Гнея Помпея к сенату	113
V. Речь плебейского трибуна Макра к народу	114
VI. Письмо Митридата	117
Фрагменты	120
Инвектива против Марка Туллия Цицерона	126
Письма к Гаю Юлию Цезарю о государственных делах	
Второе письмо	129
Первое письмо	136
ДОПОЛНЕНИЕ	
[Марк Туллий Цицерон]. Инвектива против Гая Саллюстия Криспа	142
ПРИЛОЖЕНИЯ	
Гай Саллюстий Крисп	148
ПРИМЕЧАНИЯ	165
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН, ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ	214

ГАЙ САЛЛЮСТИЙ КРИСП
СОЧИНЕНИЯ

Утверждено к печати
Отделением истории Академии наук СССР

Редактор издательства Ф. Н. Арский
Художественный редактор Н. Н. Власик
Технический редактор Ф. М. Хеноз
Корректоры Л. С. Агапова, В. Г. Петрова

ИБ № 22203

Сдано в набор 30.01.81.
Подписано к печати 22.05.81.
Формат 60×90^{1/16}
Бумага типографская № 1
Гарнитура академическая
Печать высокая
Усл. печ. л. 14,1 Уч. изд. л. 17,2
Тираж 150 000. 1-й завод (1—50000) Тил. авт. 106
Цена 2 р 10 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград В-34, 9 линия, 12

2 р. 10 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»